

Russkii

РУССКІЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ПРОФЕССОРА

А. И. СМІРНОВА.

—•••••—

Томъ XLVII.

(Годъ изданія 24-й).

ВАРШАВА.

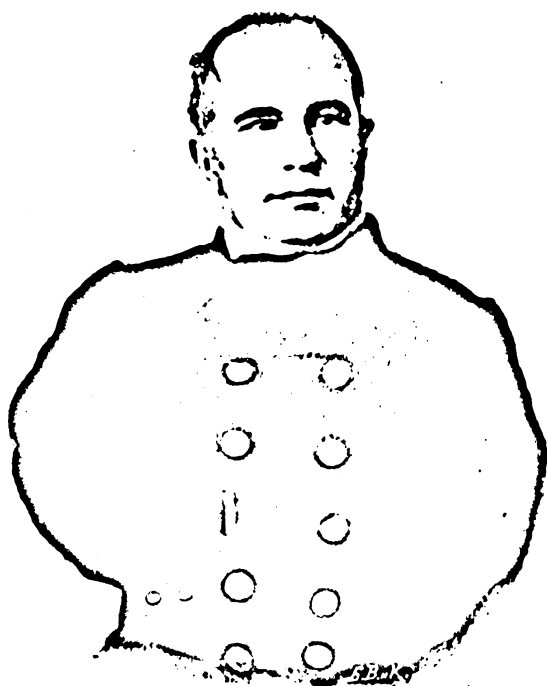
—
ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское-Предмѣстье № 2.

—
1902.

PG
2003
R 92
v. 47

Допущено Цензурой.
Наршава, 1 апреля 1902 года.

~~HT 10
R 92
v. 47-48~~

генерал-лейтенант А. С. Суворов

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЖИТИЙ СВЯТЫХЪ.

*Б. Русскія житія XI—XVII вв. и современныя имъ
направленія русской религіозной мысли.*

(Окончаніе).

Житія послѣ Манарьевскаго времени.

Прочія житія святыхъ, на которыхъ я считаю нужнымъ остановиться, писаны уже послѣ митрополита Макарія, въ концѣ 3-й и въ теченіе послѣдней четверти XVI вѣка, отчасти уже въ XVII вѣкѣ. Эти житія разсмотрѣны В. О. Ключевскимъ очень кратко: „литературное однообразіе житій послѣ Макарія, говоритъ онъ, позволяетъ ограничиться перечнемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ“¹⁾; между тѣмъ и здѣсь среди однообразія можно найти и болѣе или менѣе характерныя различія.

По связи съ разсмотрѣннымъ выше житіемъ Даниїла Переславскаго обращаюсь къ житію его ученика и постриженника, Герасима Болдинскаго († 1554; память 1 мая); оно писано въ концѣ XVI в., но „не позднѣе 1586 г.“, болдинскимъ игуменомъ Антоніемъ, ученикомъ Герасима²⁾, слѣдовательно, подобно большинству житій русскихъ подвижниковъ, писано на мѣстѣ подвиговъ и жизни святаго. Почитатели обоихъ преподобныхъ,

¹⁾ Н. соч., 298.

²⁾ *Климентскій*, 304. Житіе не издано; мнѣ извѣстно (и цитируется) по рукописи Ундольскаго № 600; пересказъ — у *Филарета*, II, 22—29 (1 мая).

Данііла и Герасима, сближали ихъ между собою, переписывалъ вмѣстѣ ихъ житія или другіе, соединенныя съ ихъ именами, памятники (рукопись Ундольскаго № 301: житіе Данііла и „Законъ“ ¹⁾ Герасима).

Въ началѣ житіе говоритъ о происхожденіи Герасима изъ Переяслава, о постриженіи его (13-ти лѣтъ) у Данііла, о благоговѣніи его передъ добродѣтелями послѣдняго и о стремленіи подражать ему (въ монастырѣ Данііла онъ проводитъ 20 лѣтъ). Подвиги и Данііла и Герасима характеризуются, главнымъ образомъ, общими фразами, среди которыхъ все же до известной степени выдвигается идея внѣшняго подвижничества: „такое же его къ богу въ молитвахъ предстояніе и къ невидимымъ врагомъ. въ подвизахъ ополченіе и въ постѣхъ алыба воздержаніе. И лѣтнимъ зноемъ и зимнимъ померзненіемъ буяго и дивнаго зѣбра обуздываше. плоть свою“ (л. 169). Нѣсколько ниже, сказавъ, что борьба и подвиги святаго направлялись не на плоть и кровь, но на невидимыхъ враговъ, что она была „къ началомъ и миродержителемъ вѣка сего“, авторъ опять говоритъ объ этихъ подвигахъ: „всякимъ томленіемъ томаше плоть свою зимъ убо студъ терпаше. въ лѣтное же время зноемъ и варомъ дневнымъ украшая юность свою. Толико же постъ его быше черезъ день, и черезъ два вкушаше но и то пооскуду сна же принимаше, толико елико умъ свой безсоніемъ не погубити. молитва же его къ богу благопротяжна бысть, многожды бо и чрезъ всю ночь даже и до кленанія заутренняго на молитве предстояще, Во дни же повседневными труды умерщвляше вся уды своя“ (л. 170); указываются, стало быть, внѣшніе пріемы борьбы съ невиди-

¹⁾ Рукопись эта писана въ Даниловомъ монастырѣ (гдѣ, стало быть, читли Герасима и интересовались его наставленіями). Послѣ текста „Закона“ слѣдуетъ приписка 1663 года: „сими законъ списалъ азъ дьяконъ прохоръ... данилова монастыря... писано же въ нынѣшнемъ во 171 году“ (срв. Описаніе р-сой Ундольскаго, 227).

мыми врагами. Избѣгая славы, Герасимъ удаляется, съ согласіемъ Даниїла, въ пустыню и послѣ странствій водворяется наконецъ въ Дорогобужской области, въ Смоленскихъ предѣлахъ, среди лѣсовъ, въ мѣстѣ, гдѣ водились лишь змѣи, да было пристанище бѣсовъ и разбойниковъ; описываются его злоключенія отъ окружающихъ его условій, отъ людей, гнавшихъ его, и отъ бѣсовъ ¹⁾; разсказывается о терпѣніи святаго, о пропитаніи его посредствомъ милостыни, между прочимъ о „кузовцѣ“, который онъ повѣсилъ при дорогѣ, и въ который проходившіе благочестивые люди клали для него нищу ²⁾. По

1) Л. 173 об.: „діаволь въ ночи отвѣду и внутрь хижы его въ мѣчты бесовскіи преображаяся всякими видами страшаше блаженнаго овогда показующе мечтанія, лютыми звѣрами претворившися и чревоплѣжными змѣями люте устремившися поглотити хотяще святаго“.

2) О кузовцѣ разсказывается въ житіи нѣсколько подробностей; такъ, говорится, что нѣкоторые прохожіе брали изъ него нищу для себя; если они это дѣлали по нуждѣ, отъ голода, то это проходило безнаказаннымъ, въ противномъ случаѣ они теряли дорогу. Болѣе интересна подробность о вранѣ, который сталъ служить пренодобному, охраняя кузовца и отгоняя похитителей; авторъ, вдаваясь по этому поводу въ благочестивыя размышленія о промыслѣ Божіемъ, сравниваетъ данный случай въ жизни Герасима съ извѣстнымъ эпизодомъ въ жизни древняго „тезоименитаго великаго герасима, глаголю иже на іордани емуже грозныи страшныи звѣрь левъ послужилъ“ (л. 178); мы имѣемъ здѣсь лишній примѣръ того, какъ древне-русскій благочестивый книжникъ, въ частности агіобіографъ, любилъ приравнивать русскихъ святыхъ къ древнимъ святымъ вселенской церкви, особенно тезоименнымъ имъ, видя въ этомъ, очевидно, одно изъ средствъ возвысить и восхвалять первыхъ. И если мы далѣе читаемъ, что нѣкій охотникъ (зовомый Куца) видѣлъ, какъ однажды врану удалось отогнать отъ Герасимова кузовца леопарда, и этотъ „великій звѣрь... не може кузовца оного восхитити ради врана оного пререкыванія отыде бездѣломъ въ пустыню алчущъ“,—то этотъ леопардъ, очевидно, поналъ сюда по смутной памяти о звѣряхъ Палестины, гдѣ жилъ древній Герасимъ, „иже на іорданѣ“. Отмѣчу эту по-

прошествіи двухъ лѣтъ Герасимъ подворяется на новомъ мѣстѣ, Болдинѣ, гдѣ подвизается въ малой келейцѣ, вновь терпитъ гоненія, какъ отъ крестьянъ, такъ и отъ настроеннаго ими царскаго намѣстника, а вскорѣ основываетъ монастырь. По основаніи его онъ отправляется къ царю (великому князю Василию III?); при свиданіи Герасимъ кланяется ему до земли; государь даетъ богатую милостыню на обитель. Подвиги святаго въ этомъ новомъ мѣстѣ жительства характеризуются большею частью общими чертами; между прочими качествами, приписываемыми здѣсь Герасиму, упоминается и его кротость; по рассказываемымъ ниже нѣкоторыя подробности его жизни позволяютъ понимать такое общее опредѣленіе весьма условно. Біографъ, рассказавъ про милостивое отношеніе преподобнаго къ людямъ, укравшимъ монастырскихъ „кюсать сѣнрѣчь жребять“ (л. 190: традиціонный рассказъ, встрѣчающійся нерѣдко; ср. выше), останавливается весьма подробно, съ видимымъ благоговѣніемъ передъ прозорливостью и чудотвореніями Герасима, на эпизодъ его путешествія въ Даниловъ монастырь, съ которымъ, какъ видно, онъ поддерживалъ, по мѣрѣ возможности, связь ¹⁾. Данный эпизодъ (побезъинтересный въ бытовомъ отношеніи) представляетъ преподобнаго въ роли карателя, и довольно суроваго. На пути онъ продолжаетъ свой подвигъ воздержанія, идя нѣшкомъ, тогда какъ три его спутника ѣхали, трое „на единомъ мшати“. Въ одной деревнѣ, черезъ которую они проходили, на нихъ напали собаки, жители же стали смѣяться надъ ними ²⁾; Герасимъ за-

дѣтельность, какъ еще одинъ, хотя и мелкій, случай вліянія греческихъ житій и сказаній на русскія преданія объ одноименныхъ святыхъ.

¹⁾ Ср. выше (по поводу рукописи Ундольскаго № 301) замѣчаніе о почитаніи памяти Герасима въ Даниловомъ монастырѣ въ болѣе позднее время.

²⁾ Л. 191: „невѣгласи же поселяне жители вси тоя стоище гаумляхуся блаженному ругающеся ему, и понужающе ность своихъ“.

прощаетъ, правда, ученикамъ своимъ бранить поселянъ, повторивъ даже кроткія слова Христовы („не браните ихъ, сами бо не вѣдаютъ что творять“), но самъ поступаетъ болѣе сурово, призывая на нихъ наказаніе свыше и обратившись къ поселянамъ со слѣдующими словами: „чада узритѣ, яко пси ваши не отъ плотей нашихъ насытятся но отъ скотъ вашихъ, наполнить чрева своя, да и пси ваши съ ними же погибнуть, сии смѣхъ вашъ обратитца на плачъ вашъ“; любопытно, что тутъ же святому приписывается молитва: „не постави ихъ господи во грѣхъ сего“, и благословеніе, которымъ онъ отвѣчаетъ на камни, брошенные въ него; тѣмъ не менѣе, „по пророчеству святаго изомроша пси скоти пси тоя, и пси ихъ отъ скотъ насытившися, и тѣмъ изомроша“; тогда жители на обратномъ пути иноковъ встрѣчаютъ ихъ со слезами и приносятъ святому раскаяніе; онъ прощаетъ ихъ и преподаетъ поученіе „въ кротости“, „да не кому уничижаютъ иноческіи чинъ, наче же ангельскіи и нищелюбивому быти по силе, елико кому мощно, и никого же обидети, но отъ бога дарованными урочными своими удовольятся въ потребственныхъ, да пакы умножатся скоти ваши наче первого“. Этотъ эпизодъ разсказанъ уже по смерти Герасима его учениками и спутниками. Любопытно соединеніе указаній на кротость Герасима и на его суровость; первое подсказывалось древней традиціей, прежде всего примѣромъ самого Христа въ отношеніи къ личнымъ обидамъ; согласно тому біографъ и говоритъ вообще о кротости святаго; но частныя проявленія его настроенія, не подсказывавшіяся непосредственно этою традиціей, проникнуты другимъ духомъ, духомъ суровости, преслѣдующей если не личную обиду, то грѣхъ оскорбленія иноческаго чина.

И въ дальнѣйшемъ повѣствованіи не разъ разсказываются чудеса карательнаго характера. Такъ, царевъ посланникъ, недовольный на уходъ крестьянъ въ вѣдніе

Вяземскаго Герасимова монастыря ¹⁾, приказывасть воеводѣ брать съ нихъ подати и бьеть ихъ, не взирая на просьбы Герасима, пока его не поражаетъ нечистый духъ, къ общему ужасу; преподобный изгоняетъ бѣса, но виновный остается боленъ ²⁾ и только послѣ усердной молитвы получаетъ исцѣленіе.

За подобныя же поношенія нечистый духъ поражаетъ сына „городоваго прикащика“ въ Дорогобужѣ, Лаврика Соколова (л. 200 сл.), и онъ долго лежитъ больной въ Болдинской обители, пока преподобный, узнавъ объ этомъ, не приходитъ изъ Жиздры (прервавъ постройку тамъ монастыря) и не исцѣляетъ его.

Такимъ образомъ въ воспоминаніяхъ о преподобномъ Герасимѣ видную роль играютъ случаи, когда онъ являлся орудіемъ кары свыше за грѣхи (хотя за карами обыкновенно и слѣдуетъ раскаяніе и прощеніе). Не носитъ такого характера одинъ изъ крупныхъ эпизодовъ житія, рассказъ объ Абрамовскомъ озерѣ, изъ котораго Герасимъ изгоняетъ нечистую силу, возмущавшую озеро и издававшую странные звуки (л. 203 сл.).

Характерною особенностью въ дѣятельности Герасима, по житію, является его стремленіе основывать монастыри: кромѣ главной своей обители, онъ основываетъ еще три: Предтечевъ въ г. Вязьмѣ, въ Брынскомъ лѣсу на р. Жиздрѣ и наконецъ Сверковъ монастырь („иже именуется отъ всѣхъ сверковы луки, на велицѣи рецѣ на днепрѣ“; л. 205 об.); лишь при рассказѣ о второй изъ нихъ указывается, какъ побудительная причина удаленія Герасима въ глухіе Брынскіе лѣса, желаніе уединиться и набѣжать славы человѣческой; причинъ устройства другихъ двухъ обителей не указывается; повидимому,

¹⁾ О монастыряхъ, основанныхъ Герасимомъ, см. нѣсколько ниже.

²⁾ Л. 197: „ослабѣ всѣми уды не можаше двигнути никомже удѣ своимъ, но токмо остави ему богъ на обращеніе его и на покаянiе умъ и языкъ его“.

забота объ учрежденіи и умноженіи монастырей по русской землѣ сама по себѣ представляется важнымъ дѣломъ; такимъ образомъ на видное мѣсто выступаетъ организационный характеръ дѣятельности Герасима: онъ собираетъ учениковъ, учреждаетъ монашескія общины, вводитъ въ нихъ извѣстные порядки и чины, нормы жизни. Въ своихъ поученіяхъ онъ даетъ наставленія касательно порядка жизни въ монастырѣ; онъ оставляетъ своимъ обителямъ и уставъ или „законъ“. Лично руководить духовною жизнью иноковъ всѣхъ своихъ обителей Герасимъ не можетъ уже за дальностью разстояній (Жиздринскій монастырь отстоитъ отъ Болдинскаго на 300 верстъ); лишь изрѣдка навѣщая ихъ, онъ оставляетъ имъ нгумены своихъ учениковъ.

Къ поученіямъ и назиданіямъ Герасима я и обращаюсь, но прежде отмѣчу, что владѣніе селами и управленіе ими, эта административная дѣятельность, хозяйственныя заботы, встрѣчаютъ себѣ въ житіи Герасима полное признаніе. Къ Предтечеву монастырю приходятъ многіе изъ окрестныхъ селъ и дѣлаются монастырскими крестьянами: святой принимаетъ ихъ и благословляетъ „дворы ставити на вселеніихъ окрестъ, обители тоя предтечевы оны же отъ многихъ странъ собравшеся водворяхуся ту“ (л. 195).

Глава „О поученіи духовномъ святаго къ братіи“ (л. 206—207) представляетъ образецъ наставленій, съ которыми обращался къ своимъ ученикамъ преподобный Герасимъ при посѣщеніи основанныхъ имъ монастырей; но это поученіе носитъ самый общій характеръ: святой убѣждаетъ учениковъ не ослабѣвать, не лѣниться, стремиться трудами и подвигами пріобрѣсти царство небесное; это главная мысль поученія, дополняемая нѣкоторыми частными наставленіями: хранить страхъ Божій, память смертную, взаимную любовь, молиться, любить храмъ Божій и чтеніе божественнаго писанія.

Послѣ того біографъ переходитъ къ разсказу о представленіи святаго; онъ сообщаетъ объ избраніи Гераси-

момъ себѣ преемника, о созывѣ иноковъ изъ всѣхъ обителей и о послѣднемъ его поученіи своему преемнику и инокамъ всѣхъ четырехъ монастырей (л. 207 б.—210). Оно содержитъ: 1) обѣщаніе Герасима заботиться о монастыряхъ, если онъ обрѣтетъ благодать предъ Богомъ; при этомъ, въ замѣчаніи о прочихъ монастыряхъ (трехъ, кромѣ Болдинскаго), замѣчено, что хотя бы и пришлось имъ терпѣть скорбь, она претворится въ радость, если будетъ храниться между иноками взаимная любовь; заповѣдь любви хотя, такимъ образомъ, и дана, но она занимаетъ не господствующее мѣсто, и упоминаніе ея является нѣсколько случайнымъ, будучи приурочено лишь къ „прочимъ монастырямъ“¹⁾; а далѣе болѣе обстоятельно и подробно говорится о другихъ вещахъ и по преимуществу о внѣшней организаціи монастырской жизни; 2) запрещеніе хмѣльнаго питія и пребыванія мирянъ въ келіи; 3) наставленія объ общей всѣмъ одеждѣ и особенно нищѣ; 4) наставленіе „протопнякомъ и раскольникомъ не поущати смиряти ихъ монастырскимъ смиреніемъ съ разсужденіемъ и кротостію“, ослушниковъ же изгонять изъ обители; кормить странныхъ и нищихъ, строго повиноваться игумену (кромѣ того случая, если игуменъ будетъ нарушать уставъ: такого игумена сослать въ рядовую келью); 5) правила объ обязанностяхъ игуменовъ и соборныхъ старцевъ, о роли ихъ въ обители; эти правила вносятъ опредѣленную систему въ монастырское управленіе²⁾. Въ заключеніе святой предаетъ свой монастырь

¹⁾ „Прочіи же монастыри ихъ же въ божію помощію создахъ въ славу божію, но и ти не оскудѣти имуть ни въ чемъ же. аще и скорбная пріимуть, но скорбная ихъ въ радость претворятца, аще любовь будетъ между вами“.

²⁾ „Опричь духовнаго дѣла“ игумену все дѣлать по совету со старцами; избирать 12 старцевъ, духовнаго житія и благодарзудныхъ; имъ безъ игумена (а равно и въ недостаточномъ числѣ) тоже не соборовать, но всѣмъ мѣстѣ, которые будутъ въ отъѣздѣ по монастырскимъ дѣламъ; въ игумены избирать своихъ постриженниковъ.

Господу Богу, Богоматери, чудотворцу Сергію и государю съ митрополитомъ; при этомъ онъ сообщаетъ инокамъ: „благочестивый государь обѣтъ свои даде ми по моему убогому моленію сже ко святѣй троицѣ вѣру держати, и во всѣхъ скорбныхъ нахожденіихъ заступленіе и помощь имѣти“.

Мы не можемъ обойти молчаніемъ и посмертныхъ чудесъ, присоединенныхъ къ житію (ихъ всѣхъ 17): это все почти исцѣленія, но въ большинствѣ случаевъ исцѣленія отъ недуговъ, постигающихъ человека за какой нибудь грѣхъ по отношенію къ преподобному, его предавшимъ или его монастырю. Такимъ образомъ, и здѣсь, какъ въ житіи, святой является и милостивымъ и карателемъ. Такъ, въ чудесахъ мы читаемъ про тяжкій недугъ инока Александра, постигшій его за кражу монастырскаго имущества (чудо 1-е, л. 212—214); про разслабленіе священника Корнилія, хулившаго обитель и порядки ея (чудо 3-е, л. 215); про инока Антонія, котораго поразило моровое повѣтріе за неисполненіе обѣта постричься у Герасима (чудо 4-е, л. 216 об.); про нападеніе разбойниковъ на нѣкоего Михаила Козьмина, который вообще работалъ даромъ на обитель, но однажды, въ недовольствѣ за что то, прекратилъ работу и ушелъ (чудо 8-е, л. 221); про инока Мисаила, зашедшаго изъ другого монастыря и похулившаго нищю, которою его угостили, и за то потерявшаго дорогу (чудо 10-е, л. 223 об.); про инока Гурія, укравшаго образа складные у раки преподобнаго и также потерявшаго дорогу (чудо 11-е, л. 224 об.); про инока Нассона, ушедшаго въ особый монастырь и тамъ „мірская жительствовавшимъ“, пока не явился самъ преподобный съ угрозами, послѣ чего виновнаго постигло разслабленіе (чудо 16-е, л. 228); наконецъ, про разслабленіе инока Діонисія, хулившаго монастырь (чудо 17-ое, л. 230); виновные каются въ грѣхахъ, и по молитвѣ ко святому ихъ страданія прекращаются.

Элементъ демонологическій также присутствуетъ въ жи-

тин Герасима, хотя и довольно слабо выраженъ: святому приходится въ мѣстахъ своего поселенія бороться съ нечистою силой; при описаніи водворенія его на первомъ мѣстѣ его пустынныхъ подвиговъ біографъ говоритъ объ этомъ довольно подробно; наиболѣе же виднымъ эпизодомъ этой борьбы является разсказъ объ удивительныхъ явленіяхъ на озерѣ и объ уничтоженіи ихъ преподобнымъ; въ посмертныхъ чудесахъ, кромѣ разсказовъ о бѣсноватыхъ, находимъ разсказъ о нѣкомъ человѣкѣ Гаврилѣ и женѣ его, которыхъ дьяволъ пугалъ по ночамъ „мышиами, конками“, являясь имъ въ видѣ мертвеца, разбойника и т. д.: ихъ приводятъ въ Герасимовъ монастырь, гдѣ послѣ молитвы они и получаютъ избавленіе (чудо 15-е, л. 226); подробно также разсказывается (чудо 9-е, л. 222) объ исцѣленіи бѣсноватаго, Осодора Круговитина, отъ страшныхъ эпіоновъ, которые представлялись ему, и которыхъ отгонялъ жезломъ своимъ преподобный Герасимъ.

Сдѣлаю выводы: житіе Герасима Болдинскаго выдвигаетъ въ личности святаго его организаціонныя способности и стремленія, направленные на вышнюю сторону жизни, на установленіе вышняго ея порядка; сообразно тому замѣтенъ интересъ къ вышнимъ проявленіямъ подвижничества и карательный характеръ чудесъ, какъ описываемыхъ въ житіи, такъ и посмертныхъ; въ нѣкоторой степени выступаетъ въ разсказахъ о чудесахъ и элементъ демонологическій. Съ другой стороны и въ этомъ житіи отражается черта близости къ государю и особенное преклоненіе передъ идеею царской власти, дѣлающее царя распорядителемъ и въ духовныхъ дѣлахъ.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о сохранившемся до насъ и упомянутомъ выше „Заковѣ преподобнаго Герасима Болдинскаго“ ¹⁾. Эту рѣдкую статью В. О. Ключевскій имѣлъ основаніе называть автобіогра-

¹⁾ Въ рукописи Ундольскаго № 301, л. 126—128 (см. выше).

фіей Герасима; дѣйствительно, кромѣ наставленій братіи передъ вѣчною разлукой Герасимъ рассказываетъ здѣсь и основныя факты своей жизни, главнымъ образомъ оставившись на сооруженіи четырехъ своихъ обителей, перечисляетъ церкви въ нихъ, указываетъ число братіи; указываетъ число лѣтъ, проведенныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ его подвига. Наставленія Герасима касаются почти исключительно внѣшняго чина и организаціи монастырской жизни: 1) игуменовъ избирать изъ числа своихъ иноковъ и бить челомъ государю, чтобы чужаго не насалъ; 2) соблюдать чинъ общежитія, общность во всемъ имѣніи и пищѣ, „въ любви и безъ вражды и безъ ропоту“; если священнослужитель не захочетъ одежды, давать ему два рубля въ годъ; 3) избѣгать хмѣльнаго питія; 4) не жить мірянамъ въ келіяхъ; женщинамъ не входить въ обитель, кромѣ трехъ дней года: св. Троицы, Сергія Радонежскаго, Петра митрополита (21 декабря); 5) прегрѣшающихъ наказывать монастырскимъ смиреніемъ, а въ случаѣ ослушанія изгонять; по совѣту старцевъ лишать и игумена его званія, если онъ „станетъ жити не по монастырскому чину“; 6) даются указанія о правахъ и обязанностяхъ 12-ти соборныхъ старцевъ.

Изъ этого изложенія видно, что „законъ“ Герасима вѣрно переданъ въ его житіи, въ приписанномъ святому предсмертномъ поученіи; онъ рисуется передъ нами Герасима именно со стороны его организаторской дѣятельности, направленной главнымъ образомъ на внѣшнія опредѣленія и установленіе внѣшняго строя и чина монастырской жизни. Съ этой стороны Герасимъ можетъ быть сопоставленъ съ Пафнутіемъ Боровскимъ и Іосифомъ Волоцкимъ, а законъ его съ знаменитой, гораздо болѣе обстоятельно проводящей свои основныя принципы, Духовной Грамотой Іосифа.

Дальнѣйшія изученія вновь приводятъ насъ въ отдаленные отъ центра русской жизни края заволжскіе, къ ихъ подвижникамъ и жизнеописаніямъ послѣднихъ. Здѣсь, неизвѣстно когда именно, но повидимому въ концѣ XVI

вѣка ¹⁾ написано краткое житіе преподобнаго Иннокентія Комельскаго (Охльбинина; † 1491, память 19 марта), известнаго сподвижника учителя скитской жизни, преп. Нила Сорскаго, и горячаго почитателя послѣдняго; онъ оставилъ въ литературѣ по себѣ память своимъ „Надсловіемъ“ къ Уставу Нила, переписанному имъ своею рукою, и „Прпстезеніемъ“ къ нему. Нельзя не пожалѣть, что до насъ не сохранились первоначальныя записки о жизни Иннокентія; онѣ, какъ говоритъ біографъ, погибли при пожарѣ во время нападенія татаръ на Иннокентіеву обитель (какъ и на другія мѣста въ вологодскихъ предѣлахъ) въ 7046 (=1538) году; судя по его словамъ о „многихъ писаніяхъ“ о святомъ, хранившихся въ монастырѣ, можно было бы ожидать найти въ этихъ погибшихъ запискахъ немало интереснаго матеріала. Да и дошедшее до насъ житіе встрѣчается рѣдко: г. Ключевскому оно было известно въ единственномъ спискѣ, въ рукописи гр. Уварова № 1247, которая представляетъ сборникъ житій святыхъ специально вологодскаго края ²⁾ (изъ рѣдкихъ текстовъ она, кромѣ житія Иннокентія, содержитъ житіе Арсенія Комельскаго); другой списокъ житія — въ сборникѣ Императ. Публ. библіотеки, № 4 (по „Описанію...“ А. Ѳ. Вычкова, вышедшему позднѣе книги г. Ключевского), л. 98—101. Житіе это чрезвычайно кратко; оно даетъ указаніе на главные моменты жизни святаго и общія замѣчанія о характерѣ его подвижничества. Біографъ самъ, очевидно, инокъ той же обители: „многа писанія“, говоритъ онъ объ Иннокентіи, этотъ послѣдній „во обители своей списа намъ и предаде братіи“. Въ житіи заслуживаютъ вниманія указанія біографа на отношенія Иннокентія къ Нилу, котораго, повидимому, онъ

¹⁾ *Ключевскій*, 304.

²⁾ По этому списку мною и цитируется; издано не было; пересказы: *Филаретъ*, I, 379—381 (19 марта); *Коноплевъ*, 76—86; *Русск. Оив.*, 384. — О данной рукописи см. арх. *Леонидъ*, *Описаніе р-сей гр. Уварова*, II, 489.

высоко цѣлить; онъ отмѣчаетъ близость къ нему Иннокентія, любовь его къ послѣднему; онъ сообщаетъ, какъ достойную замѣчанія черту изъ жизни Иннокентія, что онъ написалъ своею рукою уставъ Пела, дабы блюсти его.

Общая характеристика святаго не представляетъ особенно рѣзкихъ характерныхъ чертъ; но при сопоставленіи житія съ другими, разобранными выше, нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ данныхъ: таково отсутствіе указаній на внѣшніе подвиги, на соблюденіе обрядовыхъ правилъ и предписаній; между прочимъ, авторъ отмѣчаетъ изученіе и основательное „испытаніе“ божественныхъ писаній, углубленіе въ нихъ мыслью (біографъ говоритъ о святомъ, что онъ проводилъ время въ молитвѣ, отличался послушаніемъ, былъ „правомъ смиренъ и образомъ кротокъ, и въ божественныхъ писаніихъ трудолюбно поучавшеся и всѣмъ умомъ испытующе“).

Біографъ сообщаетъ далѣе о поученіяхъ Иннокентія братіи: блюсти заповѣди, хранить благоговѣніе въ церкви и на трапезѣ и „любить другъ друга духовною любовью“. Наконецъ, онъ упоминаетъ, что наставленія Иннокентія касались и внѣшняго порядка въ монастырѣ: вопросовъ о рукодѣліи, объ исхожденіи иноковъ изъ обители, содержали запрещеніе пьянства и доступа женщинъ въ монастырь.

Съ именемъ той же рѣчки Комелы и „Комельскаго лѣса“ связаны имена еще другихъ подвижниковъ. Таковы Арсеній, Корнилій и Стефанъ Комельскіе. Нашему разсмотрѣнію подлежатъ житія Корнилія и Арсенія ¹⁾.

¹⁾ Житіе Стефана Комельскаго († 1542), рѣдкое въ рукописяхъ и оставшееся неизвѣстнымъ въ свое время В. О. Ключевскому, издано Х. М. *Допаресамъ* (Пам. Др. Писъм., LXXXV), С.-Пб. 1892, по новому списку прѣ. Н. С. Тихонравова. Это житіе не представляетъ такихъ чертъ, какія мени въ настоящее время интересуютъ. Время составленія житія неизвѣстно; рукописи восходятъ къ XVII в. (см. предисловіе издателя). Изложенія: *Филаретъ*, июль, 72 слл.; *Русск. Опис.*, 385 слл.

Корнилій Комельскій является однимъ изъ видныхъ подвижниковъ вологодскаго края, пользовавшимся большою извѣстностью и почитаніемъ; онъ извѣстенъ, между прочимъ, и письменно изложеннымъ уставомъ, оставленнымъ имъ своей обители. Жизнь его относится къ концу XV и первой половинѣ XVI в. (+ 1537 г., память 19 мая); житіе его, писанное въ 1589 году инокомъ его обители Наонаиломъ, поминившимъ еще лично съятаго, отнесено В. О. Ключевскимъ ¹⁾ къ числу лучшихъ памятниковъ русской агиографіи; еще болѣе отбѣяетъ достоинства его, какъ историческаго источника, г. Кононцевъ ²⁾: это одно изъ житій, которыя были писаны вдали отъ литературныхъ центровъ и отличались сравнительной простотой и безыскусственностью изложенія; близость автора къ святому дѣлала возможною значительную обстоятельность и точность разсказа. Вместе съ тѣмъ житіе сохранило немало характерныхъ чертъ, которыми оно обрисовываетъ личность преподобнаго и его взгляды. Замѣчу, что для характеристики воззрѣній и образа мыслей Корнилія мы имѣемъ несомнѣнный историческій памятникъ, подобный которому мы располагаемъ по отношенію къ весьма немногимъ лицамъ: я разумѣю упомянутый выше обширный уставъ Корнилія. Уставъ этотъ давно уже изданъ ³⁾, а въ трудѣ г. Кононцева о вологодскихъ снятыхъ разсмотрѣнъ болѣе или менѣе обстоятельно ⁴⁾. Изученіе содержанія этого устава и сравненіе его съ существовавшими уже во времена Корнилія уставами Нила Сорскаго и Іосифа Волоцкаго (уставами, которые, пови-

¹⁾ Н. соч., 303.

²⁾ Н. соч., 85—86. Житіе не издано; мнѣ извѣстно главнымъ образомъ по рукописи М. Син. Б-ки № 608, л. 55 сл., по которой и цитирую. Изложеніе: *Филаретъ*, II, 112—120 (19 мин); Рус. Олив., 21 сл.; *Кононцевъ*, 85—94 (много выписокъ изъ текста житія).

³⁾ *Аларосій*, Ист. Росс. Іерархіи, IV, 661—704; изложеніе: Русск. Олив., 41—50.

⁴⁾ Н. соч., 94 сл.

димому, были знакомы Корнилію и оказывали на него известное вліяніе), заставили изслѣдователя придти къ заключенію, что уставъ Корнилія стоитъ по своему духу гораздо ближе къ Нилову, чѣмъ къ Іосифову: вліяніе пераго „касается самыхъ существенныхъ пунктовъ возрѣній Корнилія, относится къ внутренней сторонѣ его ученія, а послѣднее простирается, главнымъ образомъ, на первыя пять главъ устава Корнилія, гдѣ говорится о соборной молитвѣ, о нищѣ и питіи, объ одеждѣ и обуви, однимъ словомъ, касается виѣшней стороны жизни и благоноведенія иноковъ“¹⁾; известную же долю вліянія Іосифова устава изслѣдователь приписываетъ тому, что, слѣдуя основному духу возрѣній Нила, Корнилій однако былъ сторонникомъ общежитія монастырскаго и учредилъ его въ своей обители (такъ и большинство основателей монастырей въ эту эпоху: срв. выше, указанія житій многихъ святыхъ; едва ли не объ одномъ Иннокентіи Комельскомъ достоверно известно, что онъ, будучи безусловнымъ почитателемъ Нила, слѣдовалъ ему и въ данномъ отношеніи и учредилъ въ своей обители житіе скитское); а въ силу этого, Корнилію приходилось позаботиться и о виѣшней нормировкѣ монастырскаго житія, насколько это нужно для водворенія единства и порядка въ общительномъ монастырѣ. Къ сожалѣнію, г. Коноплевъ не сдѣлалъ точнаго сопоставленія отдѣльных мѣстъ разсматриваемыхъ уставовъ; въ послѣднихъ главахъ онъ ограничивается лишь сопоставленіемъ заглавій; но уже и изъ сопоставленія видно, что въ уставъ Корнилія не вошло многое изъ того, чтó выдвигается на весьма видное мѣсто и составляетъ содержаніе особыхъ главъ у Іосифа, причемъ касается именно виѣшней стороны иноческой жизни, равно какъ вошли въ него разсужденія, отсутствующія у Іосифа и роднящія его, наоборотъ, съ уставомъ Нила. Данныя устава Корнилія согласуются съ данными

¹⁾ Н. соч., 101.

его житія, на который г. Коноплевъ не обратилъ вниманія. Біографъ Корнилія, очевидно, относится не безразлично къ фактамъ жизни святаго, но нѣкоторыя черты выдвигаетъ, влагаетъ въ уста святаго извѣстныя разсужденія, рѣчи, поученія, прославляетъ извѣстныя его добродѣтели.

Одною изъ ясно отразившихся въ житіи Корнилія идей является идея иноческой нестяжательности, отмѣченая г. Коноплевымъ въ его уставѣ; въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія разсказъ объ отказѣ его отъ селъ, предложенныхъ ему великимъ княземъ Василіемъ III: пренодобный „не восхотѣ просити ничтоже, но токмо моли его дати близъ монастыря земли мало съ хлѣбомъ да отъ поту лица своего ямы глаголю хлѣбъ свой“ (М. С. Библ. № 608, л. 84); здѣсь связанная съ мыслью о нестяжательности мысль о пропитаніи трудами рукъ своихъ находитъ себѣ совершенно ясное выраженіе. Правда, протестъ Корнилія остается бесплоднымъ, такъ какъ великій князь всетаки поступаетъ по своему. Подобно тому, при описаніи первоначальной жизни Корнилія въ Комельскомъ лѣсу, біографъ замѣчаетъ, что онъ „номыслиаши трудами питати себе и сущихъ съ нимъ“, при этомъ еще „и приходящія пріємля, и мимоходящія кормляше“ (л. 61 об.); по возвращеніи своемъ въ обитель, которую онъ покидалъ было, свитой принимается за свои прежніе труды, „хлѣсъ сѣкин и нивы насѣвая, да не токмо сами свой хлѣбъ ядятъ, но да и немнущихъ питають“ (л. 85 об. — 86).

Съ болѣею силою житіе выдвигаетъ другія черты иноческаго идеала Корнилія, отразившіяся особенно въ поученіяхъ, вложенныхъ въ его уста. Довольно значительный объемъ имѣетъ поученіе, которое приводится послѣ разсказа о возвращеніи Корнилія въ монастырь по усердной просьбѣ великаго князя (л. 87). Въ началѣ этого поученія рекомендуются обычныя, общеноческія добродѣтели; впрочемъ, и здѣсь отмѣтить можно отсутствіе указаній на чисто внѣшнія проявленія благочестія; рекомендуются послушаніе, отреченіе отъ своей воли, воздержаніе, постоянная работа и уклоненіе отъ праздности, не-

престанная молитва и память смертная. Послѣ нѣкотораго отступленія (дается краткая характеристика Корнилія, который самъ подвизался непрестанно и былъ „нагимъ одежда, печальнымъ утѣшеніе, бѣднымъ помогаа“, и рассказывается одинъ эпизодъ изъ его жизни) біографъ возвращается вновь къ учительной дѣятельности святаго, приводитъ его наставленія противъ особаго стяжанія, о молитвѣ и храненіи безмолвія и затѣмъ излагаетъ отъ его имени рядъ наставленій чисто духовнаго характера, касающихся внутренней жизни и заботъ о внутреннемъ самосовершенствованіи: храненіе чистоты сердца, умная молитва, самонаблюденіе и борьба съ грѣховными помыслами—вотъ чему учить по житію Корнилія ¹⁾. Не менѣе видное мѣсто въ наставленіяхъ Корнилія занимаютъ любовь и милосердіе; заповѣдь милосердія является для него не внѣшнимъ и механическимъ предписаніемъ, а результатомъ и выраженіемъ чувства любви къ ближнему; объ этомъ чувствѣ біографъ говоритъ не разъ, выдвигая его на весьма видное мѣсто. Такъ, говоря о ближайшемъ времени по возвращеніи Корнилія въ свой монастырь, Наонанаилъ вставляетъ въ житіе весьма характерную подробность: нѣдѣи отъ братіи спросили однажды Корнилія, „что есть любовь и какъ заповѣдь глаголеши хранити“. Преподобный отвѣчаетъ пересказомъ извѣстнаго евангельскаго эпизода о двухъ верховныхъ заповѣдяхъ, о любви къ Богу и ближнему. Такимъ образомъ, здѣсь евангельскій рассказъ приуроченъ къ преподобному Корнилію и свидѣлствуетъ о внимательномъ чтеніи Евангелія и высокой оцѣнкѣ евангельскаго идеала; помимо этого, имен-

¹⁾ „Сердце же хранити елика сила умною молитвою отъ скверныхъ помыслѣ, яко же рече, отъ сердца исходятъ помышленія зла, и та суть скверница чловѣка. тѣмже братіе, аще кій помыслъ нечистъ отъ общаго врага всѣхъ нанесетсѣ не обвинитесе помолитися къ богу прилѣжно. и постомъ и молитвою, бѣдніомъ же и слезами оже на единѣ вскорѣ изгонити тощю подвизающеса“ (л. 89 об.).

но евангельское ученіе полагалось здѣсь въ основу нравственнаго міросозерцанія. Біографъ дорожитъ такою подробностью и старается сохранить ее для потомства (л. 86 об.). Такимъ же увѣщаніемъ о сохраненіи любви и о воздержаніи отъ ссоръ заканчивается и послѣднее поученіе святаго ¹⁾, передъ его кончиной: „о семъ бо много и здравъ печашеся“. Въ томъ поученіи къ братіи, въ которомъ святой говоритъ о храненіи сердца, онъ также внушаетъ хранить миръ; внушаетъ и смиреніе, какъ результатъ того же чувства любви: „творите другъ друга больша себе...; поживите въ братолюбіи и смиреніи, въ кротости покаяющеся братъ брату, и любовь имѣйте со истинною и миръ отъ сердца. и богъ мира будетъ съ вами, и той да сохранитъ вы и утвердитъ въ любви его“. Не случайно, думаю я, это неоднократно повтореніе заповѣди любви, кротости и смиренія. Не безынтересна самая склонность біографа впадать въ уста святому поученіи и наставленію, притомъ касающіяся основныхъ нравственныхъ принциповъ; въ этомъ отношеніи его трудъ представляетъ полную противоположность разобранному выше агіобіографическому труду Вассіана Санина. Передъ рассказомъ о предсмертной болѣзни святаго находимъ еще одно поученіе, но весьма общаго свойства: въ немъ читаемъ увѣщаніе соблюдать его, Корниліевъ, преданія, хранить благоговѣніе въ храмѣ.

Святой старается проявлять то, чему учитъ, и примѣромъ. Кротость и смиреніе отмѣчены не разъ. Такъ, въ первое время жизни его въ Комельскомъ лѣсу ему приходилось терпѣть отъ разбойниковъ. Однажды, напавши на его келью, разбойники похитили единственное достояніе Корнилія, книги; но уходя, они чудеснымъ образомъ заблудились въ лѣсу и на утро очутились опять около кельи святаго; они разумѣваютъ свой грѣхъ и ка-

¹⁾ Л. 98 об.: „и инѣя многа утѣшѣи ихъ глаголаше. и о семъ моли да не будетъ въ нихъ ни которыхъ же раздоръ или свирь“.

ются; Корнилій же прощаетъ ихъ и отпускаетъ съ миромъ (л. 61). Но если прощеніе воровъ представляетъ довольно распространенный и традиціонный мотивъ въ житіяхъ (срн. сказанное выше о житіяхъ Пафнутія Боровскаго и Іосифа Волоцкаго), то есть и другія, болѣе индивидуальнаго характера данныя. Такъ, два брата въ обители Корнилія возненавидѣли его и хотѣли убить: они трижды прятались подъ мостомъ черезъ рѣку Пурму, по которому имѣлъ проходить Корнилій; но ихъ устрашало видѣніе множества людей, которые окружали святаго на мосту и становились невидимыми послѣ перехода, когда онъ уже удалялся съ злоумышленниковъ. Наконецъ, виновныхъ объемляетъ ужасъ, и они приносятъ со слезами покаяніе святому, который принимаетъ съ кротостью и любовью: „блаженный же поучи ихъ отъ святыхъ писаній, и прочее утѣши ихъ и прости имъ грѣхъ, и отпусти съ любовію которогождо ихъ на свою службу“ (л. 70). Біографъ добавляетъ, что это милостивое отношеніе принесло самые благотворные плоды: „послѣди же тѣи два брата со всецѣмъ тѣченіемъ послушаніе имяху къ наставнику своему, и молитвами его избавлени быша ненависти злыя“. Незлобіе святаго, смиреніе и терпѣніе біографъ прославляетъ и въ другомъ мѣстѣ: „что же навѣти отъ зависти и ненависти отъ чюждыхъ и отъ своихъ, клеветы и досады, и до самаго державнаго доидоша на него, онъ же яко камень адамантъ пребываше въ злыхъ благодарству“ (л. 62 об.).

Кроткимъ и милосерднымъ является Корнилій и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится имѣть дѣло съ виновными въ какомъ либо проступкѣ общаго характера, и не направленномъ противъ него лично. Онъ не оставляетъ безъ вниманія даже незначительнаго нарушенія иноческой дисциплины, но избѣгаетъ суровыхъ каръ, прибѣгая главнымъ образомъ къ увѣщаніямъ и стараясь воздѣйствовать на чувство и совѣсть виновнаго. Такъ, одинъ братъ, которому отъ преподобнаго „повелѣно бысть бошину имѣти надъ хлѣбниками“, однажды не испросилъ бла-

гословенія на печеніє хлѣбовъ; узнатьъ это, „святый востхотѣ брата позовати, да и прочіи страхъ имуть“; наказавъ же онъ его лишь тѣмъ, что отвергъ плоды неблагоговѣннаго труда, повелѣвъ „хлѣбы тѣя въ сани вкласти, и испроврещи на пути мимоходящимъ, и бѣ ихъ два вола, сице рекъ, да ниже пси спѣдять нашія ограды неблагоговѣннаго сего хлѣба. братъ же позна грѣхъ свой, прииде ко смоту и покался со слезами и прощенія прося. святый же поноси ему впредь не дерзати, и поучи его сице не творити, и прости его“ (л. 68—69).

Съ той же точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія и нѣкоторыя чудесныя видѣнія, рассказываемыя въ житіи. Одно изъ нихъ было иноку Ананію. Корнилій приставилъ его ко кресту, поставленному имъ на дорогѣ, въ разстояніи поприща отъ монастыря. Благочестивые люди, проходя мимо, покланялись кресту, причемъ нѣкоторые полагали милостыню на пропитаніе иноковъ. Святый принималъ доброты даянія этихъ неизвѣстныхъ жертвователей и поручилъ вышеупомянутому Ананію приносить жертвуемое въ монастырь. Но Ананія „дасмал пріемля, и ова приношаше въ казну, иная же скрываше себѣ“... Господь являетъ виновному свой гнѣвъ слѣдующимъ знаменіемъ: „по время божественныя литургіи, егда хотѣющимъ братіямъ пріимати святый антидоръ, прежде приходяще и покланяющеся пресвятѣй богородицѣ на иконѣ написаннѣй на руку имущу господа нашего І. Х., и цѣлююще святую икону, и пріимаху святый антидоръ отъ руки преподобнаго... ананія... прииде съ прочею братією цѣловати святую икону, и абіе икона въ верхъ возвысися отъ него, ему же мало отступльшу. прочая братія невозбранно цѣловаху, ему же вращу сія, и начатъ покусатися второе на цѣлованіе иконы, и пакы икона отъ него возвышашеся“. Какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, Ананія чувствуетъ раскаяніе: онъ „отшедь начатъ плакати горько. и пришедь къ святому корнилию покался... святый же наказавъ его къ тому таковая не творити, и прости его. и повѣда нѣмъ помы ради“ (л. 66

об.—68). Если мы сопоставимъ это знаменіе, оказывающее чисто нравственное воздѣйствіе на виновнаго, съ тѣми видѣніями и карми за грѣхи, какія представляеть житіе Пафнутія, то нельзя не замѣтить значительной разницы между нравственными воззрѣніями, отразившимися въ томъ и другомъ памятникѣ: житіе Корнилія рисуетъ картину гораздо большей мягкости, терпимости, гуманности.

Самъ Корнилій видитъ видѣніе, которое укрѣпляетъ его въ его гуманномъ отношеніи, благоволеніи къ людямъ. Заботясь о нищихъ, Корнилій по праздникамъ щедро одѣлывалъ милостынею приходившихъ къ нему въ обитель бѣдныхъ; давалъ онъ имъ „своею рукою по просворѣ и по дензѣ. къ симъ же хлѣбъ и колачи“; при этомъ онъ не смотрѣлъ на лица, „но токо руку простершему далше“. Однажды, въ праздникъ Антонія Великаго, въ честь котораго была воздвигнута одна изъ церквей въ обители, во время такой раздачи иноки обратили вниманіе пренеподобаго на злоупотребленіе со стороны нѣкоторыхъ изъ нищихъ, которые „не единою, но и вторицею взимаху, ниъ же и до пяти крѣтъ взѣтъ“; „онъ же глаголаше не дѣйте ихъ того бо ради пришли“. Вечеромъ, совершая правило, святой „сѣдѣ на лавцѣ мало“ ради отдыха и „сведенъ бысть въ сонъ тонокъ, и зрѣть пришедша къ нему старца святолюбна сѣдинами украшена, въ образѣ антонія великаго, и емъ его за руку и рече, корниліе гряди по мнѣ. и наведе его на нѣкое поле равно и показа ему на единомъ странѣ поля просфиры, а на друзѣй колачи, и рече ему, се твои просфиры, и колачи ихъ же далъ еси нищимъ. прости одѣваніе свое, ему же простершу и нача класти въ приполъ просфиры и колачи, дондеже начаша пресытатися отъ пренесполенія. онъ же возбнувъ и въ себѣ бывъ, и дивихся (віс) чюдному видѣнію. и повѣда намъ самъ... со слезами. и заповѣда намъ не токмо при своемъ животѣ творити милостыню неоскудно нищимъ, но и по своемъ преставленіи“ (л. 73—74). Изложенное видѣніе Корнилій и его біографъ тол-

кують въ смыслѣ одобренія свыше его образа дѣйствій и его благословенія; этотъ разсказъ для насъ интересенъ тѣмъ, что представляетъ благотворительность Корнилія, соединенную съ снисходительностью и мягкостью, плодомъ его сознательнаго убѣжденія, а не только непосредственнаго чувства: очевидно, становится вопросъ объ умѣстности Корниліева образа дѣйствій и рѣшается въ положительномъ смыслѣ (въ данномъ случаѣ такое настроеніе и размышленіе, очевидно, приписать слѣдуетъ самому преподобному, отъ котораго Наонаанъ непосредственно слышалъ разсказъ объ этомъ видѣніи и правоучительный выводъ; въ справедливости этого факта нѣтъ основанія сомнѣваться; но и біографъ раздѣляетъ вполне мысли и мнѣнія святаго и очевидно выдвигаетъ на видный планъ эту черту любви къ людямъ у Корнилія). Благотворительность святаго біографъ отмѣчаетъ нерѣдко и въ другихъ случаяхъ: Корнилій, слѣдуя въ основаніи идеалу питанія трудами рукъ своихъ, думаетъ еще и о томъ, какъ говорить біографъ, чтобы труды иноковъ не только давали средства къ жизни имъ самимъ, но и служили для пропитанія неимущихъ: онъ самъ много труждается для пропитанія иноковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ „приходящія приѣмля и мимоходящія кормляше“ (л. 61); по своему возращенію въ обитель онъ преслѣдуетъ тѣ же цѣли: „да не токмо сами свой хлѣбъ ядятъ, но да и неимущихъ питають“ (л. 86). Не отказываетъ, конечно, Корнилій никому и въ духовной помощи, хотя для себя и любитъ уединеніе и безмолвіе; біографъ отмѣчаетъ ту ласковость и любовность, съ какою преподобный „дарованіемъ божіимъ приходящихъ къ нему съ вѣрою все разрѣшаше, и вся сказоваше, и всѣхъ благословляше и утѣшаше, и обаче сія добръ имяху ему“ (л. 65 об.).

Въ отношеніи къ свѣтской власти Корнилію не приходится обнаруживать той независимости, какую мы видѣли у Григорія Цельшескаго или Мартиніана Бѣловерскаго; но все же слѣдуетъ отмѣтить его возраженія Василію III какъ по вопросу о дарованіи монастырю селъ,

такъ, и гораздо болѣе, на просьбы вновь вернуться къ управленію обителью, отъ чего Корниліи хотѣлъ удалиться: великому князю стоило большихъ трудовъ убѣдить его; въ обоихъ случаяхъ преподобный уступалъ великому князю, очевидно потому, что видитъ доброе желаніе послѣдняго.

Главнымъ же образомъ, согласно вышележенному, въ житіи Корниліи Комельскаго, я полагаю, нашли себѣ отраженіе: духъ кротости, снисхожденія и благоволенія къ людямъ (широкое милосердіе къ пуждающимся является однимъ изъ его проявленій); предпочтеніе внутренняго совершенствованія соблюденію формальныхъ предписаній и исполненію вѣнскихъ подвиговъ; идея иноческой нестяжательности и пропитанія отъ своихъ трудовъ; наконецъ, въ житіи чувствуется высокое почитаніе личности Кирилла Бѣлозерскаго и его завѣтовъ, чувствуются связи, соединяющія Корниліеву обитель съ Кирилловою. Выше отмѣчено, что подобное же тяготѣніе къ Кирилловой обители и связь съ нею, какъ и почитаніе личности Кирилла констатируется и у Мартиніана и Оеранонта Бѣлозерскихъ ихъ житіемъ.

Сравнительно поздно написано житіе третьяго Комельскаго подвижника, Арсенія († 1550 г., память 24 августа), написано уже въ XVII вѣкѣ, можетъ быть въ первой его половинѣ¹⁾, инокомъ Арсеніевой же обители Іоанномъ (по просьбѣ игумена и братіи), послѣ пожара, истребившаго въ 1596 году прежде написанное житіе. Впрочемъ, и самъ Іоаннъ пользовался какою то монастырскою записью („хартіей“), найденной въ монастырской кладовой; руководился онъ и разсказами о святомъ;

¹⁾ Чудеса доведены до 1557 г., по „последнія приписаны, повидимому, послѣ“: В. О. Ключевскій, 333. Списки рѣдки; мнѣ знакомъ текстъ въ вышеупомянутой рукописи гр. Уварова, № 1247, л. 47—64; не издано; пересказы: *Филаретъ*, II, 529; Русск. Оув.³, 302 сл.; *Конопловъ*, 72 сл.

такимъ образомъ основами своими и его житіе восходитъ къ болѣе раннему времени. И въ этомъ агиографическомъ памятникѣ, довольно незначительномъ по объему, можно найти интересныя черты. Такъ, заслуживаетъ, по моему мнѣнію, упоминанія наставленіе преподобнаго Арсенія собирающимся къ нему инокамъ: самое первое, чему онъ учитъ своихъ новыхъ учениковъ и послѣдователей, это — любить другъ друга; наставленіе сопровождается ссылкой на слова апостола Іоанна Богослова о томъ, что не любящій своего ближняго, котораго видѣть, „Бога Его же не видѣ, како можетъ любить?“¹⁾ Конечно, мы не можемъ здѣсь видѣть точнаго воспроизведенія какой нибудь отдѣльной рѣчи преподобнаго; но, повидимому, составитель житія и его источники придавали значеніе именно этой заповѣди и своего наставника чтили, какъ человѣка, учившаго ихъ божественной заповѣди любви.

Что касается самого преподобнаго, то его образъ освѣщается въ житіи также со стороны любвеобильнаго и кроткаго отношенія къ ближнимъ; онъ проявляетъ это отношеніе не только словами, но и дѣлами, на которыхъ житіе останавливается подробно и обстоятельно. Таковы отношенія преподобнаго къ крестьянамъ, жителямъ ближайшихъ къ монастырю деревень. Арсеній первоначально поселился въ Комельскомъ лѣсу, но, уступая гоненію со стороны окрестныхъ жителей, долженъ былъ удалиться „на дикій Шилегоцкій лѣсъ“; сюда собралось къ нему нѣсколько иноковъ; въ послѣдствіи онъ возвратился на прежнее мѣсто, гдѣ и основалъ монастырь; но онъ не забывалъ и шилегоцкой пустыни и ходилъ въ нее иногда; на этомъ пути преподобному и приходилось встрѣчаться съ крестьянами; житіе не говоритъ о неудовольствіи Арсенія противъ жителей данной мѣстности за совершенное нѣкогда насиліе (товарищъ преподобнаго по подвижниче-

¹⁾ 1 Іоанн., IV, 20.

ству былъ тогда убить); удалившійся тогда отъ зла, теперь святой не думаетъ о немъ: „хожденіе святыи имѣя косно пельми, людей же на полѣ гдѣ найдеть труждающихся, тамъ съ ними бесѣду духовную творить и учить ихъ како спасеніе душамъ своимъ получить; и божія заповѣди храни и поученія святыихъ отецъ слушати, а въ праздники божія не дѣлати дѣла земнаго“ ¹⁾. Такое проявленіе вниманія и снисходительности къ окружающей мірской жизни—довольно оригинальная черта данного житія, какъ своеобразное выраженіе чувства благоволенія къ людямъ, живущаго въ душѣ Арсенія. Житіе рассказываетъ далѣе о благословеніи, которое Арсеній преподаетъ 1) охотнику, 2) рыболовамъ, призывая на ихъ трудъ милость Божію. Когда охотнику послѣ благословенія преподобнаго охотнику попалась лисица, онъ принесть ее въ даръ Арсенію, но преподобный не принялъ дара и повелѣлъ обратить его въ пользу нуждающихся; что же касается рыболововъ, то, преподанъ имъ благословеніе, Арсеній поручилъ имъ послѣ улова рыбы принести ему излишекъ; рыболовы исполнили слово его, но утаили часть добычи; преподобный за это кротко упрекнулъ ихъ и преподалъ имъ соотвѣтствующее наставленіе. Это послѣднее мѣсто представляется весьма характернымъ для описки кротости святаго, особенно если мы его сопоставимъ съ карательными чудесами въ житіяхъ Іосифа или Пафнутія, изъ которыхъ въ послѣднемъ наказывается подобный проступокъ: утаеніе части милостыни, посланной

¹⁾ Въ рукописи гр. Уварова № 1247 текетъ житія сопрягается рисунками, изъ которыхъ нѣкоторые изображаютъ крестьянъ, занятыхъ полевыми работами, и преподобнаго, сидящаго въ иноческомъ одѣяніи и ведущаго съ ними „духовную бесѣду“. Мнѣ кажется, что данное житіе и эти изображенія слѣдуетъ отнѣсать, какъ нечастый въ древней Руси примѣръ вниманія къ простымъ мірскимъ людямъ и ихъ обыденнымъ житейскимъ занятіямъ.

въ обитель ¹⁾). Одно карательное чудо рассказывать и житіе Арсенія: нѣкая женщина, не слушая наставленій преподобнаго и снѣна кончить работу, работала въ полѣ въ праздникъ; поднявшійся внезапно вихрь разметалъ сложенные ею снопы. Наказаніе, такимъ образомъ, заключается только въ уничтоженіи результатовъ работы, которая признается несправедливой: женщина приходится снова собирать разбросанные снопы.

Нѣкоторые общія указанія на характеръ Арсенія сдѣланы въ началѣ, при описаніи его жизни въ Троицкой обители, гдѣ онъ былъ инокомъ и игуменомъ; отмѣчается, что онъ отличался духомъ смиренія и любовью къ братіи, которою въ свою очередь былъ любимъ; отмѣчается также послушаніе и книголюбіе.

Къ этимъ то подробностямъ и сводится все содержаніе житія, если не считать рассказа о медвѣдѣ, который хотѣлъ похитить одну изъ коровъ монастырскихъ (Арсеній заставляетъ его смириться, поклониться свитому, побилъ его лозою и отпустилъ въ лѣсъ); кроме того, сдѣлано передаются основные моменты его біографіи (первоначальные подвиги въ Сергіевой обители; игуменство тамъ; почитаніе памяти Стефана Махрищскаго и посѣщеніе его монастыря; любовь къ безмолвію, уходъ въ вологодскіе предѣлы, собраніе иноковъ).

При рассказѣ о преставленіи преподобнаго житіе опять влгаетъ ему въ уста краткое поученіе; кроме наставленія хранить преданія иносскія, оно содержитъ увѣщаніе соблюдать благоговѣніе и любить ближняго своего, какъ самого себя.

Въ итогѣ слѣдуетъ признать, что въ житіи Арсенія Комельскаго отразилось кроткое снисхожденіе къ людямъ, что проповѣдь любви занимаетъ въ немъ видное мѣсто, выделяясь и въ поученіяхъ, приписанныхъ преподобному,

¹⁾ См. разсказанное выше 6-ое чудо Паанутія въ добавкѣ Данила Моисеева.

что вышнія проявленія благочестія остаются біографомъ въ сторонѣ.

Еще сѣвернѣе вологодскихъ и бѣлозерскихъ обителей, уже недалеко отъ „студенаго моря“, въ Сіи́скомъ монастырѣ, подвизался въ концѣ XVI в. довольно видный писатель житій, инокъ Іона. Первымъ его трудомъ, которымъ онъ обратилъ на себя вниманіе, было житіе основателя монастыря и перваго его настоятеля, Антонія († 1558 г., память 7 декабря), именуемаго Сіи́скимъ; писано оно въ 1578 г.¹⁾ Это житіе представляетъ лучшій и наиболѣе цѣнный и обстоятельный трудъ Іоны, какъ потому, что авторъ засталъ въ монастырѣ многихъ очевидцевъ жизни Антонія, еще сравнительно недавно скончавшагося, такъ и потому, что къ извѣстной обстоятельности и полнотѣ изложенія его обязывало его собственное положеніе, какъ постриженника Антоніевоу обители. В. О. Ключевскій не разбиралъ обстоятельно даннаго житія, отдавъ все таки ему предпочтеніе передъ передѣлкой его, сдѣланной нѣсколько позднѣе царевичемъ Іоанномъ. Г. Нхонтовъ поставилъ и трудъ инока Іоны очень низко: онъ указываетъ компилятивность житія, распространеніе скуднаго разсказа о событіяхъ жизни святаго общими мѣстами, нерѣдко, очевидно, перенесенными изъ другихъ житій. Стоя вполне на точкѣ зрѣнія В. О. Ключевского, изслѣдователь старается разграничить въ житіи элементы историческій и литературный и указываетъ господство втораго: такъ, говоря о предсмертномъ поученіи святаго къ братіи, онъ замѣчаетъ,

¹⁾ В. О. Ключевскій, 300; Нхонтовъ, Житіи святыхъ поморскаго края, какъ историческій источникъ (Каз., 1881), 110 слл. Житіе не издано; мнѣ знакомо оно по рукописямъ: Ундольскаго № 284 и гр. Толстаго, II, № 344 (Имп. Публ. Б-ки Q. I. № 335). Цитирую по этой послѣдней. Поресказы: *Филаретъ*, Русск. св., III, 529 слл.; *Нхонтовъ*, н. соч., 110 слл.; *Манагій*, еп. Архангельскій: Историческіи свѣдѣнія объ Антоніевомъ Сіи́скомъ монастырѣ (Чтенія..., 1878, 3). М. 1879.

и совершенно справедливо, что это поученіе „заключаетъ въ себѣ значительную долю присутствія авторской производительности біографа“ (что нужно сказать и вообще о вставляемыхъ въ житія поученіяхъ). Но если такіа соображенія лишаютъ данное поученіе (и другія мѣста житія) значенія для возстановленія біографіи святаго, то они не могутъ еще сами по себѣ лишить его извѣстнаго историко-литературнаго значенія, подобно тому какъ на это приходилось указывать уже не разъ по поводу другихъ житій. И въ предсмертномъ поученіи преп. Антонія, и въ другихъ мѣстахъ житія, встрѣчаются, среди общихъ фразъ, нѣкоторыя, хотя и не особенно обильныя, характерныя черты.

Итакъ, прежде всего о предсмертномъ поученіи Антонія Сійскаго. Оно содержитъ, строго говоря, лишь два пункта; во 1-хъ, въ немъ внушается братіи любовь къ ближнему, во 2-хъ, послушаніе наставникамъ; къ этому добавлено въ краткихъ словахъ третье, частнаго характера, наставленіе—не держать въ обители житія пльнственнаго. Заповѣдь любви замѣтно выдвигается въ этомъ поученіи на наиболѣе видное мѣсто, повторяясь нѣсколько разъ и являясь такимъ образомъ какъ бы самымъ главнымъ наставленіемъ умирающаго учителя ученикамъ ¹⁾.

Учительность преподобнаго Антонія вообще отмѣчается его біографомъ. Онъ приводитъ и другія поученія, къ братіи вообще и къ отдѣльнымъ инокамъ. Первое изъ поученій къ братіи представляетъ, собственно говоря, уставъ, преподанный имъ братіи по учрежденіи оби-

¹⁾ Привожу первую часть поученія: „Молю васъ братіе, имѣйте страхъ божій въ сердцахъ вашихъ, и не ослабѣвайте въ молитвахъ своихъ. между собою любовь имѣйте о господѣ, и единомысліе другъ ко другу. гнѣва удаляйтесь. вѣрно слово между собою имѣйте истинно и право лукавыхъ же словесъ отрицайтесь. будьте же другъ другу любовни и блази. словесы же лестными не льстите себе, да не противни будете богу“ (л. 126 об. — 427).

тели (л. 89 об.—90 об.). Въ началѣ оно содержитъ наставленіе о церковномъ благочиніи; здѣсь находимъ нѣсколько указаній внѣшняго характера, о необходимости стоять во храмѣ неподвижно, приходить къ началу службы и не уходить раньше конца, со вниманіемъ слушая чтеніе св. Писанія и богослуженіе. Слѣдующія затѣмъ наставленія о молитвѣ внѣ церкви (келейной) изложены въ болѣе общемъ видѣ: святой убѣждаетъ вообще хранить преданія святыхъ отцовъ на этотъ счетъ и, воздерживаясь отъ праздности, непрестанно питать въ себѣ молитвенное настроеніе (...„да каждо... на всякъ день молитвенная своя правила во своей келіи да приносить богови, въ сокрушеніи сердца, и во смиреніи помышленіи...“). Наконецъ, поученіе говоритъ о трапезѣ и, не вдаваясь въ подробности о яствахъ, предлагаемыхъ инокамъ, внушаетъ послѣднимъ настроеніе, исполненное благодаренія и благодарности къ Богу.

Второе поученіе тѣсно примыкаетъ къ первому и представляетъ продолженіе (л. 94—98 об.) устава Антоніева (прерванное замѣчаніемъ, что святой показывалъ и примѣръ исполненія того, чему училъ словомъ, и иллюстраціями этого замѣчанія): „устави же блаженный и уставъ во обители таковъ...“. Здѣсь, прежде всего, говорится о соблюденіи чина общаго житія, въ немногихъ выраженіяхъ общаго характера, а далѣе читася строгое запрещеніе пьянства и пиянства; запрещеніе это встрѣчается довольно часто въ поученіяхъ Антонія (см. выше) и, повидимому, подобно такимъ же наставленіямъ другихъ наставниковъ, въ значительной степени основывалось на наблюденіи дѣйствительныхъ явленій современной наставнику русской жизни. То же поученіе говоритъ далѣе о милости къ нуждающимся; біографъ упоминаетъ и о милосердіи самого Антонія, не рѣдко тайномъ даже для учениковъ. Далѣе въ уста преподобному влагается опять краткое наставленіе о церковномъ благочиніи и вниманіи, о храненіи начала премудрости — страха Господня, а затѣмъ болѣе прострпанное — о храненіи любви другъ

къ другу: преподобный учить искоренять изъ сердца всякое чувство гнѣва и зла ¹⁾. Поученіе заканчивается еще нѣсколькими мыслями, болѣею частью повторяющихъ уже сказанное,—о непрестанной молитвѣ, о храненіи душевной и тѣлесной чистоты, терпѣніи и благодарности Богу, о любви къ правдѣ; наконецъ еще разъ повторяется призывъ соблюдать смиреніе и кротость, избѣгать вражды и питать любовь къ ближнему.

Изъ поученій къ отдѣльнымъ лицамъ болѣе пространнымъ является то, которое Антоній преподаетъ иноку Кириллу, избранному братією передъ кончиною святаго по его просьбѣ строителемъ и управителемъ монастыря вмѣсто его (л. 123—125). Поученіе содержитъ слѣдующія мысли: Антоній увѣщаетъ Кирилла строго хранить установленный порядокъ жизни въ монастырѣ („да ничтоже разорится отъ монастырскаго чина“); изъ частности этой жизни онъ указываетъ на необходимость заботы о церкви Божіей, о благоговѣйномъ богослуженіи, далѣе объ устроеніи трапезы по общежительному преданію; вообще увѣщаетъ „блжести благочиніе во всемъ“. Слѣдующая часть поученія внушаетъ Кириллу смиреніе и кротость и призываетъ его быть самому во всемъ образомъ братіи; „имѣй же брате, продолжай преподобный, ко всей братіи, по божь духовную любовь, равну и нелицемѣрну. подражай же христово смиреніе, глаголющаго, аще кто хочетъ старѣй быти, да будетъ всѣхъ менѣй и всѣмъ

¹⁾ Позволяю себѣ выписать это нѣсколько длинное наставленіе, посвященное развитію одной мысли, о чувствѣ любви: „пребывайте братіе въ духовной любви, и между собою имѣйте любовь о божь, и другъ ко другу единомысліе, сопротивословія удалитесь, смиреніемъ украшайтесь, не лжите другъ на друга, глаголите истинну кійждо брату своему. гнѣва удалитесь, аще ли кто имъ вась имать что нѣкій залогъ во своемъ сердци, на своего брата, по діаволу наважденію, и вы потянитесь такоши залогъ отъ сердець вашихъ исторгнути, и любовію гнѣвъ разорити, да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ“ (л. 96 об.).

слуга". Здѣсь же находимъ и характерное замѣчаніе: „не яръ буди къ меньшимъ себе, но съ кротостію нака-зуй согрѣшающія, блудяи себе. еда и ты въ нѣкоемъ прегрѣшеніи искушенъ будещи". Это наставленіе и особенно первыя его слова получаютъ особое значеніе, если мы сопоставимъ ихъ съ суровостію святаго, которую рисуютъ намъ нѣкоторые житія, напримѣръ житіе Пафнутія Боровскаго, которому дважды прямо приписывается, въ противоположность назиданію Антонія, „ярый" взглядъ. Антоній добавляетъ еще нѣсколько наставленій о вниманіи къ братіи (во всемъ совѣтоваться съ собою, заботиться о больныхъ, посѣщать ихъ). Поученіе оканчивается новою просьбою о недопущеніи въ обитель пьянства и питія. Нельзя такимъ образомъ не видѣть, что и въ этомъ поученіи Антонія выдвигается на первое мѣсто идея любви, кротости, снисхожденія. Наставленія о внѣшнемъ благочиніи изложены кратко, въ общихъ чертахъ, и касаются наиболѣе важныхъ и крупныхъ его сторонъ: церковнаго богослуженія и принципа общежитія.

Другое поученіе, обращенное къ отдѣльному лицу, сказано преподобнымъ нѣкому молодому иноку Фило-сею, который намѣревался оставить обитель (л. 109—113). Оно представляетъ, на мой взглядъ, интересъ по тому краткаго убѣжденія, съ которымъ обращается Антоній къ юношѣ, и по тѣмъ средствамъ, которыя онъ ему рекомендуетъ для борьбы съ недобрымъ желаніемъ: онъ не предписываетъ удрученія плоти и болѣе или менѣе тяжелыхъ подвиговъ внѣшняго благочестія, поклоновъ, коленопреклоненій, поста и т. п.; онъ совѣтуетъ юношѣ заниматься дѣломъ и избѣгать праздности, чтобы не впасть въ уныніе, соблюдать послушаніе; главнымъ же образомъ совѣты Антонія касаются того настроенія, которое юношѣ слѣдуетъ поддерживать въ себѣ: хранить страхъ Божій, смиреніе, каяться во грѣхахъ, а въ заключеніе — любить правду и ненавидѣть неправду. Такимъ образомъ рекомендуется избѣгать такого пренебреженія времени и такихъ настроеній, которыя споспѣвуютъ развитію

грѣховныхъ помысловъ, а поддерживать въ себѣ противоположныя настроенія, воспитывать общее религіозное чувство, развивать добрыя начала въ своемъ сердцѣ, на почвѣ которыхъ не будутъ являться злыя желанія; рекомендуется самонаблюденіе и борьба съ грѣхомъ. Ипокъ и приходитъ къ Антонію „тонимый помысломъ“, ища средствъ разрѣшить свои душевные сомнѣнія.

Въ этомъ же наставленіи юному монаху мы, можемъ быть, въ правѣ видѣть отраженіе и другой идеи, идеи питанія трудами рукъ своихъ, которая просиѣчивается и въ нѣкоторыхъ разобранныхъ выше житіяхъ вологодскихъ святыхъ: „учися рукодѣлію, и по вся дни дѣлай рукама своими“ (л. 111 об.).

Эпизодъ съ Филоосомъ обращаетъ насъ къ отдѣльнымъ случаямъ жизни святаго, рассказываемымъ біографомъ; въ этихъ случаяхъ Антоній проявляетъ ту же кротость, съ которою отнесся онъ къ Филоосу и которую въ приписанномъ ему поученіи Кириллу самъ возводилъ въ принципъ. Біографъ обрисовываетъ эту кротость особенно въ отношеніяхъ его къ согрѣшающимъ и, въ частности, къ согрѣшающимъ лично противъ него. Такъ, пскорѣ послѣ повѣствованія о созданіи монастыря Іона рассказываетъ обычный въ житіяхъ настоятелей монастырскихъ фактъ недовольства братіи по поводу скудости принасовъ; когда, послѣ поученія преподобнаго къ братіи, нѣкій человекъ принесъ въ монастырь хлѣбъ, то братія усердно калялись передъ игуменомъ, и послѣдній простилъ ихъ и преподалъ имъ поученіе о терпѣніи. Еще болѣе выступаетъ кротость преподобнаго въ слѣдующихъ эпизодахъ житія: 1) когда жители мѣста, гдѣ впервые вселился святой, отгнали его, воздвигнутые діаволомъ („якоже и втораго Димитрія прилуцкаго чудотворца“, замѣчаетъ біографъ: л. 41 об.), то онъ, „якоже обычаи имать кротости и смиренюмудрія, никакоже о семъ вопреки глагола къ нимъ или гнѣвашеса на нихъ“; напротивъ того, онъ „показуетъ смиреніе, показуетъ и любовь, побѣждаетъ благимъ ихъ смиръство и злобу, молитву о нихъ

приносить къ богу глаголя: не вѣдѣи имъ господи сего во грѣхъ, остави имъ согрѣшеніа ихъ. и тако блаженнымъ уклоняется отъ зла ихъ и сотвориаетъ имъ благо“ (л. 41 об.—42 об.), удалившись съ учениками изъ того мѣста; 2) Василій, сынъ боярскій, намѣстникъ повгородскаго архієпископа, подсылаетъ разбойниковъ ко святому; но когда обитель была чудесно избавлена отъ нихъ (они видѣли вооруженныхъ людей окрестъ обители и бѣжали), Василій приноситъ покаяніе святому; послѣдній же „наказавъ его съ кротостію и прощеніе ему дарова“ (л. 66) и возблагодарилъ Бога за свое спасеніе; 3) кротко относится Антоній къ рыболовамъ, которые жаловались на неудачную ловлю, а когда онъ посылалъ ихъ вновь на ловлю, „къ Красному Носу“, возражали ему: мы уже потеряли доброе время, и неужели ты вновь посылася насъ трудиться? „онъ же рече имъ въ кротости своего сердца. вѣмъ о вашемъ о братіе моя возлюбленнаяа благомъ послушаніи. и о всенераскаянномъ усердіи вашемъ. но обаче сотворите нынѣ ко мнѣ послушаніе и узрите славу божію. милостивъ бо есть“ (л. 118). Покорившись его увѣщанію, рыболовы поймали множество великихъ рыбъ (мѣсто ловли получило названіе „Антоніевой тони“).

Что касается общихъ характеристикъ святаго, который дѣлаетъ самъ біографъ, то мы можемъ замѣтить, что и въ нихъ онъ со вниманіемъ останавливается на кротости и смиреніи Антонія; такъ, послѣ сообщенія о принятіи имъ игуменскаго сана и обычнаго въ житіяхъ указаніи, что достигши начальства, святой еще „на большіе труды и подвиги простирашеся“ (л. 88), біографъ же въ столь же обычныхъ выраженіяхъ кратко говоритъ о его воздержаніи, непрестанной молитвѣ, о храненіи чистоты ума, а далѣе съ особымъ вниманіемъ останавливается именно на томъ, какъ Антоній воспоминалъ „и се слово господне. аще кто хочеть вищій быти во братіи своей. да будетъ всѣхъ меньшій и всѣмъ слуга. и пакы не придохъ да послужать мнѣ. но да послужу имъ“; стол по

же по тогдашнему состоянию медицины, далеко не все было сделано для предотвращения рокового исхода болѣзни отнюдь не дряхлаго и вообще обладавшаго крѣпкимъ здоровьемъ писателя. Изданный К. Я. Гротомъ письма и замѣтки сохранились среди бумиговъ Я. К. Грота въ особомъ конвертѣ, съ собственноручною его надписью: „Письма И. И. Дмитріева къ Н. И. Пясковой и бумажки, относящіяся къ его смерти и биографіи“, и помѣтой: „25 октября 1868 г.“. Такъ какъ означенныя письма и замѣтки даютъ, до известной степени, возможность опредѣлить между прочимъ, литературныя отношенія поэта и нравственными связи Ивана Ивановича Дмитріева съ отсутствующими близкими людьми и друзьями, а равно и его умственные интересы за послѣдній періодъ жизни, то вышеназванное изданіе К. Я. Грота получаетъ, несомнѣнно, особенно важное значеніе вообще.

В. Истомина.

1 марта 1902 г.
г. Люблинъ.

РУССКО-НѢМЕЦКІЙ СЛОВАРЬ

Павловскій, И.

Въ продажѣ нѣтъ:

Нѣмецко-русскій словарь.
3-ье изданіе, 1927 страницъ, 2
цѣна въ бумажкѣ 8 руб., въ ко-
реши. переплетъ 9 руб.

Павловскій, И.

Русско-нѣмецкій словарь.

Третье
совершенно
переработанное,
исправленное и
дополненное изданіе.
Около 1600 страницъ,
в 8 вѣт. по 1 руб.

Первый выпускъ отпускался, для
просмотра, при выставкѣ почтовыхъ
марокъ на сумму 1 руб. 15 коп., ка-
ковою сумму, въ случаѣ отказа отъ
приобрѣтенія, будетъ немедленно
возвращена.

Въ изданіи книжного
магазина
Н. Киммеля
въ Ригѣ
выходятъ:

НѢМЕЦКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ

Въ изданіи книжного
магазина
Н. Киммеля
въ Ригѣ
выходятъ:

Опечатки въ 46 т. Р. Ф. В.

<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть.</i>
257	24	шестидесяти	пятидесяти
260	28	уже не	также
270	16	любого	любого
271	6	ничто же	и ничто же
303	22	Бѣлорусскія	Бѣломорскія

Въ изданіи Русскаго Филологическаго Вѣстника принимаютъ участіе своими трудами слѣдующія лица (профессоры и преподаватели): А. И. Александровъ, А. С. Архангельскій, Е. Θ. Будде, А. С. Вудиловичъ, Р. Θ. Брандтъ, В. А. Богородицкій, И. А. Бодуэнъ де Куртене, С. Н. Брайловскій, И. М. Вѣлоруссовъ, А. Ветуховъ, К. Я. Гротъ, П. С. Державинъ, Н. Н. Дурново, Н. Н. Ивановъ, В. А. Истоминъ, П. А. Заболотскій, И. Н. Замотинъ, А. П. Кадлубовскій, М. П. Каринскій, И. М. Камонъ, М. А. Карауловъ, Е. Θ. Карскій, П. А. Кулаковскій, акад. Θ. Е. Коршъ, В. Н. Мочульскій, В. К. Порезинскій, М. П. Петровскій, Н. М. Петровскій, Н. Н. Петровъ, А. Л. Погодинъ, Н. А. Смирновъ, Н. Θ. Суцловъ, акад. А. И. Соболевскій, И. П. Созоновичъ, М. Н. Сперанскій, П. А. Сырку, Г. К. Ульяновъ, акад. Ф. Θ. Фортунатовъ, М. Е. Халанскій, акад. А. А. Шахматовъ, Н. В. Шляковъ, А. И. Яцимирскій и др.

Изъ редакціи Русск. Фил. Вѣстн. можетъ быть выписываемъ

Русск. Филол. Вѣстн. (г-мъ Министромъ Нар. Просв. рекомендованъ для библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній М. Н. Просв., а Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ для фонд. библиотекъ Дух. Семинарій), за прежніе годы; цѣна за 1881, 1882, 1888, 1889, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898 и 1899 по 4 руб. (вм. 7 р.); 1887, 1890 и 1891 по 5 р. (вм. 7 р.); за 1900 и 1901 по 7 р. съ пересылкой, при чемъ выписывающимъ за разъ нѣсколько годовъ журнала дѣлается еще уступка: отъ 2 до 4 экз. 10%, отъ 5 до 9—15%, отъ 10 и выше — 20%.

Русскій Филол. Вѣстникъ выходитъ приблизительно въ слѣд. сроки: № 1-й въ апрѣлѣ, № 2 въ іюнѣ, № 3 въ октябрѣ, № 4 въ декабрѣ; разсылается онъ черезъ Галетиную экспедицію. Редакція проситъ гг. подписчиковъ, въ случаѣ неполученія какой либо книги въ вышеуказанные сроки, прежде всего мавести справки на мѣстѣ назначенія, т. е. въ томъ почтовомъ учрежденіи, которое доставляетъ книги подписчику. Если окажется, что книга не получена тамъ, то покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ извѣстять объ этомъ редакцію и мѣстѣ прислать удостовѣреніе отъ мѣстнаго почтового учрежденія о неполученіи.

Редакторъ-издатель профессоръ А. И. Смирновъ.

проповѣдывавшія здравые педагогическіе принципы. Къ числу этихъ поистинѣ благородныхъ, самоотверженно энергичныхъ и патріотическихъ дѣателей, описаніе жизни и трудовъ которыхъ представляетъ и будетъ представлять наиболѣе интересныя и поучительныя страницы въ исторіи русскаго воспитанія и образованія вообще и въ частности — во второй половинѣ истекшаго столѣтія, относится и Константинъ Дмитриевичъ Ушинскій.

Кто изъ образованныхъ и даже мало-мальски грамотныхъ русскихъ людей не слышалъ и не знакомъ съ именемъ этого неутомимаго труженника на нивѣ нашего родного образованія въ эпоху царствованія Императора Александра II: оно даже стало народнымъ, ибо дѣля поколѣнія русскаго народа начинали и долго, повидимому, еще будутъ начинать изученіе русскаго языка и свое образованіе съ «Родного Слова» и «Дѣтскаго Мира». И даже въ настоящее время, несмотря на массу появившихся книгъ для первоначальнаго обученія русскому языку, значеніе «Родного Слова» Ушинскаго не умалилось: оно попрежнему расходится ежегодно въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Попробки современниковъ К. Д. и послѣдующихъ дѣателей на поприщѣ народнаго образованія составить такія книги для первоначальнаго изученія родного языка, которые могли бы конкурировать съ названною книгою Ушинскаго, не увѣчались и, видимо, не увѣчиваются успѣхомъ. Болѣе талантливыя и серьезныя современные педагоги въ изданныхъ ими книгахъ для означенной цѣли являются только подражателями К. Д., а менѣе талантливыя — даже и въ подражаніи «Родному Слову» слабы, и, можетъ быть, volens-но lens, такими своими изданіями служатъ къ вящей славѣ имени покойнаго педагога. О педагогахъ же, которые, повидимому, задаются при изданіи своихъ книгъ только завиднымъ успѣхомъ «Родного Слова» Ушинскаго, не слѣдовало бы и упоминать. Такихъ издателей много расплодилось въ наше время, но зато ихъ изданія свидѣтельствуютъ, что авторы ихъ безсильны даже и въ подражаніи Ушинскому и напрасно вообража-

ють себя педагогами, ибо, по мѣткой характеристикѣ того же Ушинскаго, подобные педагоги вооружаются не перомъ, а *ножницами* и, вырѣзывая листы изъ разныхъ старыхъ изданій, работаютъ быстро, рѣшительно и неразборчиво и... составляютъ въ концѣ концовъ такіа книги для *первоначальнаго чтенія*, которыя положительно полезнѣе замѣнить чтеніемъ казенныхъ объявленій, печатаемыхъ въ газетахъ ¹⁾).

К. Д. Ушинскій изданнымъ имъ «Роднымъ Словомъ» оказалъ неоцѣнимую услугу всему дѣлу школьнаго и домашнего начального образованія. Онъ первый изъ нашихъ педагоговъ истолковалъ эту сложную, труднѣйшую отрасль обученія въ деталяхъ, разъяснилъ ее отъ азбуки до сознательной грамотности. Своими печатными трудами по начальному обученію К. Д. создалъ разумную русскую школу, разумное первоначальное обученіе — воспитывающее, образующее, облагораживающее умъ и чувство, вызывающее учащагося къ самообразованію, самосовершенствованію.

Время выступленія Ушинскаго на педагогическомъ поприщѣ было началомъ крутого перелома въ русскомъ обществѣ. Это время было временемъ сильнаго умственного возбужденія нашего общества. Толчокъ такому возбужденію былъ данъ Крымской войной. Какъ извѣстно во время этой войны обнаружались тѣ наши общественные недостатки, которые, послуживъ главною причиною неблагопріятнаго для насъ исхода этой войны, воочію засвидѣтельствовали о необходимости нравственнаго и умственного самоочищенія русскаго общества посредствомъ улучшенія воспитанія и измѣненія социальныхъ условій жизни. Когда въ 1856 году въ «Морскомъ Сборникѣ» была напечатана горькая для общественнаго сознанія, но либеральная по затронутымъ вопросамъ въ отношеніи къ духу времени статья Н. И. Циригова подъ заглавіемъ

¹⁾ См. статью Ушинскаго «Цѣль московской педагогіи на петербургской почвѣ», Отеч. Дви. 1860 г.

«Вопросы жизни», наши правительство и общество проявили особенное вниманіе къ воспитательному дѣлу. То и другое видѣли въ улучшеніи воспитанія одно изъ могущественныхъ средствъ къ улучшенію общественнаго и бытового строя нашей жизни. А отсюда произошло то, что вопросы воспитанія сдѣлались злобою дня: ихъ обсуждали въ клубахъ, въ учебныхъ заведеніяхъ и семьяхъ, въ печати; сначала такое вниманіе къ вопросамъ воспитанія, естественно, проявилось въ столицахъ, а затѣмъ, перейдя въ провинцію, распространилось по всей Руси. Въ свою очередь правительство, чутко относясь къ проявившимся въ обществѣ усиленнымъ стремленіямъ къ самонаправленію, проектировало рядъ реформъ въ учебныхъ заведеніяхъ и искало людей способныхъ къ осуществленію этихъ реформъ. И вотъ такой человекъ нашелся въ лицѣ К. Д. Ушинскаго, ставшаго во главѣ русскаго педагогическаго движенія со второй половины пятидесятихъ годовъ. Онъ осмыслилъ это движеніе, былъ истолкователемъ и руководителемъ его, далъ направленіе печати и обществу въ ихъ стремленіи къ улучшенію, правды — пересозданію всего учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи. Исключительно выдающаяся по своей успѣшности дѣятельность Ушинскаго въ этомъ отношеніи обуславливалась какъ его высокими личными качествами, такъ и его теоретическою и практическою подготовкою къ учебно-воспитательному дѣлу.

По своимъ качествамъ К. Д. принадлежитъ къ числу наиболѣе свѣтлыхъ личностей русскаго общества 50-хъ и 60-хъ годовъ прошедшаго столѣтія. Недюжинный умъ, широкое образованіе, твердый, независимый, настойчиво энергичный характеръ, высокія истинно-христіанскія качества души и глубокій патріотизмъ составляютъ характеристическія качества Ушинскаго, какъ человека; какъ гражданинъ и общественный дѣятель, онъ горячо относился къ насущнымъ вопросамъ нашего семейнаго и общественнаго воспитанія и около 15 лѣтъ трудился надъ ихъ разра-

боткою, надъ дѣломъ созиданія и упроченія русской школы на началахъ раціональной педагогикѣ.

К. Д. родился въ 1824 году въ г. Тулѣ, но дѣтство свое провелъ въ усадьбѣ своего отца вблизи Новгородъ-Сѣверска, Черниговской губерніи. Въ дѣтскій періодъ своей жизни онъ счастливо избѣгъ всѣхъ тѣхъ неблагопріятныхъ для правильнаго воспитанія жизненныхъ условій, которыя, дурно вліяя въ эту пору жизни, кладутъ потомъ особый отпечатокъ на характеръ человека въ теченіе зрѣлаго періода его жизни: не видѣлъ онъ ни угнетающей его родителей бѣдности и постоянной борьбы изъ-за куска хлѣба и происходящихъ отсюда и по другимъ причинамъ семейныхъ драгъ; не чужой глазъ и не чужія руки досматривали за нимъ и руководили его, а вѣжно любившая его мать. Неприглядность городской жизни съ ея вѣчной сумятицей и преждевременнымъ развитіемъ дѣтей также мало коснулася К. Д. въ этотъ періодъ его жизни. Жизнь его въ описываемое время протекла при вполнѣ благопріятныхъ для нравственнаго и физическаго воспитанія условіяхъ. Отецъ и мать его, по происхожденію малороссійскіе дворяне, были люди образованные и зажиточные. Главную роль въ воспитаніи маленькаго Кости принимала мать: своею согласною и мирною жизнью съ мужемъ, своимъ мягкимъ и кроткимъ характеромъ, своею религіозностью и вѣжною любовью къ сыну, она привила послѣдному зачатки того идеальнаго взгляда на русскую семью и на ея значеніе въ дѣлѣ воспитанія, который К. Д., въ зрѣлую пору жизни, проводилъ и въ своихъ сочиненіяхъ и въ практической дѣятельности. Не безъ хорошаго вліянія на общій строй личности Ушинскаго оказалось и то обстоятельство, что свое дѣтство онъ провелъ въ деревнѣ — мѣстности живописной, на лонѣ природы, среди простодушнаго крестьянскаго люда. Отецъ К. Д., первоначально состоявшій въ военной службѣ, по увольненіи отъ оной, поступилъ на должность Новгородъ-Сѣверскаго уѣзднаго судьи. Онъ былъ человекъ безусловно честный и справедливый и пользо-

вался у всѣхъ, знавшихъ его, уваженіемъ. Запнявъ означенную должность, отецъ К. Д. проживалъ не въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, а въ находившемся въ 4-хъ верстахъ отъ этого города своемъ имѣніи Богданкѣ, гдѣ у него былъ собственный благоустроенный съ обширнымъ садомъ домъ. При домѣ находилась обширная библіотека, а расположень онъ былъ на мѣстности, съ которой открывался прекрасный видъ на рѣку Десну. Въ этомъ-то домѣ и провелъ свое дѣтство К. Д. Ушинскій. Здѣсь, въ деревнѣ, получила начальное развитіе та любовь Ушинскаго къ природѣ и народу, которая впоследствии обнаружилась въ присущемъ общему складу личности покойнаго педагога поэтическомъ настроеніи, во взглядахъ его на воспитательное значеніе природы и въ горячемъ словѣ о необходимости образованія народной массы. Въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій онъ въ такихъ словахъ высказался о благотѣльномъ вліяніи природы на учащихся въ школьный періодъ ихъ жизни: „прекрасный ландшафтъ, окружающій ребенка и юношу, имѣетъ огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души“. Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же сочиненій Ушинскій, вспоминая о своихъ уединенныхъ прогулкахъ на лонѣ природы, на любимыхъ кручахъ берега Десны, между прочимъ, говоритъ: „Боже мой, сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ «кручахъ», нависшихъ надъ рѣкою, какъ оживлялась и наполнялась впечатлѣніями жизнь моя, когда приближалась весна! Я слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждой малѣйшей перемѣной въ борьбѣ зимы и лѣта. Тающій снѣгъ, чернѣющій ледъ рѣки, расширяющіяся поляны у берега, проталины въ саду, земля проглядывающая тамъ и сямъ изъ подъ снѣга, прилетѣть птицъ, оживающій лѣсъ, шумно бѣгущіе съ горъ ручьи — все было предметомъ моего страстнаго, недремлющаго вниманія, и «впечатлѣнія бытія» до того переполняли мою душу, что я ходилъ, какъ полуслѣпый. Вотъ и снѣгу нѣтъ болѣе, и непріятная нагота деревьевъ въ саду замѣнилась со всѣхъ сторонъ манящими, таинственными зелеными

глубинами; вотъ и вишни брызнули молокомъ цвѣтовъ, зарюбовѣли яблони, капитанъ поднялъ и распустилъ свои красивые султаны, и я бѣжалъ каждый разъ изъ гимназіи домой, какъ будто мени ждало тамъ и невѣсть какое сокровище. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не былъ страшнымъ богачомъ, миллионеромъ, въ сравненіи съ дѣтьми, запертыми въ душныхъ стѣнахъ столичнаго пансіона. Какія впечатлѣнія могутъ быть даны имъ взаимѣнъ этихъ живыхъ, сильныхъ, воспитывающихъ душу впечатлѣній природы? Послѣ уже будетъ поздно пользоваться ими, когда сердце утратитъ свою дѣтскую мягкость, а разумокъ станетъ между человѣкомъ и природой. Напротивъ, о городской жизни, гдѣ трудно видѣть нѣтъ-ва громадскихъ построекъ живую природу. Ушинскій въ одномъ изъ неапечатанныхъ своихъ сочиненій говоритъ: „Толстыми каменными стѣнами учебныхъ заведеній большихъ городовъ, вокругъ — желѣзо и камень, камень и желѣзо, даже безъ куска земли, наверху — кусокъ вѣчно-закрытаго неба, внутри — то гробовое молчаніе, то офиціальныи гулъ, въ которомъ исчезаетъ всякая личность; повсюду сердитые аргусовскіе глаза купленнаго надзора, повсюду форма и чиновность, вѣчная чистка и лакировка — все это вѣсть на меня какой-то безвыходной тоской, какой-то мучительной бессмыслицей“.

Воспитаніе и образованіе К. Д., начавшееся при благоприятныхъ условіяхъ въ домѣ родителей, продолжалось при такихъ же условіяхъ и въ школьный періодъ его жизни. Среднее образованіе Ушинскій получилъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, поступивъ въ это заведеніе, благодаря хорошей домашней подготовкѣ, прямо въ 3-ій классъ. Названная гимназія въ описываемое время, не отличаясь отъ другихъ подобныхъ учебныхъ заведеній по постановкѣ учебнаго дѣла или даже уступая въ этомъ отношеніи многимъ изъ нихъ, особенно сильно вліяла на учениковъ своимъ воспитательнымъ строемъ. Директоромъ гимназіи въ то время былъ Ильи Фёдоровичъ Тимковскій, человѣкъ достойный, по свидѣтельству лицъ, его знав-

шихъ, высокаго уваженія и имѣвшій огромное вліяніе на своихъ воспитанниковъ. Это былъ педагогъ по призванію. Съ искренней любовью и уваженіемъ къ наукѣ, онъ хранилъ въ душѣ своей также истинно-юношескій жаръ и чистыя, величественныя религіозныя убѣжденія. Ученики, воспитывавшіеся въ гимназій во время его директорства, выносили съ собою въ жизнь любовь къ учебному заведенію и своимъ учителямъ и воспитателямъ, уваженіе не только къ наукѣ и ученымъ ея представителямъ, но даже и къ тѣмъ изъ товарищей, которые занимались хотя одною какою-либо наукою, а также—крѣпкія товарищескія связи между собою. Такое благотворное вліяніе Новгородъ-Сѣверской гимназій на своихъ воспитанниковъ объясняется тою, относительно говоря, свободою, которою пользовались учащіеся во время директорства Тимковскаго. Живя не въ общежитіи, а по частнымъ квартирамъ, они не были стѣснены въ ихъ домашней, внѣ стѣнъ гимназій, жизни, постояннымъ надзоромъ начальства. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, имъ были доступны общія прогулки и товарищескія собранія, на которыхъ молодые люди занимались, главнымъ образомъ, чтеніемъ литературныхъ произведеній и обсужденіемъ прочитаннаго и, входя между собою въ болѣе близкія отношенія, знакомились съ положеніемъ другъ друга, со взглядами, убѣжденіями, идеальными стремленіями и съ нравственными и матеріальными нуждами того или другого товарища.

Эти хорошія стороны въ жизни Новгородъ-Сѣверской гимназій оказали благотворное вліяніе на Ушинскаго. Благодаря имъ, онъ возмужалъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ въ большей степени, чѣмъ можно было ожидать въ его годы. Умственный и нравственный кругозоръ его расширился, въ немъ — по воспитанію аристократъ — развился демократическій духъ всеословности и уваженія къ людямъ независимо отъ ихъ происхожденія и состоянія. „Ознакомившись впоследствии со многими учебными заведеніями, говорятъ біографъ К. Д.

г. Фролковъ, Ушинскій высоко ставилъ свою гимназію, недостатки которой ему хорошо были извѣстны, и вотъ что говорить онъ въ одномъ изъ своихъ ненапечатанныхъ изданій: „Случалось мнѣ видѣть и такіа заведенія, гдѣ, не смотря на собраніе лучшихъ столичныхъ преподавателей, презрѣніе къ наукѣ было предметомъ хвастовства для воспитанниковъ, и такіа, гдѣ пятнадцатилѣтній мальчикъ уже видитъ за учебникомъ исторіи или географіи классъ, чинъ, мѣсто, и рассчитываетъ свое прилежаніе по выгодамъ будущей службы: и такіа, гдѣ мальчики, еще плохо читающіе по-русски, считаются чинами и породами своихъ родныхъ, и гдѣ одинъ воспитанникъ подаетъ другому руку послѣ глубокихъ соображеній. Когда мнѣ встрѣчаются молодые люди, кончившіе курсъ въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи, но у которыхъ не было не только ни одной самостоятельной научной мысли, не только ни малѣйшей любви къ какой нибудь наукѣ, но которые презрительно отзывались о своей учебной жизни, о своихъ профессорахъ и даже вообще объ учености, ученыхъ и наукъ... о! тогда я по достоинству оцѣнилъ и наше уваженіе къ одамъ Горация и нашу любовь къ учителю исторіи, и нашу гордость своими маленькими свѣдѣніями, и почтительный страхъ, который овладевалъ нами при словѣ *университетъ*».

Но полное сформированіе личности Ушинскаго произошло въ московскомъ университетѣ. Въ 1840 году онъ поступилъ на юридическій факультетъ этого университета только по особому экзамену. Последнее явленіе въ школьной жизни К. Д. объясняется тѣмъ, что, недостаточно усердно занимаясь въ гимназій уроками, онъ не могъ кончить удовлетворительно курса и по этой именно причинѣ ему для поступленія въ университетъ пришлось держать особый экзаменъ. Московскій университетъ въ то время находился въ наиболѣе цвѣтущемъ по составу профессоровъ состояніи. Слану его составляли профессора по кафедрамъ: исторіи—Грановскій, энциклопедіи законовѣдѣнія и государственнаго права—П. Г.

Рѣдкинъ, политической экономіи и статистики — Чивилевъ, римскаго права — Крыловъ и нѣкоторые другіе. Получивъ широкое философское образованіе и горячо любя науку, эти ученые своими одушевленными лекціями, строявшимися на глубокихъ философскихъ началахъ, возбуждали въ студентахъ живой интересъ къ наукѣ, вносили въ жизнь молодежи внутреннее содержаніе путемъ расширенія ихъ міровоззрѣнія и обоснованія его на философскихъ началахъ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно благотворное вліяніе на студентовъ имѣлъ П. Г. Рѣдкинъ, посвящавшій большую часть курса критическому очерку исторіи философіи.

Кромѣ науки, другими факторами, благотворно вліявшими на Ушинскаго въ университетскій періодъ его жизни, были товарищество и самостоятельное чтеніе философскихъ и художественныхъ литературныхъ произведеній. Развитая въ немъ еще въ бытность его въ гимназій склонность къ товарищескимъ связямъ, въ университетѣ нашла широкое примѣненіе. Имѣя въ своей основѣ общность научныхъ интересовъ, чистоту нравственныхъ и эстетическихъ стремленій, отсутствіе между студентами счетовъ родовыхъ и по состоянію, чуткую внимательность къ явленіямъ современной общественной и міровой жизни при полной свободѣ, которою пользовались въ своемъ житейскомъ быту студенты, студенческое товарищество того времени выражалось во взаимной помощи при матеріальныхъ недостаткахъ и при научныхъ запатіяхъ, въ общихъ собраніяхъ для развлеченій и бесѣдъ. Всѣ эти товарищескія качества находили особенно живое проявленіе въ К. Д.: свѣтлый умъ, свободная и острая рѣчь и всегдашняя готовность помочь товарищу нравственно и матеріально, пріобрѣли ему уваженіе среди студентовъ. Обычно студенческія собранія въ описываемое время происходили близъ университета въ трактирчикѣ «Великобританія». Здѣсь проводили студенты часы досуга въ бесѣдахъ и спорахъ о specially науч-

ныхъ философскихъ и нравственныхъ вопросахъ, о политикѣ, литературѣ и искусствѣ.

Изъ разныхъ видовъ послѣдняго преимущественно любовью студентовъ пользовалось сценическое искусство. На усиленіе интереса къ этому роду искусства въ студентахъ описываемаго времени особенно большое вліяніе, между прочимъ, оказывали артисты Щенкинъ и Мочаловъ, игравшіе на сценѣ московскаго театра. Какъ и многіе его товарищи, Ушинскій любилъ посѣщать театръ и послушать знаменитыхъ артистовъ, въ особенности въ трагическихъ роляхъ. Независимо отъ посѣщенія театра, въ часы досуга онъ занимался самостоятельнымъ чтеніемъ философскихъ и художественныхъ произведеній, особенно Пушкина, Гёте, Гофмана, Жана Поля-Рихтера и нѣкоторыхъ другихъ писателей, а также давалъ частные уроки, такъ какъ матеріальное благосостояніе его родителей съ каждымъ годомъ ухудшалось, и они по этой причинѣ не могли давать своему сыну достаточныхъ средствъ для самаго скромнаго существованія. Но трудовое, независимое существованіе не тяготило юнаго Ушинскаго, а прибавило ему энергіи и послужило прекрасной школой для воспитанія въ немъ твердой воли. Вообще университетскій періодъ жизни на столько хорошо повліялъ на развитіе во всѣхъ отношеніяхъ Ушинскаго, что не смотря на то, что окончилъ курсъ университета на 20-мъ году своей жизни, онъ представлялъ собою въ этомъ возрастѣ уже вполне цѣльную личность.

Ушинскій окончилъ курсъ университета въ 1844 г. 2-мъ кандидатомъ права и чрезъ два года, въ виду прекрасной аттестаціи юридическаго факультета, приглашенъ былъ попечителемъ московскаго учебнаго округа графомъ С. Г. Строгановымъ въ Ярославскій Демидовскій лицей на кафедру энциклопедіи законовѣдѣнія, исторіи законодательства и финансовой науки. О преподавательской дѣятельности его въ лицей, одинъ изъ біографовъ К. Д., именно М. Л. Песковский, сообщаетъ слѣдующее: „Со всѣмъ пыломъ чистой юношеской души предался юный

профессоръ чтенію лекцій, къ чему почувствовалъ страстное влеченіе. Добросовѣстно готовясь къ лекціямъ, онъ мастерски излагалъ ихъ—ясно, съ жаромъ, увлекательно. Вскорѣ онъ занялъ одно изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ среди другихъ профессоровъ Ярославскаго лицея, какъ даровитый лекторъ, вполне владѣвшій предметомъ и пользовавшійся большимъ расположеніемъ и уваженіемъ учащихся, оказывая сильное и благотворное вліяніе на нихъ.

Помимо лекцій, популярности его много способствовала также и рѣчь, произнесенная имъ на торжественномъ собраніи лицея 18 сентября 1848 года, «О камеральномъ образованіи». Эта рѣчь служитъ, между прочимъ, прекраснымъ доказательствомъ, съ какой громадной пользою для себя и для другихъ проработалъ Ушинскій четыре года на профессорской кафедрѣ. Въ эту эпоху необычайно юнаго положенія русской науки и слѣпного подражанія во всемъ наукѣ заграничной, главнымъ же образомъ—нѣмецкой, Ушинскій выступилъ вдругъ рѣзкимъ порицателемъ и противникомъ нѣмецкой системы камеральнаго образованія. Въ рѣчи своей онъ талантливо доказалъ, что нѣмецкіе камералисты очень неудачно смѣшали науку и искусство, что сочиненія ихъ по предметамъ камеральнаго образованія представляютъ лишь сборники разныхъ совѣтовъ и указаній по разнымъ отраслямъ промышленности. Отвергнувъ нѣмецкую систему, какъ рецептурную, но вовсе не научную, Ушинскій предложилъ свою собственную. По его плану, основой камеральнаго образованія должно служить изученіе родины въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ-то: семьи и всей вообще народной хозяйственной дѣятельности. Кромѣ того, онъ указалъ необходимость изученія народныхъ юридическихъ понятій, въ связи со всеми вообще условіями мѣстной жизни.

Программа эта, свидѣтельствуя о широтѣ и глубинѣ познаній юнаго еще Ушинскаго, о самостоятельности и смѣлости его воззрѣній, заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, какъ первый голосъ въ русской наукѣ въ пользу экономическаго и бытового изученія народной жизни,

о чемъ въ ту пору никто и думать не могъ. И только теперь, спустя болѣе 40 лѣтъ послѣ того, какъ Ушинскимъ впервые было указано на необходимость всесторонняго и тщательнаго мѣстнаго изученія, оно стало наконецъ предметомъ лучшихъ общественныхъ и правительственныхъ заботъ.

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе и выдвинула Ушинскаго въ ряду его собратій по наукѣ, какъ человека, имѣющаго свой самостоятельный взглядъ, вдохновленнаго стремленіемъ приурочить науку прежде всего служенію интересамъ родины, русскаго народа. „Народность“ впервые вычавшая пульсировать въ русской литературѣ въ началѣ 40-хъ годовъ, такъ характерно проявилась въ научныхъ стремленіяхъ Ушинскаго, какъ профессора, пытавшагося произвести цѣлый переворотъ въ области камеральнаго образованія, представлявшаго въ то время соединеніе юридическихъ наукъ съ естественными и имѣвшаго большое значеніе во всей практической дѣятельности.

Въ другое время, при иныхъ условіяхъ нашей жизни, рѣчь «О камеральномъ образованіи» должна-бы была послужить началомъ блестящей ученой карьеры Ушинскаго. Но не таковъ былъ 1848 годъ, какъ начало крайне неблагоприятнаго поворота для науки, печати, всякихъ вообще возвышенныхъ порывовъ и стремленій. Ушинскій, однако, какъ бы совсѣмъ не замѣчалъ этого. Жадный къ труду, воспитавшій въ себѣ потребность и умѣнье много и упорно работать, привыкшій все перерабатывать самостоятельно, онъ успѣлъ уже, что называется, до корней научить сочиненія Карла Риттера по земледѣлію, усиленно занимаясь притомъ и юридическими науками. Какъ профессоръ и ученый, онъ окончательно созрѣлъ, установился. Но въ это-то именно время его подстерегаетъ уже первый тяжелый ударъ въ жизни.

Начавшійся въ 1848 году неблагоприятный поворотъ въ русской жизни, добрался, наконецъ, въ 1850 году и до Демидовскаго лицея, мирно занимавшагося наукой, и толь-

ко съ одной, въ провинціальной глуши. Стремленіе все подвести въ жизни подъ шаблонную мѣрку, усчитать или даже предрѣшить всякій шагъ въ дѣятельности каждаго и всѣхъ на всевозможныхъ поприщахъ общественнаго служенія, — очень тяжело и пагубно отразилось главнымъ образомъ въ области ученой дѣятельности, вызвавъ невообразимый застой мысли въ русскомъ обществѣ. Отъ преподавателей высшей науки потребовали не только самыхъ полныхъ, подробныхъ программъ, съ указаніемъ что и изъ какого именно сочиненія они намѣрены цитировать, но еще и съ распредѣленіемъ всего курса преподаванія по днямъ и часамъ. Когда на совѣтѣ преподавателей Демидовскаго лицея было заявлено такое требованіе — это вызвало столкновеніе Ушинскаго съ начальствомъ. Онъ горячо доказывалъ, что живое педагогическое дѣло вообще и тѣмъ болѣе ученую дѣятельность „невозможно связывать такими формальностями“; что каждый преподаватель долженъ прежде всего сообразоваться со своими слушателями; что предвзятое раздробленіе „курса на часы“, „совершенно убьетъ живое дѣло преподаванія“.

Такой трезвый взглядъ на педагогическія обязанности и задачи дѣласть большую честь Ушинскому. Но отъ него требовали не разсужденія, а безпрекословнаго исполненія именно того, что должно было „убить живое дѣло“. Вѣрный принципъ, что „на такое убійство не отважится ни одинъ честный преподаватель“ — Ушинскій вынесъ изъ лицея въ 1850 году. Примѣру его послѣдовали и нѣкоторые другіе преподаватели. Съ оставленіемъ службы въ лицей, Ушинскій остался также и безъ средствъ къ жизни. Съ цѣлью пріискать работы, онъ переехалъ на жительство въ С.-Петербургъ. Но прежде, чѣмъ нашлись здѣсь занятія, ему пришлось много вытерпѣть отъ матеріальныхъ недостатковъ. „Не желая покидать педагогической службы — говорить тотъ же М. Л. Песковский, онъ усиленно искалъ въ столицѣ хотя бы мѣста уѣзднаго учителя. Но напрасно: выходъ его изъ лицея служилъ искусственной преградой къ педагогической дѣятельности.

Бывшему профессору, страстному педагогу ничего болѣе не оставалось, какъ обратиться въ чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, по департаменту иностранныхъ исповѣданій, подъ вѣдѣніемъ графа Д. А. Толстого. Но здѣсь, на первыхъ же порахъ службы, острое слово, неосторожно оброненное Ушинскимъ по адресу графа Толстого и быстро облетѣвшее весь департаментъ, довольно рѣзко возстановило графа противъ Ушинскаго. Это недоброе чувство тяжело отразилось на Ушинскомъ главнымъ образомъ въ послѣдствіи, въ бытность графа Толстого министромъ народнаго просвѣщенія. Въ должности чиновника названнаго департамента К. Д. особеннаго рвенія къ службѣ не проявлялъ, такъ какъ чиновничество не было его призваніемъ. Свободное отъ службы въ департаментѣ время онъ употреблялъ на изученіе англійскаго языка, философіи и землѣвѣдѣнія Карла Риттера. Эти занятія, въ особенности англійскимъ языкомъ, пригодились ему для улучшенія его матеріальнаго благосостоянія, въ чемъ онъ такъ нуждался, тѣмъ болѣе, что вскорѣ по переездѣ въ С.-Петербургъ женился. Благодаря всесторонней эрудиціи, для него открылся доступъ къ работамъ въ періодической печати: онъ сталъ сотрудничать въ «Современникѣ» и «Библіотекѣ для чтенія», помѣщая въ этихъ изданіяхъ компилятивныя, переводныя и критическія статьи, написанныя умѣлымъ перомъ и отличающіяся душевнымъ жаромъ. Неся на себѣ массу черной работы въ названныхъ журналахъ, Ушинскій трудился, какъ говорится, не подкладая рукъ и нерѣдко за работой проводилъ напролетъ цѣлыя ночи. Непосильныя литературныя занятія скоро-бы надломили не отличавшееся крѣпостью его здоровье, если-бы по счастливой случайности ему не удалось занять въ 1855 году мѣсто преподавателя въ Гатчинскомъ Сиротскомъ институтѣ, а затѣмъ, вскорѣ, и инспектора классовъ того же института. Поступленіемъ на службу въ этотъ институтъ Ушинскій обязанъ бывшему директору Ярославскаго лицея П. В. Голохвостову, который, зная К. Д. по прежней службѣ

службѣ въ лицѣ, рекомендовалъ его почетному опекуну графу Ланскому. Съ поступленіемъ въ Гатчинскій институтъ Ушинскій пересталъ терпѣть матеріальную нужду. Обезпеченный въ этомъ отношеніи, онъ дѣлательно берется за руководство порученнымъ ему учебнымъ заведеніемъ. Чтобы понять тяжесть труда, который пришлось нести ему по должности инспектора названнаго института, нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что этотъ институтъ былъ огромнымъ заведеніемъ, представлявшимъ изъ себя цѣлую систему школъ, начиная съ дѣтскихъ начальныхъ до высшихъ классовъ съ курсомъ законовѣдѣнія. Благодаря академику А. В. Никитенко, преподававшему въ то время въ Смольномъ институтѣ, энергичная дѣятельность Ушинскаго въ Гатчинскомъ институтѣ сдѣлалась извѣстною министру народнаго просвѣщенія Норкову и вотъ въ 1859 году Д. К. былъ назначенъ и инспекторомъ классовъ обоихъ отдѣленій Смольнаго института. Это назначеніе состоялось въ цѣляхъ найти въ лицѣ Ушинскаго человека, который могъ-бы преобразовать институтъ сообразно духу времени, потребовавшаго расширенія умственнаго развитія и образованія женщины.

Какими принципами руководился Ушинскій въ своей дѣятельности въ Смольномъ институтѣ, объ этомъ мы можемъ судить по тѣмъ взглядамъ, которые онъ проводилъ въ своихъ сочиненіяхъ, говоря о вліяніи семьи и женщины-матери на воспитаніе дѣтей. И дѣйствительно, за время трехлѣтняго служенія въ Смольномъ институтѣ Ушинскій сдѣлалъ много благотѣльныхъ преобразованій. Дотошъ замкнутое и рутинное учебное заведеніе, не возбуждавшее въ обществѣ интереса, заново преобразовалось и зажило полною новою жизнью. Во всѣхъ слояхъ петербургскаго общества явился интересъ къ Смольному. Отцы и матери и лица, интересовавшіеся педагогическимъ дѣломъ, начали посѣщать институтъ, дабы видѣть на дѣлѣ то, о чемъ шла молва, именно образцовые уроки образцовыхъ учителей Смольнаго. Ученицы же,

относившіяся прежде къ ученью съ отираниемъ, полюбили учебныя занятія.

Чѣмъ же было вызвано, — спрашивается, — такое общественное вниманіе къ Смольному и такое оживленіе учебнаго дѣла въ этомъ институтѣ?

Чтобы были болѣе понятны реформы, кои имѣлъ К. Д. въ Смольномъ, нужно обратить вниманіе на то состояніе, въ какомъ находилось это учебное заведеніе до назначенія въ оное Ушинскаго. Названный институтъ съ 700 воспитанницъ составлялъ анахронизмъ въ періодъ свѣтлыхъ реформъ покойнаго Императора Александра II-го, какъ въ отношеніи своей административной организаціи, такъ и по постановкѣ учебной части. Учебный курсъ въ немъ не былъ одинаковъ для всѣхъ воспитанницъ: на такъ называемой благородной половинѣ — курсъ былъ одинъ, а не на благородной — другой. Для слабыхъ ученицъ существовали особыя параллельныя отдѣленія. Дѣти не получали надлежащаго развитія, ибо преподаваніе отличалось рутинностью, сухостью и схоластичностью. Преподаваніе русскаго языка въ младшихъ классахъ ограничивалось исключительно грамматикою; естествознаніе и географія преподавались такъ сухо и отвлеченно, что не возбуждали у дѣтей ни малѣйшаго интереса. Въ высшихъ классахъ вмѣсто практическаго изученія словесности, т. е. на художественныхъ образцахъ, путемъ чтенія и живого разбора таковыхъ на урокахъ въ классѣ, преподавалась риторика и піитика; математика была въ загонѣ и относилась только къ терпимымъ предметамъ. Программы учебныхъ предметовъ составлены были крайне дурно, а распредѣленіе послѣднихъ по классамъ не было поставлено въ соотвѣтствіе съ возрастомъ воспитанницъ, съ трудностью и послѣдовательностью изученія того или другого предмета. Ко всѣмъ этимъ недостаткамъ присоединялась еще полная отчужденность воспитанницъ отъ семьи: имъ не разрѣшали отпусковъ въ семью къ роднымъ на каникулы и большіе праздники.

Указанные недостатки въ постановкѣ учебной и воспит-

тательной части въ Смольномъ институтѣ Ушинскій за время своего служенія или вовсе уничтожилъ или же ослабилъ вредное ихъ вліяніе. Такъ, онъ сравнивалъ учебный курсъ обѣихъ половинъ, уничтоживъ параллельныя отдѣленія для слабыхъ ученицъ, такъ какъ эти отдѣленія не только не приносили никакой пользы, но прямой вредъ, раздражая самолюбіе ученицъ и принижая ихъ въ нравственномъ отношеніи; сухое преподаваніе въ низшихъ классахъ замѣнилъ нагляднымъ обученіемъ, положивъ въ основу обученія отечественный языкъ, при чемъ грамматическій способъ изученія родного языка замѣнилъ изученіемъ его въ живой рѣчи, введя въ широкой степени чтеніе принособленныхъ къ дѣтскому возрасту статей и литературныхъ образцовъ; изученіе естествовѣдѣнія и географіи, вмѣсто сухого перечня названій предметовъ органическаго и неорганическаго міра и географическихъ терминовъ и названій, поставилъ на болѣе практическую почву и тѣмъ оживилъ преподаваніе и усвоеніе этихъ предметовъ; вмѣсто реторики и піитики, замѣнявшихъ такъ называемую нынѣ словесность, ввелъ въ старшихъ классахъ непосредственное изученіе художественныхъ образцовъ какъ изъ отечественной литературы, такъ и изъ иностранной, и, такимъ образомъ, вмѣсто утомительнаго и притупляющаго зазубриванія ученицами правилъ реторики и піитики, предоставилъ имъ возможность къ изученію теорій словесности на примѣрахъ путемъ разбора литературныхъ образцовъ въ классѣ на урокъ. Математику, которою воспитанницы очень не охотно занимались, а преподаватели и начальствующія лица даже и не принимали мѣръ поощренія ихъ къ занятію этимъ предметомъ, Ушинскій поставилъ наравнѣ съ другими предметами, отнюдь не считая этотъ предметъ, вопреки установившемуся мнѣнію, только тернивымъ, а, напротивъ, могущественнымъ средствомъ умственного развитія женщинъ; курсъ ученія онъ распредѣлилъ на семь лѣтъ, съ годичнымъ обученіемъ въ каждомъ классѣ, а для практическаго ознакомленія воспитанницъ съ педагогикой и ди-

дактикой учредилъ особый педагогическій классъ, поставивъ во главѣ учебныхъ предметовъ этого класса русскую литературу, какъ предметъ наиболѣе другихъ способствующій эстетическому развитію женщины. Возстававъ противъ отчужденности воспитанницъ Смольнаго института отъ семьи, Ушинскій всетаки во время своей службы въ этомъ заведеніи не могъ уничтожить обычая не отпускать воспитанницъ на каникулы и большіе праздники къ роднымъ, хотя вскорѣ по выходѣ его изъ института упомянутый обычай былъ нарушенъ и воспитанницы стали пользоваться отпускомъ въ дома родителей.

Въ своей реформаторской дѣятельности въ Смольномъ институтѣ К. Д., будучи центромъ и душою всего дѣла, находилъ поддержку и оплотъ въ кружкѣ талантливыхъ преподавателей, коихъ онъ умѣлъ выбрать для сего заведенія. Такими преподавателями были: В. И. Водовозовъ, Л. Н. Модзалевскій, Д. Д. Семеновъ, М. И. Семеновскій, В. Н. Лядовъ, Раевскій, О. О. Миллеръ, Лемпи, Дестунисъ, В. О. Буссе, Массонъ, покойный священникъ Головинъ и нѣкоторые другіе. Отыскивая хорошихъ преподавателей для института, Ушинскій не обращалъ строгаго вниманія на то, какого образованія данное лицо и какой профессіи. Такъ, онъ пригласилъ въ число преподавателей офицеровъ: инженера М. О. Косинскаго, считавшагося основателемъ первой въ С.-Петербургѣ бесплатной ежедневной Таврической школы и трудившагося надъ разработкою методики математики, и М. Н. Семеновскаго, хорошаго учителя исторіи; для преподаванія русскаго языка въ младшихъ классахъ избранъ былъ извѣстный писатель Н. Г. Помяловскій, но послѣдній не пожелалъ поступить на должность преподавателя и, послѣ дачи нѣсколькихъ пробныхъ уроковъ, отказался отъ дальнѣйшаго преподаванія.

Благодаря энергіи, уму и неунынному труду названныхъ выше своихъ сопомощниковъ К. Д. и могъ только преобразовать институтъ. Безъ ихъ поддержки онъ не въ силахъ былъ-бы одолѣть тѣхъ препятствій при рефор-

мириваніи этого ваведенія, кои создаваемы были приверженцами старой рутины, служившими въ институтѣ. Въ числѣ же этихъ послѣднихъ состояла почти вся женская половина служащихъ, за исключеніемъ двухъ инспектрисъ: Е. П. Обручовой и А. К. Сентъ-Наллеръ.

Единодушнoй и осмысленно-разумной дѣятельности приверженцевъ Ушинскаго много способствовало также личное увлеченіе послѣдняго педагогическимъ дѣломъ и полная доступность для всѣхъ. Въ квартиру его являлись свободно всѣ его друзья и сослуживцы. Здѣсь они, воодушевленные самыми возвышенными идеалами относительно служенія отечественному воспитанію, въ бесѣдахъ и спорахъ вырабатывали программы и методы преподаванія, выясняли разныя задачи воспитанія и условія ихъ достиженія, педагогическіе взгляды и вообще систему воспитанія.

Разныя преобразованія, сдѣланныя Ушинскимъ въ Смольномъ институтѣ, удачный выборъ преподавателей, его обширная эрудиція въ области воспитанія и рѣдкая преданность дѣлу служенія просвѣщенію въ связи съ его литературною дѣятельностью, о которой мы будемъ говорить ниже, создали покойному педагогу столь рѣдкую извѣстность и авторитетъ въ избранной имъ спеціальности, каковыми при своей жизни пользовались немногіе избранные. Какъ велико было обаяніе Ушинскаго, можно судить уже по тому факту, что ему поручено было написать свое мнѣніе о воспитаніи Наслѣдника Престола. Но эта же слава К. Д., а также и его личный характеръ создали ему немало и враговъ. Будучи по природѣ чловѣкомъ простымъ и, вслѣдствіе болѣзненности, нервнымъ и раздражительнымъ, Ушинскій не могъ падать мелкихъ самолюбій людей, кои были не расположены къ его реформамъ; своею прямою оу онъ нерѣдко ихъ оскорблялъ и оскорбленные становились его врагами. Этими же людьми изведено было на него столь тяжкое обвиненіе, что онъ въ 1862 году долженъ былъ оставить службу въ Смольномъ институтѣ и въ теченіе нѣсколькихъ

дней, какъ говорится, не вставая съ мѣста, писать оправданіе. Все это, при общемъ болѣзненномъ настроеніи Ушинскаго, такъ повліяло на его здоровье, что онъ посѣдѣлъ въ теченіе тѣхъ дней, въ которые писалъ свое оправданіе и сталъ харкать кровью. Отъ угрожавшаго незаслуженнаго безчестія К. Д. спасся только благодаря милостивому покровительству покойной Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, которой онъ былъ лично извѣстенъ съ безупречной стороны. Но несмотря на оправданіе, Ушинскій не могъ оставаться въ должности инспектора Смольнаго института: онъ былъ причисленъ къ IV отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, съ оставленіемъ за нимъ прежняго содержанія.

Такъ какъ болѣзненное состояніе здоровья препятствовало Ушинскому нести какія-либо служебныя обязанности въ IV отдѣленіи, то весною 1862 года онъ, для поправленія здоровья, отправился съ семействомъ за границу. Поездка эта, впрочемъ, не была только его личнымъ дѣломъ, а носила характеръ командировки съ педагогическою цѣлью: во время ея онъ познакомился съ устройствомъ и постановкой учебной части въ загранич-ныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ означенной командировкѣ К. Д. находился до 1867 года, т. е. дѣ-лалъ пять лѣтъ, при чемъ большую часть этого времени провелъ въ Швейцаріи близъ Веве и въ Германіи. Въ Швейцаріи онъ изучалъ устройство учительскихъ семинарій, женскихъ школъ и народныхъ училищъ. Результатомъ этого изученія былъ рядъ его «Писемъ изъ Швейцаріи» (т. е. семь довольно объемистыхъ статей), печатаніе которыхъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Педагогическая поездка по Швейцаріи», началось съ конца 1862 г. „Большую пользу, говорить М. Л. Песковскій, принесли эти «Письма» русскому обществу. Разбирая положеніе школьнаго дѣла въ Швейцаріи, Ушинскій этимъ самымъ освѣщалъ и разныя стороны нашего школьнаго дѣла, до законодательства включительно. Освѣщеніе это производило тѣмъ болѣе впечатлѣніе, что Ушинскій вовсе не

восторгался школьнымъ дѣломъ въ Швейцаріи, а напротивъ серьезно, съ полнымъ пониманіемъ дѣла, разбиралъ его. Этимъ путемъ онъ очень удачно подчеркивалъ тѣ задачи и цѣли, къ которымъ должно стремиться родное наше школьное дѣло, и тѣ средства, которыми можно достигъ намѣченныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, анализъ школьнаго дѣла въ Швейцаріи былъ, такъ сказать, проникнутъ указаніями на потребности и нужды отечественнаго образованія.

Въ каждомъ «Письмѣ», почти въ каждой строчкѣ «Письма» сама собою чувствуется забота и дума о родномъ нашемъ школьномъ дѣлѣ. Дѣйствительно, въ эту пору душу Ушинскаго охватилъ мучительный пламень любви и преданности къ дѣлу русскаго народнаго образованія, только что зарождающагося въ ту пору.

Объ этомъ, между прочимъ, даетъ особенно ясное понятіе его «Письмо седьмое» (Цюрихъ), посвященное характеристикѣ всѣхъ осмотрѣнныхъ имъ учительскихъ семинарій въ разныхъ кантонахъ Швейцаріи. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ онъ въ заключеніи этого письма: „Возвращаясь въ Цюрихъ по берегу прекраснаго озера, я несколько соединилъ въ своемъ воспоминаніи всѣ четыре семинаріи, которыя видѣлъ, и не зналъ рѣшительно, которой изъ нихъ отдать пальму первенства; всякая изъ нихъ имѣла свои хорошія и свои слабыя стороны. Но какъ онѣ различны, какъ въ каждой изъ нихъ отразился свой особенный характеръ: семинарія Фрелиха дышетъ поэзією; семинарія Рюга — строгою логикою и методом; семинарія Кеттигера — здоровьемъ сельской семейной жизни; семинарія Фриса — наукой, современностью, яснымъ, спокойнымъ разсудкомъ и утилитаризмомъ... Можно по истинѣ удивляться, какъ всѣ эти три кантона: бернскій, арговійскій и цюрихскій, выработали себѣ свои особенныя, проникнутыя кантональнымъ характеромъ, семинаріи и какъ они отыскивали, каждый для своей семинаріи, такого директора, который типически выражаетъ въ себѣ характеръ кантона и развиваетъ его въ своихъ воспи-

танникахъ... Боже мой! — думалъ я про себя, вспоминая многія наши полу-иностранныя учебныя заведенія: когда же мы увидимъ такія же характерныя русскія воспитательныя заведенія и во главь ихъ — такія же типическія, русскія личности въ высоко-развитой, облагороженной формѣ, когда подобныя личности будутъ развивать въ воспитателяхъ благороднѣйшія черты истинно русскаго характера, а воспитатели будутъ вызывать этотъ характеръ въ молодыхъ поколѣніяхъ русскаго народа!“

Понимая безотрадное положеніе народнаго образованія въ Россіи, но лишенный возможности ринуться на родину для непосредственнаго, активнаго участія въ этомъ великомъ государственномъ дѣлѣ, Ушинскій всачески старается разбудить въ русскомъ обществѣ вниманіе къ народному образованію, вселить въ него надежду и вѣру въ возможность свѣтлаго будущаго. Это усиліе, словно крикъ наболѣвшей души, вылилось у него въ слѣдующихъ строкахъ письма на родину: „Теперь именно настаетъ пора, когда Россіи всего болѣе нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные — и много, много школъ нужно! Иначе и свобода крестьянъ, и открытое судопроизводство не принесутъ всей той пользы, которую могли бы принести эти истинно великіе шаги впередъ. Школу, народную школу дайте Россіи — и тогда, лѣтъ черезъ тридцать, станетъ она на прямую дорогу. Васъ ждетъ, господа, лучшее время, чѣмъ то, въ которое мы бились, какъ рыбы объ ледъ! Готовьтесь же съ любовью, съ увлеченіемъ къ тому великому поприщу, которое васъ ожидаетъ“...

Отличное состояніе учебныхъ заведеній Швейцаріи возбуждало въ Ушинскомъ еще болѣе большой интересъ къ русской школѣ и тогда же онъ занялся составленіемъ «Родного Слова» — книжечъ для первоначальнаго обученія отечественному языку дѣтей 6—9 лѣтнаго возраста, приспособивъ эти книжки не только къ употребленію въ училищахъ, но и къ воспитанію домашнему. При составленіи «Родного Слова» К. Д., главнымъ образомъ, имѣлъ

въ виду учительницу-мать. „Я желалъ бы отъ всей души,—говорить онъ,— чтобы на моей родинѣ развивалась въ русской женщинѣ наклонность и умѣнье самой заниматься первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дѣтей. Я желалъ-бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслажденія никому безъ необходимости“. Двѣ первыя книжки этого великаго труда, надъ которымъ авторъ работалъ цѣлыхъ четыре года, вышли въ 1864 году; затѣмъ появилась его *«Книжки для учащихся»*, и, наконецъ, только въ 1870 году — единственный у насъ опытъ нагляднаго изложенія грамматики, также съ руководствомъ для преподавателей: *«Родное слово — годъ третій»*.

Находясь за границей, Ушинскій въ г. Гейдельбергѣ познакомился и даже близко сошелся съ другимъ извѣстнымъ нашимъ отечественнымъ педагогомъ Н. И. Пироговымъ. Знакомство это имѣло, повидимому, самое благотворное вліяніе на Ушинскаго; оно укрѣпило нравственный духъ, обновило его силы и способствовало болѣе точному выясненію педагогическихъ идеаловъ. Ушинскій питалъ особенное расположеніе къ Пирогову. Такъ, напримеръ, не будучи еще знакомымъ съ послѣднимъ, онъ писалъ однако изъ Интерлакена одному изъ своихъ знакомыхъ, проживавшему въ Гейдельбергѣ: „Завидую вамъ, что вы живете въ одномъ городѣ съ Пироговымъ и часто съ нимъ видите: для него одного стоитъ переселиться на зиму въ Гейдельбергъ! Я никогда не видалъ этого человека, но едва-ли есть кто нибудь другой, кого я уважалъ-бы болѣе“. Ушинскій считалъ Пирогова человекомъ способнымъ повысить и укрѣпить духъ другого человека,—человѣкомъ, жизнь котораго можетъ для всякаго служить образцомъ. «Наконецъ-то—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—мы имѣемъ посреди насъ человека, на котораго съ гордостью можемъ указывать нашимъ дѣтямъ и внукамъ и по безукоризненной дорогѣ котораго можемъ вести смѣло наши молодые поколѣнія. Пусть наша моло-

дежь смотреть на этот образъ, и будущность нашего отечества будетъ обезпечена“. Но, восторженно относясь къ личности Пирогова, горячо сочувствуя воззрѣніямъ его на воспитаніе, Ушинскій довольно сильно разошелся съ нимъ во взглядѣ на значеніе классическихъ языковъ въ дѣлѣ образованія русскаго юношества. Въ мартовской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1862 годъ онъ помѣстилъ большую критическую статью, подъ заглавіемъ: «Педагогическія сочиненія Н. И. Пирогова». Въ этой статьѣ, въ противоположность мнѣнію Пирогова, К. Д. горячо настаивалъ, что не чужие языки, мертвые или живые, а непосредно свой родной языкъ долженъ быть положенъ въ основу образованія, какъ одно изъ самыхъ лучшихъ и благородныхъ средствъ для духовнаго развитія учащихся. Кромѣ того, этому же вопросу и въ томъ же журналѣ была посвящена Ушинскимъ статья подъ заглавіемъ «Родное слово». Наконецъ, мысль о выдающемся значеніи родного языка въ образованіи и воспитаніи русскаго юношества Ушинскій настойчиво проводилъ въ теченіи многихъ лѣтъ и въ газетѣ «Голосъ» и воплотилъ ее въ своемъ руководствѣ «Родное Слово».

Возвратясь изъ-за границы въ 1867 году, Ушинскій према до 1870 года провелъ въ С.-Петербургѣ. Здѣсь онъ занимался составленіемъ педагогическихъ сочиненій, посѣщалъ происходившія во 2-ой гимназій педагогическія собранія, а также—университетскіе диспуты. Часы досуга онъ проводилъ въ семьѣ и въ тѣсномъ кругу избранныхъ друзей. Здоровье его, видимо, поправлялось; матеріальныя средства были въ хорошемъ состояніи, а общественное вниманіе, которымъ онъ пользовался, придавало ему спокойствіе духа, каковое еще болѣе содѣйствовало укрѣпленію его силъ. Въ то же время семейная жизнь дарила его радостями. Нѣжно любимый имъ старшій сынъ, молодой и способный юноша, въ іюнѣ 1870 года отлично окончилъ курсъ во 2-ой С.-Петербургской военной гимна-

зін; повидимому, все слагалось такъ, чтобы Ушинскій чувствовалъ себя счастливымъ.

Но это счастье было непродолжительнымъ: судьба нанесла Ушинскому новый жестокий ударъ, который скоро свелъ его въ могилу. Весною 1870 года онъ, по совѣту вѣнскихъ докторовъ, отправился въ Крымъ лечиться. Здѣсь К. Д. поселился въ Бахчисарай и видимо поправился. Не мало способствовало улучшенію его здоровья и то вниманіе, какое онъ встрѣчалъ къ себѣ по время путешествія, какъ, напримѣръ, въ Симферополь, гдѣ общество и собравшіеся на сѣздъ начальные учителя во главѣ съ директоромъ оказали ему самый радушный приѣмъ. Укрѣпивъ въ Крыму свои силы, К. Д. въ іюль того же года уѣхалъ въ свое имѣніе Богданку къ родной семьѣ, но сюда онъ прибылъ въ день похоронъ своего старшаго любимаго сына, печально застрѣливагося на охотѣ. Неожиданная смерть сына снова губельно повліяла на состояніе здоровья Ушинскаго, хотя онъ всетаки мужался, отвлекая свое вниманіе отъ этого несчастнаго случая заботами о возможно лучшемъ устройствѣ гнѣзда для своей семьи. Приведя въ порядокъ имѣніе, онъ перевезъ свою семью въ Кіевъ, гдѣ купилъ свой домъ. Здѣсь К. Д. прожилъ недолго. Нуждаясь снова въ поправленіи здоровья, онъ поѣхалъ въ Одессу съ двумя сыновьями, но по дорогѣ простудился и заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Отъ этой болѣзни онъ уже не могъ поправиться и 21 декабря 1870 года скончался на глазахъ своей семьи, вызванной имъ сюда. Къ смерти онъ приготовился какъ подобаетъ истинному христіанину. Тѣло К. Д. при большихъ почестяхъ перевезено было въ Кіевъ, гдѣ и похоронено въ Выдубицкомъ монастырѣ.

Итакъ, кратко резюмируя вышенприведенныя данныя о педагогической дѣятельности Ушинскаго, мы видимъ, что эта дѣятельность его, начавшись чтеніемъ въ аудиторіяхъ Демидовскаго Ярославскаго лиція лекцій по энциклопедіи законовѣдѣнія, государственнаго права и политической экономіи, продолжалась до дня его кончины.

Нѣкоторые наши учебныя заведенія находились подъ непосредственнымъ умѣлымъ руководствомъ К. Д. Такъ, съ 1855 по 1858 годы мы видимъ его въ должности инспектора и учителя словесности въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ и съ 1859 по 1861 годъ въ той же должности въ Императорскомъ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и С.-Петербургскомъ Александровскомъ училищѣ (Смольный институтъ). Въ последнемъ изъ названныхъ заведеній Ушинскій сдѣлалъ много благотѣльныхъ преобразованій и прилежъ въ составъ преподавателей талантливыхъ лицъ, пріобрѣвшихъ внослѣдствіи извѣстность въ педагогическомъ мірѣ. По оставленіи инспекторской должности въ С.-Петербургскомъ училищѣ, онъ причисленъ былъ къ учебному комитету при IV отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и несъ обязанности члена этого комитета до дня своей смерти.

Проходя послѣдовательно разнообразныя должности по учебной части, Ушинскій всегда оставался вѣрнымъ себѣ, держась твердо своихъ убѣжденій. Та нравственная сила, которую онъ носилъ въ себѣ, неотразимо вліяла на всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Такова доля всѣхъ людей съ высокими и твердыми убѣжденіями, въ какой бы сферѣ они ни дѣйствовали. Ихъ вліяніе на другихъ неотразимо. Слово такихъ людей, служа выраженіемъ сильной, искренней и самостоятельной мысли, выраженіемъ ихъ заветныхъ въ плоть и кровь внемлемыхъ убѣжденій, немально завладѣваетъ вниманіемъ человека и заставляетъ раздѣлять ихъ убѣжденія. Такою же силою об-

¹⁾ Обстоятельные очерки дѣятельности Ушинскаго въ Импер. Воспит. Общ. благородныхъ дѣвицъ и С.-Петербургскомъ Александровскомъ училищѣ находятся въ сочиненіяхъ: «Историческій очеркъ столѣтней жизни Импер. Воспит. Общ. благородныхъ дѣвицъ и С.-Петербургскаго Александровскаго училища» (сочин. В. И. Лядова) и «Исторія учреждений Императрицы Маріи Осодоровны» (сост. Патковский).

ладасть и слово Ушинскаго, — этого смѣлаго и неустрашимаго борца за свои педагогическіе принципы и убѣжденія.

Ушинскій не ограничился въ своемъ служеніи русскому воспитанію одною сферою практической дѣятельности. Для распространенія въ русскомъ народѣ раціональныхъ правилъ воспитанія, а также для выясненія вреда, происходящаго отъ небреженія воспитаніемъ, онъ пользовался печатнымъ словомъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ его педагогическія сочиненія. Въ этихъ сочиненіяхъ, печатавшихся въ разныхъ журналахъ 60-хъ годовъ, Ушинскій явилъ себя замѣчательнымъ публицистомъ-педагогомъ по всемъ существеннымъ вопросамъ народнаго образованія, понятаго имъ во всей его жизненной и исторической широтѣ, во всей его безусловной важности для блага церкви и процвѣтанія государства, для умственнаго прогресса, нравственнаго, въ духѣ евангелія, усовершенствованія и экономическаго благосостоянія.

Въ 1855 году Ушинскій занялъ, какъ сказано выше, мѣсто инспектора и учителя въ Гатчинскомъ институтѣ. По принятіи на себя обязанностей инспектора, онъ долженъ былъ руководить учебною частью всего заведенія. Привыкнуши честно относиться ко всякому дѣлу, Ушинскій, разумѣется, отчетливо сознавалъ, что для полнаго успѣха порученнаго ему дѣла необходимо руководствоваться твердыми педагогическими принципами. Такое сознаніе послужило главнымъ побужденіемъ для него къ изученію имъ педагогической литературы. Не мало облегчило трудъ его въ этомъ дѣлѣ глубоко осповательное изученіе философскихъ наукъ и громадная эрудиція во многихъ другихъ областяхъ человѣческаго знанія. При такой энциклопедичности образованія ему, для выработки твердыхъ педагогическихъ принциповъ, не доставало только знакомства со спеціально педагогическою литературою. Съ поступленіемъ въ Гатчинскій институтъ К. Д. представилась полная возможность изучить и этого рода литературу. Въ библіотекѣ института найдено было имъ

дополнило большое собрание педагогических сочинений. Здесь находились сочинения всех известных тогда западных педагогов, начиная от Базедова и Песталоцци до Дистерверга и Карла Шмидта. Сознанием таким образом необходимости в изучении педагогической литературы явилась полная возможность получить удовлетворение. Ушинский ревностно взялся за изучение найденных педагогических сочинений. С этого времени и до конца жизни деятельность его всецело посвящена была делу воспитания.

Со времени же поступления в Гатчинский институт начинают последовательно появляться, одно за другим, специально педагогические сочинения Ушинского. В числе этих сочинений мы видим и различные по объему публицистические статьи по общим вопросам народного образования, помещавшиеся в разных педагогических журналах 60-х годов, и большие, отдельно изданные монографии и работы педагогического характера. Педагогические сочинения Ушинского, написанные живым и ясным, простым и увлекательным языком, языком сердца, проникнутым задушевною искренностью, силою убедительности, полным серьезного содержания, отражающим в себе всю силу глубоко возвышенного религиозно-нравственного чувства и чувства патриотизма, обладают поэтому всеми необходимыми свойствами, чтобы сосредоточить на своем содержании внимание всякого более или менее образованного читателя, а тем более — педагога, и мы настойчиво рекомендуем почаще перечитывать их в полном виде, ибо ничто так сильно не мешает у нас учебно-воспитательному делу, как именно забвение тех великих начал, которые так талантливо были высказаны Ушинским еще в конце 50-х и в 60-х годах минувшего столетия в печатных трудах, и практически применены в вышеупомянутых учебных заведениях, находившихся под непосредственным его руководством.

С. Старосицкий.

Библиографическія замѣтки.

По поводу сборника «Иванъ» за 1902 годъ.

Иллюстрированный журналъ «Иванъ» въ 1902 году даетъ своимъ читателямъ, въ видѣ особаго приложенія, первые 12 томовъ полнаго собранія сочиненій Николаи Семеновича Лѣскова, одного изъ нашихъ первоклассныхъ писателей, родившагося 4 февраля 1831 года. Къ первому тому сочиненій Н. С. Лѣскова, заключающему въ себѣ первую часть хроникки: «Сборникъ», приложенъ критико-біографическій очеркъ жизни и дѣятельности Н. С. Лѣскова, составленный Р. Н. Сементковскимъ, а также портретъ Н. С. Лѣскова, гравированный на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Остальные, сверхъ первыхъ двѣнадцати, томы сочиненій Н. С. Лѣскова, значительно дополненные произведеніями, не вошедшими въ прежнія изданія или еще вовсе не напечатанными, журналъ «Иванъ» обѣщаетъ дать своимъ подписчикамъ въ 1903 году, когда, такимъ образомъ, особымъ приложеніемъ къ названному журналу составитъ собою полное собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова, пользующагося вполне заслуженною извѣстностью среди русскаго образованнаго общества. Первый томъ сочиненій Н. С. Лѣскова, уже вышедшій въ свѣтъ, отпечатанъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ, а приложенный къ нему критико-біографическій очеркъ Р. Н. Сементковского составленъ вообще съ тою обстоятельностью, при которой оказывается возможнымъ пониманіе литературной дѣятельности писателя, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ и основныхъ его произведеніяхъ. Это тѣмъ болѣе важно, что, какъ извѣстно, Н. С. Лѣскову, кромѣ журнальной полемики, бѣглыхъ рецензій и краткихъ воспоминаній, посвящена, собственно говоря, до настоящаго времени только одна болѣе серьезная критическая статья, принадлежащая г. Венгерову, въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгаузъ, при чемъ и означенная статья, естественно, по своему прямому назначенію и размѣрамъ, удовлетворяетъ вообще лишь тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ статьямъ подобнаго рода. Между тѣмъ, литературная дѣятельность Н. С. Лѣскова, несомнѣнно, имѣетъ существенно важное значеніе. Будучи писателемъ переходнаго времени, онъ вообще примыкаетъ къ тому направленію въ рус-

ской литературы, которое называется обличительнымъ. Осмѣивая старыя порядки, Н. С. Лѣсковъ, однако, не ограничивается этимъ и подвергаетъ сатиру и „новыхъ людей“. Мало этого, — онъ указываетъ имъ, къ чему они должны стремиться въ своей дѣятельности и рисуетъ тотъ специальный идеалъ, который наиболее пригоденъ для переживаемаго ими переходнаго времени. Такимъ образомъ, не ограничившись обличеніемъ стараго и новаго, Н. С. Лѣсковъ въ то же время указалъ русскому обществу тотъ путь, по которому ему надлежитъ, при данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ жизни, идти, хотя, разумеется, правильность этого пути и можетъ быть оспариваема съ той или иной точки зрѣнія вообще. Наконецъ, Н. С. Лѣсковъ раскрылъ читателямъ цѣлую новую область русской жизни, именно: бытъ русскаго духовенства, въ его отрицательныхъ и положительныхъ сторонахъ жизни и дѣятельности. Если, кромѣ того, принять во вниманіе литературныя дарованія Н. С. Лѣскова, скорбѣннаго всегда нелюдимому, но совершенно искренно скорбѣю своего времени, мужественно возмущавшаго голоса за правду, никогда не жертвовавшаго своими убѣжденіями личнымъ интересамъ и выгодамъ и самоотверженно, съ достоинствомъ и непоколебимостью исполнявшаго гражданскій долгъ писателя, то его мѣсто въ исторіи русской литературы нельзя не признать вполне обезпеченнымъ, соотвѣтственно несомнѣннымъ его заслугамъ на литературномъ поприщѣ вообще, совершенно независимо отъ временныхъ, тѣхъ или иныхъ, предубѣждений, непониманія или извращеній задачъ и стремленій издающагося писателя и истинно русскаго человѣка.

Вообще нельзя не сочувствовать продолжающемуся стремленію иллюстрированнаго журнала *«Нива»* содѣйствовать возможно болѣе широкому распространенію среди русскаго читающаго общества произведеній отечественныхъ писателей, достойно служившихъ, въ свою очередь, развитію русскаго литературнаго языка и вынесенію историческихъ задачъ и идеаловъ многомилліоннаго народа въ его нѣковой жизни и дѣятельности.

В. Истомина.

17 января 1902 г.
г. Пскова.

Памяти Николая Васильевича Гоголя. Изданіе бланкоиздательства М. Шпенцера въ Одессѣ. 1902 г.

„Горькимъ словомъ живимъ покойника“.

Въ виду истекающаго 21 февраля 1902 года пятидесятилѣтія со дня смерти Николая Васильевича Гоголя (родился 19 марта 1809 года, скончался 21 февраля 1852 года), бланкоиздательство М. Шпенцера въ Одессѣ почтило намять великаго русскаго писателя брошюрою, заглавіе которой приводимо вы-

ше. Означенная брошюра (1—24 стр.) состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

- 1) Вступительное слово, объясняющее цѣль изданія брошюры (3—4 стр.);
- 2) Въ деревнѣ (4—6 стр.);
- 3) Въ лицѣ (6—11 стр.);
- 4) Въ Петербургѣ (11—17 стр.);
- 5) За границей (17—18 стр.);
- 6) Послѣдніе годы (19—22 стр.) и
- 7) Заключение (22—24 стр.).

Къ брошюрѣ приложенъ портретъ Н. В. Гоголя и нѣсколько рисунковъ, именно: 1) Гоголь и Пушкинъ, 2) Гоголь, сжигавшій вторую часть *«Мертвыхъ душъ»* и 3) Могила Гоголя на кладбищѣ Данилова монастыря въ Москвѣ.

Цѣль изданія брошюры заключается въ краткомъ изложеніи главнѣйшихъ событій изъ жизни Н. В. Гоголя, въ связи съ указаніемъ его основныхъ заслугъ предъ родиной. Съ означенною цѣлью въ брошюрѣ и сообщаются данныя о жизни Н. В. Гоголя въ деревнѣ, именно въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, Полтавской губерніи, и въ хуторѣ Васильевкѣ, той же губерніи, затѣмъ въ лицѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, въ Петербургѣ и за границей, при чемъ приводятся краткія свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ жизни поэта и указываются его заслуги въ исторіи русской литературы, какъ писателя, *„державшаго вымплы наружу все, что ежеминутно передъ очами и чего не зрять равнодушныя очи“*, заставившаго своихъ современниковъ оглянуться на себя, понять свою несприглядность и пожелать сдѣлаться лучшими вообще. Брошюра написана простымъ и понятнымъ языкомъ и издана старательно. Хотя трудъ бланко-издательства М. Шпенцера въ Одессѣ и не даетъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не только ничего новаго относительно выясненія особенностей и значенія литературной дѣятельности Н. В. Гоголя, но даже и не представляетъ собою возможно полнаго свода общепоставленныхъ сужденій о характерѣ и значеніи поэтической дѣятельности великаго русскаго писателя, однако, трудъ этотъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ считаться совершенно излишнимъ для извѣстнаго, разумѣется, круга читателей, могущихъ почерпнуть въ немъ необходимыя, хотя и краткія, свѣдѣнія о жизни и литературной дѣятельности Н. В. Гоголя, имя котораго, по прошествіи пятидесяти лѣтъ со дня его смерти, несомнѣнно, должно быть хорошо извѣстно не только образованнымъ, но и вообще грамотнымъ россиянамъ.

В. Истокинъ.

18 января 1902 г.
г. Пляцкъ.

К. Я. Гротъ. *Къ біографіи П. И. Дмитріева. Неизданныя письма и замѣтки, относящіяся ко времени его кончины (3 октября 1837 года).* С.-Пб. 1902 года. Оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VI (1901 г.), кн. 4.

Трудъ К. Я. Грота заключаетъ въ себя:

- I. Предварительныя свѣдѣнія (1—10 стр.);
- II. Письма П. И. Дмитріева:
 1. Къ князю П. А. Вяземскому;
 2. Къ Н. И. Паниковой (10—16 стр.);
- III. Письма къ князю П. А. Вяземскому о кончинѣ П. И. Дмитріева:
 1. А. Я. Булгакова;
 2. Князя П. И. Шаликова;
 3. Н. Д. Иванчина-Исарова и его замѣтки;
 4. А. А. Юскаго;
 5. Повѣреннаго князя П. А. Вяземскаго Д. Муромцова (16—39 стр.);
- IV. Показаніе со словъ камердинера Николая (39—41 стр.) и
- V. Заключение (41 стр.).

Значеніе литературной дѣятельности Ивана Ивановича Дмитріева въ дѣлѣ развитія отечественнаго языка и слога указано современною ему критикою вполне опредѣленно: „Картина для образца, какъ должно писать *въ прозу*; Дмитріевъ для образца, какъ должно писать *въ стихахъ*“¹⁾, при чемъ выдающаяся роль названнаго писателя въ исторіи русской литературы вообще также давно уже разъяснена и оценена по достоинству. Между тѣмъ, обстоятельной біографіи Ивана Ивановича Дмитріева нѣтъ еще по нынѣ, и изданіе К. Я. Гротомъ вышеперечисленнаго собранія бумагъ, заключающаго въ себѣ данныя о послѣднихъ дняхъ жизни поэта, „отвѣщающаго русской баснѣ двери въ просвѣщеннаго общества“, весьма кстати дополнитъ извѣстный до настоящаго времени матеріалъ, относящійся къ біографіи и характеристикѣ Ивана Ивановича Дмитріева, представляя, кромѣ того, весьма значительный интересъ и вообще. Умеръ поэтъ, на 78 году жизни, послѣ краткой болѣзни, явившейся слѣдствіемъ неосторожности въ дѣлѣ и простуды, схваченной въ холодную осень 1837 года, во время любимаго занятія Ивана Ивановича Дмитріева — посадкѣ деревьевъ въ своемъ саду, при чемъ, какъ можно полагать, нѣтъ въ виду, между прочимъ, и письмо доктора А. А. Юскаго, да-

¹⁾ А. Немайдовъ, Извѣщеніе о 5 изданіи сочиненій П. И. Дмитріева („Вѣстникъ Европы“, 1819 г., № 3).

храмѣ, онъ держитъ себя какъ послѣдній инокъ, „ниже жезла своего пастырскаго въ руки взимане“ (л. 88 об.). Эту же черту смиренія отмѣняетъ авторъ житія и ниже, послѣ свѣдѣній объ уставахъ, данномъ Антоніемъ ученикамъ, и упоминанія, что преподобный назидалъ не только словомъ, но и живымъ примѣромъ: здѣсь вновь онъ говоритъ о воздержаніи, непрестанной молитвѣ и даже замѣчаетъ: „помянаніе же ближнихъ во святѣмъ евангеліи глаголющее возмите нго мое на себе и научитесь отъ мене яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ. тѣмже таково съмиреніе имаше преподобный сынъ во старѣишинствѣ своемъ. яко меньша всѣхъ себе вѣнчаше и послѣднѣиша суща. обрѣтаеть же ся святый и образомъ смиренъ и дѣломъ“ (л. 92).

Въ этихъ характеристикахъ отражается и другая черта, отмѣченная выше въ наставленіяхъ самого Антонія: біографъ восхваляетъ по преимуществу богомыслие преподобнаго и вообще его вниманіе къ внутренней душевной жизни; мы находимъ въ житіи упоминаніе объ „умномъ дѣланіи“, которому „крѣпцѣ прилежахъ“ святой (л. 106 об.); упоминаніе это, правда, не объясняется обстоятельно, но оно, во всякомъ случаѣ, не встрѣчается въ тѣхъ житіяхъ, которыя выдвигаютъ на первый планъ формальное благочестіе, внѣшнее подвижничество; изъ житій, разобранныхъ выше, мы встрѣтили его въ житіи Діонисія Глушицкаго. Для богомыслия и безмолвія Антоній и удаляется изъ монастыря въ пустыню; здѣсь онъ „къ вышнему теченію радостно простираше, въ безмолвіи мнозѣ пребывая. умъ же свои отъ всѣхъ попеченій удаляя, и чистѣ богови бесѣдуя, и моленіе свое яко благовонное кадило на небо воспущаа“ (л. 106). Прозорливость Антонія направляется не на внѣшнія дѣла и поступки и отступленія отъ нормы, а на то, чтобы „и сокровещнѣ помышляемаа, и сиѣхъ ему вѣдати и познавати“ (л. 109), какъ и въ разобранномъ выше эпизодѣ объ инокѣ Филооѣ онъ открываетъ помыслъ, который томилъ этого послѣдняго, и приходитъ ему на помощь. Благода-

ря такого рода указаніямъ и вообще тому вниманію, которое авторъ житія обращаетъ на начала любви и кротости, не получаютъ преобладающаго значенія указанія на вышніе подвиги, которые мы у него находимъ: такимъ болѣе или менѣе вышнимъ характеромъ отличаются свѣдѣнія о неподвижномъ стояніи преподобнаго въ церкви (л. 89), о частомъ прочитываніи имъ псалтыри; одинъ подвигъ имѣетъ характеръ постызанія плоти: святой, обнаживъ свое тѣло до пояса, предоставлялъ его укушенію оводовъ и комаровъ, старался не двигаться ни однимъ членомъ; это свѣдѣніе, повидному, основано на воспоминаніяхъ о дѣйствительной жизни преподобнаго, который могъ въ этомъ случаѣ послѣдовать довольно распространенному примѣру (изъ древнихъ святыхъ житій приписываютъ данный подвигъ, напримѣръ, преп. Макарію Александрійскому, изъ русскихъ — Никитѣ столпнику переславскому и Александру Свирскому).

Наконецъ, мы не можемъ не отмѣтить, что иноку Іонѣ, очевидно, симпатична идея пропитанія трудами рукъ своихъ, и онъ съ видимымъ удовольствіемъ констатируетъ ее у Антонія; я уже указалъ отраженіе этой идеи въ поученіи Антонія иноку Филовею; біографъ рассказываетъ также, что по основаніи обители Антоній и его ученики старались „мѣсто распространяти и очищати и землю копати своими руками. и пасѣяши себѣ зезія мало, на пропитаніе свое, и тако питашеси своими трудами со братією своею...“; и нѣсколько ниже: „многа... боренія показа... работая богами... былии земными саморастущими, въ пустыни сей питашеси, и отъ своихъ трудовъ потребая себѣ и братіи исполняше“ (л. 54). Такъ и позднѣе, удалившись отъ своей обители въ уединеніе и живя „особно“, „въ пустынномъ пребываніи“, святой „самораселенными питашеси былии... и землю своими руками копая и жито пасѣваше, и отъ своихъ трудовъ питашеси... и яже богъ дароваше приплодіе трудовъ его, пасѣваемая жита, прочая же излишняя въ монастырь отсылаше“, а что предназначалъ для себя, то не отдавалъ мо-

храмъ, онъ держитъ себя какъ послѣдній инокъ, „ниже жезла своего пастырскаго въ руки взимае“ (л. 88 об.). Эту же черту смиренія отгѣняетъ авторъ житія и ниже, послѣ свѣдѣній объ уставѣ, данномъ Антоніемъ ученикамъ, и упоминанія, что прендобный назидаль не только словомъ, но и живымъ примѣромъ: здѣсь вновь онъ говоритъ о воздержаніи, непрестанной молитвѣ и далѣе замѣчаетъ: „поминае же ближнии во святѣхъ евангеліи глаголющее возмите его мое на себе и научитесь отъ мене яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ. тѣмже таково смиреніе имаше прендобный сынъ во старѣишинствѣ своемъ. яко меньша всѣхъ себе вѣнчаше и послѣдѣиша суща. обрѣтаеть же ся святыи и образомъ смиренъ и дѣломъ“ (л. 92).

Въ этихъ характеристикахъ отражается и другая черта, отмѣченная выше въ наставленіяхъ самого Антонія: біографъ восхваляетъ по преимуществу богомысліе прендобнаго и вообще его вниманіе къ внутренней душевной жизни; мы находимъ въ житіи упоминаніе объ „умномъ дѣланіи“, которому „крѣпцѣ прилежае“ святой (л. 106 об.); упоминаніе это, правда, не объясняется обстоятельно, но оно, во всякомъ случаѣ, не встрѣчается въ тѣхъ житіяхъ, которыя выдвигаютъ на первый планъ формальное благочестіе, виѣншее подвижничество; изъ житій, разобранныхъ выше, мы встрѣтили его въ житіи Діонисія Глушицкаго. Для богомыслія и безмолвія Антоній и удаляется изъ монастыря въ пустыню; здѣсь онъ „къ вышнимъ теченіе радостно простирае, въ безмолвіи мнозѣ пребывая. умъ же свои отъ всѣхъ поначеній удаляя, и чистѣ богови бесѣдуя, и моленіе свое яко благовоише кадило на небо воспускаа“ (л. 106). Прозорливость Антонія направляется не на виѣшнія дѣла и поступки и отступленія отъ нормы, а на то, чтобы „и сокровениѣ помышляемаа, и сихъ ему вѣдати и познавати“ (л. 109), какъ и въ разобраннымъ выше эпизодѣ объ инокѣ Филооѣ онъ открываетъ помысль, который томилъ этого послѣдняго, и приходитъ ему на помощь. Благода-

ря такого рода указаніямъ и вообще тому вниманію, которое авторъ житія обращаетъ на начала любви и кротости, не получаютъ преобладающаго значенія указанія на ви́шніе подвиги, которые мы у него находимъ: такими болѣе или менѣе ви́шними характеромъ отличаются свѣдѣнія о неподвижномъ стояніи преподобнаго въ церкви (л. 89), о частомъ прочитываніи имъ псалтыри; одинъ подвигъ имѣетъ характеръ истязанія плоти: святой, обнаживъ свое тѣло до пояса, предоставлялъ его укушенію оводовъ и комаровъ, старался не двигаться ни однимъ членомъ: это свѣдѣніе, повидному, основано на воспоминаніяхъ о дѣйствительной жизни преподобнаго, который могъ въ этомъ случаѣ послѣдовать довольно распространенному примѣру (изъ древнихъ святыхъ житій приписываютъ данный подвигъ, напримѣръ, преп. Макарію Александрійскому, изъ русскихъ — Никитѣ столпнику переславскому и Александру Свирскому).

Наконецъ, мы не можемъ не отмѣтить, что иноку Іоаннѣ, очевидно, симпатична идея пропитанія трудами рукъ своихъ, и онъ съ видимымъ удовольствіемъ констатируетъ ее у Антонія; я уже указалъ отраженіе этой идеи въ поученіи Антонія иноку Филовею; біографъ рассказываетъ также, что по основаніи обители Антоній и его ученики старались „мѣсто распространяти и очищати и землю конати своими руками. и пасѣяша себѣ зелія мало, на пропитаніе свое, и тако питашеси своими трудами со братією своею...“; и нѣсколько ниже: „многа... боренія показа... работая богови... былии земными саморастущими, въ пустыни сей питашеси, и отъ своихъ трудовъ потребая себѣ и братіи исполняше“ (л. 54). Такъ и позднѣе, удалившись отъ своей обители въ уединеніе и живя „особно“, „въ пустынномъ пребываніи“, святой „самораселенными питашеси былии... и землю своими руками коная и жито пасѣваше, и отъ своихъ трудовъ питашеси... и яже богъ дароваше приплодіе трудовъ его, пасѣваемыи жита, прочая же излишняя въ монастырь отсылаше“, а что предназначалъ для себя, то не отдавалъ мо-

лоть на мельницу, но своими руками отдѣленное жито свое мелаше“ (л. 106, 107).

Такимъ образомъ въ житіи Антонія Сійскаго, и въ фактической его сторонѣ, и въ общихъ характеристикахъ, и въ поученіяхъ, вложенныхъ въ уста святаго, выступить на особенно видное мѣсто начало любви, кротости, снисхожденія и смиренія, какъ главныхъ добродѣтелей подвижника; затѣмъ идеи самонаблюденія, внутренняго совершенства, внутренней борьбы, богомыслія; вишнее подвижничество менѣе выдвинуто; слабѣе выражена, хотя также замѣтна, мысль объ иноческой нестяжательности.

Но значеніе идеи нестяжательности для нашего биографа сдѣлается болѣе яснымъ, если мы рассмотримъ духовную грамоту преподобнаго Антонія, оставленную имъ своему преемнику по игуменству и прочей братіи; включенная Іоною въ его трудъ, она составила часть житія Антонія, распространялась и читалась вмѣстѣ съ послѣднимъ, а потому и не можетъ быть оставлена въ сторонѣ при его изученіи ¹⁾. Г. Яхонтовъ, указывающій въ своей книгѣ, между прочимъ, заимствованія въ житіяхъ поморскихъ святыхъ изъ болѣе древнихъ источниковъ, замѣчаетъ, что эта грамота „есть буквальное повтореніе грамоты препод. Кирилла Вѣлоозерскаго, написанной къ князю Андрею Дмитріевичу“ ²⁾. Замѣчаніе г. Яхонтова, впрочемъ, не совсѣмъ вѣрно. Духовная грамота Антонія дѣйствительно очень сходна съ грамотою Кирилла, но, во 1-хъ, не тою, которая обращена къ князю Андрею Дмитріевичу, а съ его также „Духовной грамотой“; эта послѣдняя, какъ и другія извѣстныя сочиненія (посланія) препод. Кирилла, напечатана пр. Амвросіемъ ³⁾; она дѣйствительно почти цѣликомъ вошла въ грамоту Антонія;

¹⁾ Грамота эта напечатана пр. *Макаріемъ* (н. соч., 2—4) по подлинной рукописи Сійскаго монастыря, подписанной самимъ преподобнымъ Антоніемъ.

²⁾ Н. соч., 114.

³⁾ Ист. Р. Іерархія, IV, 418—419.

но 2-хъ, Антошій распространилъ се иѣкоторыми вставками, часто риторическаго характера, въ концѣ же сдѣлать довольно значительную добавку, съ иѣкоторыми своими наставленіями, въ руководство братіи.

Самый фактъ подражанія именно грамотѣ Кирилла, заслуживаетъ вниманія не только какъ свѣдѣтельство самостоятельности Антонія; мы здѣсь встрѣчаемся съ фактомъ, уже отмѣченнымъ мною раньше для иѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ обитателей, съ фактомъ духовной связи сѣверныхъ монастырей съ Кирилловымъ, высокаго авторитета личности Кирилла и ея вліяніемъ, опредѣлявшаго за нимъ самими, за его твореніями, за его обителью и ея устройствомъ значеніе и роль образца.

Грамота Кирилла, очень краткая, заключаетъ немного мыслей: 1) святой говоритъ о приближеніи смерти (въ виду своей старости), о страхѣ смерти и о надеждѣ на Бога, укрѣпляющей его; 2) поручаетъ монастырь князю Андрею Дмитріевичу и благословляетъ своего ученика Пиннокентія въ игумены; 3) проситъ князя по прежнему любить монастырь и тѣхъ изъ братіи, которые будутъ жить по его, Кирилла, уставу, проситъ не позволять разорять устава, особенно же общаго житія, „ропотниковъ же и раскольниковъ“ удалять изъ монастыря. Такимъ образомъ въ сущности грамота Кирилла содержитъ лишь благословеніе на продолженіе и по смерти Кирилла тѣхъ же порядковъ, какіе были въ обители при немъ. Сущность этихъ порядковъ не указана, кромѣ одной черты, которою Кирилла, очевидно, дорожилъ (какъ дорожилъ ею и великій отецъ инокества въ сѣверной половинѣ Россіи, Сергій Радонежскій), т. е. общежительнаго чина.

Что касается духовной грамоты Антонія Сійскаго, то упомянутое выше добавленіе къ части, заимствованной изъ Кирилловой грамоты, находится послѣ просьбы изгнать изъ обители нежелающихъ жить по уставу и содержитъ не безынтересную черту: Антоній разсуждаетъ о томъ случаѣ, если удаленный изъ обители братъ рас-

кается: „а приидеть тои же братъ въ монастырь и начеть каятися строителю и братіи, въ чемъ согрѣшеніе его было, и изгнаніе. и его принять, якоже свои удъ и простити его. и не яко врага имѣти. но яко брата возлюблена“; также надлежитъ прощать и принимать тѣхъ иноковъ, котѣрысѣ выѣхали изъ обители безъ благословенія преподобнаго „и монастырскую казну свезли“, если они придуть съ покаяніемъ. Эта прибавка соответствуетъ той кротости, которую изображалъ въ Антоніи его біографъ; она выясняетъ смыслъ и самаго изгнанія, которое является не столько суровой карой за проступки, сколько удаленіемъ изъ общины члена. не признающаго строя ея жизни, освобожденіемъ общины отъ элементовъ, пренатавствующихъ осуществленію ея задачъ.

Далѣе, Антоній заповѣдуетъ молиться о царѣ и всемъ его домѣ, а затѣмъ преподаетъ нѣкоторыя наставленія о монастырской жизни, болѣе опредѣленные; прежде всего — о необходимости развивать въ себѣ внутреннія добродѣтели: хранить въ сердцѣ страхъ Божій, стремиться быть храмомъ святаго Духа, который и укажетъ истинный путь, къ ближнимъ же питать любовь и относиться со смиреніемъ („да прежде всего имѣйте страхъ божій въ сердцахъ своихъ, да вселится въ насъ духъ святой. да тои насъ научить и наставить на истинный путь. а промежъ себе. любовь имѣйте и покореніе о христѣ, другъ ко другу, да покрывается ваше множество грѣховъ“). Наконецъ, добавлено увѣщаніе хранить общее житіе и указаны основныя черты внѣшняго строя жизни общительнаго монастыря („а живите по общему житію. равны духовно и тѣлесно, нищею и одеждою... на трапезѣ строителю и игумену, кромѣ братскаго допола. не прибавлявати ничего. также и одежда, и обувь, равно, по разсужденію“). Такимъ образомъ, преподобный Антоній, не пренебрегая внѣшними указаніями, которыя вызывались уже самымъ общежительнымъ строемъ, и которыя преподавали и Сергій, и Кириллъ, и Корнилій, умѣлъ цѣнить важность внутренняго, душевнаго совершенства,

на первомъ мѣстѣ уча своихъ послѣдователей развивать въ душѣ благія, добрыя чувства, любовь и богомысліе.

Что касается владѣній селами, то въ этомъ отношеніи между житіемъ Антонія и его грамотою находится нѣкоторое несоотвѣстствіе; правда, біографъ не говоритъ прямо объ отрицаніи Антоніемъ владѣній селами; но онъ умалчиваетъ о земельных его пріобрѣтеніяхъ, существованіе которыхъ ясно указывается грамотой (впрочемъ, это указаніе занимаетъ въ ней довольно скромное мѣсто: Антоній благословляетъ строителя Кирилла, священниковъ и всю братію „вѣдѣти въ казніи и въ селѣхъ, и въ деревнѣхъ и въ усадьбахъ, и въ всякихъ промыслѣхъ монастырскихъ“; замѣчу, что этого мѣста нѣтъ въ грамотѣ Кирилла Вѣлозерскаго, и оно, очевидно, составляетъ при банку Антонія, обусловленную складомъ жизни въ его монастырь); съ другой же стороны Іона старается представить, что Антоній заботился о пропитаніи своимъ руководѣлемъ, и изображаетъ его руководѣльные труды, въ разное время его жизни, особенно въ то время, когда онъ уходилъ изъ обители и подвизался въ отшельничествѣ. Повидимому, біографъ сочувствуетъ идеѣ нестяжательности, чѣмъ и обусловливается выборъ тѣхъ или другихъ моментовъ и сторонъ изъ жизни святаго, на которые онъ обращаетъ преимущественное вниманіе. Самъ же Антоній, повидимому, также больше склоняется къ той жизни отшельнической, которая была соединена съ безмолвіемъ, уединеніемъ, съ нестяжательностью, и пріобрѣтеніе при немъ земельныхъ владѣній объяснить, можетъ быть, слѣдуетъ такъ же, какъ и подобныя же факты изъ жизни Кирилла Вѣлозерскаго или Діонисія Глушицкаго; отношеніе житій этихъ трехъ святыхъ къ фактамъ ихъ жизни представляется также поэтому аналогичнымъ; очевидно, идея нестяжательности жила въ Сѣйскомъ монастырѣ, исходя еще отъ самого Антонія, и Іона явился однимъ изъ ея сторонниковъ и выразителей.

Въ скоромъ времени послѣ написанія житія Антонія Сѣйскаго ипоку Іонѣ пришлось вступить въ тѣсную связь

съ обителями вологодскаго края: онъ сдѣлался игуменомъ Глушицкаго монастыря: тогда къ нему обратились братія другого вологодскаго монастыря, основаннаго однимъ изъ древнѣйшихъ подвижниковъ даннаго края¹⁾, преподобнымъ Сергіемъ Нуромскимъ (на той же рѣкѣ Нурмѣ, вблизи которой расположена и обитель Арсенія Комельскаго),—съ просьбой написать житіе основателя обители; Іона ее исполнилъ. Извѣстія о преподобномъ Сергіи заимствованы біографомъ изъ несохранившихся до насъ записокъ, составленныхъ инокомъ Протасіемъ, во время Іоны бывшимъ игуменомъ въ монастырѣ Павла Обнорскаго; до Протасія же эти извѣстія дошли путемъ устнаго преданія, который указываетъ Іона: Протасій является четвертымъ въ цѣпи лицъ, передававшихъ другъ другу преданіе о Сергіи²⁾. Хотя сохранившееся такимъ путемъ, черезъ извѣстныхъ лицъ, преданіе и кажется сравнительно „надежнымъ“ г. Ключевскому, но несомнѣнно, что многіе факты и подробности жизни святаго были стерты и забыты за длинный промежутокъ времени, прошедшій до записи Протасія (преп. Сергій † 1413 г., житіе Іоны написано 1584 г.; память Сергія 7 октября); поэтому біографъ могъ найти указанія лишь на самыя основныя факты, причемъ даже происхожденіе святаго и мѣсто постриженія его были забыты; недостатки преданія Іона восполнилъ обычными общими мѣстами житій, благочестивыми размышленіями, молитвами, которыя онъ вложилъ въ уста святаго, и т. д. Фактическая сторона житія сводится къ указаніямъ на первоначальное подвижничество Сергія на Св. Горѣ, на приходѣ его съ Алона

¹⁾ Онъ былъ современникомъ Павла Обнорскаго и въ теченіе нѣкотораго времени сподвижникомъ Сергія Радонскаго.

²⁾ Срв. В. О. Ключевскій, 802. Житіе не издано. Мнѣ извѣстно главнымъ образомъ по рукописямъ Ундольскаго № 369, л. 102 сл., и гр. Уварова № 1247, л. 82 сл.; цитирую по первой. Пересказы: *Филаретъ*, III, 202 сл.; Рус. Ошв.³, 404—408; *Коноплестъ*, 67—68.

къ Сергію Радонезскому, на его духовную близость къ послѣднему, на его удаленіе въ вологодскую пустыню и отшельническіе подвиги, на борьбу его съ бѣсами и злыми людьми, нападавшими на святаго дважды, на приходъ къ нему братіи и устройство обители, на духовное общеніе съ препод. Павломъ Обнорскимъ, основавшимъ неподалеку свою обитель, на преставленіе Сергія; преставленію предпослано поученіе его братіи. Изъ фактическихъ сообщеній интересно свидѣніе о приходѣ Сергія съ Алоона: Сергій является однимъ изъ тѣхъ русскихъ иноковъ, которые были на Алоонѣ, тамъ учились монашеской жизни, однимъ изъ связующихъ звеньевъ между русскимъ монашествомъ и Св. Горой. Впрочемъ, приходится только отмѣтить этотъ фактъ; житіе не даетъ указаній на то, чему именно научился Сергій на Алоонѣ и училъ ли онъ тому же своихъ учениковъ; мы можемъ лишь думать, что Алоонъ, на которомъ было много отшельниковъ и безмолвниковъ, могъ содѣйствовать развитію столь сильной у Сергія любви къ отшельничеству и безмолвію, какъ рисуется ее житіе. Не безынтересны и факты духовнаго общенія Сергія съ Павломъ: подвижники посѣщали другъ друга, причащались одинъ отъ руки другого и исповѣдывались другъ другу, открывая все свои помыслы; такая духовная дружба явилась средствомъ слѣдить за своей душевной жизнью, бороться съ грѣхомъ, укрѣпляться духомъ.

Прочія мѣста житія, вообще краткаго, помимо чисто фактическихъ указаній, представляются мало содержательными, полными обычной риторики; характернымъ можно считать только предсмертное поученіе святаго; о подлинности его, конечно, говорить очень трудно, но оно получаетъ значеніе и интересъ опять таки, какъ указаніе, какого рода наставленія могли считаться идеальными въ глазахъ тѣхъ, кто такъ или иначе участвовалъ въ составленіи житія, въ глазахъ иноковъ обители, хранившихъ воспоминанія о начальникѣ своей обители, и его послѣдняго біографа. Поученіе это убѣждаетъ учениковъ хранить страхъ Божій, любовь и кротость, какъ основными

добродѣтели ¹⁾). На обязанность вѣщнаго, обрядоваго богочитанія пренеподобный дѣласть лишь краткое указаніе въ концѣ поученія.

Третій трудъ Іоны, подобно и нѣкоторымъ другимъ житіямъ той же эпохи, оказывается не подлежащимъ разсмотрѣнію въ настоящее время: въ житіи Варлаама Важскаго мы встрѣчаемъ, во 1-хъ, передачу фактовъ изъ жизни святаго, который былъ новгородскимъ посадникомъ, отличался нищелюбіемъ, справедливостью и благочестіемъ, послѣ нѣкотораго видѣнія основать на Волгѣ обитель въ честь евангелиста Іоанна Богослова, снабдилъ ее богатыми дарами, а потомъ самъ въ ней постригся (въ міру онъ носилъ имя Василій) и черезъ 6 лѣтъ преставился; во 2-хъ, общія риторическія мѣста, особенно при описаніи подвиговъ святаго по его постриженіи. Въ отношеніи передачи фактовъ В. О. Ключевскій признаетъ за житіемъ Варлаама извѣстное достоинство ²⁾; скудость же такихъ элементовъ, которые придавали бы и третьему труду Іоны значеніе для нашей цѣли, объясняется и особымъ положеніемъ самого Варлаама, который не былъ наставникомъ братіи, долгу не былъ и инокомъ, и тѣмъ,

¹⁾ Позволю себѣ выписать почти все поученіе: Сергій поручаетъ учениковъ Богу и Богородицѣ, „да сохранитъ и утвердитъ насъ въ любви своей. не скорбите, но пребывайте въ любви божіи. и заповѣди его сохранийте стрихомъ и трепетомъ поминающе слово владыки христа. любви ми заповѣди моя совершайте. стрихомъ божіимъ ограждайте сердца ваша. да той вы наставитъ ко всякому дѣлу благу. начало бо премудрости страхъ господень. между собою другъ друга смиреніемъ украшайте. лжыхъ словесъ отвращаетесь. глаголите кождо брату своему истину. клевету возмонавидите. вражды отвращаетесь. но аще кто къ кому имать пореченіе. вы совершите такового любовію. дондеже ночь не прійдетъ. да не заидеть солнце во гнѣвъ нашему. къ наставникомъ покореніе имѣйте. тѣмъ бо бдитъ о душахъ нашихъ яко слово хотище воздати о васъ бокови. церковнаго же чина службу сотворяете безъ лѣности. аще тако поживете блаженъ будете“ (л. 114—115).

²⁾ II. соч., 301—2.

что монастырь и его преданія были чужды для Іоны, случайно прожившаго въ немъ въ некоторое время; на это обстоятельство онъ и самъ указываетъ въ предисловіи ¹⁾.

На житіи преподобнаго Антонія Сійскаго, принадлежащемъ перу царевича Ивана Ивановича и тѣсно связанномъ съ трудомъ Іоны, также не приходится останавливаться. В. О. Ключевскимъ ²⁾ отмѣчено, что трудъ царевича выдается особеннымъ разлитіемъ риторическаго элемента и только длиннѣйшими риторическими распространеніями, вставкою выписокъ изъ св. Писанія, житій и т. п. — отличается отъ труда Іоны, который царевичъ, помимо этихъ отличій, повторялъ, можно сказать, дословно ³⁾.

Въ извѣстной степени къ житійной литературѣ можно присоединить еще повѣсть о событіяхъ въ монастырѣ Никиты Переяславскаго, между прочимъ о нѣкоторыхъ его посмертныхъ чудесахъ. Я уже касался ея выше (въ 3-мъ „очеркѣ“) и въ настоящее время имѣю въ виду только указать на интересъ къ демонологіи, отразившійся въ рассказахъ объ этихъ чудесахъ. То же нужно сказать и о житіи Никиты (разобранномъ тамъ же). Напомню, что и въ житіи другого переяславскаго святаго, Даниила, мы отмѣтили элементы легенды, въ частности демонологической. Повѣсть о Никитскомъ монастырѣ и житіе Даниила сходятся и въ томъ, что обрисовываютъ близость той и другой обители къ московскому государю и его дому (указанія повѣсти на этотъ счетъ см. въ томъ же 3-мъ „очеркѣ“).

¹⁾ „Иного монастыря есмь общаѣиомъ и сожитіе имѣю далече отъ обители святаго“ (р-сь Ундольскаго № 291, л. 3 об.).

²⁾ Даже имя Іоны, какъ автора, въ одномъ мѣстѣ имъ udržано: по крайней мѣрѣ списокъ, которымъ я пользовался (гр. Толстаго III, № 31), не оправдываетъ замѣчанія г. Ключевского, что царевичъ не называлъ нигдѣ Іону по имени; на л. 277 читаемъ: „и сего ради азъ убогии сплениенионикъ Іоан... еже... повѣдуема слышахъ писанію предахъ отъ многихъ маван“.

Здѣсь я останавлиюсь въ своемъ разборѣ отдѣльныхъ агіобіографическихъ памятниковъ литературы московскаго періода: въ разобранныхъ памятникахъ я позволяю себѣ усматривать болѣе или менѣе ясное отраженіе міровоззрѣнія, образа мыслей и понятій среды, изъ которой вышелъ данный памятникъ. Въ прочихъ житіяхъ, по крайней мѣрѣ насколько я познакомился съ ними или въ изданіяхъ или въ рукописяхъ, я не нашелъ или почти не нашелъ подобныхъ данныхъ; они представляютъ то чисто фактическія указанія, безразличныя съ интересующей меня точки зрѣнія, то слишкомъ общія характеристики, общія мѣста и риторическія распространенія; можетъ быть, нѣкоторыя данныя этихъ житій и заслуживаютъ вниманія, но въ иномъ отношеніи, съ иной точки зрѣнія. Съ другой стороны, и тѣхъ произведеній, которыя нами разсмотрѣны, достаточно для того, чтобы придти къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ; тѣ памятники, которыхъ я не касаюсь, не представляя подобнаго же матеріала, не могутъ и противорѣчить этимъ выводамъ.

Выводы изъ разбора житій.

Разсматривая содержаніе русскихъ житій и другихъ родственныхъ имъ памятниковъ литературы XV—XVI вѣковъ (число разсмотрѣнныхъ памятниковъ доходитъ до тридцати) и отмѣчая въ нихъ тѣ или другія характерныя черты, я уже выяснилъ въ значительной степени свой взглядъ на эти памятники и на ихъ взаимоотношеніе. Здѣсь изложу его въ болѣе связанномъ и цѣльномъ видѣ.

Вглядываясь пристальнѣе въ содержаніе разобранныхъ памятниковъ, мы не можемъ признать въ нихъ полного однообразія по отношенію къ отражаемому ими религиозно-нравственному міровоззрѣнію; различія касаются довольно многихъ сторонъ. Сюда сказанное выше объ

отдѣльныхъ житіяхъ, постараюсь указать черты различія между ними.

Въ однихъ памятникахъ мы находимъ ясно выраженный культъ чисто внѣшняго подвижничества, обрядоваго, формальнаго благочестія, исканіе внѣшнихъ стимуловъ добродѣтели, въ другихъ стремленіе къ внутреннему совершенству или по крайней мѣрѣ отсутствіе упомянутаго культа; въ однихъ духъ нетерпимости и суровости, вообще мрачность и суровость религіознаго начала, въ другихъ — чувство кротости и любви, поставляемое въ основу истиннаго подвига и истинно-христіанской жизни; въ однихъ — отражается стремленіе къ строгой внѣшней организаціи жизни, хозяйственный ея характеръ, для монастыря признается законнымъ владѣніе поземельной собственностью и управленіе ею; въ другихъ — идея свободы отъ земныхъ заботъ, стремленіе къ полной нестяжательности; въ однихъ — признаніе связи съ земною властью, служеніе ей; въ частности благоговѣніе передъ слагающейею властью московскаго государя; въ другихъ — почитаніе государственной власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненіе независимости отъ нея въ дѣлахъ вѣры и нравственности; въ однихъ — любовь къ легендѣ, къ фантастическимъ сказаніямъ, но преимуществу мрачнаго характера, въ другихъ отсутствіе ея.

Эти различія я не нахожу возможнымъ считать случайными, такъ какъ въ ихъ распредѣленіи замѣчается извѣстная правильность: они явно группируются по мѣстностямъ; первую категорію представляютъ житія, писанныя въ области, болѣе или менѣе близкой къ тогдашнему центру русской жизни, къ Москвѣ, вторую — писанныя въ предѣлахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ, къ сѣверо-востоку; одніи черты ясно усваиваются первой категоріи, другія — второй ¹⁾. Впечатлѣніе правильности

¹⁾ Правда, есть исключенія; но число ихъ весьма невелико. Главнымъ образомъ, исключеніями можно считать изложенія въ своемъ мѣстѣ повѣствованія о посмертныхъ чуде-

и закономѣрности этого распредѣленія еще усилятся, если мы обратимъ вниманіе на обстоятельство, которое имѣетъ съ тѣмъ, по моему мнѣнію, и объясняетъ отмѣченное мною явленіе. Общеизвѣстнымъ сталъ уже тотъ фактъ, что въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка среди русскаго монашества опредѣлилось два теченія или двѣ школы, которыя расходились во взглядахъ на задачи и сущность нравственно-религіозной жизни, въ частности на формы и организацію иноческой жизни, на отношенія къ еретикамъ и на способы ихъ обращенія. Школы эти, хотя имѣли своихъ представителей и въ Москвѣ, но въ общемъ ясно распредѣлялись по различнымъ мѣстностямъ и имѣли своими средоточіями: одна — волоколамскій монастырь, тяготѣвшій такъ сильно къ Москвѣ и московскому великокняжескому дому, другая — бѣлозерскіе монастыри; своими главнѣйшими духовными вождями и учителями онѣ считали: одна — Іосифа Волоцкаго, другая — Нила Сорскаго и главнѣйшихъ учениковъ ихъ. Дѣло не ограничивалось только различіемъ въ мнѣніяхъ, но доходило и до полемики, подчасъ весьма рѣзкой. Отличія названныхъ двухъ теченій русской религіозной мысли давно уже обратили на себя вниманіе историковъ не разъ служили предметомъ обстоятельныхъ изслѣдованій и не разъ были формулированы. Да и современники уже обратили вниманіе на это въ высшей степени важное въ исторіи русскаго культурнаго развитія явленіе и задавались вопросомъ о началѣ разногласія между партіями; я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, знаменитое „Письмо о нелюбкахъ“, нерѣдко цитировавшееся изслѣдователями и уже упомянутое мною выше ¹⁾. Оно представляетъ доку-

сахъ Дмитрія Прилуцкаго и особенно Павла Обнорскаго. Но, во всякомъ случаѣ, представленія о суровой карательной роли снитаго, очевидно, не укоренились въ данной средѣ, не смотря на появленіе отдѣльныхъ повѣствованій такого рода.

¹⁾ По поводу рукописи М. Синод. Б-ки № 927 (содержащей, между прочимъ, Волоколамскій паторикъ), по которой оно

ментъ весьма любопытный, такъ какъ свидѣтельствуеть, что разногласіе между иноками бѣлозерскими и волоколамскими шло глубоко, а не ограничивалось нѣсколькими отдѣльными вопросами и не касалось только нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, призванныхъ высказаться или по своей волѣ публично высказавшихся по этимъ вопросамъ и такимъ образомъ участвовавшихъ въ тогдашней литературной полемикѣ ¹⁾; разногласіе охватывало болѣе широкіе круги иноковъ, и притомъ разногласіе сознательное и настолько ясное, что доходило до взаимнаго нерасположенія и даже враждебнаго отношенія.

Такимъ образомъ современниками была отмѣчена и принадлежность людей той и другой партіи къ опредѣленнымъ монастырямъ или, шире, — къ известнымъ областямъ; не даромъ они называли партію, выступившую противъ Іосифа Волоцкаго, „*миновскими старцами*“, признавая, стало быть, рѣку Волгу какъ бы границею, по сторонамъ которой жили и дѣйствовали люди различныхъ убѣжденій и направленій; этотъ терминъ, принятый въ наукѣ, удерживаю и я въ дальнѣйшемъ изложеніи, равно какъ терминъ „іосифляны“, данный внослѣдствіи іосифовской партіи ея противникамъ.

На подробной характеристикѣ направленій „іосифляны“ и „заволжскихъ старцевъ“ я останавливаться здѣсь не буду, такъ какъ она сдѣлана не разъ; дѣлалась она обыкновенно на основаніи учительныхъ и полемическихъ сочиненій главарей того и другого направленія: Іосифа Волоцкаго, митрополита Даниїла, Нила Сорскаго, Васіана Патрикѣева; для меня важно отмѣтить тѣ черты, которыя можно сопоставить съ результатами моихъ наблюденій надъ памятниками житійнаго характера.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть ту вышность ре-

издано А. В. Горскимъ въ Приб. къ Твор. Св. О., X (1851), 501 слл.

¹⁾ Указаніе памятниковъ, относящихся къ этой полемикѣ, см. особенно въ названномъ изслѣдованіи г. Жмакина.

лигіозно-правственаго идеала, то господство ви́шнихъ опредѣленій въ системѣ морали, которыя данно уже признаны характернѣйшей чертою въ направленіи Іосифа и его школы; и нельзя не поставить съ этимъ въ связь того явленія, указаннаго выше, что житія свитыхъ, вышедшія именно изъ среды волоколамскихъ иноковъ и посвященныя прославленію подвижниковъ іосифовской и соединенной съ нею тѣсными узами нафнутіевоі боровской обители, проникнуты тѣмъ же настроеніемъ: оно отражается то въ прославленіи святаго за чисто ви́шнія проявленія подвижничества, иногда вполне формальнаго характера (см. особенно въ житіяхъ Кассіана Босаго и Фотія), то въ соответствующихъ поученіяхъ и наставленіяхъ, влагаемыхъ въ его уста (такія черты мы видѣли въ житіяхъ Нафнутія, Іосифа, Волок. Патерикъ, отчасти въ житіи митр. Іоны; то же отмѣчено въ житіи Даниїла Переяславскаго, отчасти Герасима Болдинскаго). Замѣчу, что и та вѣрность и буквально точное слѣдованіе буквъ „писанія“, которое прославляетъ Вассіанъ у Нафнутія, составляю, при извѣстной неопредѣленности термина „писаніе“ и при принципиальномъ отрицаніи критическаго отношенія къ писаніямъ, одну изъ отличительныхъ особенностей „іосифлянства“.

Благочестіе, сводящееся по преимуществу къ ви́шности и формальности, къ буквъ закона, извѣстная уаость религіознаго воззрѣнія бываешь связана съ нетерпимостью и фанатизмомъ, со склонностью выдвигать представленіе о Богѣ карающемъ и грозномъ, идею неумолимой справедливости; эта идея заслоняеть идею милосердія: религіозное начало получаетъ характеръ суровый и мрачный. Такія черты я не разъ отмѣтилъ выше въ тѣхъ же житіяхъ; онѣ проявляются въ безусловно отрицательномъ отношеніи къ міру и особенно къ женщинамъ (напр. въ житіи Нафнутія Боровскаго); въ многочисленныхъ разсказахъ о карательномъ отношеніи святаго къ согрѣшающимъ и осужденіи ихъ, о тяжкихъ наказаніяхъ, постигающихъ грѣшниковъ и на этомъ и на томъ свѣтѣ, и

т. п. (житія и чудеса Пафнутія, Іосифа, митрополита Іо-
ны, Волоколамскій патерикъ); но тѣ же черты были не
разъ уже отмѣчены историками русской литературы и
жизни въ литературной и общественной дѣятельности Іо-
сифа Волоцкаго и его послѣдователей. То же значеніе
имѣеть одобреніе, съ какимы нѣкоторые изъ этихъ памят-
никовъ относятся къ насильственному обращенію нехри-
стіанъ и заблуждающихся (житія Пафнутія, Іосифа, Пате-
рикъ); и совершенно такое же направленіе мысли прово-
дитъ Іосифъ, глава школы. Какъ далеко заходилъ онъ
въ этомъ отношеніи, слишкомъ извѣстно и изъ его соб-
ственныхъ произведеній („Просвѣтитель“ и отдѣльныя по-
сланія, не вошедшія въ составъ послѣдняго) и изъ дру-
гихъ памятниковъ, относящихся къ вопросу о борьбѣ съ
ересью жидовствующихъ.

Практическое направленіе мысли и дѣятельности, от-
раженіе котораго мы находимъ въ нѣкоторыхъ житіяхъ,
также составляетъ, какъ извѣстно, характерную черту
„іосифлинеговъ“ (въ этомъ отношеніи изъ житій особенно
обращаетъ вниманіе анонимное житіе Іосифа, описываю-
щее утилитарный характеръ морали въ данной средѣ.
На почвѣ этого практицизма основывалась и горячая за-
щита іосифлинегами (противъ зановѣщевъ) монастырскаго
землевлдѣнія; признаніе законности его отразилось и въ
житіяхъ данной группы (особенно Пафнутія, Іосифа; так-
же Даниїла Переяславскаго).

Далѣе, близость къ великому князю и его дому Паф-
нутія, Іосифа, Кассіана Босаго и другихъ преподобныхъ
данной группы, близость, о которой говорить ихъ жи-
тія (та же подробность опять сближаетъ съ ними житіе
Даниїла Переяславскаго), хорошо извѣстна и изъ исто-
ріи и была не разъ характеризована: крѣпкая связь съ
великимъ княземъ и преданность его власти являются
одною изъ видныхъ особенностей въ дѣятельности іосиф-
лянтъ; они пользуются услугами свѣтской власти и въ
свою очередь служатъ этой послѣдней, подчиняя ей цер-
ковь и церковныя дѣла, нерѣдко даже отодвигая на вто-

рой планъ высше, чисто религіозные и нравственные интересы.

Въ свою очередь тѣ черты, которыя отмѣчены въ житіяхъ, вышедшихъ изъ сѣверо-восточнаго края, дѣлаются понятными, если мы примемъ во вниманіе, что въ томъ же краю разлилось другое направленіе, которое такъ значительно отличалось отъ „іосифляинства“ и даже рѣзко и сознательно возставало противъ принциповъ послѣдняго; Кирилловъ и другіе бѣлозерскіе монастыри были его главнымъ средоточіемъ; центральная роль Кириллова монастыря рисуется и во многихъ сѣверныхъ житіяхъ; изъ Кириллова вышелъ и глава „заволжскихъ старцевъ“, Нилъ, основавшій неподалеку отъ него собственный скитъ. И въ данномъ случаѣ я не могу считать случайностью, что тѣ житія, въ которыхъ не выставляется на первый планъ внѣшнее, обрядовое подвижничество, а болѣе или менѣе ясно говорится о внутреннемъ совершенствованіи, объ очищеніи сердца, объ искорененіи злыхъ и развитіи добрыхъ мыслей, желаній и чувствъ, — что эти житія создавались въ тѣхъ же областяхъ, гдѣ идеалъ внутренняго совершенства нашелъ себѣ выраженіе въ извѣстныхъ учительныхъ произведеніяхъ Нила Сорскаго или Иннокентія Охлѣбниина. Въ этомъ отношеніи особенно интересно житіе Павла Обнорскаго, многія мѣста котораго, трактующія о борьбѣ съ помыслами, очень напоминаютъ Уставъ Нила. Даже такія отдѣльныя выраженія, характеризующія благочестивую жизнь подвижниковъ, какъ „умное дѣланіе“, встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ изъ этихъ житій, мы находимъ у Нила въ его Уставѣ и у Иннокентія въ „Надсловіи“ къ этому послѣднему: мысленное, сердечное, умное дѣланіе, сердечное и умное, внутреннее храненіе, умное вниманіе, мысленное, умное блюденіе ¹⁾. Бульть безмолвія, самоуглубленія, стремленіе удалиться отъ всякихъ тревогъ міра сего, находящій себѣ въ дан-

¹⁾ Нила Сорскаго Преданію ученикомъ своимъ о жителствѣ скитскомъ, М. 1849, стр. IX, XIX, XXIII, 21, 22.

ной группѣ житій болѣе ясное выраженіе (вспомнимъ житія Павла Обнорскаго, Діонисія Глушицкаго, Григорія Пельшемскаго, Антонія Сійскаго) также находятъ себѣ соотвѣтствіе въ проповѣди самоуглубленія, которую мы находимъ главнымъ образомъ у Нила, и въ стремленіи его и его послѣдователей уходить въ болѣе глухія и отдаленныя мѣста, устранившись отъ практическихъ интересовъ, которыхъ не чуждались „іосифляне“, принимавшіе нерѣдко участіе въ политическихъ дѣлахъ; культъ скитской жизни, выдвинутый главнымъ образомъ Ниломъ и Пиннокентіемъ, былъ лишь болѣе значительнымъ выраженіемъ того же настроенія. Съ точки зрѣнія указанныхъ отношеній интереснымъ является изложенный въ своемъ мѣстѣ эпизодъ о трехъ заволжскихъ старцахъ въ житіи Даниила Переславскаго. Не случайно эти старцы, умѣящіе „помыслы разсуждати“, опытные въ распознаваніи и оцѣнкѣ душевныхъ чувствъ и желаній, приходятъ изъ на Волги, гдѣ развивалось ученіе о помыслахъ, о самонаблюденіи, развивалось умѣніе слѣдить за собой и своими мыслями, критическая оцѣнка „помысловъ“; данный эпизодъ, думаю я, лишній разъ освѣщаетъ такое, „психологическое“, направленіе заволжскаго подвижничества.

Далѣе, идея полной нестяжательности (при скитской или общежительной организаціи монастыря, все равно), питанія трудами рукъ своихъ, довольства лишь необходимымъ, тѣсно связанная съ тѣмъ же удаленіемъ отъ всякихъ практическихъ тревогъ и заботъ, — болѣе или менѣе ясно отразилась во многихъ житіяхъ разсматриваемой группы (Кирилла Вѣлззерскаго, Діонисія Глушицкаго, Павла Обнорскаго, Оерапонта Вѣлззерскаго, Іоасафа Каменскаго, Корнилія Комельскаго, Антонія Сійскаго); но съ другой стороны слишкомъ извѣстно, что таковы же были взгляды Нила, Вассіана Патрикѣева и вообще заволжцевъ, извѣстна крупная роль именно этой идеи въ полемикѣ заволжцевъ съ іосифлянами, начиная съ знаменитаго протеста Нила на соборѣ 1503 года.

Начала смиренія, кротости, снисхожденія и любви,

какъ я указывалъ выше, не разъ панли себѣ выраженіе въ этой же группѣ житій (Сергія Радонежскаго, Кирилла Вѣлзерекаго, Діонисія Глушицкаго, Іоасафа Каменскаго, Корнилія Комельскаго, Антонія Сійскаго, Сергія Нуромскаго), особенно ясное при противоположеніи имъ тѣхъ данныхъ, которыя мы находимъ въ житіяхъ первой группы; тотъ же „духъ евангельской любви и снисхожденія“ ¹⁾ вѣсть въ твореніяхъ Нила; изъ нихъ ясно видно, какое важное мѣсто занималъ этотъ принципъ въ общей системѣ его убѣжденій; укажу, напримѣръ, въ его ученіи о помыслахъ разсужденіе о борьбѣ со страстью гнѣва ²⁾, гдѣ преподобный развиваетъ свои взгляды на эту страсть и на противоположную ей добродѣтель любви и кротости ³⁾; или на его „Посланіе къ брату любовное о покаяніи“, гдѣ преподобный съ особою силою говоритъ о снисхожденіи къ согрѣшающимъ и убѣждаетъ согрѣшившаго брата вспомнить притчу о блудномъ сынѣ, которою онъ иллюстрируетъ свои соображенія ⁴⁾. Замѣчательная сила снисхожденія къ согрѣшающимъ видна въ посланіяхъ Нила Вассіану Патрикѣву и Гурію Тушину: Нилъ рекомендуетъ воздерживаться отъ осужденія согрѣшающаго брата, плакать лишь о своихъ грѣхахъ, а бороться съ грѣхомъ только духовнымъ оружіемъ ⁵⁾, побуждая грѣхъ

¹⁾ А. С. Архангельскій, н. соч., 130.

²⁾ Преданіе ученикомъ..., изд. 1849 г., 82--85.

³⁾ „Только же“, говоритъ онъ между прочимъ, „взвѣданіе веліе Господь симъ обща паче нѣхъ, но царство небесное точію рече, ни утѣшеніе и дарованіе коо,“ икоже прочимъ, но синоположеніе“.

⁴⁾ А. С. Архангельскій, н. соч., 85—87.

⁵⁾ Тамъ, 89, 73—77. Отъ грѣшныхъ дѣлъ слѣдуетъ удалиться; „и ты, человѣче Божій, таковымъ не приобщайся, не подобаетъ же на таковыхъ рѣчимъ пасыкати, ни попомати, ни укорити, но Богови оставляти сіи: силенъ бо есть Богъ исправити ихъ“ (Гурію); „сохрани же ся и тишия ни укорити, ни осудити никого ни въ чемъ, иже и на благо что зрится“ (Вассіану).

и зло благостью и кротостью; уже то, что Нилъ находилъ нужнымъ смиряться и извиняться передъ своимъ корреспондентомъ, просящимъ у него наставленія, если находилъ, что его слова имѣли слишкомъ рѣзкій характеръ ¹⁾, — заслуживаетъ вниманія и конечно не оставалось безъ вліянія на того, съ кѣмъ онъ находился въ общеніи. Самъ Нилъ, какъ извѣстно, не выступалъ въ полемикѣ, возгорѣвшейся по главнымъ вопросамъ тогдашней церковной жизни; это дѣлали его ученики и послѣдователи, и конечно по его слѣдамъ они выдвигали на первое мѣсто, въ качествѣ руководящаго, принципъ любви и снисхожденія; достаточно напомнить судьбу вопроса объ отношеніи къ еретикамъ: знаменитое посланіе заповѣскихъ старцевъ особенно проникнуто этимъ принципомъ и сознательно выдвигаетъ его, говоря о милости къ грѣшнымъ, заповѣданной Христомъ ²⁾; не говоря о другихъ, особенно ясно выражалъ любовное отношеніе къ еретикамъ старецъ Германъ: „намъ судити не подобаетъ никого ни вѣрна ни невѣрна, но подобаетъ молиться о нихъ“ ³⁾, — мнѣніе, признающее чисто духовное и любовное средство борьбы съ заблужденіями, молитву; а по Нилу молитва

¹⁾ Въ посланіи старцу Герману: „еще же молю твою свѣтлинѣ, да не положиши словеса она въ скорбь, иже глаголахомъ тогда. Аще бо и по вѣншему мнитси жестока, внутри же исполнь пользы, понеже не своя глаголахъ, но отъ св. писаній“ (тж., 65).

²⁾ Др. Росс. Вивл., XVI, 424—428: примѣры Моисея, молящагося Богу за поклонившагося тельцу Израили; Христа и жены грѣшницы; апостола Павла, „душу свою полагающаго за соблазнившуюся братію“; цари Манассѣи, помилованнаго Богомъ за краткое покаяніе; разбойника, мытаря; сознательное противосложеніе Новаго Завета Вѣтхому; указанію на самого Христа, пострадавшаго ради грѣшныхъ; посланіе оканчивается знаменательными словами: „милостивъ и долготерпѣливъ Владыко о любящихъ человѣческихъ наречесъ, праведныхъ бо любящихъ, а грѣшныхъ милуеши, нынѣ и въ безконечныя вѣки, аминь“.

³⁾ В. Жилинъ, Нилъ Половѣ, ЖМНП, 1881, 8, 194.

за ближняго и является выраженіемъ любви къ нему ¹⁾. На ту же почву любви къ ближнему ставился перѣдко и вопросъ о монастырскомъ земледѣліи ²⁾.

Элементъ проповѣди, назиданія, вложеннаго въ уста святому, душеполезной его бесѣды, въ житіяхъ данной группы встрѣчается чаще, и эти назиданія и бесѣды обыкновенно не развиваютъ теоріи виѣшнихъ подвиговъ, предлагаемой инокамъ, но стремятся внушить основныя христіанскія добродѣтели, главнымъ образомъ богомысліе, стремленіе къ внутреннему совершенствованію, борьбу съ дурными помыслами, чувство любви, соединенное съ собственнымъ смиреніемъ (житія Діонисія Глушицкаго, Григорія Пельшемскаго, Іоасафа Каменскаго, Павла Обнорскаго, Корнилія Комельскаго, Антонія Сійскаго, Сергія Пуромскаго). И если, соотвѣтственно такому настроенію, мы не находимъ (или по крайней мѣрѣ почти не находимъ) въ напечатанныхъ заволожской агіобіографіи ни картинъ суровой истеричности къ невѣрнымъ или къ заблуждающимся, къ грѣшникамъ, ни разсказовъ о карахъ, постигающихъ ихъ какъ естественнымъ, такъ и сверхъестественнымъ путемъ, и служащихъ виѣшнимъ стимуломъ для нравственной жизни, особенно не находимъ мрачныхъ и запугивающихъ образовъ эсхатологической и демонологической легенды, — то мы не находимъ ихъ и въ твореніяхъ Пала, съ ихъ настроеніемъ ласковымъ, кроткимъ и любвеобильнымъ.

Пренебреженіе къ благамъ и интересамъ мірскимъ, которое не разъ нашло себѣ отраженіе въ заволожскихъ житіяхъ, создавала для инока и для монастыря извѣст-

¹⁾ „И се есть любовь и милосердіе еже молитися за брата“ (въ томъ же словѣ о помыслѣ гордости).

²⁾ Поломическія сочиненія Вассіана Патрикіева, Правосл. Собор., 1863, 2, 189—191. 194—5 (изд. А. С. Павловымъ). — Апокрифическая Бесѣда Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ (изд. гг. Дружинина и Дьяконова, Лѣтон. Зап. Археогр. Комисс., X), 12. 13. 15. 21.

ную нравственную независимость; выше мы видѣли факты такой независимости хотя бы по отношенію къ княжеской власти, которую отмѣтили житія (житія Кирилла Белозерскаго, Димитрія Прилуцкаго, Григорія Нельшемскаго, Мартиніана Белозерскаго); извѣстно, что эта черта являлась одною изъ важѣйшихъ, отличавшихъ заволожцевъ отъ іосифлянъ ¹⁾. Если послѣдніе, вступая въ крѣпкую связь со свѣтской властью, поступались за то иногда своей духовной свободой, то первые, удаляясь отъ всякихъ заботъ міра сего (подобно Димитрію Прилуцкому, который, по житію, отказывается отъ чести, оказываемой ему князьями), сохраняютъ свою нравственную независимость; и подобно тому, какъ въ житіяхъ выступаютъ обличителями: Григорій Нельшемскій удѣльнаго, а Мартиніанъ Белозерскій — даже великаго князя, такъ изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что изъ среды заволожцевъ выходили и другіе обличители: отсюда вышелъ протестъ противъ втораго брака Василия III, отсюда явился знаменитый Феодоритъ, обличительная дѣятельность котораго разсказана Курбскимъ въ его исторіи: отсюда явился игумень Троицкій Порфирій I, за подобную же смѣлость обличеній потерпѣвшій гоненіе и прославленный тѣмъ же Курбскимъ ²⁾.

Элементъ личнаго разсужденія, мотивировки извѣстныхъ нравственныхъ положеній, хотя и не выступающій особенно сильно, но все же замѣтный въ житіяхъ Павла Обнорскаго или Иннокентія Комельскаго (у послѣдняго — въ дѣлѣ „испытанія божественныхъ писаній“) также приближаетъ данныя житія къ „заволжскому“ направленію мысли: у главныхъ его выразителей разсужденіе играетъ вообще видную роль, а Нилъ не разъ рекомендуетъ въ своихъ твореніяхъ именно „испытаніе божественныхъ пи-

¹⁾ Освѣщеніе этой стороны дѣла см. въ указанныхъ трудахъ гг. Павлова, Жмакина, Милюкова.

²⁾ Сказанія князя Курбскаго², 126 сл.

савій“¹⁾), разсудительное къ нимъ отношеніе, ибо „писа-
нія многа, но не вся божественна суть“; извѣстно, что
Нилъ обрабатывалъ и нѣкоторыя житія свѣтыхъ, стараясь
ихъ исправить, и что эта критическая работа вызвала
рѣзкія сужденія со стороны противниковъ²⁾; признаніе
руководящей роли и главнаго значенія за Евангеліемъ
и вообще книгами Новаго Завета, которое мы знаемъ
у Нила и его послѣдователей³⁾, также не осталось безъ
аналогіи въ житіяхъ: выше я уже отмѣтилъ подобную
черту у инока Іоаннѣ Сійскаго, писателя житія пр. Анто-
нія Сійскаго.

Такимъ образомъ, различныя направленія мысли, от-
развившіяся въ русскихъ житіяхъ, не только по своему
содержанію, но и по географическому приуроченію нахо-
дять себѣ аналогію въ извѣстныхъ уже направленіяхъ,
раздѣлявшихъ русское монашество на двѣ противополож-
ныя партіи. Житія одной группы даютъ показанія для
ряда обитателей, занимающихъ районъ отъ Вязьмы и До-
рогобужа на юго-западѣ до Переяславля на сѣверо-восто-
кѣ; другія — для предѣловъ о́блѣзерскихъ, вологодскихъ
и далѣе на сѣверъ: стало быть, теченіе Волги и здѣсь
является какъ бы пограничною линіей.

Сдѣланныя выше сопоставленія позволяютъ, на мой
взглядъ, придти къ выводу, что агиобіографическая лите-
ратура московской Руси, при всей своей искусственности
и схематичности, не остается въ сторонѣ отъ современ-
ныхъ ей теченій русской мысли и культурной жизни;
насколько это было возможно при тѣхъ формальныхъ
условіяхъ, тѣхъ стилистическихъ рамкахъ, въ которыя

¹⁾ См., напр., его посланія старцу Герману или Гурію
Тушину: *Архангельскій*, н. соч., 73 сл., 63 сл.

²⁾ А. С. *Архангельскій*, н. соч., 123—127.

³⁾ Это отношеніе вѣдѣ видно у Нила; но особенно ясное
и сознательное противопоставленіе Новаго Завета Вѣтому,
какъ имъ упраздненному, мы находимъ въ извѣстномъ посла-
ніи заволажскихъ старцевъ (*Др. Росс. Вѣст.*, XVI, 425).

было поставлено житіе, какъ извѣстный литературный родъ, она, съ большею или меньшею сознательностью, съ большею или меньшею полнотой, отражаетъ эти теченія, принимая то къ одному, то къ другому. Правда, не всѣ стороны, не всѣ элементы того или другого изъ этихъ теченій отразились въ каждомъ изъ указанныхъ житій: въ однихъ мы находили отраженіе однихъ, въ другихъ — другихъ чертъ; агіографъ не ставилъ своею цѣлью проводить тѣ или другія воззрѣнія и дѣлалъ это непреднамеренно, прославляя своего святаго. Далѣе, различіи между отдѣльными житіями въ отношеніи къ отражаемому ими образу мыслей приходится слѣдить перѣдко въ мелкихъ подробностяхъ, тонущихъ въ большомъ количествѣ общихъ мѣстъ и шаблонно-риторическихъ фразъ; вслѣдствіе этого выводы могутъ казаться преувеличенными. Однако, данныя, содержащіяся въ этихъ мелкихъ и немногочисленныхъ для иного отдѣльнаго житія подробностяхъ, даютъ довольно значительную сумму, въ цѣломъ обращающую на себя вниманіе; притомъ же важно, что, какъ уже было отмѣчено, извѣстныя черты являются приуроченными къ опредѣленному географическому району; отдѣльныя житія не противорѣчатъ ни другъ другу, ни другимъ даннымъ. Далѣе, что касается господства общихъ мѣстъ и риторики, то это свойство, присущее весьма многимъ житіямъ, я склоненъ толковать въ пользу своей точки зрѣнія: въ самомъ дѣлѣ, если, при соблюденіи извѣстной шаблонной схемы, по которой можно было написать цѣлое житіе, не зная достовѣрно фактовъ жизни святаго¹⁾, все таки у различныхъ писателей могли сквозь эту схему пробиться, хотя бы кое гдѣ, воззрѣнія разнообразныя, подчасъ различныя до противоположности, то это значитъ, что данныя воззрѣнія достигли у даннаго автора значительной степени выработки, значительно укоренились въ немъ, такъ что ложатся въ основу его оцѣнокъ и вообще пониманія явленій жизни, и онъ не мо-

¹⁾ См. примѣры у В. О. Ключевского, 286, 430, 432.

жеть уже, хотя бы и невольно, безъ сознательной цѣли, не руководиться ими, какъ съ другой стороны онъ руководится, сознательно, правилами литературной теоріи.

Если предложенное мною сопоставленіе житійной литературы данной эпохи и современныхъ ей направленій русской мысли справедливо и объясняетъ содержаніе и характеръ житій, то съ другой стороны въ такомъ случаѣ оно дастъ право на нѣкоторыя дальнѣйшія соображенія, не лишеныя значенія, прежде всего для выясненія въ свою очередь исторіи данныхъ направленій.

Какъ я уже упоминалъ нѣкогда, характеристика главныхъ теченій русской мысли XV—XVI вѣковъ дѣлалась по преимуществу на основаніи учительныхъ и полемическихъ памятниковъ ¹⁾; сюда же слѣдуетъ причислить и нѣкоторые соборные акты и грамоты ²⁾. Все это памятники, которые принадлежатъ вождямъ того и другого направленія или приводятъ (какъ соборные акты) главнымъ образомъ ихъ мнѣнія и рѣчи и лишь между прочимъ упоминаютъ менѣе крупныхъ дѣятелей; писаны они въ средоточіяхъ того и другого направленія. Житія выводятъ передъ нами другихъ дѣятелей, принадлежатъ другимъ авторамъ, въ общемъ второстепеннымъ, часто даже неизвестнымъ по имени: какъ подвижники, жизнь которыхъ рассказывается въ житіяхъ, такъ и ихъ біографы живутъ и дѣйствуютъ въ различныхъ мѣстностяхъ, какъ въ указанныхъ средоточіяхъ, такъ и въ отдаленіи отъ нихъ: благодаря этому, рассмотрѣнныя нами агіобиографическія произведенія обрисовываютъ общее настроеніе различ-

¹⁾ Таковы уставы Іосифа и Нила съ „надсловіемъ“ Инокентія къ послѣдному, посланія, которыми обмѣливались по вопросамъ о монастырскихъ имѣніяхъ и о еретикахъ представители обоихъ направленій, и нѣкоторыя другія сочиненія и посланія Іосифа, Даниїла, Нила, Вассіана Патрикѣева, старца Артемія.

²⁾ Таковы документы, касающіеся осужденія Вассіана, Максима Грека, Висковитаго, Башкина, Артемія.

ныхъ, даже второстепенныхъ, членовъ той и другой партіи; способствуютъ уясненію того, былъ ли тотъ и другой образъ мыслей достоинствомъ лишь небольшого числа лицъ, выступившихъ крупными историческими дѣятелями эпохи, или проникали въ сознание болѣе широкихъ круговъ. Повидному, вопросъ рѣшается въ послѣднемъ смыслѣ: различіе двухъ теченій проникало глубоко, охватывало широкіе круги мыслящихъ людей и разнообразнымъ проявленіемъ духовной жизни и дѣятельности, находило свое выраженіе въ разнородныхъ литературныхъ произведеніяхъ; выводъ, который можно сдѣлать изъ „Писемъ о нелюбокахъ“, получаетъ такимъ образомъ значительное подтвержденіе и расширеніе. Добавить слѣдуетъ, что житія, не будучи непосредственно учительными напутниками и не вводя въ свое содержаніе полемики, тѣмъ не менѣе преслѣдовали дѣли назиданія, побуждая и призывая подражать подвижнику: выдвигая и восхваляя ту или другую сторону духовнаго образа послѣдняго, житіе тѣмъ самымъ должно было вліять незамѣтно и на настроеніе читателей и такимъ образомъ не только отражало известный образъ мыслей, известное настроеніе, но становилось и само органомъ ихъ распространенія; а такъ какъ въ данную эпоху житіе является едва ли не наиболѣе популярнымъ и распространеннымъ литературнымъ родомъ, то указанному обстоятельству слѣдуетъ придавать болѣе значеніе.

Житія, разсмотрѣнныя выше, иногда указываютъ и на силу того различія, которое существовало между обоими направленіями, и на степень, въ какой это различіе сознавалось или по крайней мѣрѣ чувствовалось въ довольно широкихъ кругахъ: а имѣю въ виду указанія житій на столкновенія между представителями того и другого направленія; именно въ такомъ смыслѣ я объясняю себѣ уже изложенныя мною выше сообщенія житія Данила Черныславскаго объ отношеніяхъ его къ архимандриту Иларіону. Если первая встрѣча Данила со старцами изъ ва Водги (см. выше) имѣла самый дружескій

характеръ и пренесла Данила благоговѣніемъ къ нимъ, то эти старцы явились къ Данилу именно въ такой моментъ, когда они могли быть ему полезны своею опытностью въ вопросахъ душевной жизни и соприкасались съ нимъ именно на почвѣ волновавшаго его вопроса, то въ эпизодѣ съ Иларіономъ рѣчь идетъ о болѣе постоянномъ взаимномъ общеніи, которое могло обнаружить разныя убѣжденія. Я уже говорилъ, что отношенія Данила къ Иларіону трудно объяснить изъ чисто личной неприязни; данныя, которыхъ не забылъ сообщить обстоятельный авторъ житія, проливаютъ, по моему, свѣтъ на это дѣло: Иларіонъ хотя былъ постриженникомъ Данила, но потомъ удалился отъ него и жилъ на Бѣлоозерѣ; настоятелемъ его избираютъ по совѣту троїцкаго игумена Порфирія ¹⁾; такимъ образомъ, Иларіонъ пріобщился къ заволжцамъ; слова житія позволяютъ думать, что игуменъ Порфирій одно лицо съ тѣмъ старцемъ, въ пустынѣ котораго жилъ Иларіонъ на Бѣлоозерѣ ²⁾; а если такъ, то, стало быть, Порфирій, рекомендуя Иларіона въ настоятели, зналъ его и полагался на него, какъ на своего единомышленника. Во всякомъ случаѣ Иларіонъ явился заволжскимъ игуменомъ въ обители, тянувшей въ другую сторону, къ центру, при жизни ея основателя и руководителя, жившаго во многихъ другихъ идеалахъ. Данилу и не могло нравиться управленіе Иларіона: недаромъ онъ обличалъ „слабость“ новаго настоятеля; недаромъ онъ самъ былъ постриженникомъ Пафнутія Боровскаго; въ недовольствѣ на Иларіона онъ и уйти покусался именно въ Пафнутіевъ монастырь. Такимъ обра-

¹⁾ Это Порфирій II, правившій обителью съ 1539 по 1541 годъ (Е. Е. Голубинскій, Пр. Сергій Радон. и.... Лавра, 187).

²⁾ „По совѣту троїцкаго игумена порфирія избранна яларіона данилова же постриженника иже бѣше единопжителемъ порфирію бѣше въ пустынѣ на бѣлоозерѣ и тогда же живише яларіонъ въ порфиріевѣ пустынѣ“ (Р-сь Ундольскаго № 301, л. 69 об.).

зомъ, отношенія Даниіла къ Иларіону я думаю понять на почвѣ коренной розни убѣжденій между различными партіями русскаго монашества, представителями которыхъ явились оба настоятеля ¹⁾. Любопытно, что эти свѣдѣнія о взаимоотношеніяхъ иноковъ различныхъ школъ житіе Даниіла сообщаетъ именно для мѣстности, пограничной между обоими географическими районами, а это опять стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ вышеизложенными соображеніями.

Другое свидѣтельство мы находимъ въ одномъ изъ изложенныхъ выше посмертныхъ чудесъ Іосифа, о іерее Ісаіи; очевидно, многіе и изъ духовныхъ (особенно въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, какъ именно въ Новгородѣ, гдѣ жилъ Ісаіа), хотя вовсе не держались жидовской ереси, не почитали однако Іосифа, не сочувствовали ему и не признавали его святости; Ісаіа всегда ненавидѣлъ и злословилъ Іосифовъ монастырь; біографъ самъ замѣчаетъ, что такъ дѣйствовалъ не одинъ онъ, добавляя любопытную фразу: „якоже есть обычай многимъ злоторжашимся“.

Подобныя свѣдѣнія и замѣчанія біографовъ усиливаютъ впечатлѣніе двойственности въ воззрѣніяхъ благочестивыхъ людей эпохи, характеризуя степень „неулюбкѣ“ между представителями того и другого направленія религіозной мысли, степень розни, которая могла доходить до открытой вражды.

Далѣе, агіобіографическіе памятники содѣйствуютъ и выясненію того, въ чемъ именно различались оба направленія. Нѣкоторыя черты различія подчеркиваются житіями болѣе, чѣмъ учительными и полемическими сочиненіями. Важными, по моему мнѣнію, въ этомъ отношеніи являются данныя, по которымъ мы можемъ заключать,

¹⁾ При этомъ нельзя не добавить, что при всемъ пристрастіи біографа къ Даниілу, при всей скудости подробностей, въ данномъ эпизодѣ можно замѣтить бѣлую долю кротости у Иларіона, суровости — у Даниіла; это согласуется съ общей характеристикой обоихъ направленій.

что въ средѣ иноковъ боровскихъ и волоколамскихъ и ихъ послѣдователей пользовалась большою любовью религіозная легенда, чудеснаго характера, и по преимуществу притомъ мрачнаго и суроваго содержанія; главнымъ образомъ содержаніе это вращалось въ кругу демонологическихъ и эсхатологическихъ (въ широкомъ смыслѣ) представленій. Я уже имѣлъ случай по поводу житія Пафнутія упомянуть, что устрашающая легенда, представленная въ немъ довольно значительно, согласуется съ общимъ суровымъ направленіемъ религіозности въ данной средѣ, съ идеей строгихъ наказаній, какъ естественныхъ, такъ и сверхъестественныхъ, за грѣхи; грозные образы бѣсовъ, во власть которыхъ поступаютъ грѣшники, являются однимъ изъ главныхъ предметовъ настроеннаго такимъ образомъ воображенія; эсхатологическія представленія тѣсно связаны съ ними, потому что бѣсы служатъ главными исполнителями и загробныхъ каръ. Такая легенда получила характеръ сильнаго, хотя и внѣшнимъ образомъ дѣйствующаго, стимула къ нравственной, добродѣтельной жизни.

Образцы устрашающей легенды, повѣствующей то объ эсхатологическихъ и демонологическихъ видѣніяхъ, то о грозныхъ знаменіяхъ и карахъ за грѣхи, мы видѣли выше почти по всѣхъ крупныхъ агіобіографическихъ памятникахъ первой изъ двухъ изучаемыхъ группъ (житіе Пафнутія и позднѣйшія добавленія къ нему, Волоколамскій патерикъ, житія Іоны, Іосифа, Даніила Переяславскаго, Герасима Володинскаго); они являются показателемъ литературныхъ вкусовъ данной общественной среды; особенно замѣтнымъ результатомъ такихъ вкусовъ является Волоколамскій патерикъ, состоящій почти цѣликомъ изъ краткихъ повѣствованій, по преимуществу чудеснаго характера. Разсматривая выше содержаніе и форму этого памятника, я указывалъ, что онъ сложился по образцу переводныхъ патериковъ, что для некоторыхъ его рассказовъ переводные патерики послужили непосредственнымъ источникомъ. Чудесныя повѣствованія, въ частно-

сти рассказы устрашающаго характера, представлены въ патерикахъ въ изобиліи; немало говорится о тяжкихъ карахъ за грѣхи, о грозныхъ эсхатологическихъ и демонологическихъ видѣніяхъ. Очевидно, патерики удовлетворяли литературнымъ вкусамъ и запросамъ волоколамскихъ иноковъ ¹⁾ и были у нихъ въ числѣ любимыхъ предметовъ для чтенія. У самого Іосифа мы находимъ не разъ ссылки на патерики и другія подобныя сочиненія и заимствованіе изъ нихъ чудесныхъ сказаній, въ качествѣ доказательствъ въ пользу своей мысли. Въ „Просвѣтителѣ“ встрѣчаются рассказы патериковаго характера ²⁾, повѣствованія, заимствованныя изъ житій, иногда апокрифическихъ ³⁾; очень много рассказовъ о преслѣдованіяхъ и карахъ ⁴⁾, постигавшихъ еретиковъ и грѣшниковъ (они взяты изъ различныхъ источниковъ: библейскихъ книгъ, главнымъ образомъ ветхозавѣтныхъ, изъ историческихъ и легендарныхъ сочиненій), частью реальнаго, но болѣею частью чудеснаго характера: Іосифъ рассказываетъ напр. о сожженіи волхва Нліодора Львомъ епископомъ Катанскимъ ⁵⁾, о пѣмотѣ, постигавшей еретиковъ по молитвѣ св. Епифанія Кипрскаго или Осодора Едесскаго, и т. п. Въ Духовной Грамотѣ Іосифа мы находимъ

¹⁾ На ряду съ патериками подобныя легендарныя сказанія доходили до русскаго читателя, интересовавшагося ими, и во многихъ другихъ сочиненіяхъ: апокрифахъ библейскихъ, эсхатологическихъ, въ нѣкоторыхъ переводныхъ житіяхъ, нѣкоторыхъ свитоотеческихъ сочиненіяхъ (волоколамскіе авторы особенно цитируютъ Никона Черногорца), но говоря о Прологѣ, въ которомъ отдѣлъ повѣстей составлялся именно изъ патериковъ; но патерики давали этихъ сказаній особенно много.

²⁾ Напр. въ главахъ 11-й, 16-й (по 3-му изданію Казанской Духовной Академіи, 1896 г., стр. 432, 537).

³⁾ Напр. изъ апокрифическаго житія апостола Іоанна Богослова (гл. 13, стр. 480, 493).

⁴⁾ Особенно много ихъ въ 13-й главѣ.

⁵⁾ Это чудо сдѣлалось особенно навѣстнымъ по отношенію посланію Іосифу со стороны волоколамскихъ старцевъ.

до 26 рассказовъ, взятыхъ изъ различныхъ источниковъ (обыкновенно указываемыхъ авторомъ): патериковъ, житій (напримѣръ Нифонта Кипрскаго, Евонміа Великаго), изъ пастырскихъ сочиненій (твореній Симеона Нового Богослова); среди нихъ немало демонологическихъ видѣній ¹⁾; нѣкоторые рассказы отличаются утраченнымъ характеромъ или по крайней мѣрѣ говорить о карахъ за различные прегрѣшенія, главныхъ образомъ за неисполненіе тѣхъ добродѣтелей, которыя Іосифъ внушалъ своимъ ученикамъ ²⁾. То же и въ посланіяхъ Іосифа; въ этомъ отношеніи важно его посланіе Ивану Ивановичу Третьякову, одно изъ тѣхъ, которыя Іосифъ писалъ въ оправданіе свое по дѣлу съ архіепископомъ Серапіономъ ³⁾; между прочимъ, для доказательства непокосновенности церковной святости и церковнаго достоинствъ Іосифъ приводитъ нѣсколько повѣствованій, изъ Пикона Черногорца и особенно изъ житія св. Стефана Сербскаго; изъ послѣдняго заимствованы два рассказа о чудесныхъ и страшныхъ наказаніяхъ двухъ князей за желаніе ограбить монастырь святаго.

Естественно, что въ кругу людей, читавшихъ внимательно такого рода легендарныя сказанія, цитировавшихъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, а конечно и въ устныхъ бесѣдахъ, увлекавшихся ихъ содержаніемъ, создавались новыя, уже свои, чудесныя сказанія, съ мѣстнымъ приуроченіемъ, но по старому образцу.

Слѣдуетъ сдѣлать еще замѣчаніе: патернки, слагавшіеся постепенно изъ рассказовъ многихъ лицъ, пред-

¹⁾ Таковы, напримѣръ, рассказы о св. Висодиктѣ (В. Мин. Чет., сент., I, 510).

²⁾ Таковы, напримѣръ: рассказъ о наказаніи неспостыпнаго инока, изъ Григорія Двоеслова (т. же, 517); о разореніи монастыря Симеона Дивногорца сарацинами за несоблюденіе преданій святаго, изъ житія послѣдняго (573).

³⁾ И. П. Хрущовъ, и. соч., 219—232; *то же*, отчетъ о командировкѣ, ЖМНП, 1866, 7.

ставляютъ извѣстное разнообразіе въ своемъ составѣ; такъ, на ряду съ демонологическими и подобными грозными видѣніями, съ разсказами о подвигахъ чисто внѣшняго характера, они содержатъ не мало и такихъ, въ которыхъ отражается стремленіе къ внутреннему благочестію и совершенству, такихъ, которые проникнуты духомъ терпимости и кротости, какихъ вообще много въ христіанской повѣствовательной литературѣ ¹⁾. Наши боровскіе и волоколамскіе иноки обнаружили сознательный выборъ изъ всего богатства этой литературы, согласный съ общимъ ихъ міровоззрѣніемъ; онъ обнаружился какъ въ тѣхъ переводныхъ повѣстяхъ, которыя они цитировали въ своихъ сочиненіяхъ, такъ и въ собственныхъ, которыя создавались у нихъ по образцу первыхъ.

Памятники запольскіе носятъ на себѣ, напротивъ, очень мало слѣдовъ легендарной литературы, и въ частности патериковъ: это приходится сказать и объ учительныхъ, и о полемическихъ, и объ агиографическихъ произведеніяхъ. На повѣсти, взятые изъ житій, патериковъ и т. п., ссылки дѣлаются рѣдко, и если дѣлаются, то съ другими цѣлями и на другіе разсказы, проникнутые инымъ настроеніемъ, сравнительно съ „іосифлянами“. Въ Уставѣ Нила ²⁾ и отмѣтилъ слѣдующія ссылки на повѣсти агиографическаго характера: на извѣстіе о Па-

¹⁾ Многимъ сказаніямъ говорятъ о силѣ и значеніи покаяніи, ради котораго Богъ прощаетъ даже тяжкіе грѣхи, даже такіе, какъ убійство, и освобождаетъ грѣшника отъ кары, хотя бы послѣ тяжелыхъ подвиговъ искупленія; не задаваясь цѣлью привести много примѣровъ, напоминаю, что рядъ такихъ прощенныхъ грѣшниковъ идетъ начиная съ Евангельскаго вѣрнаго разбойника; укажу далѣе хотя бы житіе мученика Іакова Персіаннина, многочисленными пріуроченіями извѣстной легенды о кающемся кровосмѣстелѣ или легенды о договорѣ съ діаволомъ или сказаніи болѣе мелкимъ, въ родѣ, напримѣръ, разсказа, вошедшаго въ печатный Прологъ (25 іюля), о діаконѣ, впадшемъ въ любодѣііе и на нѣ свой сынъ пришедшемъ покаяніемъ, и т. п.

²⁾ Изд. 1849 г., стр. 18, 77, 150.

хотѣи Великомъ, который былъ врагомъ роскошныхъ украшеній въ храмѣ и сознательно испортилъ красивые колонны въ своей церкви; на повѣсть о Даниилѣ Скитскомъ, по совѣту котораго нѣкій братъ молитвою (между прочимъ къ мученицѣ Оомаидѣ) избавился отъ блудной страсти; на то, что Даниилъ и Нилъ Синайскій жили вмѣстѣ со своими учениками (напомню совпадающее съ моимъ наблюденіемъ замѣчаніе проф. Архангельскаго ¹⁾, что пр. Іоаннъ-Кассіанъ, котораго цитируетъ перѣдко Нилъ Сорскій, любить и часто приносить легендарныя повѣсти, Нилъ же совершенно обходитъ этотъ элементъ его сочиненій, что нашъ писатель вообще „избѣгаетъ легендарной почвы“, хотя несомнѣнно былъ знакомъ съ нею). Мнѣ извѣстенъ еще одинъ примѣръ пользованія патерикомъ со стороны близкаго, какъ можно догадываться, къ Нилу лица; я разумѣю недавно обнаруженный и весьма любопытный памятникъ конца XV в., представляющій „Описаніе рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря“ ²⁾; въ рукописи есть много замѣтокъ, писанныхъ очевидно для памяти, какъ бы въ записную книжку; нѣкоторыя замѣтки касаются вопросовъ, поставленныхъ въ то время на очередь („о казни еретиковъ, о правѣ монастырей владѣть вотчинами, о нестяжательности монаховъ, о значеніи церковнаго отлученія и о способахъ религіознаго и нравственнаго самоусовершенствованія“), и содержатъ мнѣнія, аналогичныя съ мнѣніями Нила и его послѣдователей; онѣ „возникли, повидимому, въ періодъ несогласій между кирилловскими старцами и іосифлянами, а самый сборничекъ принадлежалъ одному изъ участниковъ этой полемики“ ³⁾. Среди замѣ-

¹⁾ Н. соч., 151—152.

²⁾ Издано г. Никольскимъ въ „Памятникахъ Древней Письменности“, № 113, 1898 г.); по основательнымъ соображеніямъ издателя, изложеннымъ въ ученомъ введеніи къ изданію, это описаніе принадлежитъ старцу Герману, тому, къ которому извѣстно посланіе самого Нила.

³⁾ Н. соч., XXXI—XXXV, XLII—XLIV.

токъ, приведенныхъ издателемъ, есть и выписка патериковаго разсказа объ отцахъ Паисіи и Анувіи, приведенная ради восхваленія нестяжательности ¹⁾).

Указанное различіе между обоими направленіями, въ роли и значеніи религіозной легенды для каждаго изъ нихъ, именно въ агіобіографическихъ памятникахъ выступаетъ очень замѣтно; оно позволяетъ думать, что инокамъ іосифлянамъ принадлежитъ видная роль въ дѣлѣ усвоенія русской литературѣ религіозныхъ легендарныхъ сказаній, путемъ пересказа по разнымъ поводамъ стирхъ, иноземныхъ повѣствованій, составленія новыхъ и распространенія тѣхъ и другихъ, какъ письменнымъ, такъ, вѣроятно, и устнымъ путемъ. Съ этой точки зрѣнія агіобіографическіе памятники представляютъ значительный историко-литературный интересъ.

По поводу распределенія главныхъ теченій нашей литературы по мѣстностямъ, вообще замѣчу, что разборъ агіобіографическихъ памятниковъ, подтверждающій это распределеніе, тѣмъ самымъ подтверждаетъ важность вопроса о географическихъ, областныхъ видоизмѣненіяхъ литературы, о тѣхъ ея явленіяхъ, которыя связаны съ тою или другою мѣстностью. Этотъ вопросъ былъ ясно поставленъ О. П. Вуслаевымъ, который признавалъ нужнымъ изучать областныя видоизмѣненія литературы на ряду съ видоизмѣненіями во времени; онъ говорилъ о необходимости примѣнять эту точку зрѣнія при изученіи различныхъ сторонъ народной культуры, напримѣръ народной поэзіи, старой письменности, иконописи, и самъ не разъ примѣнялъ ее. Послѣ него она особенно видное примѣненіе нашла въ историческомъ изслѣдованіи русскаго языка, гдѣ выдвинулся вопросъ объ изученіи діалектическихъ особенностей; въ изученіи исторіи литературы она выступала рѣже. Вышеизложенныя наблюденія, подтверждая точку зрѣнія Вуслаева, выстъ съ

¹⁾ Тамъ же, XXXII, прим. 2.

тѣмъ даютъ одинъ изъ отвѣтовъ на поставленный имъ вопросъ ¹⁾.

Изложенныя мною выше соображенія и заключенія, на мой взглядъ, имѣютъ особое значеніе по отношенію къ тому теченію нашей литературы и мысли, которое сдизивается съ завожскими обителями. Что касается другого теченія, котораго главнымъ представителемъ является Іосифъ, то его общепринято считать господствующимъ и наиболѣе распространеннымъ въ данную эпоху. Вовсе не имѣя въ виду возражать противъ этого взгляда, думаю однако, что разборъ агіобіографическихъ памятниковъ позволяетъ и „завожскому образу мыслей“ ²⁾ приписывать болѣе широкое распространеніе, чѣмъ это обыкновенно принято думать, и не представлять его явленіемъ совершенно исключительнымъ и принадлежащимъ лишь весьма ограниченному количественно кружку передовыхъ людей, и притомъ явленіемъ довольно случайнымъ, развившимся, напримѣръ, подъ вліяніемъ путешествія Нила Сорскаго на Афонъ и въ другія св. мѣста Востока и ознакомленія его какъ съ созерцательною жизнью византійскихъ аскетовъ, такъ со святоотеческими аскетическими сочиненіями. Профессоръ А. С. Архангельскій въ своемъ извѣстномъ трудѣ о Нилѣ Сорскомъ считаетъ послѣдняго именно стоявшимъ „совершенно изолированно въ русской жизни“ ³⁾; впрочемъ, этотъ взглядъ у изслѣдователя не выдержанъ: на слѣдующей страницѣ онъ называетъ противоположное воззрѣніемъ Нила ученіе Іосифа только „начинавшей практиковаться теоріей“, а ниже называетъ идеи Нила „далеко не новыми и не безъизвѣст-

¹⁾ *Буслаевъ*, Народныя поэзіи (Сборникъ 2-го Отд. Ак. II, т. 42, и отд., 1887 г.), 444; указываю это мѣсто изъ многихъ, ради примѣра; срн. еще изученія Буслаевымъ мѣстныхъ легендъ въ „Историч. Оч.“ 1861 г.

²⁾ Вырженіе Е. Е. Голубинскаго: Прен. Сергій Радонежскій и... Троицкая Лавра (1893), 135.

³⁾ Н. соч., 276.

ными въ древней Руси¹⁾ и приводить отрывки изъ различныхъ рукописныхъ статей, которые выражаютъ въ большей или меньшей степени духовное пониманіе задачъ христіанской жизни и нравственности. Оба приговора упомянутаго изслѣдователя стоятъ во взаимномъ противорѣчіи: если идеи, которыхъ носителемъ являлся Нилъ, были не новы и не безъизвѣстны, если противоположная имъ теорія только начинала практиковаться, то въ рядъ ли Нилъ стоялъ совершенно изолированно. Въ общемъ въ своемъ изслѣдованіи А. С. Архангельскій держится перваго взгляда, сближая воззрѣнія и ученіе Нила съ святоотеческими твореніями, но не приводя ихъ въ связь съ русскою жизнью. Сдѣланный выше разборъ позволяетъ больше привязать ихъ къ русской жизни; онъ позволяетъ думать, что Нилъ, съ его культомъ Евангелія и провозглашаемыхъ послѣднимъ началъ любви и снисхожденія, внутреннего совершенства, нестяжательности, — не находится въ полномъ противорѣчіи со всѣми и со всѣми, его окружавшими, что на той же почвѣ, что Нилъ, стоялъ довольно широкій кругъ людей.

Сознаніе того, что идеи Нила и заволожцевъ не были совершенною новостью и слишкомъ исключительнымъ явленіемъ, выражалось въ трудахъ нѣкоторыхъ изслѣдователей данной эпохи (высказывавшихся въ духъ втораго изъ вышеприведенныхъ отзывовъ г. Архангельскаго), напримеръ Е. В. Пѣтухова²⁾ или еще раньше О. О. Миллера³⁾, даже побуждало ихъ считать направленіе заволожцевъ, напротивъ, искони свойственнымъ русскому народу, русской жизни; къ нимъ можно присоединить г. Лковлева⁴⁾; послѣдній, занимаясь другимъ отдѣломъ древне-

¹⁾ Тамъ же, 283.

²⁾ Е. В. Пѣтуховъ. Серапіонъ, епископъ Владимірскій. (С.-Пб. 1887), 145 слл.

³⁾ Упомянутое выше сочиненіе.

⁴⁾ В. А. Лковлевъ. Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Измарагда“ (Ваниски Цоворосе. Уп-та, и отд.), Од. 1893.

русской литературы, именно поученіями, въ своемъ изслѣдованіи объ Измарагдѣ указываетъ различныя поученія изъ вошедшихъ въ этотъ сборникъ, который проникнуты болѣе или менѣе духовнымъ пониманіемъ задачъ религіозной жизни, внутреннимъ, а не внѣшнимъ благочестіемъ ¹⁾.

Существуютъ въ письменности и другія данныя для заключенія, что взгляды, сходные со взглядами Нила, или извѣстное сочувствіе имъ можно было встрѣтить на Руси въ разсматриваемую эпоху: правда, эти данныя далеко еще не приведены въ извѣстность; я имѣю въ виду такіе факты, какъ, наприѣръ, существованіе довольно значительнаго числа списковъ Нилова Устава, отмѣченное еще гг. Правдинымъ ²⁾ и Архангельскимъ ³⁾; важными въ этомъ отношеніи являются черновые замѣтки старца Германа въ открытомъ г. Никольскимъ памятникѣ, о которомъ я упоминалъ выше. Заволжскія житія, стало быть, прибавляютъ къ фактамъ подобнаго рода рядъ новыхъ; значеніе ихъ увеличивается тѣмъ, что они представляютъ памятники, для которыхъ время и мѣсто происхожденія определяется гораздо точнѣе, чѣмъ это можно сказать о большей части произведеній проповѣднической и поучительной литературы.

Но житія позволяютъ считать Нила не вполне оди-

¹⁾ Проф. Н. О. Сумцовъ (Записки Харьковскаго Университета, 1894, 1) справедливо возражалъ автору, что нельзя дѣлать рѣшительнаго приговора о духовности содержанія Измарагда, что въ него вошли разнообразныя статьи, дѣлающія составъ его нестрѣмъ, и что оказывается потому невозможнымъ на его основаніи создавать характеристику образа мыслей той среды, гдѣ слагался и обращался данный памятникъ; однако замѣчанія Яковлева могутъ сохранять значеніе въ смыслѣ указанія на то, что были религіозные люди, болѣе интересовавшіеся духовной и внутренней стороной дѣла, собиравшіе и читавшіе написанныя въ такомъ духѣ поученія.

²⁾ Н. соч., 152.

³⁾ Н. соч., 61.

покинь не только въ томъ смыслѣ, что онъ имѣлъ большее или меньшее число единомышленниковъ среди современниковъ, что онъ имѣлъ послѣдователей: мы имѣемъ право заключать, что оба направленія мысли, о которыхъ идетъ рѣчь, намѣчались уже ранѣе, до Нила и до Іосифа, что они могли уже до извѣстной степени вліять опредѣляющимъ образомъ на настроеніе и вкусы самихъ этихъ учителей. Въ этомъ отношеніи житія второй половины XV вѣка очень важны для первоначальной исторіи направленія „заволжцевъ“: мы видѣли выше, что культъ извѣстныхъ принциповъ, въ общемъ соответствующихъ взглядамъ Нила, заставлялъ еще біографовъ Сергія Радонежскаго или Кирілла Бѣлозерскаго замалчивать нѣкоторые факты изъ жизни святаго или даже прямо впадать въ противорѣчіе имъ (имѣннѣ ли такое отношеніе къ дѣйствительности автору дошедшаго до насъ житія или его источникамъ, для меня въ настоящее время все равно); припомнимъ и черты, содержащіяся въ древнѣйшихъ вологодскихъ житіяхъ. Такимъ образомъ содержаніе идей, представителемъ которыхъ явился у насъ преподобный Нилъ (я не говорю теперь о мистическомъ элементѣ его ученія, о которомъ скажу ниже), не было дѣйствительно ни вполне новымъ у насъ, ни безъизвѣстнымъ (замѣтимъ, что и тѣ отеческія творенія, которыми онъ руководился, переведены были до него). Идея Іосифа, въ свою очередь, не представляли, конечно, новизны. Изъ житій о томъ свидѣтельствуется хотя бы житіе Пафнутія, его указанія на дѣйтельность послѣдняго, на устройство его монастыря. Конечно, житіе Пафнутія писано уже позднѣе, когда „іосифлянское“ направленіе вполне опредѣлилось и выразилось, и проникнуто имъ; но при извѣстной своей фактической полнотѣ и обстоятельности оно можетъ считаться въ общемъ достаточно вѣрнымъ источникомъ для ознакомленія съ личностью Пафнутія и жизнью въ его монастырѣ (какъ уже отмѣчено мною въ своемъ мѣстѣ), а тѣмъ самымъ подтверждаетъ, что образъ мыслей, котораго держался Іосифъ, въ общемъ довольно ясно опредѣлился

и до него въ томъ кругу, изъ котораго онъ вышелъ, и въ частности у его учителя.

Въ сущности, оба направленія мысли не сложились вдругъ и не были представлены лишь малочисленными кружками лицъ, а считали довольно много приверженцевъ, по преимуществу въ извѣстныхъ областяхъ, причемъ далеко не всѣ, разумѣется, были приверженцами вполне сознательными, сознательно избиравшими тотъ или другой образъ мыслей и отвергавшими противоположный. Въ исторіи этихъ направленій роль Іосифа и Пила, имена которыхъ дало имъ потомство, является тѣмъ не менѣе весьма крупной: каждый изъ нихъ развилъ то направленіе, представителемъ котораго онъ являлся, довелъ его до полной ясности, цѣлостности, послѣдовательности и сознательности; каждый старался раскрыть смыслъ и содержаніе своего направленія, свести въ одно цѣлое, въ систему, различные его элементы, обосновать ихъ и формулировать, а затѣмъ старался послѣдовательно и настойчиво, словомъ и примѣромъ, проводить его въ жизнь и сознаніе общества; каждый выдвинулъ рядъ своихъ, также сознательныхъ и вѣрныхъ, послѣдователей. Въ этомъ отношеніи вскользь брошенное проф. Архангельскимъ и уже приведенное выше замѣчаніе о „начинавшей практиковаться теоріи“ получаетъ свое значеніе. И тѣ и другія воззрѣнія знала древняя Русь и до конца XV вѣка; направленіе внѣшняго, обрядоваго благочестія преобладаю, какъ и указываютъ историки русской жизни, на основаніи и своихъ и иноземныхъ источниковъ; однако лучшіе, мыслящіе люди и лучшія произведенія духовной литературы являлись выразителями болѣе духовнаго воззрѣнія на сущность богоугодной и нравственной жизни, болѣе приближались къ евангельскому духу любви и кротости.

Но до конца XV в. отношеніе представителей русской жизни и мысли къ различнымъ вопросамъ не складывается еще въ тѣ опредѣленныя системы, какія мы видимъ съ этого времени: Сергій Радонежскій, по своему

смирению и кротости приближающийся скорее к типу воложского старца, беретъ на себя однако политическія миссіи, напоминающія позднѣйшую дѣятельность іосифлинь. Но характерно, что уже біографъ Сергія не упоминаетъ объ этихъ миссіяхъ; впоследствии представители идей любви и духовности допускаютъ внимательство въ политическія отношенія лишь въ видѣ заступничества за страждущихъ и угнетенныхъ. Различные элементы религиозно-правственного міровоззрѣнія группируются постепенно въ два направленія; этотъ процессъ, намѣченный ранѣе, вполне выясняется къ концу XV в., когда оба направленія становятся рѣзко другъ противъ друга, достигаютъ своего полного и опредѣленного выраженія; во главѣ ихъ выступаютъ крупныя и сильныя личности, сознательно проводящія и проповѣдующія каждый свое направленіе и завершающія такимъ образомъ процессъ его сложенія и развитія. Географическія направленія также выясняются, повидимому, именно съ этого времени. Трудъ Епифанія обрисовываетъ личность преемодобнаго Сергія Радонежскаго, основавшаго свою знаменитую обитель вблизи Москвы, — такими же чертами, какія позднѣе выступаютъ въ житіяхъ воложскаго происхожденія; именно съ конца XV вѣка, можно думать, противоположное направленіе становится господствующимъ въ центральномъ, ближайшемъ къ Москвѣ, районѣ ¹⁾, отбѣсивъ первое къ окраинамъ, на сѣверо-востокъ.

¹⁾ Впрочемъ, о Сергіевой обители слѣдуетъ сдѣлать особое замѣчаніе: жили ли въ ней традиціи иныя, шедшія изъ болѣе ранняго времени и во многомъ несогласныя съ „іосифлиньскими“, или она, одинаково дорогая для всѣхъ русскихъ благочестивыхъ людей, одинаково влекла къ себѣ всѣхъ ихъ, — только и во второй половинѣ XV и въ XVI вѣкѣ въ ней появляются, часто въ санѣ игумена, люди того образа мыслей, который тогда принимался уже „воложскимъ старцамъ“; эти люди и приходятъ обыкновенно изъ за Волги — съ Вѣлоозера; таковы: игуменъ Мартиніанъ (свѣтой), игуменъ Арсеній (свѣтой), игуменъ Памсій (Ярославъ), игуменъ Порфирій I, по всей

Устанавливая связь учения Нила Сорского съ всемирными источниками, проф. Архангельскій въ своемъ трудѣ слѣдилъ главнымъ образомъ „литературные источ-

върности и Порфирій II (см. выше), Иларіонъ (впоследствии архимандритъ Данилова Переяславскаго монастыря), игуменъ Артемій и ученикъ послѣдняго Порфирій. По характерно, что эти люди тутъ теперь не уживаются, а удаляются по разнымъ причинамъ, или своею волею (причемъ, какъ Мартиніанъ или Пансіей, уходятъ опять за Волгу) или нерѣдко неволею, такъ какъ жизнь среди людей другого направленія не проходитъ имъ даромъ: если пренод. Мартиніанъ при Василии II (см. его житіе) и не потерпѣлъ еще преслѣдованія за свое обличеніе, то послѣднѣе игуменъ Порфирій за подобную же независимость потерпѣлъ гоненіе отъ Василия III (Сказаніи Курбскаго², 127—129), а Артемій и его ученикъ Порфирій уже въ послѣднемъ періодѣ борьбы, кончившемся торжествомъ „юселинъ“, при Иванѣ IV, потерпѣли обвиненіе въ ереси и осужденіе (Акты Археогр. Эксп., I, 246 слл.; Чтенія..., 1847, 3; Сказ. Курбек.², 134—136; Макарій, II Р. Ц., VI; *Достоярова*, Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI в., въ „Историч. монографіяхъ“, т. I; *Сидковскій*, Артемій, игуменъ Троицкій, въ „Чтеніяхъ...“, 1891, 4, и огд.); такимъ же образомъ не ужились Иларіонъ въ Даниловомъ монастырѣ и извѣстный Осодоритъ въ Спасо-Евфиміевомъ Суздальскомъ (Сказаніи Курбскаго², 133, 135, 136). На это обстоятельство было уже указано А. С. Павловымъ (Очеркъ секуляризаціи..., 126), объясняющимъ его именно на почвѣ тѣхъ идей нестижательности, въ какихъ были воспитаны принесли изъ за Волги; но недовольство ихъ простиралось, можемъ мы думать, и на весь строй жизни и складъ понятій, какой они нашли въ центральныхъ областяхъ. Замѣчу, кстати, еще одну небольшую подробность: Осодоритъ поставленъ игуменомъ въ Суздаль по рекомендаціи Артемія (Сказ. Курбек.², 134); самъ Артемій постриженникъ Корниліева Комельскаго монастыря, лежащаго въ вологодскихъ предѣлахъ; Осодоритъ же, начавъ свои подвиги въ Соловецкомъ монастырѣ, обходилъ различныя заволжскія обители и потомъ жилъ въ Кирилловѣ и въ „тамошнихъ пустыняхъ“ (тамъ же, стр. 127), т. е. бѣлозерскихъ; эта подробность является лишнею чертою для оправданія мнѣнія о солидарности между собою иноковъ бѣлозерскихъ и вологодскихъ, высказаннаго мною раньше на основаніи разбора житій.

ники идей“ его; но Нилъ ознакомился съ подвижничествомъ греческимъ не только литературнымъ путемъ, а и непосредственно, въ жизни; болѣе выдвигалъ эту сторону дѣла еще ранѣе г. Правдинъ ¹⁾, обратившій вниманіе на современное состояніе множества на Афонѣ, на происходившія на немъ тогда и ранѣе религіозныя движенія и на торжество созерцательнаго направленія; впрочемъ, онъ указывалъ также, что вліяніе афонскаго подвижничества сказывалось у насъ и ранѣе, до Нила. Въ новѣйшее время съ особою рѣшительностью посматрѣлъ на Нила, какъ на ученика Афонскихъ созерцателей, „исихаствоу“, перенесшаго къ намъ ихъ ученіе, — г. Радченко ²⁾. Интересуясь главнымъ образомъ славянскимъ югомъ, особенно же Болгаріей и имѣвшими мѣсто въ этой послѣдней странѣ въ XIV в. религіозными и литературными движеніями, г. Радченко лишь несколько упоминаетъ о русскихъ религіозныхъ партіяхъ, считаетъ ихъ если не тождественными съ болгарскими, то очень близкими къ нимъ и возводитъ и русскія и болгарскія къ общему византійскому источнику, къ движеніямъ, шедшимъ изъ XIV в. съ Афона; слѣдя за проявленіями направленія афонскихъ исихаствоу въ Болгаріи, авторъ не разъ упоминаетъ и о Нилѣ, котораго онъ считаетъ „истиннымъ хранителемъ заветовъ исихіа“ ³⁾; однакоже онъ не доказываетъ вполне ясно и убѣдительно своего положенія о Нилѣ, хотя и пользуется имъ, какъ доказаннымъ, поясняя аналогіей русскихъ явленій нѣкоторыя черты болгарскаго религіознаго движенія. Между тѣмъ, если внимательно посматрѣться въ тѣ фактическія данныя, которыя приводитъ самъ Радченко, то въ рядъ ихъ, на мой, по крайней мѣрѣ, взглядъ, можно проводить полную ана-

¹⁾ Въ упомянутой выше статьѣ, Хр. Чт., 1877, 1.

²⁾ Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ (Кіевскій Универ. Изв., 1898, 5—8, и отд.), К. 1898.

³⁾ Н. соч., 314.

логію между византійскими и болгарскими исихастами XIV в. съ одной стороны и Ниломъ Сорскимъ и его учениками съ другой. Я не имѣю въ виду въ настоящее время заняться обстоятельнымъ сравненіемъ Нила Сорскаго и исихастовъ Балканскаго юга, какъ потому, что это могло бы составить предметъ особой работы, такъ и потому, что въ византійскихъ, да и въ юго-славянскихъ памятникахъ данной эпохи, столь тщательно изученныхъ г. Радченко, я не обладаю достаточными познаніями и пока знакомился съ данными вопросами главнымъ образомъ по изслѣдованіямъ¹⁾, а не по памятникамъ. Я имѣю въ виду указать лишь нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе о неполномъ согласіи между исихастами и Ниломъ, факты, которые нерѣдко указываетъ самъ г. Радченко.

Прежде всего главные вожди исихастовъ не всегда проникнуты тою терпимостью и снисходительностью, которыя такъ характерны для Нила и его лучшихъ учениковъ. Насколько исихасты выступали въ роли общественныхъ дѣятелей, ихъ дѣятельность заключалась главнымъ образомъ въ борьбѣ съ противными мнѣніями и представителями послѣднихъ, съ еретиками; особенно къ грозному орудію церковнаго проклятiя Григорій Палама и его сторонники прибѣгали съ охотой; укоризны и осужденія словомъ, и доволно рѣзкія, у Паламы также встрѣчаются²⁾;

¹⁾ Имѣю въ виду особенно изданія послѣдняго времени (кромя книги г. Радченко):

Еп. *Порфирій* (Успенскій). Востокъ христіанскій. Исторія Афона. Изд. 2-е.

О. И. *Успенскій*. Очерки по исторіи византійской образovanности (ЖМНП пр. 1891—2, и отд.), С.-Пб. 1892.

П. А. *Сыржу*. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. Вып. 1—2. С.-Пб. 1890 и 1899.

М. С. *Дримовъ*. Рецензія на книгу г. Сыржу (изъ Отчета о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1899 году), С.-Пб. 1900.

²⁾ Укажу хотя бы на нѣкоторые мѣста его трактатовъ, приведенныхъ (въ переводѣ) у пр. *Порфирія*: Исторія Афона, III, 2, 256—258.

и въ рядъ ли отсюда могло вести свое начало ученіе, признававшее чисто духовныя и любовныя средства борьбы съ заблужденіями, кроткое убѣжденіе и молитву. Подобно византійскимъ дѣйствуютъ и болгарскіе исихасты, въ томъ числѣ ихъ глава, Оеодосій Терновскій: патріархъ Климентъ въ житіи Оеодосія, похваляя его „умное дѣланіе“, разсказываетъ о его борьбѣ противъ „ересей еврейскихъ, богомилскихъ“ и т. п.; по его разсказу, Оеодосій прибѣгаетъ къ содѣйствию царя, побуждая его къ борьбѣ съ еретиками, и дѣло кончается тѣмъ, что „царь Іоаннъ Александръ... хулиники... повелѣ смертному осужденію предати“, хотя потомъ и даровалъ имъ жизнь; далѣе читаемъ про отрѣзаніе языка и ушей одному еретiku ¹⁾; когда мы слышимъ по этому поводу похвалу Оеодосію, который, такъ „храбрествовавъ,... свѣтлу побѣду на враги божіи постави“, то это напоминаетъ намъ замѣчаніе біографа Іосифа Волоцкаго по такому же случаю; самъ г. Радченко, повторилъ свою мысль, что „можетъ быть къ Болгаріи слѣдуетъ возводить начало партій,... обозначившихся въ Россіи во второй половинѣ XV вѣка“ ²⁾, — проводитъ тутъ же параллель между Оеодосіемъ и Іосифомъ Волоцкимъ. А Оеодосія онъ считаетъ за самаго виднаго представителя исихизма въ Болгаріи, насадителя въ ней этого ученія. Такимъ образомъ аналогія оказывается совсѣмъ въ обратномъ направленіи.

Нельзя не отмѣтить и другой черты, указываемой г. Радченко: я имѣю въ виду любовь исихастическихъ писателей къ видѣніямъ, въ частности видѣніямъ демонологическаго характера ³⁾; къ указаніямъ автора можно добавить еще указанія на нѣкоторыя подробности житія Оеодосія Терновскаго ⁴⁾; если такъ, то для исихастовъ

¹⁾ Житіе... Оеодосія Терновскаго (Чтенія... 1860, 1), л. 8 об.

²⁾ Н. соч., 189.

³⁾ Н. соч., 151, 152, 157.

⁴⁾ л. 10. — Осужденіе противниковъ Паламы въ Византіи предсказано въ видѣніи многа Саввы: *Порфирій*, н. соч., 254.

оказывается новая аналогія въ направленіи не заволаж-
дентъ, а іосифлянъ. Такая же аналогія дается и другой чер-
той, подмѣченной г. Радченко ¹⁾: я имѣю въ виду способъ
аргументированія подборомъ выписокъ и цитатъ, который
авторъ наблюдаетъ у представителей обѣихъ спорившихъ
сторонъ; и опять онъ самъ вспоминаетъ пріемы Іосифа,
пріемы начетчика, выписывающаго изъ различныхъ источ-
никовъ цитаты, согласныя съ его мнѣніемъ, безъ строгой
системы и — главное — безъ критики и безъ соображе-
ній о цѣнности источника. Если по крайней мѣрѣ у мно-
гихъ изъ выдающихся византійскихъ или болгарскихъ ми-
стиковъ данной эпохи можно констатировать такое отсут-
ствіе критицизма, то нельзя безъ оговорокъ причислять
къ нимъ нашего старца, за которымъ мы именно знаемъ
этотъ критицизмъ, знаемъ, что онъ стремился извѣщи-
вать достоинства многоразличныхъ писаній (которыхъ мно-
го, но не вся божественна) и принималъ за мѣрило это-
го достоинства христіанскій идеалъ, какъ онъ данъ въ
Евангеліи.

Такимъ образомъ, относясь съ глубокимъ уваже-
ніемъ къ аѳонскому подвижничеству, извѣвъ послѣднее,
съ его созерцательностью, себѣ въ общемъ за идеалъ,
Нилъ проявилъ, однако, значительную самостоятельность;
онъ усвоилъ далеко не безусловно и не все то, что оно
ему предлагало, не во всѣхъ представителяхъ аѳонской
исихіи онъ видѣлъ своихъ руководителей. Главнымъ изъ
его руководителей является Григорій Синаитъ, сочиненія
котораго оказали значительное вліяніе на Уставъ Нила; не
упоминая о другихъ писателяхъ и подвижникахъ изъ среды
аѳонскихъ исихастовъ, Нилъ ищетъ себѣ дальнѣйшихъ
руководителей среди писателей болѣе древнихъ, особенно
въ лицѣ Симеона Нового Богослова (XI в.) и еще болѣе
древняго Исаака Сирина (VII в.). Стало быть, вполне
признавая вліяніе на Нила представителей византійскаго

¹⁾ Н. соч., 149—150.

аскетизма (плініє и путемъ непосредственнаго знакомства и путемъ книги), мы должны признать за нимъ и значительную самостоятельность, проявляющуюся по преимуществу въ выборѣ, въ оцѣнкѣ авторитетовъ и ихъ писаній. Это сознательно критическое отношеніе къ дѣлу Нилъ самъ возводилъ въ принципъ: онъ говоритъ объ этомъ въ посланіи старцу Гурію Тушину.

Есть еще одна любопытная подробность, рисующая извѣстную самостоятельность мысли нашего старца по отношенію даже къ столь почитаемому имъ Григорію Синаиту („сей блаженный, говорить о немъ Нилъ ¹⁾, всѣхъ духоносныхъ отецъ объемъ писанія...“); г. Радченко указываетъ на „нѣкоторое нерасположеніе Григорія къ ручному труду“: въ немъ, по его мнѣнію, выразилась нѣкоторая связь направленія исихастовъ съ еретическимъ, съ богомилскимъ; послѣднее находило себѣ отголосокъ въ мнѣніяхъ позднѣйшихъ болгарскихъ еретиковъ, эпигоновъ богомилства, съ которыми велъ борьбу ученикъ Григорія, Осодосій Терновскій. Осодосій, какъ и Нилъ, не усвоили такой точки зрѣнія и выступаютъ защитниками и проповѣдниками труда. Повидному, оба славянскіе подвижники уклонялись отъ крайностей созерцанія, отъ исключительной преданности ему; идея же питанія трудами рукъ своихъ является однимъ изъ существенныхъ положеній въ системѣ Нила.

Припеду еще соображеніе, касающееся самаго содержанія спора византійскихъ партій эпохи XIV вѣка: эта борьба далеко не совпадаетъ съ полемикой русскихъ партій: она сосредоточивалась около вопросовъ главныхъ образомъ метафизическихъ и догматическихъ; русскій споръ сосредоточивался около вопросовъ церковно-практическихъ и нравственныхъ. Болгарскіе споры также не совпадаютъ съ русскими: г. Радченко намѣчаетъ въ нихъ лишь слабые слѣды одного момента, игравшаго видную

¹⁾ Предъ учен., 39—40. Срв. Архангельскій, н. соч., 177.

роль въ русской полемикѣ: я разумѣю вопросъ объ иноческой пестяжательности. Но такъ какъ и въ этомъ отношеніи „прямыхъ свидѣтельствъ о борьбѣ исихастовъ съ общежительными монастырями мы не имѣемъ“ ¹⁾, то я не думаю, чтобы можно было съ увѣренностью „къ Болгаріи приводить начало партій, съ такою рѣзкостью обозначившихся въ Россіи“ ²⁾.

Такимъ образомъ трудно объяснить Пила Сорскаго исключительно вліяніемъ византійскихъ (и болгарскихъ) аскетовъ-исихастовъ, которому подиалъ онъ, а съ другой стороны въ рядъ ли можно считать его совершенно одинокимъ въ русской жизни, стоявшимъ внѣ ея условій. Дѣйствительно, однако, нѣкоторыми элементами своего міровоззрѣнія онъ выделяется среди людей своей эпохи: прежде всего его несомнѣнно отличаетъ стремленіе критически разобраться въ различныхъ религіозно-нравственныхъ идеяхъ и понятіяхъ, отнестись къ нимъ сознательно, опредѣлить извѣстныя основанія для своихъ убѣжденій и для дѣйствованія, продумать и прочувствовать ихъ и наконецъ свести въ опредѣленную систему; лучшіе его послѣдователи раздѣляютъ его стремленія, но уступаютъ ему въ дѣлѣ уясненія и систематизаціи началъ религіозно-нравственной жизни. Эти то стремленія побудили Пила обратиться къ источнику иноческой жизни и религіознаго подвижничества, туда, откуда шли къ намъ ея начала и формы, въ Грецію, къ свѣтымъ отцамъ и законоположителямъ иночества, въ частности обратиться къ Аѳону, издавна бывшему источникомъ иноческой жизни для Руси (вспомнимъ еще Антонія Печерскаго); тамъ онъ могъ удовлетворить своей жадѣ духовныхъ подвиговъ, богомыслия, своему исканію внутренняго совершенства. Греція и Аѳонъ въ частности давали ему от-

¹⁾ П. соч., 279. Авторъ указываетъ только, что „мистики избѣгаютъ общежительныхъ монастырей“, а далѣе ссылаются на борьбу русскихъ партій.

²⁾ Тж., 189.

вѣтъ на его запросы и въ практической и въ теоретической формѣ: они предлагали ему примѣры иноческой жизни, которая въ то время была широко развита, и среди которой крупную роль играло самоуглубленіе, исканіе внутренняго совершенства, созерцаніе; они предлагали ему и писанія отцовъ и учителей иночества, опытныхъ въ духовномъ подвижничествѣ; Нила и воспользовался тѣмъ и другимъ; при этомъ святоотеческія аскетическія сочиненія онъ могъ читать уже и на Руси, гдѣ аскетическія сочиненія, имъ цитируемыя ¹⁾, были извѣстны въ переводахъ частью еще старыхъ, частью же сравнительно новыхъ, сдѣланныхъ въ XIV—XV вѣкахъ ²⁾.

Далѣе, прендобнаго Нила выдѣляютъ другіе еще элементы его міровоззрѣнія, элементы созерцательно-мистическіе. Они явились крайнимъ выраженіемъ его стремленія къ внутреннему совершенству и духовному подвижничеству. Въ Греціи, и главнымъ образомъ на Афонѣ, какъ извѣстно, развито было такое настроеніе, именно въ пору путешествія туда Нила, сказавшійся съ особою силою начиная съ XIV вѣка, и нашла себѣ выраженіе во многихъ произведеніяхъ богословской литературы. Что касается Нила, то эта сторона его духовнаго образа нашла себѣ главное выраженіе въ его ученіи объ умной молитвѣ, о духовномъ, непосредственномъ общеніи съ Богомъ, о внутреннемъ просвѣтленіи чловѣка подъ ея вліяніемъ (глава 2-я Устава Нила); и именно этою, главнымъ образомъ, стороною, повидимому, стоялъ онъ особнякомъ: въ сочиненіяхъ даже лучшихъ его учениковъ и послѣдователей, въ родѣ Иннокентія или Вассіана, мы не видимъ отзвуковъ мистическихъ его взглядовъ (но видимъ усвоеніе основъ его нравственнаго уче-

¹⁾ См. указанія въ главѣ III названнаго труда А. С. Архангельскаго.

²⁾ См. указанія А. И. Соболевскаго: Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ (С.-Пб., 1894), 6—7, 17—22.

ни), какъ не видѣли мы отраженій мистицизма въ агіо-графическихъ памятникахъ бѣлозерскаго или вологодскаго края. Эта сторона, дѣйствительно, мало связана съ русской жизнью, и мы можемъ въ ней видѣть непосредственный продуктъ воздѣйствія началъ иноческой жизни на Востокъ (путемъ ли изученія писателей, или личнаго наблюденія надъ жизнью). Ница на Востокъ внутренняго христіанства, духовнаго подвижничества, Нилъ легко могъ увлечься тою крайнею формою, въ какой воплотились тамъ эти начала, и усвоить ихъ себѣ. Можетъ быть, его наблюденія надъ противоположнымъ образомъ мыслей, надъ чисто вѣшнимъ благочестіемъ, съ проявленіями котораго онъ сталкивался на Руси (и главными представителями котораго въ его время являлись такія сильныя личности, какъ Пафнуцій Боровскій и Іосифъ Волоцкій), заставляли Нила еще болѣе уходить въ себя, погружаться въ созерцаніе и изучать богоугодной жизни главнымъ образомъ изъ твореній Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова и Григорія Синаита. Нилъ, впрочемъ, не уходилъ въ крайности мистицизма, а выступалъ въ роли проповѣдника, служилъ и другимъ идеямъ: на соборѣ 1503 г., за 5 лѣтъ до кончины, онъ выступилъ проповѣдникомъ своего принципа иноческой нестяжательности; въ своихъ посланіяхъ онъ не говоритъ о мистическихъ созерцаніяхъ, а является вообще сторонникомъ духовнаго совершенства и началъ любви и снисхожденія. Свой уставъ Нилъ назначилъ вообще для подвижниковъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые пожелаю бы и высшихъ степеней духовнаго подвига; и даже тѣ увлеченія мистическими идеями, наставленія объ умномъ дѣланіи, которыя мы въ немъ встрѣчаемъ, были полезны въ то время, какъ противовѣсъ ученію о числѣ поклоновъ, Іисусовыхъ молитвъ и т. п.¹⁾. Да и въ самомъ

¹⁾ Культъ скитской жизни, который проводитъ Нилъ въ своемъ Уставѣ, также выдѣляется его среди законоположителей русскаго иночества и также поддерживался у него примѣрами

Уставъ, какъ указано проф. Архангельскимъ ¹⁾, мистicismъ не донесенъ до такой крайности, до какой онъ доходитъ у нѣкоторыхъ изъ лучшихъ духовныхъ руководителей Пила, авторовъ аскетическихъ сочиненій, и не представленія мистическаго характера выступаютъ въ немъ на первый планъ, а скорѣе то ученіе о самонаблюденіи, о борьбѣ со страстями, воспитаніи сердца, о развитіи добрыхъ и гуманныхъ чувствъ, которое имѣло громадное положительное значеніе для древне-русскаго человѣка. Въ проповѣди евангельскихъ началъ духовности, внутренняго, нравственнаго совершенствованія, любви, кротости и снисхожденія заключается главное и важное значеніе дѣятельности великаго заволжскаго старца въ нашей культурной исторіи; и не мистическое ученіе, а именно эта проповѣдь находила себѣ отголосокъ среди русскихъ людей.

Византийскаго вліянія на русскую духовную литературу, на русскую иноческую жизнь, въ частности вліянія Аѳона на Пила и его школу я отнюдь не думаю отрицать; скорѣе напротивъ, я не могу считать этого вліянія явленіемъ случайнымъ, а вижу въ немъ результатъ болѣе общаго, широкаго и долговременнаго вліянія; вліяніе это, существовавшее издавна, поддерживалось возобновлявшимися связями, выражавшимися то въ путешествіяхъ русскихъ людей въ греческія земли, въ частности на Аѳонъ, и болѣе или менѣе продолжительномъ пребываніи тамъ, то въ приходѣ съ Аѳона или отъ южныхъ славянъ на Русь духовныхъ лицъ, то въ принесеніи отсюда различныхъ книгъ и въ переводѣ ихъ; усиленіе такихъ связей и вліянія Аѳона и южнаго славянства на

аѳонскихъ скитовъ и жизни ихъ; но это черта болѣе второстепенная, и развилась она на почвѣ мистико-созерцательныхъ увлеченій Пила, которымъ данная форма жизни болѣе соответствовала.

¹⁾ Н. соч., 278.

русскую жизнь въ XIV—XV вв. достаточно выяснены¹⁾. Такимъ образомъ, то вліяніе Авоны и греческаго подвизничества, подъ которымъ находился Нила, испытывали и другіе русскіе люди; оно не отрывало потому Нила отъ русской жизни, въ которой составляло замѣтную струю.

Это—по 1-хъ: по 2-хъ, указывая иноземные источники идей Нила, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо признавать еще и нѣкоторый другой факторъ въ ихъ образованіи и развитіи: одно указаніе на чужой, именно греч.-славянскій источникъ образа мыслей Нила и его школы недостаточно объясняетъ дѣло уже потому, что не одна, а обѣ русскія партіи постоянно опирались на византийскіе источники и ссылались на византийскіе авторитеты: постоянныя обращенія Іосифа къ византийцамъ, обширныя выписки изъ ихъ сочиненій, ссылки на византийскіе порядки — дѣло извѣстное. Какъ жизнь Византии, такъ ея литература, въ частности духовная, обнимаетъ много вѣковъ, много направленій, и въ различныхъ ея произведеніяхъ могли черпать подтвержденіе для своихъ мнѣній люди весьма различныхъ воззрѣній. Останется вопросъ, почему же одна партія избирала себѣ одни источники и авторитеты, другая — другіе. Изъ первыхъ учениковъ авонскихъ и болгарскихъ мисхастовъ у насъ на Руси наиболее виднымъ былъ м. Кипріанъ; изъ вопросовъ, раздѣлявшихъ впоследствии русскихъ иноковъ, извѣстно его отношеніе къ вопросу о монастырскихъ селлахъ, согласное съ заволжцами²⁾. Какъ митрополитъ, Кипріанъ жилъ и училъ въ центрѣ русской жизни, въ Москвѣ; однако именно здѣсь это ученіе не удержалось, и наиболее видные дѣятели усвоили другіе взгляды; а удержалось оно въ другихъ краяхъ. Очевидно, необходимо считаться съ условіями соб-

¹⁾ Въ области письменной литературы см. особенно названную выше брошюру А. И. *Соболевскаго*, гдѣ собраны многочисленные факты, относящіеся къ данному вопросу.

²⁾ См. его грамоту игумену Аванасію: *Акт. Ист.*, I, № 253 (стр. 479—480).

ственно русской жизни, дѣйствовавшими въ томъ или иномъ направленіи; необходимо допустить, что у представителей обоихъ теченій русской мысли, особенно у ихъ руководителей, сложилось уже въ душѣ извѣстное настроеніе, предопредѣлявшее ихъ выборъ и обращавшее ихъ именно къ однимъ, а не другимъ византійскимъ источникамъ ¹⁾. О сознательности выбора и о значительной самостоятельности взглядовъ Нила я уже говорилъ. Въ свою очередь и у Іосифа, вовсе не проповѣдывавшаго критическаго отношенія къ „писаніямъ“, встрѣчаемъ также извѣстный, хотя бы и не столь продуманный и мотивированный, выборъ: если у Нила изрѣдка находимъ ссылку на патерикъ, то и у Іосифа въ Духовной Грамотѣ находимъ ссылки на Симеона Нового Богослова и выписки изъ послѣдняго; всматриваясь въ эти ссылки и выписки, мы увидимъ, что у того же Симеона, у котораго Нилъ находилъ и заимствовалъ разсужденія о духовномъ совершенствѣ и о созерцаніи, Іосифъ нашелъ нѣкоторые вышнія правила и остановился именно на нихъ ²⁾; созерцательная и мистическая сторона твореній византійскаго писателя осталась внѣ интересовъ Іосифа. Очевидно, одинъ византійскій писатель могъ служить различными отдѣльными своими мыслями и разсужденіями цѣлымъ представителей различныхъ русскихъ партій.

Такимъ образомъ, въ виду изложенныхъ соображеній я не считалъ бы возможнымъ видѣть въ борьбѣ русскихъ партій простое продолженіе или пересадку на русскую почву споровъ византійскихъ и болгарскихъ. Если въ однихъ отношеніяхъ извѣстная русская партія можетъ быть сблизена съ одной юго-славянскою, то въ другихъ — съ другою; отдѣльные элементы міровозрѣнія, отдѣльные взгляды и идеи религіозные, нравственные,

¹⁾ Въ періодъ исканія истины что нибудь потянуло Нила именно на Афонъ, тогда какъ Іосифъ считалъ достаточнымъ обойти русскіе монастыри.

²⁾ Великій Ч.-М., сент., I, 512, 516.

общественные, политическіе — представляют у русских дѣятелей въ общемъ другую группировку, даютъ другія комбинаціи; въ цѣломъ же полную параллель между партіями русскими и партіями Балканскаго юга провести затруднительно. Что же касается вопроса объ иноземномъ вліяніи, то, во 1-хъ, слѣдуетъ признать, что его испытывалъ не только Циль, а также Іосифъ; но ни тотъ ни другой не является продуктомъ случайнаго воздѣйствія византійскихъ идей; оба руководителя русской иноческой жизни усваивали византійское вліяніе, какъ оно издавна уже дѣйствовало на русскую жизнь, мысль и литературу. Во 2-хъ, признавая вліяніе иноземное, я отмѣчаю извѣстную самостоятельность нашихъ дѣятелей и указываю необходимость признанія другого фактора, который обуславливалъ и опредѣлялъ въ извѣстной степени самое это вліяніе, опредѣлялъ выборъ среди тѣхъ различныхъ идей, какія предлагались Византіей; подъ воздѣйствіемъ этого фактора религіозно-нравственныя идеи, которыя русскіе люди могли черпать изъ византійскихъ сочиненій, усваивались и перерабатывались ими сознательно и съ извѣстной самостоятельностью: одніе идеи усваивались одною, другія — другою частью русскихъ людей, очевидно, смотря по тому, какія болѣе соответствовали общему настроенію этихъ людей, въ извѣстной степени уже опредѣлившемуся; тѣ или другія выступали на первый планъ, получали преобладающее значеніе, группировались новымъ и оригинальнымъ образомъ, соединялись въ извѣстныя системы, проникнутыя значительною цѣльностью и единствомъ, согласованностью частныхъ; получали на новой почвѣ новое, дальнѣйшее развитіе и примѣненіе къ жизни.

Общія условія русской исторической жизни данной эпохи, жизни общественной и государственной, являются, думаю я, такимъ факторомъ, и въ нихъ лежатъ причины, въ силу которыхъ извѣстныя религіозно-нравственныя идеи группировались на Руси по двумъ направленіямъ, и именно въ данный моментъ, и съ указаннымъ географическимъ

приуроченіемъ. Особое значеніе прибавить слѣдуетъ тому началу стройной внѣшней общественной организаціи, общаго правильнаго чина и распорядка жизни, которое проводили іосифляне, и которое является „центральнымъ въ ихъ системѣ; оно обнимаетъ у нихъ различныя сферы жизни и дѣятельности, даже такія внутреннія, духовныя и субъективныя по своей сущности, какъ молитва; изъ него вытекаютъ прочія особенности іосифлянства. Это начало получаетъ свой историческій смыслъ въ связи съ общимъ ходомъ русской жизни: то была пора сложенія русскаго государства, пора наиболѣе интенсивной работы надъ нимъ. Историческія условія требовали развитія внѣшней дисциплины, внесенія въ жизнь началъ общественной организаціи, строгой законности, хотя бы и внѣшней. Іосифляне дали отвѣтъ на такія требованія, развивая указанныя начала во всей своей дѣятельности, своею жизнью, уставами, посланіями, поученіями выдвѣряя ихъ въ умы, освящая ихъ авторитетомъ церкви; крѣпкая власть, какъ источникъ стройнаго порядка жизни, становится однимъ изъ ихъ идеаловъ, и они ревностно проводятъ ее идею, какъ въ сферѣ церковной, такъ и политической; оттого они и выступаютъ въ роли общественныхъ дѣятелей, въ роли практиковъ, а не теоретиковъ. И въ церковной сферѣ они полагаютъ рѣзкое различіе между носителемъ власти и подчиненнымъ, какъ между „главою“ и „ногою“¹⁾, разрѣшаютъ суровое обращеніе перваго съ послѣднимъ (припомнимъ случаи, когда духовныя лица подвергались заключенію въ оковы или побоямъ жезломъ отъ высшихъ, хотя бы наказаніе Пафнутія Боровскаго митрополитомъ Іоною). Возрастающая власть великаго князя находитъ въ нихъ могущественную поддержку; они содѣйствуютъ ее развитію словомъ и примѣромъ, освящаютъ ее авторитетомъ церкви и въ значительной степени сами являются вдохновителями великаго князя въ этомъ дѣлѣ, про-

¹⁾ Соборная опитимія (1554 г.) дьяку Висковатову (Московскіе соборы на еретиковъ XVI в.: Чтенія... 1847, 3; стр. 15).

повѣдѣніи принципъ самодержавной царской власти; они готовы служить власти великаго князя до того, что иной разъ не разбираются въ средствахъ, и приносятъ ей въ жертву другіе, высшіе интересы, интересы чистой духовности, абсолютнаго идеала христіанской нравственности и правды, внутренняго, духовнаго совершенства, духовной свободы. Въ содѣйствіи съ великокняжескимъ столярнымъ городомъ вырастаетъ и укрѣпляется іосифовское направленіе; постоянная обоюдная поддержка іосифлиискаго духовенства и великокняжеской власти, тѣснѣйшая ихъ близость составляетъ замѣтную черту русской церковной и государственной исторіи въ концѣ XV и въ XVI в. Практицизмъ іосифлянъ, ихъ умѣнье понять потребности и условія минуты и найти средства для ихъ удовлетворенія были полезны и дороги для великаго князя. Въ этомъ служеніи государственной власти историческая роль іосифлянъ; моментъ принадлежалъ имъ, и они должны были выйти побѣдителями изъ борьбы со своими противниками.

На отношеніе іосифлянъ къ свѣтской власти указывалось не разъ¹⁾, но больше какъ на одинъ изъ составныхъ элементовъ ихъ ученія; я думаю, что этой стороной дѣла, или шире — общему стремленію іосифлянъ къ порядку, къ организаціи принадлежитъ важное, рѣшающее значеніе въ самомъ процессѣ образованія двухъ нашихъ направленій.

Наоборотъ, тѣ идеальныя начала, которыми не разъ готовы были пожертвовать іосифляне, развиваются, согласны со своей отрѣшенностью отъ мірскихъ цѣлей и независимостью отъ нихъ, въ сторонѣ: противники іосифлянъ, чувствуя, что ихъ идеалы стоятъ внѣ запросовъ текущей минуты, уходятъ отъ очага современной государственной жизни, оттуда, гдѣ осуществляются практическія задачи, на отдаленный и мало населенный сѣверъ, стараясь въ

¹⁾ Особенно В. *Ильмининъ* (Митропол. Даниилъ..., 91—102) и еще болѣе П. П. *Миллюковъ* (Очерки по исторіи русской культуры, т. II, 23—24. 26—28. 31, и т. III).

тишинѣ служить этимъ идеаламъ, стремился построить свою жизнь въ согласіи съ ними и достичь внутренняго совершенства. Не даромъ тѣ иноки, которые поучались на Аео-нѣ истинно духовному подвижничеству и безмолвію, стремились въ отдаленіе, какъ это еще задолго до Нила видимъ мы въ лицѣ Сергія Нуромскаго или позднѣе Пансіа Ярославова. И не даромъ именно среди людей „заболжской“ школы мы видимъ людей, выше всего ставящихъ интересы христіанской вѣры и правды, не желающихъ поступиться ими ни для какихъ, хотя бы и важныхъ, практическихъ соображеній и выступающихъ за нихъ безтрепетно противъ сильныхъ міра сего: кромѣ примѣровъ изъ житій, приведенныхъ выше, можно упомянуть извѣстное изъ другихъ источниковъ случаи заступничества за удѣльных князей со стороны духовныхъ лицъ этого направленія ¹⁾, что дало поводъ А. С. Павлову ²⁾ замѣтить: „несчастятели, какъ политическая партія, стояли на сторонѣ прежнихъ государственныхъ порядковъ и, стремясь къ пониженію духовной власти надъ мірскою, въ то же время ратовали за права удѣльных князей и бояръ-дружинниковъ. Такъ, митрополитъ Варлаамъ... или троицкій игуменъ Порфирій... осмѣливались говорить «на встрѣчу державному», различать дѣла политики и совѣсти и выступать за удѣльных князей, напримѣръ за извѣстнаго Шемичича“; я добавилъ бы, что это заступничество ставилось на чисто религіозно-нравственную почву, потому что отъ примаго вѣшателства въ дѣла государственныхъ, какъ таковыя, эти люди очевидно уклонялись.

Такимъ образомъ, извѣстное отношеніе къ совершавшемуся процессу государственной жизни заставляетъ раз-

¹⁾ Таковъ упомянутый мною выше случай съ троицкимъ игуменомъ Порфиріемъ (*Курбскій*², 127). Курбскій передаетъ слухи и о томъ, что Феодоритъ выступилъ его защитникомъ передъ Иваномъ Грознымъ, за что именно и пострадалъ; впрочемъ, не зная дѣла достоверно, Курбскій говоритъ, что такъ „пѣцымъ глаголютъ“ (141).

²⁾ Н. соч., 85.

личныя нравственныя и религіозныя идеи дифференцироваться и содѣйствуютъ выясненію и обособленію другъ отъ друга двухъ направленій мысли. Такому процессу обособленія направленій оказываетъ поддержку вліяніе балканскаго юга, византійскаго и славянскаго, тѣхъ страсть, откуда издревле шли къ намъ религіозныя идеи. Изъ обширнаго матеріала, доставляемаго шедшей съ юга литературой, русскіе люди, подъ вліяніемъ условій русской жизни, громко заявляющихъ свои требованія, черпають съ выборомъ, опираясь каждый на то, что отиѣчало и удовлетворяло его запросамъ.

Эти то различныя идеи византійскаго происхожденія и опредѣляютъ окончательно ту форму, въ которой выражаются интересующія меня направленія русской религіозной мысли. То и другое направленіе, стало быть, является какъ результатъ продолжительнаго и широкаго взаимодействія условій русской жизни съ культурными вліяніями, шедшими съ даннаго времени (и подтверждающимися новыми данными) съ византійскаго и славянскаго юга.

Дополненія и поправки.

1. Къ тому XLV „Рус. Фил. В-ка“ (1901, 1/2), стр. 56—57 (очеркъ 1-й).

По поводу олицетворенія понедѣльника я долженъ замѣтить, что указанный мною случай (въ Волоколамскомъ Патерикѣ) далеко не единственный: какъ въ быту старинномъ и народномъ, такъ въ сказаніяхъ и повѣрьяхъ не разъ констатировано и почитаніе понедѣльника (выражавшееся главнымъ образомъ въ постѣ) и даже олицетвореніе этого дня, хотя послѣднее и не особенно часто ¹⁾. Наша волоколамская легенда даетъ по этому предмету лишь указаніе, идущее изъ XVI вѣка и важное своею хронологической опредѣленностью. О почитаніи понедѣльника въ боровской обители есть свидѣтельство и въ житіи Пафнутія, которое повѣствуетъ, что пренедобный постился по понедѣльникамъ и пятницамъ строже, чѣмъ по средамъ ²⁾.

2. Къ т. XLVI журнала (1901, 3/4) стр. 30—32 (очеркъ 5-й).

Лишь послѣ напечатанія страницъ, посвященныхъ разбору житія преп. Димитрія Прилуцкаго, я получилъ,

¹⁾ Чтобы не повторять библиографическихъ указаній на этотъ счетъ, и могу ограничиться ссылкой на послѣднюю по времени статью по вопросу о почитаніи понедѣльника, гдѣ указано не мало фактическихъ данныхъ, и приведена библиографія: *Баловъ*, Понедѣльничанье (Живая Старина, 1901, 1, 120—124).

²⁾ Изданный мною текстъ, л. 51: въ понедѣльникъ и въ пятокъ ничтоже вкушаше, въ среду же сужоуденіе.

благодаря любезности С. О. Долгова, возможность ознакомиться съ текстомъ житія по рукописи Румянц. Музея № 96. Чудо съ женой излагается здѣсь (л. 291—292) согласно *второй* изъ разобранныхъ мною его версій, представляющей святаго болѣе кроткимъ и терпимымъ. Если данный текстъ дѣйствительно представляется (какъ не безъ достаточныхъ основаній думаетъ В. О. Ключевскій: Житія, 270) древнѣйшій видъ житія, писаннаго въ прилуцкомъ же монастырѣ (пологодскомъ), то мы получаемъ возможность считать эту версію основною, исконною въ житіи, другую же — результатомъ позднѣйшей передѣлки; а такое заключеніе согласуется съ изложенными выше наблюденіями надъ особенностями заволжскихъ житій.

Но гдѣ же и почему видоизмѣненъ былъ эпизодъ объ исцѣленіи жены? На этотъ счетъ можно отвѣтить только предположеніями. И вотъ на подобное предположеніе (не болѣе) наводитъ меня высказанныя уже мною соображенія о переяславскихъ обителяхъ (въ одной изъ которыхъ и имѣло мѣсто данное чудо, во время игуменства тамъ преп. Димитрія). Не сохранился ли въ переяславской обители рассказъ о чудѣ въ иномъ видѣ, сравнительно съ тѣмъ, какой онъ получилъ въ обители прилуцкой? Въ такомъ случаѣ въ этомъ послѣднемъ видѣ онъ могъ войти въ первоначальное житіе, которое составлено въ обители Димитрія; какой нибудь изъ переяславскихъ иноковъ, перенесывая житіе близкаго его монастырю святаго, могъ видоизмѣнить эпизодъ въ духѣ своего, мѣстнаго преданія. Эта переяславская версія, болѣе суровая, ближе соответствовала образу мыслей, который отражаютъ переяславскія житійныя произведенія. Такимъ образомъ объяснилось бы то непонятное явленіе, что въ двухъ версіяхъ извѣстенъ только данный эпизодъ житія; въ прочихъ своихъ частяхъ оно повторяется въ различныхъ спискахъ почти дословно.

3. Наконецъ считаю долгомъ исправить досадную опечатку, допущенную мною въ очеркѣ 2-мъ, на стр. 152

тома XXXIX (1898, 1/2) и не исправленную при коррек-
турѣ: упоминая извѣстнаго ученаго профессора Морі
(Maury), какъ автора *Essai sur les légendes pieuses* ¹⁾,
я называю его аббатомъ, между тѣмъ какъ онъ никакого
духовнаго званія не носилъ.

¹⁾ Paris, 1845. Недавно этотъ трудъ перенаданъ вмѣстѣ
съ другою работою того же автора: *Les fées du moyen âge*,
подъ общимъ заглавіемъ: *Croyances et légendes du moyen âge*.
Paris. 1896 (съ предисловіемъ М. Bréal'a).

ПОСЛѢСЛОВІЕ

къ статьи: «Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ».

Предлагаемые „очерки“ содержатъ результаты моихъ наблюдений надъ памятниками древне-русской агиографической литературы. Эти памятники привлекали уже давно вниманіе исследователей; интересъ къ нимъ вызывается ихъ ролью и значеніемъ для древнерусскаго читателя: житія святыхъ составили для него едва ли не любимый предметъ для чтенія; уже самое количество житій и ихъ списковъ обращаетъ на себя вниманіе: житія составляютъ крупный отдѣлъ каждой рукописной библіотеки; достаточно просмотрѣть любое описаніе русскихъ рукописей, чтобы убѣдиться въ этомъ. Что касается научнаго изученія житій, то исследователи обращали вниманіе на различныя ихъ стороны: или, во 1-хъ, на приемы и свойства житія, какъ извѣстной литературной формы; или, во 2-хъ, на легендарные мотивы, входящіе въ нихъ, интересуясь ихъ происхожденіемъ и литературной исторіей; или, въ 3-хъ, на задачи правоучительныя, которыя ставилъ себѣ біографъ святаго, на содержаніе того нравственнаго назиданія, которое давало читателю житіе, того религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія, которымъ оно проникнуто; или, въ 4-хъ, рассматривали житіе, какъ историческій источникъ для изученія извѣстной эпохи. Вопросъ о житіи, какъ литературной формѣ, былъ поставленъ проф. В. О. Ключевскимъ въ его знаменитомъ тру-

дѣ: Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871. Вопросы второго рода ставилъ себѣ О. Н. Буслевъ, разъяснявшій нѣкоторые изъ русскихъ житій легендарнаго содержанія ¹⁾; вопросовъ третьяго рода касался еще Шевыревъ, въ своихъ „Лекціяхъ“ говорившій объ отраженіи въ житіяхъ „чертъ нравовъ общества“ ²⁾: при извѣстномъ религіозномъ направленіи древней литературы и очевидномъ уваженіи, которымъ пользовались среди нея житія, въ нихъ естественно было видѣть памятники, имѣющіе культурно-историческое значеніе, отражавшіе интересы, взгляды, стремленія, идеалы лучшихъ людей эпохи, но крайней мѣрѣ въ области религіозно-нравственной, и стало быть могущіе въ свою очередь служить для опредѣленія религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія эпохи, содержанія ея духовной жизни. Вопросы о міровоззрѣніи, отражающемся въ житіяхъ, касался отчасти и В. О. Ключевскій, въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ своего изслѣдованія; но они не составляли главной его задачи: прежде всего онъ имѣлъ въ виду воспользоваться въ своей книгѣ данными житій для выясненія историческаго процесса колонизаціи сѣверно-русскихъ областей; найдя однако этихъ данныхъ слишкомъ мало, онъ за то дѣлалъ оцѣнку каждаго отдѣльнаго житія, какъ историческаго источника, и опредѣлялъ общіе приемы составленія житій.

Книга проф. Ключевскаго является крупнѣйшимъ вкладомъ въ изученіе древне-русской житійной литературы; особенно вопросъ о формѣ и приемахъ ея былъ окончательно рѣшенъ ею; но въ другихъ направленіяхъ еще остаются вопросы, требующіе разсмотрѣнія и разрѣшенія. Однако въ исторіи изученія данной области литературы названная книга играла особую роль: послѣ ея появленія житія стали пользоваться меньшимъ вниманіемъ,

¹⁾ Статьи, вошедшія въ I томъ „Историческихъ Очерковъ“ 1861 г.

²⁾ Исторія русской словесности¹, IV, 60 (лекція 17-я).

научная разработка матеріала, представляемаго ими, чрезвычайно ослабѣла. Причина этого явленія заключалась уже въ богатствѣ содержанія и въ объемѣ работы почтеннаго изслѣдователя, который исчерпалъ и привелъ въ извѣстность почти весь матеріалъ древне-русскихъ житій (и печатный и особенно рукописный), который поставилъ и рѣшилъ много вопросовъ какъ относительно отдѣльных житій, такъ и объ общемъ характерѣ и свойствахъ этой литературы; впечатлѣніе получалось такое, что названный трудъ заканчиваетъ научную разработку предмета; но еще въ большей степени причина этого заключалась въ выводахъ изслѣдователя, въ силу которыхъ дальнѣйшее изслѣдованіе предмета казалось и ненужнымъ: древне-русскія житія были дискредитированы авторомъ въ смыслѣ историческаго источника не только для вопроса о колонизаціи, интересовавшаго его, но и для другихъ вопросовъ по исторіи древне-русской жизни: имъ указана слабая степень, часто полное отсутствіе оригинальности, господство подражательныхъ пріемовъ въ нихъ; указана скудость историческихъ, реальныхъ чертъ, вводимыхъ біографами въ свой рассказъ, замѣна ихъ общими фразами, шаблонными характеристиками добродѣтелей святаго, пріуроченными лишь къ тому или другому имени; указано, что житіе не столько являлось историческимъ повѣствованіемъ, сколько предназначалось для чтенія въ церкви или за трапезой и служило главнымъ образомъ дѣляемъ церковнаго наизданія, какъ своего рода поученіе; потому не чертамъ собственно историческимъ, не индивидуальнымъ особенностямъ того или другого святаго придавалось главное значеніе, а общему, идеальному типу подвижника; можно было по готовымъ формуламъ написать житіе святаго, о которомъ не было извѣстно ничего, кромѣ имени и того основнаго содержанія его жизни, что онъ былъ инокомъ и подвижникомъ. Отсюда безжизненность, крайнее однообразіе, господство условно-риторическаго стиля—характерныя особенности житій изучающагося г. Ключевскимъ цикла, т. е. сѣверно-русскаго.

Чрезвычайно важная заслуга г. Ключевского и состояла именно въ опредѣленіи *теоріи житія*, какъ особаго литературнаго рода въ древней Руси. Сообразно тому и критическая оцѣнка авторомъ cadaго отдѣльнаго житія, на почвѣ которой онъ выработалъ указанную теорію, заключалась въ выясненіи въ немъ роли элементовъ риторическаго и назидательнаго съ одной и реально-историческаго съ другой стороны.

Детальной критической оцѣнкѣ съ меньшею обстоятельностью подвергнуты имъ были житія сравнительно поздняго происхожденія (со второй половины XVI вѣка) и преимущественно святыхъ отдаленнаго сѣвера; этотъ пробѣлъ старался восполнить г. Яхонтовъ въ своей книгѣ: „Житія святыхъ поморскаго края, какъ историческій источникъ“ (Казань, 1881); такимъ образомъ этотъ послѣдній трудъ преслѣдуетъ ту же задачу и, надо сказать, еще усиливаетъ отрицательный взглядъ на житія: тщательное разсмотрѣніе убѣдило новаго изслѣдователя, что нѣкоторыя даже изъ тѣхъ житій сѣверныхъ святыхъ, которыми его предшественникъ готовъ былъ дать сравнительно высшую оцѣнку, въ сущности являются такими же подражаніями, болѣе или менѣе искусно приурочивавшими къ данному святому выраженія, фразы, цѣлыя тирады изъ болѣе старыхъ житій. Подобные выводы и наблюденія могли еще болѣе ослабить вниманіе къ житіямъ: они оказывались особаго рода стилистическими упражненіями,—не болѣе. Вслѣдствіе этого выходило, что „житія давали меньше для бытовой и народно-поэтической исторіи, чѣмъ можно было бы ожидать“¹⁾.

Надо имѣть въ виду еще одно обстоятельство, которое въ связи съ указаннымъ задерживало дальнѣйшее изслѣдованіе житійной литературы: громадное большинство ея памятниковъ до сихъ поръ остается ненаданнымъ и стало быть не всѣмъ и не легко доступнымъ; при уста-

¹⁾ Акад. А. Н. Пылина, *Исторія русской литературы*, I, 305.

новленіи отрицательнаго взгляда на житія, розыски въ обширномъ рукописномъ матеріалѣ, съ крайне сомнительною надеждою найти что нибудь новое, естественно не представлялись особенно привлекательными.

Изданіе текстовъ житій также происходило въ болшемъ количествѣ, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, чѣмъ въ послѣдствіи; нѣсколько текстовъ было напечатано тогда на страницахъ „Православнаго Собесѣдника“, „Памятниковъ Старинной Русской Литературы“; въ концѣ 60-хъ же годовъ начато было изданіе Великихъ Миней Четинхъ митрополита Макарія, заключающихъ, между прочимъ, много текстовъ древне-русскихъ житій; къ сожалѣнію, это изданіе до сихъ поръ не исполнено и на четверть. Позднѣе нѣсколько текстовъ вышло въ изданіяхъ Общества Любителей Древней Письменности; нѣкоторые помѣщались и въ другихъ изданіяхъ, выходили и отдѣльно ¹⁾.

¹⁾ Мнѣ извѣстны изданія житій слѣдующихъ святыхъ сѣверной половины Руси:

- Авраамія Ростовскаго (П. С. Р. Л-ры, В. М. Ч. и отд. изданіе М. И. Соколова);
 Авраамія Смоленскаго (Пр. Соб. 1858, 3);
 Александра Певскаго (П. С. Р. Л-сей, I. V. VII. XV);
 Алексія Митрополита (О. Д. II.);
 Антонія Римлянина (П. С. Р. Л-ры; Пр. Соб. 1858, 2);
 Варлаама Хутынского (В. М. Ч.);
 Григорія Пельшемскаго (В. М. Ч.);
 Евросина Исковскаго (П. С. Р. Л-ры);
 Ефимія Новгородскаго (П. С. Р. Л-ры);
 Елеазара Анзерскаго (Пр. Соб. 1860, 1);
 Зосимы и Савватія Соловецкихъ (Пр. Соб. 1859, 2. 3);
 Исаія Ростовскаго (Пр. Соб. 1858, 1);
 Іоанна Новгородскаго (В. М. Ч.);
 Іоны Новгородскаго (П. С. Р. Л-ры; В. М. Ч.);
 Іосифа Волоцкаго (Чт. Общ. Люб. Д. Просв. 1865; В. М. Ч.);
 Леонтія Ростовскаго (Пр. Соб. 1858, 1; Чтенія..., 1893, 4);
 Мартирія Зеленецкаго (П. С. Р. Л-ры);
 Михаила Клопскаго (П. С. Р. Л-ры; Некрасовъ, Возрожденіе національной литературы... Од. 1870);

Что касается пользованія рукописнымъ матеріаломъ, то, кромѣ различныхъ описаній рукописей, значительное пособіе въ этомъ дѣлѣ дано книгою Н. П. Барсукова: Источники русской агиографіи (С.-Пб., 1884, изданіе О. Д. П.); составитель книги, на основаніи главнымъ образомъ печатныхъ описаній, далъ списокъ рукописныхъ текстовъ древне-русскихъ житій, хранящихся въ разныхъ бібліотекахъ; той же цѣли отвѣчаетъ (правда, въ незначительной степени) и книга архим. Леониды: Святая Русь (С.-Пб., 1891, изд. О. Д. П.).

Если всмотрѣться ближе въ положеніе дѣла, то окажется, что забвеніе житійнаго матеріала и удаленіе его изъ области научнаго изслѣдованія въ рядъ ли дѣйствительно вызывается книгою В. О. Ключевского и въ рядъ ли составляло цѣль его. Обратившись по необходимости къ первому изъ четырехъ указанныхъ мною общихъ вопросовъ, онъ вполне рѣшилъ его, выяснилъ, какія задачи преслѣдовалъ древне-русскій агиобиографъ; строгая же критическая оцѣнка отдѣльныхъ житій расчистила почву для того, кто желалъ бы пользоваться житіями, какъ историческимъ источникомъ; и изслѣдователь не утверждаетъ

Михаила и Феодора Черниговскихъ (В. М. Ч.);
 Моисея Новгородскаго (П. С. Р. Л-ры);
 Никодима Кожеозерскаго (Пр. Соб. 1865, 1);
 Паисія Галицкаго (Пр. Соб. 1898, 7—8);
 Пафнутія Боровскаго (Сбор. И.-о. Об-ва при Им-тѣ ии. Вое-
 бородно, II);
 Петра царевича (Пр. Соб. 1859, 1);
 Петра и Февроніи Муромскихъ (П. С. Р. Л-ры);
 Проконія Устюжскаго (О. Д. П.);
 Саввы Вишерскаго (В. М. Ч.);
 Сергія Радонежскаго (В. М. Ч., О. Д. П. и др.);
 Стефана Комельскаго (О. Д. П.);
 Стефана Пермскаго (П. С. Р. Л-ры);
 Трифона Печенговскаго (Пр. Соб. 1859, 2);
 Филиппа Ирапскаго (О. Д. П.);
 ки. Феодора, Давида и Константина (В. М. Ч.).

полной непригодности ихъ въ этомъ отношеніи ¹⁾. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ признать, что послѣднее слово въ изслѣдованіи житій еще не сказано, если смотрѣть на житіе не какъ на *историческій источникъ*, а какъ на *литературный памятникъ*; если искать въ немъ не только фактическихъ данныхъ о жизни святаго, его дѣятельности и отношеніяхъ (въ этомъ именно смыслъ говорилъ проф. Ключевскій объ „историческомъ источникѣ“): тотъ или другой характеръ назиданія, то или другое нравственно-религіозное міропониманіе можемъ мы различать въ житіи и въ томъ случаѣ, когда оно бѣдно фактами и даже мало считалось съ ними. Потому изслѣдованіе житій въ этомъ направленіи возможно и послѣ книги проф. Ключевского. То же слѣдуетъ сказать и о легендарныхъ мотивахъ русскихъ житій; изслѣдовать ихъ литературную исторію совсѣмъ не входило въ задачу проф. Ключевского. Правда, легендарное содержаніе въ русскихъ житіяхъ представлено слабо: пониженому, преобладанію назидательной цѣли, стремленію восхвалять добродѣтель святаго, какъ образецъ для подражанія, вытѣснили легенду. Тѣмъ не менѣе далеко не все, сюда относящееся, было предметомъ изслѣдованія ²⁾, а иное (какъ напр. Волоколамскій патерикъ, о которомъ см. въ 4-мъ „очеркѣ“) и не обнаружено.

Эти соображенія заставили меня пересмотрѣть житійный матеріалъ и провѣрить степень, въ какой онъ является разработаннымъ ³⁾. Имѣя въ виду житіа именно какъ литературные памятники и съ другой стороны считая вопросъ о формѣ рѣшеннымъ, я не могъ задаваться

¹⁾ Попытку воспользоваться житіями, какъ историческимъ матеріаломъ, находимъ въ работѣ г. Кононова: Святые Вологодскаго края (Итонія... 1895, 4 и отд.).

²⁾ Такъ, не выяснена литературная исторія легенды о прибытіи въ Новгородъ преп. Антонія Римлянина (въ житіи этого святаго).

³⁾ Указаніе того, что вообще сдѣлано по древне-русской литературѣ житій, см. А. Н. Лымина, Исторія русской литературы, I, 304—312; 317—318; IV, 602.

цѣлью сдѣлать полный и всесторонній обзоръ этой отрасли литературы; я держался въ сферѣ второй и третьей изъ намѣченныхъ мною выше категорій вопросовъ: это 1) изученіе легендарныхъ сюжетовъ житій и 2) изученіе отражаемаго ими религіознонравственнаго міровоззрѣнія. Различныя памятники житійной литературы могутъ быть разсматриваемы съ различныхъ сторонъ: одни содержатъ легендарный матеріалъ, другіе представляютъ данныя для исторіи идей и взглядовъ.

Я могъ, по моему мнѣнію, содѣйствовать разъясненію нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ этимъ двумъ областямъ и оказывающихся еще не рѣшенными или вызывающими перерѣшеніе. Вопросы эти являются независимыми другъ отъ друга, и такое положеніе дѣла обусловило форму, въ которой я могъ изложить свои наблюденія надъ русскими житіями. форму отдѣльныхъ изслѣдованій, „очерковъ“. Первые четыре очерка составляютъ одну группу и посвящены изученію легендарныхъ житійныхъ мотивовъ, частью уже бывшихъ предметомъ изслѣдованія; и въ этой отдѣльной области я не могъ дать цѣльнаго обзора легендарнаго матеріала житій (хотя бы матеріала и не очень обширнаго), такъ какъ нѣкоторые мотивы уже достаточно истолкованы (какъ легенда о Петрѣ и Февроніи); а для выясненія всего того, что еще не выяснено или не вполне выяснено, я не имѣю достаточно данныхъ; но я считалъ себя въ правѣ изложить свои мнѣнія по выяснившимся для меня вопросамъ, несмотря на ихъ взаимную независимость: каждый легендарный сюжетъ, какъ поэтический мотивъ, приходится изучать отдѣльно, слѣдя за его развитіемъ и пытаясь опредѣлить его мѣсто въ ряду параллельныхъ ему и родственныхъ литературныхъ явленій.

Что касается вопросовъ объ отражающемся въ житіяхъ нравственно-религіозномъ міровоззрѣніи, то съ этой точки зрѣнія мое вниманіе привлекли житія преподобническія и святительскія, писанныя въ Московской Руси въ XV и XVI вѣкахъ; это эпоха наибольшаго развитія

даннаго рода литературы, и вмѣстѣ съ тѣмъ эпоха, когда, по моему мнѣнію, въ житіяхъ можно съ наибольшей ясностью усматривать слѣды извѣстнаго міровоззрѣнія, притомъ въ различныхъ житіяхъ различнаго; съ такой точки зрѣнія я рассматриваю указанные житія въ связи съ теченіями русской религіозной мысли данной эпохи, которыя извѣстны и достаточно выяснены въ исторической литературѣ. Это составило содержаніе пятаго очерка.

Такимъ образомъ, занявшись изученіемъ древне-русскихъ житій, я вынужденъ былъ силою вещей отказаться отъ всесторонняго обзрѣнія предмета во всей его полнотѣ и посвятить свою работу дополненію прежнихъ изслѣдованій, иногда исправленію ихъ выводовъ, и потому придать ей характеръ отдѣльных „очерковъ“; они посвящены *непорѣшеннымъ вопросамъ русской житійной литературы*, какіе для меня выяснились, и рѣшенію которыхъ я, по моему разумѣнію, могъ содѣйствовать.

А. Падубовскій.

П О П Р А В К А.

На стр. 77 стр. 5 св. вмѣсто: патріархъ Климентъ, должно быть: патріархъ Каллистъ.

О нѣкоторыхъ географическихъ названіяхъ въ русскомъ и южно-славянскомъ героиче- скомъ эпосѣ.

III.

Городъ Оканъ или Кара-Оканъ.

Городъ Оканъ или Кара-Оканъ упоминается въ двухъ сербскихъ пѣсняхъ, имѣющихъ предметомъ своего содержанія войну Марка съ сарацинами, увозъ его жены Миной Костурскимъ, воспользовавшимся продолжительнымъ отсутствіемъ Марка изъ Прилѣпа, плѣненіе Марка сарацинами, заключеніе его въ тюрьму въ Кара-Оканъ и освобожденіе изъ нея (Вук, II, № 62, и Срп. нар. п., издан. въ Прагѣ 1852 г. № 1). Изъ этихъ пѣсень мы остановимся только на первой — Марко Краљевић и Мина од Костура — (Вук, II, № 62), такъ какъ пѣсня пражскаго сборника о Маркѣ въ караоканской тюрьмѣ намъ внушаетъ подозрѣнія со стороны своей подлинности.

Царь Поляеть зоветъ Марка на войну съ арапами „на Арапску луту покрајину“... Марко прѣѣзжаетъ въ Царьградъ; оттуда вмѣстѣ съ турецкимъ „силовитимъ“ войскомъ отправляется черезъ синее море на лютую арапскую Украину. Поляеть и Марко берутъ у араповъ 44

приморскихъ города, но встрѣчаютъ упорное сопротивленіе у города Окана или Кара-Окана. Три года бомбардировали они Оканъ. Марко своимъ видомъ и храбростію наводилъ страхъ и ужасъ на араповъ. Позавидовали турки славі Марка и донесли царю, что Марко приносить ему головы арапскія, отрѣзанныя у мертвыхъ юнаковъ и, слѣдовательно, ложно хвастаетъ передъ Баязитомъ своею храбростію. Обиженный Марко уклоняется отъ сраженій съ арапами подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно праздновать свою „славу“, „жрсно име“—день св. Юрія. Арапы скоро замѣтили отсутствіе въ турецкомъ войскѣ „онога страшнаго јунака“, увеличили свое войско количествомъ и стали тѣснить турокъ. Три дня Марко праздновалъ свою „славу“, вмѣстѣ со своимъ поворотливымъ Алилъ-агой, и за это время арапы нанесли туркамъ три пораженія. На третій день они достигли даже царскаго шатра и ниспровергли его. Три раза Поязеть обращался съ просьбой къ Марку о помощи. Только послѣ третьей просьбы султана Марко, довольный результатами своего отсутствія изъ турецкаго войска, снова вступилъ въ бой съ арапами. На этотъ разъ побѣда стоила Марку большихъ усилій: онъ самъ получилъ семьдесятъ тяжкихъ ранъ, хотя и не смертельныхъ. На полный участія и состраданія вопросъ царя, можетъ ли Марко перенести свои тяжелыя раны, „грудне ране“, Марко отвѣчаетъ Поязету, что можетъ. Тогда царь даетъ ему 1000 дукатовъ на лѣченье. Но Марко вмѣсто того, чтобы идти къ лѣкарю, идетъ изъ корчмы въ корчму, отыскивая, въ какой больше вина. Напился Марко вволю вина и зажилъ его раны (стихи 1—194). Тутъ Марко получаетъ извѣстіе о томъ, что его дворъ разграбленъ и спаленъ огнемъ, старая мать растоптана конями, а вѣрная люба уведена въ плѣнъ. Марко догадывается, что это сдѣлалъ его врагъ, проклятый Мина Костурскій. Марко отпрашивается у султана на родину, но дорогъ останавливается на Леонѣ, говѣеть, исповѣдуется и пріобщается св. таинъ, такъ какъ пролилъ много крови, отращиваетъ черную бороду до

пояса, одѣвается въ монашескій подрясникъ (рухо калуѣерско), на голову надѣваетъ шапку камилавку (капу камилавку), садится на Шарца и ѣдетъ въ Костуръ. Прибывъ въ Костуръ, Марко входитъ въ домъ Мины и застаётъ его за виномъ, а жена Марка подноситъ ему вино. На вопросъ Мины, откуда у монаха ибѣгій конь, Марко-калугеръ сообщаетъ о смерти Марка Кралевича на аранской украинѣ и о полученіи имъ коня Марка за похороны и за поминовеніе души умершаго юнака. Это извѣстіе очень обрадовало Мину: онъ девять лѣтъ ожидалъ его съ той поры, какъ увелъ въ плѣнъ жену Марка; теперь онъ можетъ, наконецъ, съ ней повѣнчаться. И тутъ же велѣлъ калугеру творить чинъ вѣнчанья надъ собой и женой Марка. Перевѣнчалъ Марко свою жену съ Миной. Стали потомъ пировать. Мина приказалъ своей молодой женѣ принести изъ ризницы дары — вознаградить калугера за труды. Жена Марка принесла червонцевъ и кромѣ того варжавѣвшую саблю Марка. Отдавая саблю калугеру, она просила его поминать за упокой Марка Кралевича. Взялъ Марко дары и попросилъ у Мины позволенія написать на его свадьбѣ: Поиграти ситно калуѣерски. Мина позволилъ. Вскочилъ тогда Марко на легкія ноги, обернулся раза два-три: потрясся весь теремъ Мины. Потянулъ Марко изъ ноженъ саблю, замахнулся ею направо, на-лѣво и отрубилъ Минѣ голову. Потомъ кликнулъ своихъ спутниковъ — триста лычаръ, данныхъ ему султаномъ, при отпращиваніи изъ-подъ Окана; набросились они на дворы Мины Костурскаго, разграбили ихъ и сожгли огнемъ. Марко взялъ свою вѣрную любовь, забралъ добро Мины и весело уѣхалъ въ свой Прилѣвъ.

Развиваемый въ этой пѣснѣ основной мотивъ принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ въ эпосѣ славянскихъ народовъ сюжетовъ на тему о продолжительномъ отсутствіи мужа изъ дома и новомъ выходѣ замужъ его жены, въ слѣдствіе вѣншнаго принужденія или полученія невѣрныхъ извѣстій о смерти мужа. Этотъ основной мотивъ въ первой части серб. п. (стихи 1—194) ослож-

вился еще болѣе распространеннымъ въ вѣсѣ народовъ Европы и Азіи сюжетомъ о временномъ удаленіи героя отъ дѣлъ, вызванномъ несправедливымъ отношеніемъ къ нему его патрона, подчиняющагося навѣтамъ завистливыхъ клеветниковъ и о возвращеніи того же героя къ дѣламъ, когда усиленіе враговъ и натискъ ихъ заставили смириться завистливую посредственность. Срв. сказаніе объ Акирѣ Премудромъ и его отраженія въ славянскомъ вѣсѣ (Марко Крап., стр. 498 слѣд.), объ Оже Датскомъ, Рустемѣ и др.

Изъ множества сказаній, развивающихъ основной мотивъ изложенной пѣсни про Марка и Мишу, мы обратимъ вниманіе читателей на поэму о Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ, на VII гл. *Reali di Francia* и на русскія былинны о Добрынѣ въ отъѣздѣ, во 1-хъ, какъ на болѣе сходныя съ сербскою пѣсней, чѣмъ всѣ прочія намъ извѣстныя (W. Müller, *Die Fahrt in den Osten* при изданіи Georg Schambach u. Wilhelm Müller, *Niedersächsische Sagen und Märchen* Göttingen 1855, стр. 389—419. Op. Миллеръ, *Илья Муромецъ*, стр. 524 слѣд. Н. О. Сумцовъ, *Добрыня въ отлучкѣ*. Н. П. Сосновичъ, *Къ вопросу о западн. вліяніи на слав. и русскую поэзію*. В. 1898), и во 2-хъ какъ на содержащія больше указаній на то, что нужно разумѣть подъ городомъ Оканомъ. VII гл. *Reali di Francia* передаетъ слѣдующее: Карлъ оставляетъ Францію *для войны со сарацинами*. Управленіе страной онъ возлагаетъ на вельможу Макаріа, которому поручаетъ охрану своей супруги. Макарій распускаетъ ложную вѣсть о гибели Карла, собирается занять его тронъ и жениться на императрицѣ. Но Карлъ, извѣщенный Роландомъ объ опасности, успѣваетъ во время прибыть въ Парижъ. Здѣсь онъ *переходывается пилигримомъ*, приходитъ въ свою кухню; повара не узнаютъ его, узнаетъ собачка; при содѣйствіи одного изъ своихъ приверженцевъ, Гюрона, Карлъ даетъ вѣсть императрицѣ о томъ, что она обманута Макаріемъ и видится съ ней. Императрица узнаетъ Карла по родимымъ

цѣпамъ, показаннымъ ей Карломъ для разрѣшенія ея сомнѣній. *Макарій казненъ*, а Гюронъ сдѣланъ правителемъ (Gaston Paris, *Histoire poétique de Charlemagne*, стр. 397—398). Сходный эпизодъ во французскомъ эпосѣ нѣтъся еще въ поэмѣ о Jehan de Lanson. Basin пребываетъ въ отлучкѣ изъ своего дома. Въ его отсутствіе графъ Archambaud припеволиваетъ его жену выйти за себя замужъ. Basin возвращается домой къ тому времени, когда готово совершиться это событіе и убиваетъ Archambaud (L. Gautier, *Les épop. franç.*, II, 256).

Изъ запутанной, сложной и неоконченной поэмы о Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ (XIV в.) мы отмѣтимъ лишь то, что Рейнфридъ уѣзжаетъ на войну съ невѣрными за море къ г. Аккѣ (Askers), тогда какъ жена его Иркана остается дома и терпитъ разныя злоключенія (Созоновичъ, стр. 425—426).

Нѣкоторые варианты великорусскихъ былинъ про Добрыню въ отъѣздѣ и выходѣ его жены за Алешу Поповича отправляютъ Добрыню на востокъ для борьбы съ сарацинами. Такъ, въ вар. Кирина Данилова № XX Добрыня очищаетъ дорогу прямовѣзную изъ Кіева къ тестю Владимира, грозному королю Етмануилу Етмануловичу, т. е. въ Царьградъ къ эпическому царю Мануилу (срв. упоминаніе о Мануилѣ въ Повѣсти о гибели земли русской; ср. грѣча Манойла ю.-слав. сказаній. Въ названіи же Етмануила—Мануила — тестемъ Владимира — намекъ на старинныя сказанія о женитьбѣ Владимира на греческой царевнѣ, Хр. Лопаревъ, Слово о гибели земли русской. Пам. древн. писм. LXXXIV, стр. 13—14, 24), затѣмъ перекрочаетъ *сорочину долинополую*, рубить чудъ, алюторовъ.

Въ вар. Гильф. № 228 Добрыня стоитъ три года на заставѣ богатырской, на дорогѣ сорочинской.

Въ вар. Гильф. № 215 Добрыня

Еще три года стоялъ онъ подъ Царемъ градомъ,

Еще три года стоялъ онъ подъ Еросолиномъ

(Онеж. был.¹, стр. 1018).

Несомнінно въ связи съ эническимъ странствованіемъ Добрыни въ Царь-градъ и Палестину стоить показаніе вар. Г. № 100, что Добрыня, возвратившись домой (изъ поѣздки за данью почлиной въ каменну Москву и хоро-бру Литву) къ свадебному пиру своей жены и Олеси Поповича (по вар. Гильф. № 23 послѣдній—королевской сынъ) —

Учѣлъ почѣлъ во гуселышка выигрывать
[у Гильф. въ вар. 26 № — гусли муравчаты (стр. 146),
а на стр. 911—912 *ibid.* — гуселышка нѣмецкія],

Играеть-то онъ отъ Царя града,
Выпѣваетъ онъ отъ Еросѣлима (стр. 583).

На энической основѣ пѣсни о Маркѣ и Минѣ по-видимому отложились нѣкоторые воспоминанія изъ поли-тической исторіи южныхъ славянъ. Эти послѣднія опре-дѣляются слѣдующими сравненіями.

Съ пѣсней о войнѣ Марка Кралевича и цара По-язета, т. е. Блазета съ арапами подъ Оканомъ въ нѣко-торыхъ чертахъ сходенъ разсказъ объ участіи въ Ангор-ской битвѣ (20 іюля 1402 г.) сербскаго князя Стефана Лазаревича, находящійся въ житіи этого послѣдняго, со-ставленномъ Константиномъ Костенчскимъ въ половинѣ XV в. Отмѣтимъ здѣсь черты сходства между этими про-изведеніями.

Блазеть же събра вѣсе воинство свое вѣсточныхъ и западныхъ, посилаеть же къ присновѣспоминаемому князю Стефану, еже ѿлико вѣзможно, съ избранною вой-скою своею прінти. Ср. въ серб. н. про Марка (Вук, II, № 62):

Сједо Марко с мајком вѣчерати
Сува леба и црвена вивца,
Али Марку три књиге дођоше:
Једна књига од Стамбола града
Од онога цара Појазета...
...Цар га у цој на војску позива,
На арапску љуту покрајину...

И Демиръ або възшедъ въ страны пѣиноваше, Стефанъ же гнавъ мимо иде, того невѣдый, обрѣтъ же его въ Анкурѣ, оплѣчи са на нь, сраженію або бывши, дрыгаа дрыгыхъ попирааху, елико же избранная перъскаа вонска оплѣчиша са и побѣждени абіе быша и пожроша са остриемъ меча же и копій сръбьскаго скуфтра. Ср.:

Кад дохоше граду Цариграду,
Диге царе силовиту војску,
Отидоше преко мора сиъси,
На Арапску љуту покрајину,
Те узимљу по мору градове,
Четрдесет и четири града;
Кад дохоше под Кара-Окана,
Окан бише три године дана,
Окан бише, узет не могоше;
Марко сјече арапске јунаке,
На све главе пред цара износи,
А цар Марку бакшише поклапа.

Зра же обьшедшаа многыа тмы цара, множество неизреченно, и хота того яко бы изречити, третицею (Стефанъ) въ брань вѣхидитъ, съсѣдаа и побѣждаа, доидѣ же видѣ и своихъ въ иллинаемы, възвращаеъ са, что бо хотащеи сътворити въ толикихъ тыснахъ и тмахъ, кромѣ поданіа Божіа. А еже множество еговы побѣды тогда бывшее, ѿ всѣхъ есть исповѣдемо и досто слышанно, и съ расточѣниимъ са варваромъ, и прѣд познавшимъса по всюди, единаче гонящихъ побѣждаае, и окропленіи имѣае десници; и кто або изглаголетъ иже тогда и елика пѣти оногъ иждьнаго ѿ мнози палежанѣа, або и море и земля и броды и пристанища вса измаильскыа; тѣмъ къ царствующиму градоу оуклонаетъ са (Житіе... деспота Стефана... Гласник, XXVIII/XI, стр. 397—398). Ср.:

Тад навали љута Арапија,
Оде цару триест хиљад' војске.
Онда царе Марку вѣнгу пише:
Брже ходи, мој посинко Марко!
Пропаде ми триест хиљад војске.

Марко нейдеть, празниуеть день св. Юрія, свое „крсно
име“ и въ то же время хочеть отомстить туркамъ за то,
что они не хотѣли признавать предыдущихъ подвиговъ
Марка въ битвахъ его съ арапами:

Марко пије јунакъ нѣколико,
говорили клеветники Полясту:

Веће мртве одсиједа главе

И предъ тебе на башкиши доноси.

Арапы продолжаютъ тѣснить царя; царь снова зоветъ
Марка:

Пронаде ми шесетъ хилядъ војске,
Марко опять просить царя подождать, пока нагуляется
съ пріятелями и кумовьями.

А арапы (въ 3-ій разъ) јуришъ учинише,

Оде царю сто хиляда војске.

Онда царь Марку књигу пише:

„Врже да си, мој носинко Марко!

Врже да си, мој по Богу синко!

Арапы ми шатор оборише“.

Онда Марко усједе на Шарца,

Нак он оде у цареву војску;

Гад у јутру бијел дан освану...

Онда Марко уд'ри жеђ арапе,

На три стране војску рашиѣрао:

Једну војску сабљом исјекао,

Другу војску Шарцемъ погазио,

Трећу војску предъ цара догнао;

Ал' се Марко љуто изранио.

Седамдесетъ рана допапу,

Седамдесетъ рана од арапа...

Марко скоро излѣчивается отъ ранъ и отпрашивается
у царя къ себѣ домой, чтобы освободить жену отъ Мини
Костурскаго.

Пѣсни упоминаетъ о побратимѣ Марка Алилъ-агъ:
Житіе Стефана Лазаревича упоминаетъ, во 1-хъ, о „свѣт-
ниѣ“ царя Балзита „Нли-башѣ“ (ibid. 397) и, во 2-хъ,

объ „Алиази“, поеводѣ султана Мусолмана, т. е. Сулеймана, преемника Баязита (ibid. 415).

Такимъ образомъ между Житіемъ Стефана Лазаревича и пѣсней о Марѣ подѣ Оканомъ находятся совпаденія въ слѣдующихъ чертахъ:

1) Въ собственныхъ именахъ: Баязиръ = Појазет, Алиазъ или Или-бана = Алилъ-ага.

2) Въ началѣ обоихъ сказаній: призывъ на войну Појазетомъ Марка: Баязетомъ — Стефана.

3) Въ самомъ изложеніи: рассказъ о помощи, оказанной Стефаномъ Баязету, сходень, если устранить гиперболы свойственныя героической поэзіи, съ рассказомъ пѣсни о помощи, оказываемой Маркомъ Појазету.

4) Наконецъ: мѣсто дѣйствія въ пѣснѣ и сказаніи — Малая Азія, хотя города называются различные: въ Житіи — Анкира, въ пѣснѣ — *Оканъ* или *Кара-Оканъ*.

Что же такое *Оканъ* или *Кара-Оканъ*? Покойный П. А. Безсоновъ подѣ Кара-Оканомъ понималъ Черное море или Черноводъ (Черна вода, гор. въ Добруджѣ, по-турецки Кара-су, при рѣкѣ, впадающей въ Дунай), „при чемъ нужно вспомнить, говорилъ онъ: что мѣстности Волоховъ повсюду и въ Валахи и въ Македоніи любятъ слово „черный“ (Болгарскія пѣсни, стр. 42). Эпитетъ *кара* несущественъ въ выясненіи значенія слова Кара-Оканъ; онъ могъ быть прибавленъ къ основной формѣ *Оканъ*, будучи обязанъ или турецкому вліянію или аналогіи названій мѣстъ и народовъ, получившихъ отъ турокъ, въ періодъ турецкихъ завоеваній Малой Азіи и Балканскаго полуострова, въ качествѣ прибавки къ своимъ стариннымъ формамъ, турецкій эпитетъ *кара* — черный: Der Bezeichnung der Schwarzen, говоритъ Hammer, war ein glückbringender, seit dem Osman denselben getragen (Geschichte d. Osm. Reiches I, 84). Срвн.: Кара-Влашка и Кара-Богданска земля — Румынія, Кара-Верія вл. Бероя или Верія, городъ въ Македоніи, Кара-Бунаръ вл. Barathra въ Малой Азіи, Кара-Гиссаръ вл. древн.

Cybiatra тамъ же; собственное имя Кара-Богданъ (Шанкаревъ) I, 32).

Имя въ виду фонетическій законъ о соответствіи въ старо-славянскихъ памятникахъ звука *o* иностранному *o* и, обратно, старо-славянского *o* иностранному *a* (А. И. Соболевскій, Звуки старо-слав. яз., Рус. Ф. В., т. XX, стр. 245. Wondrak, Altkirchenslawische Gram., стр. 42), можно признать имя *Оканъ* совершенно тождественнымъ съ именемъ *Accon* [у Фульнера Шартрскаго, Раймунда Агилскаго (при Accaron) и у Вильгельма Тирскаго (Сколевичъ, Истор. средн. вѣк., III, стр. 215, 285, 322 — 333; Willermi Tyrensis archiepiscopi Historia, lib. X, cap. XXVI, см. Recueil des historiens des croisades т. I), хотя есть и форма *Ocken* (Kaiserchronik, изд. Massmann II, 765), т. е. Акеръ или Ackers, финикійск. *Akko*, Цолемаида или Saint Jean d'Acre, теперь *Акка*, известный городъ на Сирійскомъ побережьи Средиземнаго моря.

Существованіе нѣсколькихъ названій для Акки вышло въ жизни старую сказку объ основателяхъ городовъ — братьяхъ, излагаемую Вильгельмомъ Тирскимъ въ такомъ видѣ: Hanc (Accam) frequens fama est geminos fratres fundasse Ptolemaeum et Acconem, et muris vallasse solidioribus; eamque, quasi per medium divisam, suis nominibus appellasse: unde et hodie binomia est, ut Ptolemaida dicatur et Accon, sicut pene omnes Syriac civitates duo vel tria habent nomina (Recueil des historiens des croisades, t. 1, p. 1, стр. 440). Историческое значеніе Аккона для Европы, въ особенности для южно-европейскихъ странъ, возрасло съ эпохи крестовыхъ походовъ, когда онъ сталъ „ключомъ Палестины“, „главнымъ христіанскимъ портомъ Сиріи и центромъ торговли съ Европой“ (Веберъ, Всеобщ. истор., VI, 711), пристанью для крестоносцевъ, опорнымъ базисомъ христіанскихъ владѣній въ Св. Землѣ, въ особенности рыцарей св. Іоанна (M. Vivien de Saint Martin, Nouveau diction. de géographie universelle), „главой, убежищемъ и оплотомъ для христіанъ“, по словамъ Вильгельма Триполь-

скаго (Стасюлевичъ, Исторія средн. вѣковъ, III, 74). Особенную извѣстность въ рыцарской поэзіи средне-вѣковой Европы этотъ „большой великолѣпный городъ, одинъ изъ центровъ торговли Египта и Азіи съ Европой“ (Веберъ, VII, 329) долженъ былъ получить съ конца XII вѣка, во 1-хъ, потому, что „война подъ Аккой была главной частью военныхъ дѣйствій 3-го крестоваго похода“ (Веберъ, VII, 113), и, во 2-хъ, потому, что въ концѣ XIII вѣка, именно въ 1291 г., этотъ городъ былъ отвоеванъ у христіанъ египетскимъ султаномъ Меликъ-аль-Аирафъ-Нобъ-Алауномъ послѣ 33-ти дневной осады, послѣ чего были изъ него насильственно выселены 60 тысячъ христіанъ (M. Vivien de S. M. Nouveau diction. de géogr. universel). Но и послѣ этого времени Аккоя игралъ видную роль въ исторіи Востока. Въ 1517 г. онъ былъ отнятъ султаномъ Селимомъ у египетскихъ мамелюковъ.

Трудно рѣшительно сказать, какія изъ историческихъ событій, центромъ которыхъ былъ Аккоя, побудили южно-славянскихъ пѣвцовъ, приурочивавшихъ къ имени Марка эпическій мотивъ о выходѣ жены за другого мужа въ отсутствіе перваго, отправить налюбленную героиню въ походъ подъ Акку для борьбы съ сарацинами. Возможно, конечно, то, что историческія событія эпохи XV—XVI вв., періода войнъ турецкихъ султановъ Баязита I, II и Селима съ татарами и мамелюками и участіе южныхъ славянъ въ этихъ войнахъ побудили ихъ дать такое приуроченіе эпическому мотиву. Сходство разсказа Житія Стефана Лазаревича объ Анкирскомъ сраженіи съ пѣсней о Маркѣ подъ Кара-Оканомъ говорило бы въ пользу этого. Но возможно и даже болѣе вѣроятно то, что имя Аккона было усвоено ю.-слав. эпосомъ изъ западно-европейскихъ рыцарскихъ сказаній вмѣстѣ съ самымъ мотивомъ, занесеннымъ въ среду сербскихъ пѣвцовъ западными средне европейскими странствующими пѣвцами.

Городъ Ассон, несомнѣнно, входилъ въ средневѣковыя рыцарскія сказанія эпохи крестовыхъ походовъ. Выше было упомянуто, что дѣйствіе поэмы о Рейнфридѣ Браун-

инвейгскомъ, содержащей въ основѣ своей тотъ же эпическій мотивъ, что и сербская пѣсня про Марка подѣ Оканомъ, приурочивается также къ городу Аккону, именно, къ событіямъ 1291 года (И. П. Созоновичъ, Къ вопросу о зап. влияніи на слав. и рус. н., стр. 424). Припомнимъ еще два эпизода изъ поэмы Большой Вольфдитрихъ, рассказывающіе о приключеніяхъ Вольфдитриха подѣ Аккой и Іерусалимомъ. Въ *Aventure wie Wolflieterich mit den Helden streit vor dem tutschen lue* рассказывается слѣдующее: Предпринявъ по смерти своей жены путешествіе въ Св. Землю, Вольфдитрихъ, по обычаю паломниковъ и крестоносцевъ того времени, пристаетъ къ Askers. Рыцари св. Іоанна просятъ его помочь имъ въ борьбѣ съ сарацинами, осадившими этотъ городъ. Вольфдитрихъ успешно воюетъ съ сарацинами и отбиваетъ ихъ отъ Акки. Поэтъ сообщаетъ, что эти подвиги Вольфдитриха были воспѣты Вольфрамомъ Ф. Ошеньбахомъ:

daz ist vil wol kunt

Wolfram dem werden meister von Eschelbach.

waz von dem werden Kriechen des tages do geschach

(A. Holzmann, Der grosse Wolflieterich, строфа 969).

Слѣдующая за этой авантюрой — *Aventure wie Wolflieterich gefangen wart* — излагаетъ мотивъ весьма извѣстный въ славянскомъ народномъ эпосѣ и въ книжныхъ сказаніяхъ о Соломонѣ — мотивъ заключенія героя въ тюрьму и освобожденія изъ нея. Отбивъ сарацинъ отъ Акки, Вольфдитрихъ отправляется къ Іерусалиму, застаетъ и этотъ городъ осажденнымъ язычниками, воюетъ съ сарацинскими предводителями Дельфіаномъ и Мерціаномъ, нападаетъ въ плѣнъ къ сарацинамъ, заключается ими въ тюрьму и ожидаетъ смертной казни. Но одинъ сердобольный язычникъ освобождаетъ Вольфдитриха изъ сарацинской тюрьмы и даетъ ему коня и оружіе. Вольфдитрихъ снова нападаетъ на сарацинъ и избиваетъ сарацинское войско, такъ что едва Мерціанъ съ 15 сарацинами спасается отъ смерти (строфы 938—1059).

Слѣдующая за этими двумя *Aventure wie Woldfdieterich zu dem heiden Beliam kam und die messer mit im warf* — излагаетъ сюжетъ ю.-слав. пѣсенъ про Марка Краленича и Филиппа Мадырина (Ю.-слав. сказ. о Кр. Маркѣ, гл. IX).

Наконецъ, память объ Акконѣ, какъ центрѣ, вокругъ котораго происходили битвы съ сарацинами, могла быть въ южно-славянскомъ эпосѣ отголоскомъ туземно-историческихъ мотивовъ эпической повѣи той эпохи, которая предшествовала занѣву пѣсенъ про Марка Краленича и про Косовскую катастрофу. Крестовые походы, какъ извѣстно, своимъ теченіемъ захватили и области болгаръ и сербовъ. Сербскій царь Стефанъ Неманя и болгарскіе цари Петръ и Асѣнь радостно привѣтствовали крестоносцевъ третьяго крестоваго похода и Фридриха Барбаросу (Качановскій, Истор. Сербіи, стр. 129; Пречекъ, Истор. Болгаріи, стр. 214); а о славянскихъ народныхъ сочувствіяхъ дѣлу крестоносцевъ ярко свидѣтельствуешь извѣстный элегическій разсказъ Ипатьевской лѣтописи о неудачномъ исходѣ 3-го крестоваго похода, закончившагося взятіемъ Іерусалима Саладиномъ (3 окт. 1187 г.): Того же лѣта (1187 г.) бысть знаменіе м. сент. 15 д: тма бысть по всей землѣ, яко же дивитися всемъ чловѣкомъ, солнце бо погнбе, а небо погорѣ облакы огнесарными. Таковая бо знаменія не на добро бывають: въ той бо день того мѣсяца взятъ бысть Ерусалимъ безбожными Срацины... во дни наша преда Господь градъ Ерусалимъ сваты безаконнымъ тѣмъ Агаряномъ: да кто свѣсть умъ Господень, кто ли свѣсть тайная его сотвореная? Припомнимъ о явленіи Кивота Господня при Иліи первосвященникѣ и возвращеніи его при Давидѣ, лѣтописецъ съ надеждой на будущее говорить: Намъ же укореннымъ сущимъ, поносъ принимающимъ отъ безаконныхъ тѣхъ Агарянъ, и чающе есмы Божія благодати и лика преславна (Ии. л.², стр. 441). Подъ 1190 г. тотъ же лѣтописецъ сообщаетъ слѣдующее: Въ то же лѣто иде царь Немѣцкый со всею своею землею битися за гробъ

Господень, проявилъ бо блистеть ему Господь ангеломъ, велѣ ему ити. И пришедъшимъ нѣмъ и бьющимся крѣпко съ богостудными тѣми Агарини, Богу же тако попустившу гнѣвъ свой на весь миръ, зане исполнися злобъ нашихъ вся земля, и си вся наведе на ны (Господь) грѣхъ ради нашихъ, востину судъ створи и правы судьбы его, и преда мѣсто святины своея нѣмъ иноплеменикомъ: си же Нѣмци яко мученици святии прольяха кровь свою за Христа со цари своими. О сихъ бо Господь Богъ нашъ знаменія прояви: аще кто отъ нихъ в брани отъ иноплеменихъ убьени быша, и по трехъ днѣхъ телеса ихъ невидимо из гробъ ихъ ангеломъ (Господнимъ) взята бывахуть, и прочіи видяще се тоскахуться пострадати за Христа: о сихъ бо воля Господня да сбѣтся, и причте я ко избранному своему стаду в ликъ мученицкій. Се бо створи Господь за грѣхы наша, казни весь миръ и на ны обратя яко же сгрѣшихомъ и беззаконновахомъ и не оправдохомъся предъ нимъ: кто бо свѣсть умъ Господень, и тайныя его творенія кто вѣсть! (Ил. л., 449).

Если придать нѣкоторое значеніе послѣднему соображенію при объясненіи происхожденія имени города Аккона—Окана въ южно-славянскомъ эпосѣ, то получился бы намекъ на содержаніе и географическія отношенія южно-славянскаго эпоса, задолго предшествовавшаго Косовскому и Маркову цикламъ, возникшимъ, какъ извѣстно, лишь съ самаго конца XIV или начала XV вѣка, — на сюжеты тѣхъ хлѣѣ ѡудрѣу, которыя слышалъ Пиккфордъ Грегора во время своего путешествія по Болгаріи и Македоніи въ 1325—1326 гг. (Игичъ, Историч. свидѣт. о слав. нар. поэзіи, рус. перев. въ Слав. Ежег. Задарацкаго, 1878 г., стр. 224—226).

М. Хиланскій.

Какъ произошла мѣна *ц* и *ч* въ русскихъ говорахъ?

(Вопросъ лингвистамъ).

Мѣна *ц* и *ч*, какъ извѣстно, является отличительной чертой сѣверныхъ русскихъ говоровъ. Она наблюдается также въ тѣхъ южныхъ, которые представляются смѣшанными. Таковы, напримѣръ, говоры каспійскіе, егорьевскіе, соединяющіе въ себѣ особенности сѣверно-великорусскія и южно-великорусскія. Въ говорахъ, имѣющихъ мѣну *ц* и *ч*, наблюдается иногда средній звукъ между *ц* и *ч*. Этотъ звукъ считается положившимъ начало мѣнѣ звуковъ *ц* и *ч*. Но откуда произошелъ этотъ звукъ?

Фонетически *ц* и *ч* сложны. Первый состоитъ изъ *т* + *с*, второй — изъ *т* + *ш*. Средній звукъ будетъ состоять изъ *т* и звука средняго между *с* и *ш*, который изображается иногда *с^ш*: т. е. средній между *ц* и *ч* = *т* + *с^ш*. Такимъ образомъ, вопросъ о происхожденіи мѣны *ц* и *ч* сводится къ вопросу о происхожденіи звука средняго между *с* и *ш*. Былъ ли это исконный русскій звукъ или чужой?

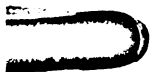
Онъ могъ быть заимствованъ изъ финскаго языка. Услышать такой звукъ очень легко отъ финновъ, живущихъ въ Петербургѣ ¹⁾. Они смѣшиваютъ русскія *с* и *ш*, затрудняются произношеніемъ *ц* и *ч* и смѣшиваютъ ихъ.

¹⁾ Я слышалъ отъ уроженокъ Выборгской губ. и въ приходѣ Тохмаярви Куопіосской губерніи.

При записи русских словъ финскими буквами они могутъ употреблять для *ц* и *ч* только одно и то же сочетание: *ts*.

Позволяетъ ли такъ думать старшій финскій языкъ въ тѣхъ его діалектахъ, которые соприкасались съ русскими?

В. Чернышевъ.

Описаніе говора деревни Парфёнокъ, Рузскаго у. Московской губ.

(Продолженіе).

МОРФОЛОГІЯ.

А. Склоненіе и спряженіе.

1. СКЛОНЕНІЕ.

Имена муж. рода съ основой на о.-слав.

$\frac{1}{2}$ о, $\frac{1}{2}$ е и $\frac{1}{2}$ у.

Род. и мѣ. ед. на -у. Формы род. и мѣ. на -у стоятъ въ зависимости одна отъ другой, хотя встрѣчаются не въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ. Эти формы не образуются отъ названій отдѣльных лицъ и животныхъ и, слѣдовательно, образуются только отъ ном. abstracta и concreta, обозначающихъ неодушевленные предметы или собирательные. Въ этомъ, между прочимъ, отличіе средне-вѣкр. говоровъ отъ нѣкоторыхъ ю.-вѣкр., гдѣ встрѣчаются такіе формы, какъ: ат жыниху (Караулов. Говор палѣхъ Киандрин. у. Р. Ф. В., т. 43), при отцу, на Василью Ильичу (Чернышевъ, Мещовск. 93) и др. Но при этомъ одни слова имѣютъ род. на -у при мѣ. на -ѣ, другіе — мѣ. на -ѣ при род. на -а (хотя большая часть словъ, имѣющихъ мѣ. на -ѣ, имѣетъ и род. на -у). Поэтому я разсматриваю обѣ формы отдѣльно.

Род. на -у: 1. Отъ словъ, обозначающихъ дѣльное вещество, пространство, количество и т. п. и отъ словъ

собирательныхъ, независимо отъ качества (твердости или мягкости) послѣдней согласной основы и независимо отъ мѣста ударенія, особенно въ значеніи родит. раздѣлит.

Прим. сѣхъру, сѣхъду, твѣрхъгу, вѣску, дѣлгу, дѣму, квѣсу, нѣрхъгу, тавѣру, вѣтру.¹⁾ и мн. др.

чѣю, кѣфию, хмѣлю, ѣглю, камню (преимущ. въ собират. смыслѣ, рѣже въ мѣстн. знач.: у камню и у камний).

лѣду²⁾, илѣну или илѣну, щѣвлю, пѣску, биз агню, агню, ѣганку и др.:

отъ собирательныхъ, обозначающихъ собраніе людей: лѣду, нарѣду, мѣру (с мѣру, но у мѣра?), и даже: пѣку (и пѣка).

Но отъ аѣос—аѣей; отъ хлѣн—хлѣбѣ. Такимъ образомъ, правило проведено не вполне послѣдовательно.

2. Отъ односложныхъ словъ, обозначающихъ помѣна abstracta или неодушевленные предметы, имѣющихъ удареніе въ надежныхъ формахъ ед. ч. (кроме мѣ. на -ѣ) на основѣ, кажется, независимо отъ качества послѣдней согласной основы³⁾. Отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ встрѣчается и родит. на -ѣ⁴⁾.

Изъ словъ съ основой на мягкую прим.: крѣю, лѣю, рѣю, рѣю и т. п. Слова: чѣю, хмѣлю и пр. имѣютъ род. на -у уже по первому правилу.

Отъ двусложныхъ и многосложныхъ словъ род. на -у рѣже; между прочимъ, употребляется отъ словъ, имѣю-

¹⁾ Въ свад. велич. иѣ. даже: биз витру, гдѣ ѣ, быть можетъ, перенесено изъ мѣстн. въ зависимости отъ предлога.

²⁾ Въ одной плюсовой припѣвкѣ сохранилась старая форма род. пад. отъ этого слова: лѣду. См. выше, т. 44, стр. 195 (отд. отт. 43).

³⁾ Перечислю нѣсколько употребительныхъ род. на -у: сѣ виду, вѣзу или бѣдѣт, сѣ вѣзу, нѣку (дѣ вѣку), биз глѣзу, бѣгъду и биз гѣду, з дѣву, из дѣму, не крѣгу, дѣ лѣсу и да лѣсу, из нѣсу, нѣпѣлу, ѣт нѣлу, ѣт рѣду, но и: ѣт радѣ, из нѣ сѣду, дѣ сѣвиту, сѣ сѣвиту, сѣду нѣт и мн. др.

⁴⁾ Наприм. у дѣбѣ, бѣтѣ дубѣ, не-пад дѣбѣ, но и: бѣтѣ дѣбу. вѣрагѣ, хлѣбѣ и др.

щихъ удареніе на послѣднемъ слогѣ основы: расхѣду, дахѣду, рѣзгавѣру. Рѣзѣскѣу уѣзѣду, приѣзѣду, савѣту, приѣту, дѣлѣ фѣскѣй случаю (нѣ.) и др., главнымъ образомъ въ значеніи род. раздѣл. или съ предлогами для обозначенія мѣста и времени, но также и въ другихъ значеніяхъ. Сюда же можно отнести такое выраженіе, какъ: изъ дня и ден, но подѣ удареніемъ — днѣ.

3. Не подходитъ подѣ эти правила „упралуику“ (Миш. Байк.). Другихъ подобныхъ случаевъ род. на -ѣ отъ словъ съ удареніемъ на надежныхъ окончаніяхъ, если эти слова не собирательныя и не обозначаютъ количества, пространства, протяженія времени, вещества и пр., я не встрѣчалъ. Всегда: саткѣ, палкѣ, бѣринкѣ (у б—кѣ), канцѣ, рѣсцѣ и др.

лбѣ, ѣ ртѣ, снѣ...; ѡкѣл ѣтѣ ннѣ, грѣбѣ, жакѣ, калѣ, куствѣ, рублѣ, сталѣ (отѣ: стѡл; слово: стѣлѣ — среди. р.), халѣстѣ, шастѣ, кулѣ и т. д.

Отъ двусложныхъ словъ, имѣющихъ и въ род. два слога съ удар. на основѣ, род. обыкновенно на -а: кѡрѣй.

Род. на -у въ указанныхъ положеніяхъ — очень древній. Въ русскихъ памятникахъ онъ попадается отъ основъ на $\frac{3}{4}$ уже съ XI в. Въ другихъ славянскихъ языкахъ употребленіе его сходно. Въ словенскомъ род. на -и — отъ односложныхъ словъ, притомъ кромѣ *sinu* и *tatū* въ остальныхъ случаяхъ — отъ словъ, обозначающихъ неодушевленные предметы. Въ польск. и чешск. — преимущественно отъ словъ, обозначающихъ неодушевленные предметы. Повидимому, тенденція распространить род. на -у на односложныя (такъ какъ з въ концѣ словъ еще въ о.-сл. = $\frac{3}{4}$) слова, обозначающія неодушевленные предметы (или, по крайней мѣрѣ, не лица), идетъ еще изъ діалектовъ общеслав. яз. Эта тенденція обуславливалась отчасти тѣмъ, что въ общеслав. слова съ основой на $\frac{3}{4}$ всѣ были односложныя.

Мѣстный на -ѣ образуется только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ надежъ сохраняетъ значеніе мѣстнаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, такъ что, наприм., съ предлогомъ

об форма мѣстнаго на -ѣ обыкновенно не встрѣчается. Она употребляется:

1. Отъ односложныхъ словъ, имѣющихъ въ род. и дат. ед. -у съ удареніемъ на основѣ.

Примѣры: нъ вазу́, на тѣмъ святу́, ф кнасу́ и мн. др. чью́, на тѣмъ краю́, ф хмилю́...

Сюда же можно отнести и: нъ ватру́, ср. род. вѣтру: хотя нъ имен. ед. это слово является тоже двусложнымъ, но нѣкогда звучало: вѣтру.

Отъ нѣкоторыхъ изъ такихъ словъ встрѣчается и мѣстн. на -нѣ, наприм.: в дамѹ́ и в до́мн, в радѹ́, по ф такомъ родѣ (съ немѣстн. значен.), ва фся́къмъ разѣ́ (тоже), ф хлѣбн, ва вра́гн (см. ниже) ¹⁾. Нѣсколько странны по ударенію: ф кливѣ́ и нъ дубѣ́ (ск.), вмѣсто ожидаемыхъ: ф клѣвн, на дѹ́бн. Здѣсь, по всей вѣроятности, удареніе взято изъ другой употребительной формы мѣстн.: нъ дубѹ́, ф кливѹ́.

2. Отъ словъ (какъ односложныхъ, такъ и неодносложныхъ), имѣющихъ въ род. над. ед. -ѹ́, наприм.: на іду́, ва љну́, нъ пяску́ (и: нъ пяскѣ́), в агню́ (и: в агнѣ́), нъ прѣлупку́, ф палку́. Такихъ словъ немного; большая часть словъ съ удареніемъ въ косвен. паад. на флексіи имѣеть род. -а́, мѣ. -ѣ́: в гарши́кѣ, нъ пѣталкѣ́, нъ шаскѣ́ и проч.

3. Отъ нѣсколькихъ односложныхъ и двусложныхъ словъ при родит. не на -ѹ́: ва лбу́, в рату́ (не было ли старыхъ формъ лѣбу или лѣбу, рѣту?), карню́ (лошадь „ф карню́“, хлѣбъ или лѣсъ „нъ карню́“), в углу́ (рѣже: в углѣ́; род. угла́, быть можетъ, вмѣсто древняго: ѹ́гъл, ѹ́гъла), лактю́, нахтю́, нъ калу́, на дню́ и, быть можетъ, нѣкоторыя другія, но: ва снѣ́, на пнѣ́, кулѣ́ и пр.

4. Слова съ двусложной основой, представляющей полногласную форму, имѣють тѣ же чередованія ударенія въ падежныхъ формахъ, что и слова съ односложны-

¹⁾ Въ нѣ. также: как ва са́дн сѣлавѣ́.

ми основами, и потому должны бы образовать формы аналогично съ ними. Поэтому бѣрьк, род. бѣрьгу, мѣ. биригѹ; твѣрьк, род. твѣрьгу, мѣ. твѣрагѹ; кажется, такъ же образуются род. и мѣ. отъ слова вѣрьх. Отъ слова чирѣт (дат. чирѣ/идѹ) мѣ. чирѣ/идѹ. Отъ словъ вѣрьт, вѣрьт и жѣльн мѣ. мѣ не встрѣчался. Отъ остальныхъ: вѣлос, гѣлос, гѣрод, кѣроб(и), мѣлот, нѣрох, сѣлод; морѣз, огѣрох, норѣг, норѣм и др. мѣстный образуется только на -ѣ. Отъ слова тѣрим или тирѣм, употребляющагося только въ пѣ., мѣсти.: ф тѣрими или ф тирамѹ.

Б. Отъ сложныхъ словъ (кромя тѣхъ, которыя имѣють и род. на -ѹ) мѣ не извѣстенъ мѣсти. на -ѹ только въ двухъ словахъ: нѣ нѣвадѹ, отъ слова нѣвѣт, род. нѣвѣду и ф нѣлагѹ, отъ нѣлѣк, род. нѣлѣгу. Здѣсь, вѣроятно, дѣйствовала аналогія съ полногласными словами въ родѣ бѣрьк и твѣрьк.

Отъ остальныхъ сложныхъ словъ употребляется обыкновенно только мѣсти. на -ѣ. Наприм.: сѣѣст—на сѣѣди; схѣт, род. схѣду, мѣ. на схѣди (при неслож. хадѹ), также: уѣѣди, приѣѣди, савѣти и пр. Слово врак (= оврагъ) склоняется, какъ сложное: врагѣ, ва врагѣ.

Слово суд является съ двойнымъ удареніемъ и сообразно съ этимъ имѣетъ двоякія формы: сѹт, сѹду нѣт, дат. сѹду (въ пѣ.: ты минѣ згубилѣ, к сѹду придалѣ), мѣ. нѣ судѹ; кажется, есть и твор. сѹдѣм. Съ другой стороны: сѹт, судѣ (бѣс судѣ и пр.), дат. судѹ, мѣ. нѣ судѣ, твор. судѣм, вин. съ предлогомъ: на сѹт, над сѹт (ср. на пѣл, нѣт пѣл).

Распространеніе формы мѣсти. ед. на -ѹ на склоненіе основъ на ѣ/о началось еще, быть можетъ, въ общеслав. яз., но въ какомъ направленіи оно шло, сказать трудно, потому что въ нынѣшнихъ слав. яз. условіа, при которыхъ встрѣчаются мѣсти. на -ѹ и мѣ. на -ѣ, неодинаковы. Въ памятникахъ русскаго языка XII—XIII в., судя по примѣрамъ, приводимымъ акад. Соболевскимъ въ Лекціяхъ, мѣсти. на -ѹ употреблялся преимущественно отъ словъ со старой основой на ѣ/ѹ, т. е. правильно

(впрочемъ и отъ этихъ словъ уже въ памятникахъ XI—XII в. мѣстн. часто на -и). Потому въ нѣкоторыхъ памятникахъ эта ф. мѣстн. встрѣчается очень часто, какъ отъ именъ неодушевленныхъ предметовъ, такъ и отъ именъ одушевленныхъ предметовъ, главнымъ образомъ послѣ гортанной, какъ и теперь въ малорусскомъ. Въ ю.-в.-в.-в. говоряхъ мѣстн. на -у перѣдокъ и тоже не зависить отъ тѣхъ условій, при какихъ онъ является въ среднев.-в.-в. (и сѣв.-в.-в.?). Въ нынѣшнихъ среднев.-в.-в. говорахъ эта форма бываетъ только подъ удареніемъ и не отъ именъ одушевленныхъ предметовъ, притомъ преимущественно отъ односложныхъ словъ. Имѣя въ виду, что слова съ основой на -у въ общеслав. были односложными и въ мѣстн. над. един., вѣроятно, имѣли удареніе на концѣ, можно думать, что въ этомъ отношеніи среднев.-в.-в. говоры архангельскіе тѣхъ ю.-в.-в., въ которыхъ мѣстн. на -у отъ неодушевленныхъ словъ перѣдокъ и притомъ можетъ не имѣть на себѣ ударенія.

Знат. форма этого склоненія замѣтныхъ отличій отъ формы имен. не представляетъ (развѣ только по качеству ударенія). Знат. Божѣ рѣдокъ и иногда понимается, какъ именительный. Въ нѣ. „Зачѣмъ ты, безумная, губишь“ вмѣсто „Богъ-же съ тобой“ поютъ: „Божѣ с табѣѣ“. Встрѣчается также знат. чѣснѣди, чѣснѣди Исусѣи.

Двойств. Съ числит. два, три и четыре говорятъ два рѣдѣ, два валѣ и т. д., но кромѣ этихъ двухъ словъ форма существ. при тѣхъ же числительныхъ всегда совпадаетъ по ударенію съ формой род. един. на -а: два вѣзѣ (мн. вѣзѣ), два гѣдѣ, три дѣмѣ и пр. Отъ слова рѣс (разъ) при всѣхъ числит. употребляется форма род. мн. (=имен. ед.) рѣс: два рѣс, три рѣс, какъ: нѣтъ рѣс, но также и: двѣ рѣзѣ, три рѣзѣ (а въ одной выношной нѣ.: два разѣ). Вѣроятно, остатокъ стараго имен. двойств. представляетъ слово рукавѣ, быть можетъ, также: бирагѣ, бакѣ, глазѣ, жѣрнанѣ, ѣкѣракѣ, рагѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, именит. мн. именъ муж. рода на -ѣ и въ другихъ случаяхъ восходить къ старому имен. двойств.

Правильнѣе здѣсь видѣть результатъ разныхъ аналогій. Слѣдуетъ замѣтить, что форма на -а́ съ числит. совпадаетъ съ формой имен. множ. только въ одномъ словѣ рукава́, потому-что отъ словъ ряд, вал имен. множ. ряды́, валы́.

два рубля, рѣже: два рублі; два дни, трі дни и: два дни, три дни.

Множеств. число. Имен. на -а́ образуется въ общемъ отъ тѣхъ же словъ, какъ и въ литературномъ ¹⁾. См. у Миклош., въ перев. Н. Шлякова и Р. Браудта, 409—410, у Ягича. Критич. зам. по ист. рус. яз., 115.

Къ пересчисленнымъ внизу примѣрамъ добавлю. Отъ жорни́фъ кромѣ обычнаго жѣрнава́ въ одной сказкѣ записано: жорни; род. отъ титирива́ на -о́ф; отъ словъ бо́рьф, бура́ф, перѣт, вѣк, ку́зѣф, мот, стру́к, фла́гы, кле́ф имен. множ. мнѣ неизвѣстенъ. При пѣснѣ отмѣчу паяси, -и́ — соломенные жгуты (свѣсла на южновеликор. парѣ-чин) для увязыванья сноповъ. Отъ снѣ́к имен. множ. только въ пѣ. снѣ́ги бѣлы или снѣ́гы. Отъ твѣ́тъ имен. множ. твѣтѣ́.

Изъ всѣхъ словъ, имѣющихъ въ именит. множ. -а́, только рукава́ имѣетъ то же удареніе въ един.; остальные въ един. (кромѣ мѣстн. на -у́) имѣютъ удареніе на основѣ. Это — одно изъ условій образованія имен. множ. на -а́. Но чѣмъ объясняется, что слова съ одинаковыми

¹⁾ бирига́, бика́, вичаря́, вазя́, вьлася́ и вольсы́, върахя́, глази́, гада́, гьлася́, гѣрида́, граби́, дама́, дѣхтаря́, жьлаби́, жѣрнавѣ́, жаха́ и жахи́, кливира́, кѣндаля́ (пѣ.), клякала́, кунчили́, кучаря́, луга́, лися́, мѣстари́, микрута́, ѡбраза́, ѡкѣрака́, пѣваря́, пѣгриба́, пѣтраха́, пѣса́ (и паяси), пѣззѣ́, приставѣ́, путѣ́ и путѣ́я, рага́, разѣ́, рукава́, стѣляра́, стѣража́, тирима́, титиривѣ́, тѣрмаза́, ѡиришала́, хлѣба́ и хлѣбы́, хьлада́, жистриба́.

край, вькисля́, ѣтибия́... но: чий, слѣчы пр.
ля́ггаря́ и ля́ггаря́, писаря́ и писаря́, я́ггаря́ (—его-ри), но: гьсудари́, судари́, (кѣпаря́, сухаря́...) и пр.
учиты́я..., но: ридѣ́тили.

фонетическими и другими условіями образуютъ именит. множ. различно, выяснить трудно. Можно замѣтить, что этотъ имен. встрѣчается главнымъ образомъ отъ именъ съ непронизводимыми основами и отъ нѣкоторыхъ именъ съ суфф. ар (ар, быть можетъ, ер), ар, ал (ол), еі и отъ иностранныхъ словъ со сходными окончаніями (т. е. по аналогіи съ учители, стибилі, также виксилі; писарі — лъгарі, јигарі; стъларі — мѣстарі и пр.)¹⁾. Отъ слова рукавъ сохранилось старое двойств.; кажется, и другія слова на -ав и -ов образуютъ имен. множ. на -а.

Перечислю нѣкоторые имен. множ. на -ы и -и: ва-ли, вясі, далгі, дубы, духи, круги, насі, палы, ряды, сяды, сляды, твяти, тарги; корни, камни и пр. Понятно: лѣскуты, ліны, афеи, халесты и пр. по общему правилу.

Множ. на -ја извѣстно въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и въ литературномъ. Отмѣчу только путја при пута и дружія, какъ въ литерат., вмѣсто дружја. Наоборотъ, лѣскуты въ писевой припискѣ: „...Атхадити лѣскуты, к нам придутъ ариисты“, при лѣскутји не о людяхъ.

Множ. на -и: сасѣди, чѣјти, пайси, родит.: сасѣдиј, чіјтѣј, пайсиј и т. д. — мягкость послѣдней согласной основы проведена по всѣмъ падеж. множ. Въ нѣспѣ (частушечной): тѣракани.

Существ. съ суфф. -ин-, обозначающимъ единичный предметъ, въ единств. числѣ, образуютъ множеств. не отъ этой основы, а отъ той основы, къ которой былъ присоединенъ суфф. -ин, какъ и въ литературномъ. Такъ, отъ миццини, христіанин, байрини, татарини множ. миццани (у Миши Байкова: месчане), христіаны, байры (ср. у Миши Байкова: бояры), татары. Отъ хазіини множ. хазійва. Вмѣсто балгарини говорятъ въ един. балгар (между прочимъ, Балгар—прозвище одного мальчика). Къ слову ба-

¹⁾ Различіе въ образованіи имен. множ. между писарі и кънарі вызывается тѣмъ, что въ послѣднемъ удареніе въ ед. числѣ — на окончаніи.

рин множ. служатъ ѹспадѣ или гѣспадѣ, родит. гаспѣт
(един. ѹспадѣин рѣдко).

Слова женск. р. съ тѣмъ же суфф. (нпр. ягъдинй, канфѣтинй и т. п.) могутъ образовывать мпож. и отъ той же основы (ягъдины, канфѣтины и пр. при ягъды, канфѣты).

Имена на -бѣнъ имѣютъ во множ. -бѣты: тѣлѣнъ — тѣлиты и пр., глѣбѣнъ — глѣбиты и т. п. Конечно, это — множ. къ утраченному едн.: телѣ, поросѣ, голубѣ и т. п. См. ниже.

Отъ щипонъчкъ, щипонъкъ множ.: щипятычки, щипя-
ты. При щипокъ соотноств. множ. отъ основы щат- шѣтъ.
При множ. чирѣшныты, -лѣтъчкы един. только: чирѣшныкъ.

Къ слову равѣнѣкъ или рѣвѣнѣкъ множ. можетъ служить: дѣти, рѣвѣнѣчки и т. п., а множ. рѣвѣнты обозначаетъ взрослую холостѣжь и по значенію является множ. къ слову пѣрній, род. пѣрній (множ. пѣрнии не употребляется).

Отъ слова аі́онъ, родит. аі́онка, множ. аі́оны и аі́онки.

По аналогіи со словами на -онъкъ образуется множ.
отъ шнитонъкъ (=шнитонокъ), род. муж. и имен. жен. р.
шнитонка, — шнитаты.

Встрѣчаются и образованія отъ словъ на -ѡнкъ по общему правилу: жириѡнѡти — жириѡнкѡф, цинѡнки, цинѡнкѡ и пр., также аѡнки, аѡнкѡф. Ср. множ. рѣиѡнки, вѣласѡнки, глазѡнки и пр.

Родит. множ. — на -ѳъ, рѣже = имен. ед.: санѳъ и сънагѳъ, чулѳъ и чулкѳъ и пр., валѳъ („дли и кѳъ валѳъ нѣрастѣла“), гласъ (бывъ гласъ и пр.), вѣнъ нѣтъ (у грабеля, у человека) и зубѳъ, также расъ: нѣтъ расъ, но не съ числит. и т. п.: равѳъ. Отъ гѳтъ, множ. гадѣ, род. гадѳъ (= лѣтъ, ср. сказки). Тѣ же родит. сохранились и въ ю.-вкр. говорахъ, несмотря на то, что тамъ род. -овъ прибрѣлъ большое распространеніе.

Отъ словъ съ основой на мягкую согласную родит. множ. — на -еј, 'оф и -јоф. Постоянно род. на -јоф отъ

ма родит. множ. рѣдка. Въ мѣстоименномъ склоненіи со-
впаденіе между формами муж. и средн. рода еще больше.
Благодаря этому, явилось стремленіе еще больше сбли-
зить склоненіе словъ средн. рода со склоненіемъ словъ
муж. р., сходство въ остальныхъ падежахъ вызвало по-
явленіе имен.-винит. множ. на -ы, -и и родит. множ. на
-ов, который и въ самихъ именахъ муж. рода по боль-
шей части вторичный. Сперва имен. множ. на -ы, -и въ
словахъ средн. рода явился отъ основъ съ суфф. -к (-ък,
-ьк и т. п.), а род. множ. на -ов — отъ тѣхъ же основъ
и, быть можетъ, также отъ нѣкоторыхъ основъ на j. Даль-
нѣйшее сближеніе склоненій словъ муж. и средн. рода
могло привести къ переходу словъ средн. рода въ муж.
Дѣйствительно, съ одной стороны мы видимъ такіа фор-
мы, какъ яблѣк, калѣчик, съ другой, — сокращеніе
флексіи имен.-вин. пад. средн. р., но съ прилагат. и мѣ-
стоим. въ муж. родѣ. Такъ, въ Царфѣникахъ говорятъ про
лицо (лицѣ), что „онъ сырѣѣ“; другіе примѣры: „твоѣ калѣ-
цѣ выскочит“, „онъ яблѣк вѣс полѣ зъвалил, и у мині
дѣс ячѣѣ“ (про навозъ), на своѣ мѣстѣ, моѣ свѣтилѣ платѣ,
надѣнъ лицѣ (и: надѣнѣ лицѣ), „своѣ именной кольцо“ (въ
сказкѣ, запис. Мишей Байковымъ), „я бѣ у Машки вѣс
сѣнѣ адѣилѣ ба“, сѣнѣ вѣс акѣнѣтѣ, вѣс лицѣ анѣанѣла.
При этомъ сказуемое можетъ быть въ средн. родѣ: ака-
залѣс моѣ калѣчик. Ср. подобныя согласованія у Черны-
шева, Мещовск., 103—104 и др.³⁾ Такое смѣшеніе ро-
довъ, кажется, нельзя ставить въ связь съ акапьемъ.

Наоборотъ, въ тѣсной связи съ акапьемъ стоитъ вин.
един. на -у отъ нѣкоторыхъ словъ средн. р. съ ударе-
ніемъ въ един. числѣ на основѣ, причемъ прилагатель-
нымъ и мѣстоименіемъ ставятся въ формѣ женск. рода: свѣѣ
воѣску, фѣѣ симѣѣству, калѣѣсти ф калѣѣску (отъ именит.

³⁾ Совсѣмъ другого происхожденія средній родъ сказуе-
маго при подлежащемъ муж. рода въ такомъ выраженіи, какъ
„у насъ и казѣкъ пахѣѣтъ пѣ казѣкъ“. Здѣсь — явленіе чисто син-
таксическое, восходящее еще къ общепиндоевроп. эпохѣ.

калѣска—колѣско). Другіе примѣры мнѣ неизвѣстны. Смѣшеніемъ родовъ вызвано такое согласованіе: и аднѣ прикраснѣ въремѣ (ск.). Въ южновеликор. такое смѣшеніе формъ средн. рода съ формами мужск. и женск. родовъ повлекло за собой зачастую совершенное уничтоженіе средн. рода ¹⁾. Въ разбираемомъ говорѣ, какъ и въ другихъ сѣв.-востр. и средневостр. средній родъ въ большинствѣ случаевъ сохраняется.

Во множ. — окончаніе -я только подъ удареніемъ; не подъ удареніемъ -и, послѣ мягкихъ и гортанныхъ -и и пр.; встрѣчается собирательное множ. на -ја. Отмѣтимъ отъ плечѣ имен.-вин. множ. плечя: плечя ни прайдѣтъ, нѣ плечя и пр., отъ сѣнѣ — сянѣ (другіе надежи множ. отъ этого слова не употребляются), отъ дѣрънѣ — дѣрянѣ, дѣрѣф и дѣрѣнѣ; отъ нѣро — нѣрѣнѣ, нѣрѣнѣ.

и и ѣ не подъ удареніемъ въ имен. множ. именъ средн. рода — не фонетич., а по аналогіи съ именами муж. и женск. рода.

Отъ именъ съ суфф. -к- (ѣк, ѣк и т. п.) имен. мн. — на и, даже подъ удареніемъ, какъ и въ литерат. (сюда не относятся такіа слова, какъ ѣблака, гдѣ нѣтъ суффикса -к).

Слово нѣбѣ (обыкновенно средн., рѣдко женск. рода) во множ.: нѣбѣсѣ, нѣбѣс, впрочемъ, только въ поговор-

¹⁾ Ср. Чернышевъ, Мещовск., 103—104; Буде, Къ диалект., 103—104; Филатовъ, Воронеж., т. 39, § 39. Насколько Буде и Филатовъ правы, трудно сказать. Дѣйствительно ли въ обследованныхъ ими говорахъ слова средн. рода во всѣхъ косв. надежахъ един. сочиняются съ прилагат. и мѣстоим. въ женск. родѣ, или же только въ имен. и вин. падд. един., а въ остальныхъ надежахъ склоняются такъ же, какъ слова муж. рода и потому сочиняются съ прилаг. въ формахъ = формамъ муж. р.? Сколько я знаю изъ своихъ личныхъ наблюденій надъ ю.-востр. говорами, въ нихъ встрѣчается какъ полный переходъ словъ средн. рода въ женск., такъ и замѣна только нѣкоторыхъ надежныхъ формъ формами склоненія словъ женск. рода. Ср. также примѣры, приводимые Чернышевымъ изъ Мещовскаго говора.

какъ и загадкахъ: „Мат талстѣ, доч краснѣ, сѣн хитѣр,
пѣд нибя сѣ ушѣл“ (печь); „сѣя порѣ дѣ нибѣс, дѣ фѣд
лѣсѣм“, и др., ср. также пѣсни. Въ разговорномъ это
множественное не встрѣчается. слова — имен. множ. сла-
ва и пр.; отъ имен. множ. калѣсы един. кѣлѣсѣ и т. д.

Родит. множ. иногда оканчивается на -ов: дялѣф,
мястѣф, зѣрнѣф (ср. новгород. пѣсню) и зѣрѣн, ѣблѣф,
ѣблѣкѣф, калѣскѣф, сѣтѣкшѣф, зѣрнѣшѣф и т. д.; отъ
именъ съ суффиксомъ -к-, -ышк-, -ушк- и т. п. употре-
бляется исключительно эта форма родит. множ.; точно
также отъ основъ, кончающихся во множ. на j: карѣнѣф,
дирѣнѣф, плѣтѣф и плѣтѣф и т. п. Отъ остальныхъ
словъ чаще старая форма родит. множ. Въ южновлкр.
родит. множ. на -ов распространень значительно больше.

Старая форма дат. на -омъ удержалась, какъ и въ
литерат., только въ выраженіи пѣдалѣм.

Остальные надежи не представляютъ особенностей.
Отмѣчу нѣкоторыя отдѣльныя слова:

јидѣ, множ. јидѣ, род. јидѣ и јидѣ, јидѣм и пр.

ухѣ, множ. ушѣ. Объ остальныхъ надежахъ множ.
отъ этого слова — ниже.

Такъ же, какъ остальные слова средн. рода, скло-
няются и слова средн. р. на мѣ, образуя только множ.
отъ основы на -мѣ- (да и то не всѣ).

Слова съ основой на -ят- склоняются во множ., какъ
и другія имена средн. и женск. рода.

Слова женск. рода на -а (я).

Къ этому склоненію принадлежать, между прочимъ,
и нѣкоторыя слова, принадлежащія въ литерат. къ дру-
гимъ склоненіямъ: вѣщѣ, вѣрадѣ (=вредѣ), тигрѣ, иногда
(рѣдко) плугѣ, кажется, халмѣ, ср. въ пѣ.: „и на назыв-
шанай халмѣ“ (Анн. Аким.), и, частью, вѣшѣ и рѣшѣ (въ
нѣкоторыхъ надежахъ). Сюда же, быть можетъ, принад-
лежитъ и слово симѣствѣ.

Слово гѣспадѣ стало имен. множ. Быть можетъ, такого же происхожденія множ. стѣража; въ такомъ случаѣ въ этомъ словѣ удареніе на концѣ или же удареніе въ словѣ старожѣ женск. рода вторичное.

Въ *звательной формѣ* послѣдняя неударяемая гласная отпадаетъ: дѣд'шк, Ванюшк, Маш, Катк, баѣшк, Натан, Дуних. дѣд и т. д. Миша Байковъ обыкновенно пишетъ въ имен. над. един. такихъ словъ -а, а въ зват. формѣ -ъ, рѣдко -а. Примѣры: батюшкъ (нѣсколько разъ; сказка про Канчѣн.), баткъ (тамъ же), машкъ, мамкъ, ванюшкъ (нѣсколько разъ), но въ имен. ванюшка и др. Въ сказкахъ, записанныхъ мною, иногда гласная въ концѣ словъ въ зват. формѣ слышалась, но рѣдко; изрѣдка встрѣчается именит. над. безъ гласной на концѣ. Встрѣчается и другая звательная форма (при другихъ условіяхъ и гораздо рѣже) — на *а* чистое растянутое.

Родит. над. единств. на -ъ очень употребителенъ, какъ отъ твердыхъ, такъ и отъ мягкихъ основъ, но почти исключительно съ предлогами *у, ѡкѣ* и т. п.: у графѣни Павльинѣ или Пáвльини, у Пятрѣвни, у иданѣ, у чиртѣ, у Пѣтри, у твајѣй жынѣ и т. п. Въ другихъ случаяхъ, а частью и послѣ этихъ предлоговъ, употребляется родит. на -ы, -и, такъ что, можетъ быть, форма род. над. на -ъ послѣ предлоговъ (означающихъ мѣсто и время) частью сохранилась, частью образовалась вновь по аналогіи съ употребленіемъ формъ на -ъ послѣ другихъ предлоговъ, наприм. послѣ предлоговъ *в, к, на* (ср. смѣшеніе надежей послѣ предлоговъ въ мѣстоименномъ склоненіи).

Дат. над. единств. отъ словъ этого склоненія, какъ съ твердыми, такъ и съ мягкими основами, всегда на ѣ, т. е. *ѣ* подъ удареніемъ и *и* безъ ударенія.

Въ сѣв.-востр. и ю.-востр. говорахъ смѣшеніе родит. и дат. надежей един. ч. словъ женск. рода пошло еще дальше. Сохраненіе стараго родит. на -ъ и дат. на -и въ словахъ съ основой на мягкую согласную вызывало въ словахъ съ основой на твердую новообразованія —

род. на *-н* и дат. на *-м*, и наоборотъ, въ словахъ съ основной на мягкую по аналогіи со словами съ основой на твердую согласную являлись родит. на *-и* и дат. на *-н*. Поэтому, съ одной стороны, встрѣчаются говоры, гдѣ род. един. отъ словъ на *-а* (*и*) — всегда на *-н*, а дат. — на *-и*, *-и*. Таковы нѣкоторые сѣв.-вкр. говоры, а изъ ю.-вкр., можетъ быть, Мещонскій (изъ сообщенія Чернышева несомнѣнно только, что въ Мещонскомъ есть родит. на *-н* и дат. на *-и*). Въ другихъ говорахъ употребляются формы на *-н* и *-и*, *-и* безразлично для обоихъ падежей (хотя, можетъ быть, и существуетъ различіе въ употребленіи той или другой формы въ зависимости отъ предлоговъ или другихъ условій). Наконецъ, въ большей части говоровъ дат. на *-и* совсѣмъ неизвѣстенъ, а родит. на *-н* употребляется только при извѣстныхъ условіяхъ.

Въ винит. пад. большая часть словъ съ удареніемъ на падежныхъ окончаніяхъ и съ односложной основой переносить удареніе на основу: избѣ, ѣзбѣ, на избѣ или нѣ избѣ. Нѣкоторые слова, какъ слезѣ и др. сохраняютъ и въ винит. удареніе на концѣ. Это различіе между такими словами, какъ избѣ, душѣ, погѣ, рука... съ одной стороны и слезѣ (иглѣ, игрѣ?)... — съ другой — еще общеславянское. Въ великорусскихъ говорахъ это различіе зачастую утрачено, и подвижное удареніе замѣнено неподвижнымъ, ср. сѣв.-вкр. имен. сосна, южновкр. винит. саснѣ, рикѣ. Средневкр. говоры въ этомъ отношеніи консервативнѣе другихъ (впрочемъ, и здѣсь ср. нашіи вмѣсто пашніи и др.).

Творит. пад. оканчивается на *-ој* и *-ою* съ ихъ фонетическими измѣненіями не подъ удареніемъ. Форма на *-ою*, кажется, — только при удареніи на *о*: в глѣвој и в глѣвою, с рукој и с рукою, с кабылѣј, в дирѣвнѣј. Также: рѣжѣј (=рожьѣ).

Двойств. число. Сохранилась архаическая форма творит. пад.: абѣмъ рукамі, но обыкновенно говорятъ обѣими рукамі.

Въ зависимости отъ числительныхъ 2—4 въ им.-вин.

над. ставится форма слова = формѣ родит. единств. При числит. абѣи или абѣи употребляется множ. число.

Множеств. число. Имен.—на -ы, -и съ переносомъ ударенія съ конца слова (если оно въ единств. на концѣ) на основу. Въ остальныхъ падежахъ множ. удареніе такихъ словъ частью — на основѣ, частью — на флексіи: рука́м, жена́м, слиза́м, дирина́ми, нѣ́ възва́х и пр., но: ко́пны́м и др.

Въ одной свѣточной дѣтской пѣсенкѣ—винит. множ. женск. р. на -а́: „Каляда́, калѣда́, Скачѣ́л мѣ́сьц ѿ́ грядѣ́а“. Этотъ винит., извѣстный, кажется, нѣкоторымъ сѣв.-востр. говорамъ, у насъ встрѣчается только въ этой пѣснѣ.

Родит. множ. обыкновенно не имѣетъ окончанія (т. е. оканчивается на послѣднюю согласную основы): каио́н, каю́шкѣ, клѣтѣ́к, пѣ́лькѣ, сѣ́бѣ и пр. Отъ словъ на -ни въ родит. множ. — -нѣ, если удареніе въ этой формѣ на послѣднемъ слогѣ, и н, иногда очень слабое, въ другихъ случаяхъ: диринѣ́и, но ба́сь, пѣ́сь и пр. Встрѣчается родит. на -е́, наприм. вѣ́зѣе́ (отъ вѣ́зѣи) и др. Родит. на -ов, -ев встрѣчается отъ слѣдующихъ словъ: зѣ́вѣдѣ́ф (нѣ́: Уно́гѣ́ зѣ́вѣдѣ́ф, уно́гѣ́ чѣ́стныхъ) и зѣ́вѣ́ст, са́мѣ́хъ кѣ́чѣ́ф (ск.), „затѣ́хъ дѣ́дѣ́вѣ́х“ и „зѣ́дѣ́дѣ́вѣ́х“ — у Миши Байкова (ск.) и нѣк. др. Въ послѣднемъ случаѣ́ форма род. на -ев, вѣроятно, вызвана тѣ́мъ, что дѣ́дѣ́ — муж. р.

Творит. множ. на -ми́ вмѣсто -а́ми — свѣ́чѣ́ми, сли́зѣ́ми — пѣ́сни (не разговорн.). Остальныя слова, имѣющія творит. на -ми́, не принадлежать къ этому склоненію.

Кромѣ перечисленныхъ выше, къ этому склоненію принадлежать также 1) такія слова, какъ ма́лѣ́чѣ́шкѣ́, ба́тѣ́шкѣ́ и пр. (род.-дат.-мѣ́. -и; твор. -ѣ́ж), 2) уменьшит. на -и́ и -а́: Ва́сѣ́и, Ми́шѣ́и и пр., принадлежавшія прежде къ склоненію именъ на -а́.

Имена съ общеславянской основой на $\frac{3}{4}$.

Слова муж. рода этого склоненія по большей части перешли въ склоненіе основъ на $\frac{3}{4}$ муж. рода, въ томъ

числѣ и слова мыш и лѣбѣѣ (ср. пѣсню: Либи́ди́и мо́й, ли-би́ди́и, ле́би д́ бѣла́й маладо́й... Вабира́й ка либи́ди́ха сибѣ ле́би́ди). Отъ мыш родит. един. мыша́ и пр., множ. мы́шы, мышѣ́й и пр.; отъ лѣбѣѣ — лѣбѣ́дѣй, множ. ле́би́ди, ли-би́де́й и пр.; твор. множ. мыша́ми, (либи́ди́ми). Наоборотъ, слово го́лѣѣт, го́лѣ́ди — женск. рода.

Отъ слова путѣ́ удѣ́ляли только нѣкоторыя формы этого склоненія: нѣ путѣ́, нѣ путѣ́и, с путѣ́, обыкновенно это слово склоняется, какъ и остальныя слова муж. рода на -ѣ: путѣ́, путѣ́ю, путѣ́юм; только мѣстн. всегда на -ѣ (не на -ѣ или -ю!). Иногда слово путѣ́ переходитъ въ женскій родъ. Миша Байковъ пишетъ въ пѣ.: „широкая путѣ́ дороженка“ и „вдалѣ́ннѣй путѣ́ дороженку“. Любопытствѣ́ творит. путѣ́ю даро́гѣ́й, какъ бы отъ имен. путѣ́ (творит. путѣ́ю не встрѣ́чается).

Во множ. числѣ отъ этого склоненія сохранился только творит. на -ми́ и то отъ очень немногихъ словъ: звѣри́ми, лю́дми́ (един. не сохранилось; лѣ́ют, лѣ́уду — друго-го склоненія) рядомъ со звѣря́ми, лю́дьми. Слово „звѣ́рь-ми“ — у Миши Байкова (ск.). Отъ слова путѣ́ множ. число не встрѣ́чалось. Родит. множ. отъ словъ этого склоненія всегда на -е́й.

Слова женскаго рода этого склоненія имѣ́ютъ, какъ и въ литературномъ, родит.-дат.-мѣстн. -и, причемъ въ мѣстн. обыкновенно удареніе переходитъ на окончаніе, твор. -ю́. Мѣстный на -ѣ́ (ѣ́) я слышалъ только отъ уроженцевъ другихъ губерній, живущихъ въ Царѣ́вкахъ. Твор. на -ей́ вмѣсто -ью́ очень рѣ́докъ; я могу привести только одинъ примѣ́ръ: ро́жѣ́й = ро́жью. Другіе надежи этого слова: ро́жы и ржѣ́, всегда: на ржѣ́. Слово вош можетъ склоняться, какъ слова на -а: во́шѣ́й, во́шѣ́и, во́шѣ́ю, во́шѣ́ю. Слово вещь: имен. ве́щѣ́й, вин. ве́щѣ́ю (наприм. „а а́нѣ́т тибѣ́ зъга́даю ве́щѣ́ю зде́лѣ́тъ“ — сказка). Слово кѣ́на-пѣ́а встрѣ́чается только въ пѣ́сняхъ и зага́дкахъ: пѣ́къ пу-чѣ́и, кѣ́нанѣ́и ручѣ́и, лучѣ́ицѣ́ палѣ́нѣ́й, салѣ́и бѣ́рѣ́и, а въ разгово́рѣ. — кѣ́напѣ́а.

Старинное окончаніе дат. и мѣстн. множ. на -ѣ́ом,

-оѣх сохранялось только въ формахъ: лѣшнѣоѣх, лѣшнѣомъ и сѣноѣх, сѣноѣомъ, но чаще: лѣшнѣдѣх, сѣноѣх ¹⁾ и пр., которыя мало по малу вытѣсняють старыя формы; молодежь такъ уже почти не говоритъ.

Въ твор. множ. окончаніе -мѣ почти невѣдѣ замѣнено окончаніемъ -ѣми: дѣмѣмъ, двѣрѣмъ, лѣшнѣдѣмъ, людѣмъ и: двѣрѣми, лѣшнѣдѣми, людѣми; всегда: каѣтѣми, сѣноѣми и т. д. Творит. слѣзѣмъ встрѣчается въ записи Аннушки Акимовой: „заливалась панемъ слѣзѣми“ (мѣ.) и въ передѣлкѣ Пушкинскаго Узника: „слѣзѣмъ хъ аблѣтѣ“; въ разговорной рѣчи не употребляется. Эта форма отмѣчена во многихъ вѣкр. говорахъ и потому вызываетъ вопросъ, не было ли когда нибудь существ. слѣзь, отъ котораго и произведенъ этотъ твор. Ср. у Филатова Ворон. слѣзью — твор. един. (т. 39, стр. 183) ²⁾. Къ этому же склоненію принадлежитъ слово ѹшѣ, родит. ушѣѣ, дат. ушѣмъ, твор. ушѣмъ. Можно думать, что ушѣмъ — старая форма творит. множ. отъ слова ушѣ, если только въ общеслав. существовали формы множ. числа отъ этого слова. Если эта форма не общеславянская, то во всякомъ случаѣ очень старинная. Въ малорусск. ушѣмъ, очѣмъ, ср. словинск. ошѣмъ. Изъ древнерусскаго языка форма ушѣмъ мнѣ извѣстна по рукописямъ съ XVI в., но, вѣроятно, существовала гораздо раньше этого времени. Быть можетъ, первоначально въ русскомъ языкѣ рядомъ съ очѣмъ, ушѣмъ существовали формы очѣмѣ, ушѣмѣ (въ памятникахъ незасвидѣтельствовавшихся), здѣсь -ѣ- по аналогіи съ другими сло-

¹⁾ Что сѣноѣ принадлежитъ къ этому склоненію, а не къ склоненію основъ муж. рода на -ѣ, видно изъ вѣкр. твор. множ. сѣноѣмъ, ср. у Филатова, Ворон., Чернышевъ, Мещовск.; мнѣ извѣстно такое произношеніе въ Тульск. Венѣвск. и др. По мнѣнію Р. О. Брандта, сѣноѣ — множ. отъ сѣноѣ, употребл. въ Паремейникѣ 1271 года въ значеніи драхѣнъ, змѣй; ср. чешск. мѣй — драконъ.

²⁾ Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ встрѣчаются твор. на -ми и отъ другихъ словъ съ основой на -ѣ, ср. душѣмъ — Буддѣ, Къ діалект.; свѣчѣми — Чернышовъ, Мещовск. и др.

нами родственныхъ склоненій, а эти творит. двойств. повлияли на образованіе твор. множ.

Отъ слова *прѣлупу* уменьш. — *прѣлубокъ*, *упралупку* (Миша Байковъ), какъ бы отъ слова муж. рода.

Слово *дѣн* склоняется подобно другимъ существит. муж. рода на -ѣ: *дня*, *дню*, *днѣмъ*; мѣстн.: *днѣ* и *днѣю* (на днѣ). Мѣсяцъ со днѣмъ и са днѣмъ. Но: *днѣ* дни, *трѣ* дни, *впрочемъ* и: *два* дни, *три* дни (и *двѣ* дни). Родит. множ. *днѣн*, дат. *днѣмъ* и пр. Слово *пѣдѣн*, род. *пѣдѣнъ* и проч., употребляется обыкновенно во множ.: *пѣдѣнъ*, *пѣдѣнъ*, *пѣдѣнъ* и пр. Отъ слова *бѣдѣн* родит. множ. *бѣдѣнъ*, мѣстн.: *нѣ* бѣдѣнъ и т. д.

Слова съ общеслав. основой на -ѣ.

Въ имен. един. только -ѣ или -ѣ: *кроѣ*, *сѣякроѣ*, *маркоѣ*, *любоѣ*, *цѣркѣ* и пр. Отъ *кроѣ* род.-дат. *крѣнѣ*, мѣстн. — *ѣ* крѣнѣ, творит. *крѣнѣю*; въ словахъ *сѣякроѣ* и *маркоѣ* ѣ сохраняется во всѣхъ падежахъ. Въ словѣ *любоѣ* гласная правильно выпадаетъ въ род.-дат.-мѣстн. ед. (любви), но въ пѣсняхъ также: *къ* любви *а* *нѣ* скланиая, *бѣзъ* любви *жытѣ* *я* *ни* *бѣду*; *рядомъ*: *бѣзъ* ногъ *адъ* *дарѣнѣ*, *бѣлы* *рути* *атъ* *любви*. Впрочемъ, и въ разговорномъ языкѣ — колебаніе.

Слово *цѣркѣ* обыкновенно переходитъ въ склоненіе основъ на -а: *цѣркѣнѣ*, *цѣркѣнѣю*, за *цѣркѣнѣю*; *цѣркѣнѣ*, *цѣркѣнѣ* и пр. Но родит. един. почти всегда *цѣркѣнѣ*. Миша Байковъ пишетъ: въ *церковѣ*, *вцерковѣ*, *вцерковѣ* (2 раза).

Склоненіе словъ *матѣ* и *дочѣ*.

Имен. един. *матѣ*, *дочѣ*. Въ *зват.* формѣ *кромѣ* *матѣ* также *ма* (см. сказки). Родит.-дат.-мѣстн.: *матѣри*, *дѣчѣри*; творит.: с *матѣрию* (сказк.), но также: *матѣрѣю*, *дѣчѣрѣю*. Во множ.: *матѣри*, *дѣчѣри*; въ остальныхъ падежахъ удареніе на окончаніи.

Слова съ овцеслав. основой па -ен-.

Мужескій родъ. Слова кáмьн и кóрьн склонаются, какъ и другія слова муж. рода (см. выше). Слово пóльмй — среди. рода, склоняется, какъ вѣмй, бирѣмй и т. п.

Средній родъ ѣмй, сѣмй, тѣмй, плѣмй, врѣмй, бирѣмй, вѣмй, пóльмй и јѣмьн (мн. ч. число). Последнее извѣстно въ выраженіи: на сѣмьнъ, дъ на јѣмьнъ. Слово бирѣмй извѣстно мнѣ только изъ загадки (см. выше, подъ словомъ кѣпанѣй). Слово племя — почти исключительно въ выраженіи: пустить, оставить, взить и т. д. „нѣ плими“. Остальныя въ единств. обыкновенно склонаются, какъ слова среди. рода на -е: имен.-вин.-родит. сѣмй, дат. сѣмю (мѣстн. сѣми), творит. сѣмьм. Ср. у Минин Байкова: много время (ск.), восколько время (ск. про Кончѣн.), черезъ годъ время (тамъ-же). Во множ. числѣ они принимаютъ наставку -ѣн- и склонаются, какъ слова среди. р. на -о: имянá, симянá, вримянá и т. д. съ удареніемъ во всѣхъ надежахъ на окончаніи. Также: сѣмьнъ, јѣмьнъ. Родит. множ.: иѣмѣн (имяѣнѣф), врѣмѣн, а отъ сѣмьнъ и симянá — симянѣф, сѣмьн, симѣн и рѣдко сѣмѣн. Множ. отъ остальныхъ словъ этого склоненія мнѣ неизвѣстно.

Въ един. ч. старыя формы этого склоненія почти не сохранились. Я могу привести только: нѣскѣлькѣ пѣгули-ли врѣмьнѣ — въ сказкѣ, и: на ѣмьнѣ (разговорн.; рѣдко).

Въ выраженіяхъ: нѣ плими и нѣ симѣи являются формы съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Это — или множ., образованное по аналогіи съ такими словами, какъ пóль — палá и т. п., ср. сѣмй въ значеніи множ. у Будде. Къ діалект., 105, или же — формы единств., ср. малорусск. імй. Въ пѣснѣ: „Какъ на гóрки, на гарѣ“ встрѣчается слово имѣ въ един. ч.: „какъ твајо имѣ завѣт“ и дат. на имѣню, но эти ударенія, вѣроятно, перенесены изъ малорусск. оригинала пѣсни (ср. Чубинск., т. 5, стр. 201, № 407 и стр. 917, № 485 и 486).

Слова съ основой на -ат.

Слово дитя обыкновенно является въ имен. падсѣ въ видѣ дитѣ, род. дитѣ, вин. дитѣ и дитю, твор., кажется, дитѣ, мѣстнаго не слышалъ. Въ моихъ запискахъ это слово встрѣчается только въ пѣсняхъ: дитѣ і мајѣ дѣтатка, дитѣ чада мѣлая. Миша Байковъ пишетъ: „дѣтель мое дитетка“, „дитю родила“. *Множ.*: дѣти, дитѣ, дитѣм, дитѣи и дитѣми и пр.

Остальные уменьш. на -я (только собственные имена) склоняются, какъ слова женск. рода на -а (*я*): Васѣ, Варѣ, Натѣ, Парѣ, Гришѣ и т. п. Уменьшительными имена нарицательными этого склоненія въ единств. ч. не употребляются. Мнѣ извѣстны только ѹтъ въ пѣсняхъ и пѣрасѣ въ одной поговоркѣ. Въ поговоркѣ „ласкавое телѣ...“ и пр. вмѣсто телѣ говорятъ: тилѣтѣ. При этомъ ѹтъ въ пѣ. — женск. р., наприм.: „Хадѣлѣ ѹтъ на балѣту, Искѣлѣ ѹтъ наклѣватѣ“ (приб.) и „Мѣя ѹтъ-тѣ водѣ мутѣтѣ“ (Жилѣ я у пана); пѣрасѣ — средн. рода. Во *множ.* ч. жирибитѣ, пѣрасѣтѣ, рибѣтѣ, утѣтѣ и проч. склоняются, какъ и другія слова средн. рода (наприм. варѣтѣ и т. п.). Можетъ быть, отъ уменьш. на а образованы вторичныя уменьш. на -ятка, наприм. Васятка (въ говорѣ Парфеновъ очень рѣдко), но скорѣе всего послѣднія восходятъ не къ нимъ, а къ именамъ на -ата, ср. старорусскіи Платѣ, Вышатѣ и т. п.

МѣСТОИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ.

Родит.-винит. личныхъ мѣстоименій кончается на -я: мѣи, тѣи, сѣи; дат. — мѣѣ, тѣѣ, сѣѣ; въ творит. ед. -ю въ концѣ сохраняется, хотя можетъ и отпадать. Въ одной пѣснѣ встрѣчается винит. мѣи: „Штѣи анѣ мѣи ни ждалѣ“. Дат. тѣи рѣдокъ: Слѣвѣ тѣи Христѣ; штѣи тѣи дѣмъ гѣварѣтѣ (приб.), ѡи тѣи задѣсѣ, ѣ тѣи дѣмъ и пр. Изъ этихъ формъ род.-вин. личныхъ мѣстоименій на -я составляетъ

принадлежность только сѣв.-вѣкрус. и средн.-вѣкрус. говоровъ.

Въ мѣстоименіи 3-го л. (его и пр.) и послѣ предлоговъ обязательно: при јѡм, за јѡм, у ѡх, у јавѡ, с јим, нѣ јијѡ, вѣ ијѡ; ѿ ѡм, за ѡм, у ѡх, у ѡвѡ и проч. Въ записяхъ крестьянъ: у Аннушки Акимовой: панемъ, из них, панемъ; у Миши Байкова: снихъ (ск. про Конч.), къ нему (тамъ-же), отнихъ, унихъ, наней, снмъ, моего, (нѣсколько разъ), у ихъ, ухъ, къ ему, заей, по ей, къ ей, за ес, къ имъ (сказки) и др.

ј можетъ отпадать въ формѣ ијѡ, затѣмъ въ формахъ на и: их, им, ѡм рядомъ съ јих, јим, јѡм, рѣже: ѡвѡ, ѡмъ при јавѡ, јамъ и јѡвѡ, јѡмъ.

Род.-вин. един. муж. рода въ склоненіи мѣстоименій всегда — на -ѡ: јавѡ, тавѡ, мавѡ, сѣмѡ, ѡдѡ, чавѡ, канѡ и пр.

Творит. един. женск. рода — на -ју, кажется, чаще, чѣмъ на -ј: с ѡю, свајѡю, тою, сѣю или сѡю, адѡю и пр. и за ѡј, свајѡј, адѡј, ѡтѡ и пр. У Миши Байкова: „за ей“.

Родит.-винит. един. женск. рода отъ мѣстим. 3 л.: ијѡ или јијѡ. Послѣ предлога у можетъ стоять обща для остальныхъ косвенныхъ надежей форма јѡ: у ијѡ или у ијѡ и у ѡј, у јѡ.

Въ зависимости отъ предлоговъ имѣсто формы твор. един. муж. рода нерѣдко ставится форма мѣстим. единств. муж. рода, наприм.: Бѡх с ѡм, за ѡм, над ѡм, пѡрид ѡм и пр., хотя говорятъ также и: с ѡм, за ѡм и пр. Въ записяхъ крестьянъ, къ сожалѣнію, примѣровъ на смѣшеніе надежей послѣ предлоговъ почти нѣтъ. Только у Дарьи Арсеньевой: съ немъ; у Миши Байкова всегда правильно: снмъ, надснмъ; у Анн. Акимовой только панемъ (2 раза) — правильно.

Вин. над. женск. рода един. ч. на -јѡ: тајѡ, фсѡјѡ, адѡјѡ, сѡмајѡ, но рядомъ съ ними: тѡ, фсѡ, адѡ. Всегда ѡту, ѡнту и т. д. Интересны формы: адѡтѡ и тѡтѡ. Последней изъ нихъ я въ Шарфѣнкахъ не слыхалъ, а толь-

ко въ с. Пречистомъ въ 5 н. къ сѣв.-зап. отъ Парфѣнокъ. Характерно, что всѣ эти формы на -јѣ, по происхожденію род. пад. женск. рода, употребляются только въ значеніи винит., между тѣмъ какъ родит. совпадаетъ съ дат. Примеры: у Миши Байкова: однае (ск.), патае (ск.) и друг., в аднѹ прекраснѣѣ прѣмѣ (ск.), тоікаднѹ и проч.

Въ формахъ род.-дат.-мѣстн. и твор. един. ч. женск. рода мѣстоименій, какъ и въ литерат., послѣ твердыхъ согласныхъ всегда ѣ. При винит. тѣѣѣ, аднѣѣѣ, отмѣченномъ выше, слѣдовало бы въ остальныхъ падежахъ ед. ч. женск. рода отъ этихъ мѣстоименій ждать ѣ или ѣ, ср. Мосальск., Мещовск., Ворон. и др., но, какъ сказано выше, эти два винит. собственно говору дер. Парфѣнокъ не свойственнымъ, а говоръ с. Пречистаго я не изучалъ.

Въ тѣхъ же формахъ другихъ мѣстоименій, послѣ мягкой согласной — всегда ѣ: фѣѣѣ, свѣѣѣ, чѣѣѣ и пр.

Отъ мѣстоименія кто (кто, кѣто) въ зависимости отъ предлоговъ можетъ употребляться мѣстный вмѣсто творит.: с кѣм, за кѣм и с кѣм (также: с тѣм), но всегда: на кѣм, ан кѣм и пр.

Въ мѣстоименіи тот, наоборотъ, въ зависимости отъ предлоговъ форма мѣстн. пад. един. замѣняется формой творит.: на тѣм сѣятѹ, на тѣм бирагѹ, на ѣтим сѣмѣм мѣсти, на ѣтим пѣ калѣчѣйки (пѣ.), в ѣѣтим и пр.

Въ мѣстоименіяхъ тот и всѣ, какъ и въ литерат., въ твор. един. муж. рода и во всѣхъ формахъ множ. ч. является звукъ ѣ; это ѣ можетъ быть въ тѣхъ же формахъ притяжательныхъ мѣстоименій и числительнаго аднѣ, въ имен. множ. анѣ, причемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ кромѣ формъ мѣстоим. тот и всѣ можетъ быть и ѣ. Такого же происхожденія ѣ въ творит. вопросит. мѣстоим. кем и чем и въ выраженіяхъ: с кѣх пѣр, на кѣх пѣр, на сѣх пѣр, чаще: на јѣстѣх пѣр. *Примѣры.* У Миши Байкова: онѣ (2 брата) прослужили (сказка про Кончѣн.) и затѣмъ тамъ же: онѣ не менѣе 7 разѣ (про старика со старухой, солдата и чорта, лошадей и пр.), свое денѣгѣ

(3 раза), однимъ (ск.), несли мосхъ при радости гостей (пѣ.) и: все свои деньги (ск.), подруженьки мои (пѣ.), они (3 кобылы) и др. У меня записано въ пѣсняхъ: пѣд мајѣм, вы сасѣди, сасѣди мајѣ, мајѣ сѣстры, мајѣ вѣстѣчѣи и друг.

Отъ мѣстоименія што родит. чавѣ или чивѣ, чинѣ, чем, чѣм; въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ является *шо*: ну к шѣ ш, шшѣ'бѣ. Мнѣ кажется, что это *шо* и *што* нельзя сблизать со *що* другихъ говоровъ; послѣднее, вѣроятно, родит. чѣсо, между тѣмъ какъ *шо* могло явиться фонетически изъ *што*.

Въ родит. и дат. един. ч. муж. рода притяжательныхъ мѣстоименій являются слитныя формы: маѣѣ, тваѣѣ, сваѣѣ, мамѣ, твамѣ, свамѣ; отмѣчу выраженіе: нѣ мамѣ, нѣ свамѣ и т. д. = по мѣѣму, по свѣѣму, срв. въ приб.: „дѣчка дѣлѣт нѣ свамѣ“. Неслитныя формы притяжательныхъ мѣстоименій въ разговорной рѣчи почти не употребляются.

Мѣстоименія ѣтъ и ѣтъѣт склоняются, какъ тот. О произношеніи начальнаго ѣ см. выше, въ фонетикѣ, т. 44, стр. 164 (отд. отт. 12). Въ соединеніи съ предлогами *а, с, на* и *на-зи* конечная согласная предлога можетъ повторяться послѣ частицы *а* въ мѣстоименіи эѣтъѣт: с ѣѣтим, на за ѣѣтъѣѣ, из ѣѣтъѣѣ, из ѣѣтих, в ѣѣтим, и ѣѣту и пр. Чаще, впрочемъ, тѣ же предлоги не повторяются: с ѣѣтим, в ѣѣтим, из ѣѣтъѣѣ и пр. Миша Байковъ, хотя при разговорѣ часто повторяетъ указанные предлоги, но пишетъ: въ эѣтъѣт и т. п. Въ письмѣ одного солдата изъ Парфѣнокъ: „сѣ эѣтой маркой“. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ пѣсенъ: са ѣѣтъѣѣ дабѣѣчѣѣ, по: ва ѣѣтъѣѣ на клѣтки (Узникъ); „од жѣѣ ни мѣѣла, ф трахѣѣтири ни бѣѣла, бѣѣла дѣѣ ни в ѣѣтим, гулѣѣла дѣѣ ни с ѣѣтим“ и др. Смѣшенія предлоговъ, какъ это отмѣчено во многихъ другихъ говорахъ (ср. Филат., Ворон. и др.), не бываетъ. Только по аналогіи съ выраженіемъ: с ѣѣтих поѣр говорятъ также: на ѣѣтих поѣр, но это исключеніе вполне понятное, такъ какъ ѣѣтих поѣр здѣсь превратилось въ та-

кое неразрывное цѣлое, что даже не измѣняетъ надежда послѣ предлога *но*. Предлогъ *к* въ нашемъ говорѣ при мѣстоименіи этот не повторяется, что является нѣкоторой непослѣдовательностью. Впрочемъ, въ селѣ Солнечномъ Клинск. у. Московск. губ. у станціи Подсолнечной Николаевской жел. дор. я слышалъ и *к ѓхтѣму*. Что касается остальныхъ предлоговъ, то они находятся нѣсколько въ другомъ положеніи, чѣмъ предлоги *с*, *в*, *к*, *из*, составляя полный слогъ, между тѣмъ какъ *с*, *в*, *к* новсе не составляютъ слога, а въ предлогѣ *из* начальная гласная часто бываетъ неслоговой. Послѣдовательность употребленія вставныхъ *ѣ* и *с* въ этихъ мѣстоименіяхъ тщательно проверена мною путемъ постоянныхъ наблюденій. Что касается тѣхъ говоровъ, гдѣ вставныя *ѣ* (*в*) и *с* являются и въ положеніи не послѣ предлога, то тамъ такіа формы объясняются или вліяніемъ однихъ случаевъ на другіе или совсѣмъ другимъ происхожденіемъ ихъ. Что касается мѣстоименія *ѣтъ*, то оно, несомнѣнно, другого происхожденія и состоитъ изъ частицы *ѣ*(*а*) + *тотъ*. Значеніе его опредѣляется значеніемъ начальной частицы, указывающей не на ближайшій предметъ, какъ частицы *ѣ*, а на дальнѣйшій. Поэтому *ѣтъ* не = *ѣдъ*, *ііе* и т. п., а = *ііе*, *ѣхѣіуѣ* и т. п.; в *ѣтъ* = *ѣтъ* ф *тѣмъ* ¹⁾.

Мѣстоименіе *та* употребляется въ роли постпозитивнаго члена, причемъ отъ него сохранились только формы: *-та*, *та*, *ту*, *ты*: *дѣ* *гряблѣ* *диситины* *ты*, на *ѹлицу-ту*. Форма муж. рода члена сохранилась только въ плюсовой нѣснѣ: „*Моѣ-ат* *мѹшат* *горкѣ* *пѣаницѣ*“, да и *ту* я слышалъ отъ молодыхъ бабъ, взятыхъ не изъ нашей деревни. Въ нѣкоторыхъ изъ сосѣднихъ деревень (Савельевского прихода, можетъ быть, и другихъ) употребленіе члена довольно послѣдовательно: *та* имен. женск. и ср.

¹⁾ См. Лекціи Соболевскаго, стр. 128 (приводимое имъ объясненіе принадлежитъ А. Х. Востокову) и Миклошича Сравни. Морфол. 438, Фортунатова Лекціи 280. И *тѣ* и другіе, повидимому, правы только наполовину.

рода и послѣ падежнаго окончанія -ѣ; *ты* — имен.-вин. множ. и косвенные падежи един. ч. женск. р., *ту* — вин. един. ч. женск. р., но въ Нарфѣнкахъ такіе примѣры, какъ: диситѣны ты, на ўлицу ту, — почти исключеніе; обыкновенно во всѣхъ случаяхъ *мѣ* или *ма*: насъ и то многа мѣладожи-та; иссо какѣ-тъ, и т. д.

Мѣстоименіе съ очень рѣдко. Отмѣчу выраженія: ни то ни сѣ, ни с таво ни с сиво и т. д., на сехъ нѣр (чаще: на јѣстѣхъ нѣр), снѣ минутю и въ нарфѣн сѣчасъ (чѣчасъ, щѣчасъ и т. д.). Въ послѣднемъ *си* = *сей*, а не *съ*. То же мѣстоименіе, какъ энклитика, послѣ слова сохранилась только въ нарфѣчѣхъ: здѣсѣ, фчарѣсѣ, вѣчѣрѣсѣ, лѣтѣсѣ, анѣдѣсѣ, авѣсѣ. Въ нарфѣчѣхъ времени оно указываетъ на ближайшее прошедшее.

Мѣстоименіе чѣ въ формѣ чѣ употребляется, какъ энклитика, въ выраженіи: „што јѣтъ такоѣчѣ, кѣто такоѣчѣ и т. п. и въ образованіи сравнительной степени: ѣтры гѣртъ мудринѣчѣ (сказка) и т. п.

Отъ числит. адѣнъ всѣ остальные формы образуются отъ основы адѣн- (одѣн-). Но въ Савельевѣ я записалъ также: трѣя нѣдѣнѣва (= на одного).

Числительныя два, три, чѣтыри въ твор. пад. — двѣмѣ, трѣмѣ, чѣтыремѣ и двѣма, трѣма (трѣма).

Отъ мѣстоименія *кѣј* имен. женск. р. един. ч. *кѣј*, имен.-вин. средн. *кѣј*, винит. женск. *кѣю*. Очень употребительно выраженіе: *кѣјъ* (или *кѣј*) мѣста = гдѣ, куда. Во множ.: с кѣхъ нѣр, на кѣхъ нѣр и с кѣихъ нѣр, на кѣихъ нѣр. У Миши Байкова: докѣхъ нѣръ (ск.) и др.

Отъ мѣстоименія *оба* единств. число не встрѣчается. Во множ.: *ѣби* (и *ѣбѣ*) для всѣхъ родовъ, чаще *ѣбѣ*, *ѣбѣ* и *ѣбѣ*. *Примѣры*: у Миши Байкова: въ *ѣбѣ* сараѣ, онѣ сѣли за столъ *ѣби* (сказки); у Дарьи Арсеньевой: „Неѣбѣмъ (т. е. молодцамъ) явамъ достануса“ (пѣ.). У меня записано: (ана) *ѣбѣ* сараѣ закамѣтъ палѣнѣкъ.

Такъ же, какъ *ѣбѣ*, склоняются *дѣѣ*, *трѣѣ*, но съ удареніемъ въ остальныхъ падежахъ на окончаніи.

По значенію относятся къ мѣстоименіямъ, но склоняются, какъ прилагательныя: *како́ј, каторъ́ј, самъ́ј, ѣхнъ́ј, фсякъ́ј* и др.

како́ј-та — *alıquıs, tıs* не вполне совпадаетъ по значенію съ литературнымъ какой-то, а иногда — по значенію литерат. одинъ, явѣй, см. сказки.

како́ј часто соединяется съ безчленной формой прилагательнаго, наприм.: *како́ј харо́ш* и т. п.

каторъ́ј, кромѣ тѣхъ значеній, съ какими это слово извѣстно въ литерат. языкѣ, употребляется также въ значеніи соотносительнаго мѣстоименія: *каторъ́ј — каторъ́ј = ἄλλος μέν — ἄλλος δέ*, русск. литерат. одинъ — другой.

то́у употребляется въ значеніи раздѣлительнаго союза: *то́л бў́дт, то́л нѣт* и т. п.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЯ.

Безчленные формы прилагательныхъ употребляются только въ имен. пад. всѣхъ родовъ обоихъ чиселъ и въ винит. един. женск. рода. Условія употребленія въ этихъ надежахъ членныхъ и безчленныхъ формъ опредѣлить трудно. Въ качествѣ сказуемаго употребляются не только безчленные, но и членные формы. Можно отмѣтить употребленіе безчленныхъ формъ при какой: *како́ј харо́ш, така́д рѣжы́йка шѣре́ка* (ср. въ нѣ.: *Какдѣ дүшъчка харо́ш*); въ другихъ случаяхъ: *а другá гва́йт, купи́ мне сирѣбрѣ́ну карзѣ́нку* и т. д. Чаще всего употребляются безчленные формы имен. и вин. женск. рода. Можетъ быть, это — не безчленные, а стяженные формы. Въ нѣсияхъ безчленные формы очень часты, причемъ употребляются и другіе надежи, а именно тѣ, формы которыхъ короче формъ членныхъ прилагательныхъ. У Миши Байкова: *така разъ красутка, красна дѣвка, бѣлы руки, молода вдова, за серебряну решоточку, люту змѣю, чужу далнею* и др.

Отъ названій городовъ употребляются часто членными формы вѣсто принятыхъ въ литературномъ языкѣ безчленныхъ въ творит. и мѣстн. надежахъ. Вѣскрисѣнск (рѣже: Вѣскрисѣнскѣй), творит. и мѣстн. Вѣскрисѣнскимъ, также: Вѣлкалѣмскимъ и проч. (объ употребленіи формы твор. въ значеніи мѣстн. см. ниже).

Имен. множ. безчленной формы прилагат. на -и отъ словъ съ основой на твердую согласную: радѣи; вѣроятѣно, есть и нѣсколько другихъ такихъ словъ, но немного.

Въ одной нѣсенкѣ встрѣчается форма вѣјскихъ: „Вы карѣны, вы карѣны мајѣ, Вы карѣны, мы за вами ишли, Вы карѣны, мы и с вами ишли; Мы и с вами вапнали, вѣнга вѣјскихъ рѣстирили“. Въ разговорномъ языкѣ этой формы не слыжалъ. Слово войско по происхожденію — прилагательное и потому въ древнемъ русскомъ языкѣ склонилось иногда по сложному склоненію. См. у Срезневскаго, Матеріалы для словаря древнерусскаго яз., столб. 288. Срв. въ спискѣ повѣсти объ Акирѣ Синод. библіотеки № 557 конца XVII в., л. 7: „акирь.... недоѣхавъ града со всѣмъ своимъ воіскѣмъ ста...“. Въ спискѣ Истор. Музея № 1174 (25604) начала XVIII в., л. 61 (59), то же мѣсто: „недоѣхавъ града алевита ста с воіскѣмъ“, также и въ другихъ спискахъ.

Именит. пад. един. ч. муж. рода прилагательныхъ оканчивается на -ѣј, при проясненіи -ѣ — на -ѣј (въ разговорѣ и въ нѣ.), подъ удареніемъ — -ѣј. Прилагательн. съ основой на мягкую согласную — -ѣј или -ѣј; подъ удареніемъ только: самъ третѣј. Примѣры изъ записи крестьянъ:

Миша Байковъ пишетъ обыкновенно -мѣй, -ііі: счастливый, несчастный, любезный, добрый, глупый, небесный, любимый, постылый, на четвертый, грядный, разудалый, саратовый, цервный и т. д.; вдальній и др. Но также: милѣй, добрай, за рижонѣй и друг. Послѣ ж: миленькій, купеческій, но также: десятскій, круглоликий, гдѣ ѣ указываетъ на твердость ж, ж: миленькой дружокъ, миленькаѣй и др.

Это -ѣј, -ѣј и -ѣј (еј) не подѣ удареніемъ — непосредственно изъ -ой; въ прилагательныхъ на -кій и -гій твердыя *к* и *г* сохранились потому, что въ эпоху перехода *кы*, *гы*, *хы* въ *ки*, *ги*, *хи* въ тѣхъ говорахъ, къ которымъ восходятъ эти формы въ разбирасмомъ говорѣ, послѣ *к* и *г* звучали *о* (ясное или глухое) или какой-нибудь переходный звукъ отъ *о* къ *а*. Окончаніе -ой (изъ -ми или -ѣи) или его фонетическіе замѣстители существуютъ въ большей части великорусскихъ говоровъ, кромѣ нѣкоторыхъ, преимущественно западныхъ сѣв.-востр. и южновостр., гдѣ извѣстны, болѣею частью не подѣ удареніемъ, окончанія, восходяція непосредственно къ окончанію -ый (или -ѣи) съ *ы* (ѣ) особаго качества. См. Шахмат. Мосальск. и др.

Изъ род. пад. ед. муж. рода подѣ удареніемъ -ѣи (вмѣсто -ѣи); отъ слова тритѣј — тритѣѣс; не подѣ удареніемъ — -ѣѣй, -ѣѣй съ ихъ фонетическими измѣненіями (въ -ѣѣ, -ѣѣ при ослабленіи окончанія; въ -ѣѣ изъ -ѣѣѣ наприм.: цалкѣѣѣ, ударѣѣѣ и т. п. См. выше, т. 43, стр. 210—213, отд. отт. 58—61).

Форма мѣстн. пад. едн. ч. муж. рода можетъ замѣняться формой творит. пад., но не наоборотъ. Ср. то же въ мѣстоим. тот и обратное явленіе у мѣстоименій им и към. Примѣры: въ живымъ, Василіискимъ (= въ Васильевскомъ) и пр. Примѣры изъ записей крестьян: У Миши Байкова: въ зиленомъ, во-сыромъ бору, въ темномъ, въ чистомъ, но: помоемъ сырымъ бару. У Аннушки Акимовой: на иванаскимъ, виланымъ, вчистымъ. Въ монхъ записяхъ въ пѣсняхъ между прочимъ: въ виланымъ саду, въ златымъ плѣсочки и др.

Впрочемъ, не подѣ удареніемъ, наоборотъ, можетъ даже и въ твор. пад. (но не послѣ *к* и *г*) слышаться глухой звукъ, склонный къ *а*, при пѣніи и нѣкоторыхъ другихъ условіяхъ проясняющійся въ *а*. Ср. у Аннушки Акимовой: надракитавамъ кустомъ.

Въ едн. числѣ женск. рода формы род., дат. и мѣст. надежей всегда совпадаютъ; даже въ пѣсняхъ полныя фор-

мы на -оѣ не встрѣчаются, но твор. на -ю употребительнѣе, чѣмъ укороченный творит. на -оі (=формѣ род.-дат.-мѣстн. пад.) не только въ пѣсняхъ, но и въ разговорѣ.

Винит. един. ч. женск. р. подѣ удареніемъ всегда -юю (-юю), не подѣ удареніемъ --ъю, -юю, -юю. Примѣры: у Миши Байкова: въ теплую, солдатскую (ск. про Кончѣн.), напероку, любезную (пѣ.) и др. орфографическія написанія, но также: самаю полночь (пѣсколько разъ), невзлаю (чит.: не въ малую, пѣ.), незнакомою (пѣ.), шелковою то травушку (пѣ.), котораю (ск.), маленькою (ск.), на родимую (пѣ.), перно(я)ю (пѣ.); чужу далнею (пѣ.), нехорошею (пѣ.), прихожію (ск.). У Аннушки Акимовой: горькаю, шелковаю. Въ моихъ записяхъ въ пѣсняхъ не подѣ удареніемъ вездѣ -аю и т. п. Объ этомъ винит. я говорилъ уже въ фонетикѣ (т. 44, стр. 189—190, отд. отт. 37—38).

Множ. число. Во множ. числѣ формы прилаг. одитъ и тѣ же для всѣхъ родовъ.

Имен. множ. -ян, -ын, -ин, иногда -ый, -ий; подѣ удареніемъ -іян, -ій; рѣдко въ пѣсняхъ -ій. При пѣніи: -ан, -ая, -ия и рѣдко -ая не подѣ удареніемъ, а подѣ удареніемъ -іян, -ій, рѣдко -ія, -ія. У Аннушки Акимовой: все пухованіи маи падушки, сизаніи. См. также выше, т. 44, стр. 135—186 (отд. отт. 33—34).

Остальные надежи множ. числа не подѣ удареніемъ послѣ твердыхъ согласныхъ (кромѣ г, к, х) имѣютъ гласную не ѣ, а ѣ, проявляющуюся въ а (ср. творит.-мѣстн. единств.). Поэтому при пѣніи: вѣсѣлами гласѣми, изъ бѣлыхъ рукъ и т. п. По: савѣльскиѣ дифчѣнѣ, вѣсѣльскихъ старѣхъ, слѣткимъ мѣлѣдцу рѣчѣмъ, мѣлѣнѣхъ и т. д., а подѣ удареніемъ во всѣхъ надежахъ—гласныя ѣ, ѣ: зѣлѣхъ, люцѣнѣмъ, мѣлѣдѣмъ и т. д. Изъ этого видно, что окончаніе -ѣхъ, -ѣми, -ѣмъ не есть остатокъ стараго безчленнаго склоненія прилагательныхъ, а позднее приспособленіе скло-

ненія прилагательныхъ къ склоненію существительныхъ приче́мъ уподобленіе произошло только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ надежныя окончанія прилагательныхъ представляли уже сами по себѣ наибольшее сходство съ надежными окончаніями существительныхъ, т. е. подъ удареніемъ, такъ какъ звуки *ъ* и *ы* близки другъ къ другу.

Прилагательныя, склоняющіяся по образцу мѣстоименія *че́й* (лисѣй, заячѣй, коровѣй, телѣчѣй, поросѣчѣй и т. п.) въ общемъ придерживаются этого склоненія. Ср. *дѣвичѣ́ю* (вин. един. жен. р.), *дѣвичѣ́и* (имен. множ.). Числительное *трѣ́тъ́й* склоняется не по этому склоненію: женск. р. *трѣ́тъ́й*, род. *трѣ́тъ́ѣй*, *трѣ́тъ́й* и т. д., вин. един. женск. р. *трѣ́тъю*, *трѣ́тъію* (и *третію*). Ср. нарѣ́чіе *триго́въѣ*. Возможно, что переходъ этого слова въ другое склоненіе совершился сравнительно поздно и вызванъ уподобленіемъ *й* предшествующему *т*, т. е. *трѣ́тъ́ѣй* и т. д. — изъ *трѣ́тъ́тею* и т. п. Ср. *плѣ́тъѣ́й*, *плѣ́тъѣ́и*. Тогда *трѣ́тъю*, быть можетъ, — не безчленная форма, а = *трѣ́тъію* = *трѣ́тъію* (изъ *третію*). Отъ слова *Бо́жѣ́й* женск. р. *Бо́жѣ́й*, но род. муж. *Бо́жѣ́ѣѣ*; вин. женск. р. *Бо́жѣ́ю* и *Бо́жѣ́ю*. Въ одной новогодней пѣснѣ́ есть дат. един. ж. р.: *ка Ба́жѣ́й цѣ́йѣ́и патка́ты́вудца* (саночки).

Въ одной пѣснѣ́: „*пони́вой ре́кѣ́*“ (у Миши Байко́па) = по *Невѣ́ рѣ́кѣ́*.

О согласованіи прилагательныхъ см. выше и ниже въ синтаксисѣ.

ОБРАЗОВАНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ.

бо́ли, *да́ли*, *пада́ли*, *то́ни*, *ме́ни*, *за́раи*, *ви́шй*, *ни́жй*, *бли́жй*, *пу́сеи*, *на́же́сеи* (= *поже́ще*, а не *пожестче*) и др. Примеры: „*прошло бо́лѣ́ полчаса*“ (Миша Байко́въ), *фѣ́тихѣ́и мо́ри чи́рте́й бо́ли* (послов.), „*сту́па́й а́т на́с па́да́ли*, *што́и лю́ди ни́и ви́да́ли*“, „*клу́богъ да́ли*, *да́ли*, *да́ли*, *ни́те́ѣ то́ни*, *тони*, *то́ни*“ (вѣ́юно́шная пѣ́сна) и т. д. Эти

сравнительными степенями восходить, вѣроятно, къ общеслав. формамъ средн. рода сравн. степ.: болѣ, даѣе, мыѣе, тѣе ранѣе, пуѣе, жеѣе ¹⁾ (ш = štj) и т. п. Звукъ и вмѣсто ѣ на концѣ этихъ формъ — или подъ вліяніемъ сравнит. на -ѣе или фонетически (см. выше, дополненія и поправки къ фонетикѣ).

Отъ бауѣтъ сравнит. степень — бауѣти. Звукъ т въ этой формѣ замѣненъ звукъ ч подъ вліяніемъ съ одной стороны формы сравн. бауѣтъѣе, съ другой — положит. степ. бауѣтъ.

длиннѣй, дѣлннѣй, крѣпннѣй, чижеѣннѣй (рѣдко: чижеѣи) могутъ восходить къ общеслав. формамъ женск. р. сравн. степ.: дѣлннѣиши, крѣпннѣиши, тажеѣиши.

лѹччи, млкчи, лѣхншѣй, лѣхншѣй и лѣхчѣи, шннчѣи (у Миши Байкона: шибче) и др. При лѹччи существуетъ и болѣе старое лѹчшы.

Отъ нарѣчїа хѣрашѣнѣкъ сравнит. степ. — хѣрашѣнѣчѣй, очень часто употребляется въ томъ же значеніи, какъ и положительная.

Отъ большей части прилагательныхъ сравнит. степ. образуется при помощи суфф. -ѣе (и -ѣй) съ его фонетическими измѣненіями. Изъ новообразованій съ этимъ суффикс. можно отмѣтить: жыѣчѣй (приб.), гаѣрчѣй и т. д. (подъ удареніемъ въ этой сравн. всегда — -ѣй или -ѣй, никогда -- -ѣй и т. п.).

Иногда сравнит. степ. принимаетъ въ концѣ наставку -чѣй: мудринѣнѣчѣй, скарѣдѣчѣй и т. п.

Членными формы прилагат. въ сравн. степ. употребляются слѣдующія: балшѣй, миншѣй, старшѣй или старшѣй, млѣтнѣй, лѹччѣй, причемъ слово балшѣй часто не имѣетъ значенія сравнит. степ.: балшѣй братъ — старшѣй братъ въ семьѣ, но балшѣй дѣмъ — полож. степ.

¹⁾ Образованное, какъ и прочіи сравнит. ни е, непосредственно отъ корня жест-, а не отъ основы жестьк-.

Объ представкахъ и суффиксахъ съ увеличительнымъ значеніемъ я буду говорить въ отдѣлѣ о словообразованіи, потому что такіа слова, какъ рязудалъжъ, балшущъ и т. п. не могутъ быть названы формами превосходной степени.

(Продолженіе будетъ).

Н. Дурново.

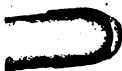
НОВГОРОДСКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ

Имп. Публ. Библ.

и

его западно-русскія вкладныя.

I.

Евангеліе Имп. Публ. Библ. К. п. I. 17. писано на пергаментѣ в лист на 144 лл. уставом XIV вѣка (буквы и, ю пишутся с косою чертою, поднимающеюся от іота кверху с и о; головка буквы ж мала; вмѣсто оу послѣ согласных—только одно у) в два почерка; первый почеркъ обнимает листы 1—23 об и 79—144, второй — остальные ¹⁾. Главное отличіе второго почерка от перваго заключается в употребленіи (впрочем, невыдержанном) писцом двух точек над гласными в началѣ слов и послѣ гласных, напр.: свѣтъ 24, ѿ ѡдѣжъ 24, ѿ оуусиѣи ісго 27, ѡдгоинѣ 34 об, ѡмѣи 69, слѣпѣи 78 об и т. д.; кромѣ этой чисто палеографической черты есть и другія отличія между почерками, о чем ниже. Изрѣдка в обоих почерках употребляется вмѣсто длиннаго р короткое, помѣщающее-

¹⁾ Фотолитографированный снимок с перваго почерка см. в «Палеографич. снимках с русских рукописей XII—XVII вв.», изд. Спб. Археологическим Институтом под ред. А. И. Соболевскаго, Спб. 1901, табл. VII.

ся все на строкѣ и напоминающее большое р: мѹдрѹ 26 об, рус 54, рано 2, оузрѣте 102 об, рѹцѣ 102 об ¹⁾).

В рукописном каталогѣ Имп. Публ. Библ. это евангеліе по языку отнесено к западно-русским ²⁾. Но проф. А. Н. Соболевскій в Р. Ф. В. за 1886 г., № 1, стр. 17, отмѣтив мѣну *и* и *ч*, замѣну *ъ* через *и* и отсутствие мѣны *и* и *а*, указал на его новгородское происхожденіе. Кромѣ этих новгородских черт, можно еще указать 1) на *ж* в словѣ дождѣ 23 об, 26 об, 27, и 2) на форму 1-го лица мн. ч. есме 63, 86 об *вѣ* (впрочем, послѣдняя форма не имѣет рѣшающаго значенія, так как встрѣчается и в смоленско-полоцких памятн.); встрѣтилось также: глѣ старѣишины д. н. 48 об и не имате вѣрѣ р. н. 48 (описка? ср. не иму вѣры 4 об, глѣ *ы* написано по подмѣне-ному).

Ф О Н Е Т И К А.

ГЛАСНЫЕ.

Мѣна *и* и *и*.

и вмѣсто *я*.

Внутри слов рѣдко: 1) в корнях: в словѣ свѣдѣтель и производных (почти всегда: свѣдѣтельство 1, свѣдѣтель 18, свѣдѣтельствуи 144 и др., всѣ примѣры из перваго почерка); в глаголѣ смиритса 129, смирение 124 (но во

¹⁾ Такое короткое р пишется довольно часто в Псалтыри XIV в. той же библіотеки Ф. н. I. № 3, при чем только послѣ *з*, которое своимъ длиннымъ крючкомъ мѣшало написанію обыкновеннаго р; см. лл. 66 об, 67, 80, 81, 89, 89 об, 117 об, 120, 155, 221 об и др.

²⁾ Вѣроятно, отчасти по этому, отчасти по какимъ-либо другимъ соображеніямъ П. В. Волков отнес его к „западно-русской, точнѣе сказать—Смоленско-Полоцкой области“ (см. «Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древнерусскихъ книгахъ XI—XIV вв.», Нам. др. писм. СХХIII, 1897 г., стр. 86).

втором почеркѣ смѣрится 40, смѣренъ 28 об, смѣряся 49); однажды в словѣ дивнѣ д. н. 33 об; — 2) в тв. н. ед. ч. и косв. пад. мн. ч. мѣстоименій с твердой основой: всихъ 1 об, 69 об, 72, 87; всимъ 101 об; всеми 4, 51 об, 56, 79 и др.; какимъ образомъ 103; спдихъ 3; тацнхъ 47 об; колднхъ 74 об; колчимъ 74 об (рядом: всѣмъ, всѣхъ... тацѣхъ 83 об и др.); — 3) в суффиксѣ сравнительной степени (очень рѣдко): пернне 25, 65; долъжьннннн 72 (обыкн.: первѣе 37 об и, как исключеніе, первѣе 69, 69 об).

В концѣ слов нѣсколько чаще: 1) в дат. и мѣстн. пад. ед. ч. ж. р., в мѣстн. пад. ед. ч. м. р., в им.-ннн. пад. дв. ч. ж. и ср. родов (от твердых основ): по среди 58 (обыкн.: посредѣ 64 об); рнзѣ новнн 59; о ловнтнн 58; въ храмѣнн 62;—при вечерн 2 (—ѣ 141), в законн 131 (—ѣ ib.), в прнтнорн 14 об; — новн 17 об, 82 об, 99, 108 об, 122 об и др.; рущн 140, рущн 17 об; сквозѣ нголннн ушн 82 об, 84 об; очн отагченн 109 об; (колѣнн 93, 94 об, 117); — 2) в нарѣчіях: отсели 58 об; кудн 59 об; трѣбн есть 74.

и вмѣсто и.

Внутри слов рѣдко: 1) в корнях: в мякн рѣзн 61 об; свѣтающю в первую субботу 122 (аналогія к слову свѣтъ?); в подвѣзѣ 109 об; — 2) в суффиксах: до годѣнн 118 об, въ храмѣнн 62, кончѣнѣ 48 об, отроцѣнѣемъ 61 об. Здѣсь же упомянем: о сѣхъ 77 об.

В концѣ слов очень часто: 1) в род. н. ед. ч. ж. р. основ на -ѣ (когда они — нарѣчія): съзадѣ 32 об, 70 об, созадѣ 49 об; исконѣ 42 об, 43 (но: исконн 113); — 2) в род. и мѣстн. пад. ед. ч. ср. р. основ на -ес-: сѣнбѣсѣ 8, 7 об, 8; до нбѣсѣ 65 об; с небесѣ 55; из оцесѣ 25; единого словесѣ 55; телесѣ р. н. 141; — на небесѣ 1 об; на нѣсѣ 3; на нѣсѣ 74; о словесѣ 43, 132 об, 157 об; приложити—телесѣ своемъ 24, 27 об (рядом: снбси 79 об, 105 об, 124 об, снбеси 8, словеси моего 5 об, 13; телеси род. н. 2); — на нѣси 124 об, во словеси 11; — слова

с основой на носовой м. и ср. родов имѣют в этих падежах только -и); — 3) в дат. и мѣстн. пад. ед. ч. ж. р., в мѣстн. пад. ед. ч. муж. и ср. родов, в имен.-вин. пад. дв. ч. ж. р. (от мягких основ): к женѣ вдовицѣ 57 об; к коси притцѣ 47 об; по волѣ 71 об и много других (отдѣльно: нарицасмѣи неплодовѣ 133); в пустынь 7 об, 10, 102, 53 об, в темницѣ 27 об, 90 об; въ дѣи 24, 71; на мытницѣ 30 об; во власяницѣ 28; на вечерѣ 21 и др.; — в кораблѣ 25, 47 об bis; о велзавулѣ кнѣзѣ 29 об, 67 об; всрдцѣ 30, 42 об, 55, 85 об; на лицѣ 90 об; на ложѣ единомѣ 76; при морѣ 46 и др.; — ѣ тысящѣ 48; вножицѣ свои 110 (но: в ножици 115 об). Во всѣх этих случаях (под 3) можно бы говорить о вліяніи твердаго склоненія, если бы не было таких примѣров с -ѣ вм. -и, гдѣ не может быть и рѣчи о каком-либо вліяніи, а именно 4) в им. п. ед. ч. ж. р. на -ни: жена ханаонинѣ 56; во 2-м лицѣ ед. ч. пов. накл.: повелѣ ми 31, 75; измѣ 36 об; в твор. п. мн. ч. м. р. мягкаго склоненія: с мытарѣ 30 об, и в твор. п. от личнаго мѣстоименія: с нимѣ 4 об; — наковец, 5) особенно часто -ѣ вм. -и наблюдается в им. п. мн. ч. м. рода; не считая нужным перечислять всѣ примѣры (у нас их отмѣчено, без мѣстоименій, болѣе 100, при чем на второй почерк приходится равн в 7 больше, чѣм на первый), приведем по нѣскольку примѣров на разные случаи: а) народѣ 46, 54 об, 64; гласѣ 95 об; нсѣ 53, 56, 66; волцѣ 24; учѣицѣ 24 об, 47, 49; б) гражданѣ 76 об; лицемѣрѣ 46 об, 52, 52 об; жителѣ 32; учѣицѣ 49; дѣлатель 37 (на 46 об с интересной опиской: дѣлательелѣ; уж не стоит ли в послѣдних случаях -ѣ не на мѣстѣ -и, а на мѣстѣ -с? впрочем: учѣи 59 об, дѣлатели 46 об, римляни 16 об; но: лицемѣре 69); в, сѣи 24 об, 44 об, 67 об (ср. в 1-м почеркѣ: сѣи 12, жидови 3 об, 5, хотя и жидове 3 об); г) от сущ. с мягкой основой очень рѣдко: вождѣ 41, цѣи 66 об (здѣсь можно было бы видѣть винит. пад. в функціи именит. пад., если бы в данном памятникѣ русских форм на -ѣ (=ц.-сл. а) было бы побольше; для ж. рода примѣры нашлись:

беспритѣ 31 об; луче... овцѣ 29 об; рязу и срашнѣ 60 об, а для мужск. их нѣтъ; д) прилагат. и причастіи: велицѣ 79 об; зречѣстѣи 95 об; на 27 об подряд 5 случаев: слѣпѣи, хромѣи, прокаженѣи, глухѣи, мртвѣи, но: нищии! запанѣи 49 об; ведомѣ 26; сѣмѣ 47; створилѣ 76 об; вѣдалѣ 28 об и др. Такую же мѣну -и на -ѣ слѣдуетъ видѣть и в им. п. мн. ч. м. рода и у мѣстоименій: тѣ 59 об, 67 об, 78, 96 об, 102 и др.; сѣ 37 об, 47, 110 об; самѣ 51, 69, 88; всѣ 48 об, 49, 55 об и др.; ниѣ 47 об; овѣ 49 об; онѣ 46 об, 49, 51; стерѣ 63 об, 64 об. — В заключеніе, замѣтимъ, что намъ встрѣтилось нѣсколько случаевъ вин. п. мн. ч. м. рода твердаго склоненія на -и: бѣсѣ изгна 68 об; сквозѣ градѣ 70; съсудѣ в. п. 29 об; други и сусѣдѣ 74, 74 об (особо стоитъ в первомъ почеркѣ вин. п. ученикѣ 4 об; но в этомъ почеркѣ послѣ гортанныхъ встрѣчается часто и, такъ что здѣсь простая замѣна -и черезъ -и); эти случаи могли бы свидѣтельствовать о вліяніи вин. пад. мягкихъ основъ и заставляли видѣть во всѣхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ употребленіе новообразованнаго вин. пад. твердыхъ основъ в функции именительнаго надежа, если бы сами не объяснились весьма хорошо, как им. пад. мн. ч. с замѣной -и на -ѣ в функции вин. пад.; послѣднее предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что случаевъ вин. пад. на -ѣ всего 4, а имен. пад. — болѣе 100. — Совершенно особнякомъ стоитъ мертвѣи 61, гдѣ им. -ѣ уже -е.

и вмѣсто и или ѣ передъ ж.

Буква ѣ вм. и или ѣ пишется в сочетаніи -ии именительнаго пад. именъ прилагательныхъ и мѣстоименій муж. рода и род. пад. мн. ч., а также у словъ женск. и ср. рода на -ия и -ие во всѣхъ надежахъ: а) кто есть ближнѣи мой 73; родѣ сѣи 53 об, сѣи 36, 46 об, 53 об (в 1-мъ почеркѣ сѣи 16 об отмѣченъ 1 раз); б) отъ асѣи 77 об; велѣи 31 об, 47 об; пѣнѣи 58 об, и) зѣи 67; зѣи 77; г) в дрѣи 37 об, 40; и чарѣи 73 об; о величѣи 73; црѣи 25 об; нѣи 47 об (в 1-мъ почеркѣ острѣи 79 об —

1 раз). Обыкновенно в подобных случаях в обоих почерках пишется по старому: сии 12, 80 об; болязнии 51 об; людии 59, 62, 89 об; змию 3, 124 об; в цѣствии 80 об bis; коние 121 об, вѣтвие 100 об; рѣже -и: людии 55 об; коньемъ 118; в 1-м почеркѣ вм. ѡ, ѡ, ѡ пишется иногда е (рѣдко и во 2-м): сии члѣвъ 21 об; сии 80, 81, 100; люден 131 об; дѣтеи 14, 76; от четыреи вѣтрѣ 88 об; от д-рен 102 об; вице трети сотѣ 89; пенте 109.

Примѣчаніе. В первом почеркѣ в глаголах пять и бить пишется е вм. ѡ в формах изъявительнаго наклоненія: пейте 97; пейте 107 об; пейте 103; убежи 98 (однажды во 2-м поч.: испекте 37 об); обыкновенно: пьши 86 об; испьте 98 об; убьши 98 об; быши 116; однажды с ѡ: пѣте 21. Вѣроятно, здѣсь буква е не имѣет значенія гласнаго звука и есть графическое изображеніе ѡ (= j; ср. наше правописаніе пью, гдѣ ѡ = j); к тому, что здѣсь не было гласнаго звука, побуждают аналогичныя формы глагола мыть: умьши 108 об bis, умью 108 (ср. совр. великорусскія формы: мью, мьешь и т. д.), гдѣ уже безусловно ѡ обозначает j.

Мѣна ѡ, ѡ, е.

Кромѣ мѣны ѡ и ѡ, в нашем памятникѣ есть нѣсколько случаев, гдѣ мѣняется три буквы:

- 1) видѣше 68 об, 99 об, 100 и др.; видѣти 68; видѣхомъ 64 об; видивше 121 об; — и 62; видивъ 59 об, 62; видити 66 об; видиша 66 об; видевше 97, 142 об; видель 16 об. (ср. ѡ вм. ѡ: видѣте изъив. накл. 51, 111 об; възненавидѣтъ 27).
- 2) замѣрѣша 134 об; замѣривши 131 об; замѣревши 135.
- 3) ирѣцаше 118 об, ирѣташе 121;

прищаху 83 об;

прещаху 84 об.

4) наричасть 79; наричаемаго 80 и др.

нарѣчасть 52; нарѣчасма 80; нарѣчаются 2 об;
нарѣчается 49 и др.;

наречаетъ 51 об; наречасмаго 51 об; наречается
33, 125 об; наречасми 62 и др.

Мѣна *ь* и *е* (=др. *в* и *ь*).

е вмѣсто *ь*.

Буква *е* вм. *ь* встрѣчается часто в слѣдующих случаях:

1) В словах с ц.-сл. -рѣ- вмѣсто русскаго полногласія почти всегда пишется -ре-¹⁾: чрево 3; прежде 9 об; по берегу 30 об; мрежа 58; требуютъ 100 и др.; гораздо рѣже: истрѣбятъ 53; прѣже 31, 50 об.

Примѣчаніе. Только в приставкѣ прѣ- буква *ь* вслѣдствіе уже древняго смѣшенія приставок прѣ- и при- (см. в Новгород. Мин. 1095 г.: 015, 020, 022, 025, 036, 062, 092, 0170 и др., гдѣ при- вм. прѣ-) замѣняется не только буквою *е*: предѣлы 37, но и буквой *и*: приидѣль 31; въ приидѣлы 38 об; прииди отсюду 9 об и ср. Отмѣчена и обратная замѣна предлога *при*: сѣдѣше прѣидуту 54 об, и даже: лежаше пре вратѣхъ (послѣ пре — в пергаментѣ дырочка); через смѣшеніе же приставки прѣд- с прѣ- (там, гдѣ *д* могло выпасть) и дальнѣйшую замѣну приставки прѣ- приставкою при- явились такіе случаи, как: на приидѣрьѣ 92 об; при двѣрми 88 об (впрочем, в Мин. 1095 *ь* мѣняется на *и* и без потери *д*: приидѣть 063).

2) Во второмъ лицѣ дв. и мн. ч. повелит. накл. вм. -*ь*- пишется очень часто -*е*-. Так как в живомъ разговорѣ писцовъ уже не было форм с -*ь*- (онѣ были вытѣснены жившими по аналогіи формами с -*и*-: возмите 3 об,

¹⁾ Полногласныхъ формъ намъ вовсе не встрѣтилось; только однажды: росидутъ 25.

49 об; изнесите 89 об; пождите 109 об; не печитесь 88; блюдите 35, 51 об, 68, 71; реците 72; идите 31; призовите 37; рцита 77 об и др.), то писцы, замѣняя *-и-* в несуществующих в их языкѣ формах буквою *-е-* (мы имѣем в виду случаи, отмѣченные под 1), и здѣсь также писали *-е-* вм. *-и-*; с другой стороны, формы повел. наклоненія с *-е-* могли явиться не без вліянія также изъясн. наклоненія тѣм болѣе, что в функціи 1-го лица мн. ч. повел. наклон. являлось 1-е лицо мн. ч. изъясн. наклон.: придете убьете 86. 101 об, 55 об; встанете идемъ 109 об, 91 об, 19; предемъ 47 об. Примѣров повел. накл. с *-е-* у нас отмѣчено около 50 (на самом дѣлѣ их гораздо больше), вот нѣкоторые из них: позымете 54 об, 70, 100; почернете 4 об; речете 7; рцете 57 об, 65 об; печетесь 27, 70; приведеца 100 об, рчета 107 и др. Очень рѣдко с *-и-*: придѣте 143 об.

3) Довольно часто в мѣстн. над. ед. ч. членных им. прилагат. м. и ср. родов (может быть, и здѣсь по той же причинѣ, что этих форм уже не было в говорѣ писцов): въ животѣ вѣчнемъ 7 об, 105 об (но: —ѣмъ 17); на преднемъ мѣстѣ 82; на послѣднемъ мѣстѣ 82; в родѣ семь прелюбодѣнемъ и грѣшнемъ 97; о преставленіи домовнемъ 74 об; при морѣ галелѣистемъ 25, 43 об; (но: въ црствѣ нбѣспѣмъ 29, 123; в неправдѣмъ жити 84).

4) В мѣстн. надежѣ мн. ч. муж. и ср. рода *-егъ* вм. *-ихъ*: въ ѣхъ ситехъ 31 об; на кровехъ 88; о чреслахъ 128 об, и в формах, явившихся по аналогіи: въ срѣцехъ 33 (в срѣцѣхъ 60, 64 об — здѣсь, может быть, *ь* на мѣстѣ *и*); на зборищехъ 57; на торжищехъ 61 об, на сонмищехъ 88, чаще на торжищихъ 89 и т. п. Во всѣх этих случаях, может быть, написание *-егъ* вм. *-ихъ* обусловлено написанием *-егъ* у основ на *-ь* (ср. обратно: в заповѣдѣхъ 134 об).

Остальные случаи с вм. *ь* нелегко поддаются группировкѣ. Нѣкоторые из них имѣют *-е-*, может быть, по тѣм же причинам, что и отмѣченные в пунктах 1, 2 и 3: отрешьше 100 об (но: отрѣшающа *и*); телеса 118; теле-

сѣ 24, 27 об; телеси 2; неси 1 об (нѣсь 1 об); азъ оцѣ
едино есве 134, или по аналогіи к другим формам: вие-
таиши 89 об (к глаголу мету); телець унитени 89 об
(к причастіям на -ени). Всѣ же прочіе, исключая двух:
на всих бесѣхъ 70; любоделини 28 об (с -ѣ- много раз:
83, 83 об, 87 об, 90 и др.) и двух случаев послѣ j: имамъ
кести 12 об, изъсѣдаютъ 89 об (но: изъсѣдъ 10), имѣют ту
общую черту, что с вм. ѣ стоит перед плавным (чаще)
или носовым (рѣже) или послѣ них: гибель 106 об; гм-
белси 89; в купели 9, целова 123 об; целованиа 124 (но
с -ѣ- 123 об, 132 об); на тело 108; от тела 23; с пенами
72 об; предъ темъ 4, предъ темъ 4; — ицѣлевѣшему 9;
болезнемъ 87, 101 об; доселе 5 (доселѣ ib.); о малѣ, бѣ
вѣренъ 104; мне 9, 19.

ѣ вм. др. е.

Буква ѣ вм. древняго е встрѣчается не часто из 8
случаев в 6 перед мягким слогом: корѣниа 30 об; дѣнати
80 об; нѣрѣче 32 об; бѣсѣда 92 об, —у 13, —и 13 (но:
бесѣда 110 об, 116 об); — сѣвѣра 80 об, отрѣкѣся 51.—
Кромѣ этого, в первом почеркѣ часто в иностранных
словах, особенно послѣ гортанных: кѣсаревъ 95, 102 об;
от кѣсаря 125 об; параскѣвги 119; кѣдрескаго 115 (но:
кедрескаго ib.); ангѣлъ 133; ангѣла 28; евангѣлие 140;
игѣмону 120; предъ гѣмономъ 120; егѣвѣни 125 об; — въ
скудѣльницѣ 107; вѣльблуды 41 (но 2-м почеркѣ: вѣл-
вауломъ 26 об).

ѣ вм. др. ѡ.

Буква ѡ вм. др. ѡ встрѣчается гораздо чаще, чѣм ѣ
вм. древняго е; почти всѣ случаи перед мягким слогом:
1) в корнях: вѣсь (vices) 26, 141; клѣнеться 40 об, 41
(по нѣск. раз); мѣдлѣше 135; мѣдлѣти 42 об, 103 об; мѣ-
длѣщи 103 об; бѣщѣстенъ 55 об; мѣнни 26, 31, 47 об;
тѣмно 27, 69; дѣври 7, 80 об, 139 об; дѣврѣмъ 4 об;
дѣврѣи 88 об; придѣврѣе 92 об; обѣщѣницѣ 41; вѣзгрѣмѣ

129 об; устрѣмися 31; скрѣжить 32 об (рядом: бещестень 33, меншихъ 34, 105; и иную вещь 65 и др.); 2) в суффиксах: конѣць 25; от конѣць 42; слѣпѣць 32, 54 об; старѣць 33 об, 64 об; члѣкоядѣць 61 об; старѣцѣску 52 об; жрѣчьскому 134 об (и однажды с и вм. ѡ: уинѣць 19); вѣтрѣня 17 об; внутрѣня 69; дѣшняяго 28; часто в словѣ правѣдѣнь в разныхъ формах: 23 об, 5 об, 10 об, 84, 84 об, 80 об, 97 и др. (рядом: агнець 2 об; близнець 4, 143; концець 30, 32; праведниѣць 31, 32 и др.). — Перед твердым слогом ѡ вм. др. ѡ очень рѣдко: клѣныися 40 об (ср. на 40 об и 41 нѣсколько раз: клѣнеться); лѣгко 28 об; вѣрѣнь 4 об (не описка ли?).

Затѣм, ѡ пишется вм. ѡ в сочетаніи с плавным, т. е. -ѡ-р- вм. древняго -ѡр-. Не звучало ли во всѣхъ нижеприведенныхъ случаяхъ *р* мягко, подобно тому какъ теперь верѣхъ, перѣвый и т. п.? Примеры: вѣрзися 39; вѣвѣржену 36 об; вѣрху 57 об, 69, —а 64; вѣртенъ 55; дѣрзан 54; дѣраванте 38 об; дѣржите 52 об; дѣржати 52; дѣржими 58 об; одѣржанья 52 об; навѣргоша 55 об; отивѣргъ 54 об; возивѣргъше 77 об; вѣрно 39, 40 об; мѣрзость 41 об; помѣркнеть 42 (ѡ переправлено на другой буквы); вѣркѣстомъ 49; свѣршеніе 73 об, —ити 73 об, 74; сѣрнѣ 47 об; сквѣрнѣти 53 бѣа; сквѣрнящая 53; вѣствѣргнуть 32; вѣствѣргати 28 об; тѣрніе 30 об; притѣрѣвыи 41 об, и одинъ случай со вторымъ полногласіемъ бѣренно 25 тер (1 разъ -сѡ- написано по подчищенному). (Отмѣтимъ, что всѣ случаи (исключая двухъ: вѣрху 90 об; отивѣргаетъ 134) падаютъ на второй почеркъ; в 1-мъ почеркѣ обыкновенно пишется -ѡр- или рѣже -ѡр- (оба написанія встрѣчаются и во второмъ).

ѡ ВМѢСТО ѡ И НАОБОРОТЪ.

Есть нѣсколько случаевъ ѡ вм. ѡ, гдѣ не было уже в XIV в. никакого гласнаго звука: 1) в суффиксѣ -ѡн- и открытомъ слогѣ: истинѣно 112, сребренѣникъ 120 (ср. истинно 183 об, законному 181 об); 2) лестѣць 119 об; областать 102 об, прелестить 101 об бѣа; 3) в 3-мъ лицѣ

ед. ч. в окончаніи -тъ: кто есто ударивый 95; и се дѣ-
емлете и 72 об; свяжете 3 л. ед. ч. 29 об (ср. наоборот:
2-е лицо мн. ч.: не вы ли есть боле ихъ 24); 4) во 2-м
лицѣ ед. ч. пов. накл.: повѣже убо намъ 102; 5) в чи-
слит. седме 53 об (седмѣ ил. lina).

Случаевъ ѣ имѣется немного: три случая в суффиксѣ
причастія прош. врем. страдат. залога: обремененни 28 об;
прелещени 21 об; нищѣтны 70 (однажды в отглагольном
существ. по преселенни 125). Не писалось ли здѣсь -и-
под влияніемъ традиціоннаго написанія суффикса имен при-
лагательныхъ -и-, в родѣ вѣрынь, гдѣ -и- произносилось,
какъ -ен? Однако 1 разъ встрѣтилось причастіе и безъ ѣ
и власѣ главнѣи нищѣтѣ суть 26 об.

Наконецъ, в суффиксѣ причастія прошедш. времени
(ц.-славянской формы) также пишется ѣ вм. ѣ послѣ ши-
пицей и зубной с плавной. Вѣроятно, здѣсь мѣ имѣемъ
дѣло с искусственнымъ произношеніемъ чужой формы (на-
чало его можно видѣть в Новгород. Мин. 1095 г.: положе
0132, възлюбле 0136 и др.); възвращеся 140; крѣжеся
130; оставлеша 43 об; приступле 91 об, 110, 122, 138,
139; приступлеше 110, 110 об, 116 об, 122 об; приступле-
шешъ 116 об; оставлешѣ 110; умыслешю 125 (рядомъ: пре-
ломъ 141, рождѣшю 126 и др.).

Мѣна и и ѣ.

Всѣ случаи, относящіеся сюда, болѣе или менѣе по-
хожи на описки: възвысмыся 49; съде мѣртви 62; бысте
били (=были) 11 об; глади и пагуби 79 об, 101 об (хотя
последній случай встрѣтился и два раза, всетаки лучше
видѣть в немъ обычную описку, когда предъидущее слово
вліетъ своею формою на слѣдующее, ср. во устѣхъ двою
или трю свѣдѣтель 22). Болѣе заслуживаютъ вниманія:
до нинѣ 88; трость ли вѣтромъ возлюблѣны 61 об (ср. ко-
люблѣны 27 об). Странное написаніе словесѣ своими, гдѣ
уже вм. и стоитъ ѣ.

ось, тв.

Мѣстоименіе вьсь в им.-вин. пад. ед. ч. пишется исключительно вьсь 5об, 6об и во многих других мѣстах ¹⁾. Исключеніе представляет во втором почеркѣ: вьсь народъ 59, а в первом: потрясеси все градъ 100об, придетъ все то народось 103. Не указывают ли послѣдніи написанія, что вьсь произносилось с -о на концѣ?

Мѣстоименіе ть иногда пишется через о: то мне рѣ 9, то мя посла 13, то придетъ 12 об. Кромѣ формъ ть и то встрѣчается форма тои: рабъ тои 43, домъ тои 45об, днь тои 90об и др.

Чтобы закончить обзор гласных, отмѣтим *нонь* 16.

СОГЛАСНЫЕ.

Новгородская мѣна џ и ч очень часта, но ничего особеннаго не представляет ²⁾.

Послѣ гортанных во втором почеркѣ обыкновенно пишется џ, исключеніе представляют слова иностранныя: садукии 39, левгинъ 56об, кимовъ 56об; в первом часто встрѣчается ш: о кихъ 2, останки 14, вьскитить 15, уѣи-ки 81, кимъ 82 и др.

Случаи ассимиляціи согласныхъ попадаются в обоих почеркахъ: гдѣ 11, 75. 108; здѣ 99об; здравѣи 30об; здравъ 98об; зборъ 29; восни 84об, —ста 31 (чаще, чѣмъ возни 118); — от пчель 17об, 141об; ускими 24; шетше 122об; шнетше 122об; — в пятое на тчать лъ 129 примѣръ интересный и со стороны выпаденія гласнаго е).

Переход ч перед ш в т: ватиши 38, 99; лутши 71.

Интересно написаніе подьзнется 99 bis, явившееся, вѣроятно, подъ вліяніемъ ложной аналогіи к приставкѣ подъ-, ср. подьконати 103.

¹⁾ Так же пишется иногда вьсь (visus): въ вьсь 2, 91, 109об; в ѣзкую вьсь 80об; род. пад.: близъ вси 11об.

²⁾ Упомянем, что на мѣстѣ праслав. tj всегда церк.-славянское ш (одинажды: запрѣчши 58об), а на мѣстѣ dj—гораздо чаще русское ж, чѣмъ ц.-сл. жод.

Диссимиляція наблюдается в словѣ бѣство 41 об, в двух других мѣстах бѣство 88, 102, гдѣ и (=j) опущено, как и данномъ намятникѣ встрѣчается очень часто, напр.: старѣшина 5, 92; —ы 39, 39 об, 89, 91 об; —ъ 4 об; —ъ 91 об; —амъ 93 и друг. (рядом: старѣшинны 92 об; —амъ 37 об и др., рѣже). Можетъ быть, неумѣнье изобразить j надо видѣть и в примѣрѣ: по вѣрѣ наше 34.

Нѣтъ, по нашему мнѣнію, диссимиляціи в ц.-сл. формѣ причастія прош. времени: чрено носнее ты 124. Здѣсь или можно говорить о пропускѣ -ме-, что встрѣчается в нашемъ намятникѣ: в заплѣ нашемъ 11 (им. в законѣ), оуеси 15 об (им. оумывся), или видѣть возстановленіе корневой согласной по образцу глаголовъ 1-го класса: несиши, вешиши, шедши и т. п. Это вліяніе русскихъ глаголовъ на ц.-сл. формы древнее: ср. в Новг. Мин. 1095—1096 г.: приносьши 0160; класъ животыны въздрастьшюю 41 (им. възвращающюю) под вліяніемъ въздрастьшюю (=совр. возростшюю).

Из области согласныхъ отмѣтимъ еще сухъ 25 ter (по: сухъ 60 об; разныя образованія?) и колуби 100 об (описка?).

Форма жиу 104 об относительно жиу 54 об представляетъ новообразованіе, гдѣ и отвердѣло под вліяніемъ отвердѣшаго ж. — Отмѣтимъ еще: по пеназю 37 и на лоне аврамле в. п. 60 и рядомъ: на лоно 60 об.

МОРФОЛОГІЯ.

В области морфологій, кромѣ обычныхъ для намятниковъ XIV и болѣе раннихъ вѣковъ явленій, пришлось отмѣтить очень немногое (кое о чемъ мы уже сказали в фонетикѣ).

Склоненіе.

1) Употребленіе им. над. вж. вин. и наоборотъ: на триє 72; — възвѣша възтры 27; два или три собрани 22, и др.

2) Вліяніє твердаго склоненія существ. имен ж. рода на мягкое; въ свиньи в. п. 68 (рядом: въ свиния ib.); в первом очеркѣ в календарѣ почти всѣ собственныя женскія имена имѣют в род. пад. ед. ч. -и вм. -ъ (=ц.-сл. а): оксѣньи 121; мелании 126 об; евдокии 132; агафѣи 132; (захарѣи 132); фетѣньи 132 об; мѣрьи 133; федосѣи 133; приньи 133 об; глухѣрьи 133 об и др.

3) Смѣшеніє родов у прилагат. по множ. числѣ: отвѣщаніа мѣрьи глѣще (дѣвы) 56.

4) Смѣшеніє чисел: ѣ рыбы 13 об, 51 bis, но: обѣ рыбы 51.

5) Потеря числительным сто косвенных падежей двойств. числа: двѣма стомъ 13 об; двѣма стм 50 об.

6) Потери склоненія причастій и неправильное согласованіє сравн. степени: и видѣ жену вдовицю вмѣтаючи двѣ чатѣ 89 об; — и будѣть послѣдняя лѣсть горше первая 119 об; не дѣла ли боле тѣла есть 24 и др.

7) Особое образованіє: двократы 17 об.

СПРАЖЕНІЕ.

1) Однажды встрѣтилась русская форма 2-го лица повелит. наклоненія: прозришь 60 об.

2) Отмѣтам формы 3-го лица ед. и множ. ч. изъяв. накл. без -тъ: приде 19 об; не може 24; приду ми други с пути 67.

3) В области повел. накл.: а) потери формы даже, выразившаяся в написаніи данже 13 об, 67, 82 об, 83 об (в формѣ даже 33 об, 66 об лучше видѣть пропуск и (=j), чѣм ѣ вм. ѣ; б) новообразованная форма яже 89 об, и и) 2-е лицо повел. накл. без конечнаго -и: аще ты еси повелѣ ми прити к тебѣ по водамъ 38 об (описка?).

Наконец, из области синтаксиса отмѣтим согласованіє не по грамматическому роду, а по смыслу: обращете дѣтяще повитъ лежащѣ въ яслехъ 124 об, старѣишими жречьска р. ц. 94 об bis.

II.

Наш памятник, кромѣ евангельскаго текста, имѣет цѣлый ряд вкладных. Старшая из них князя Анофрія ¹⁾ на 144 об (в ней говорится, между прочим, о пожертвованіи этого евангелія в полоцкій Предтеченскій монастырь) относится ко времени около 1399 года, а по языку к полоцко-смоленским памятникам. Другія вкладныя и записи о том, как монастырь распорядился с вкладом, тянутся под текстом на 53 листах (на 2-м листѣ также и с праваго боку). Одни из них писаны полууставом (на лл. 1—2, 11 об—18 об, 21 об—23 об, 30 об—32, 107 об—109; крупный полуустав на лл. 6—7, 19—21); другія — югозападной скорописью XVI вѣка (на лл. 2 об,—4 об, 30 об—32, 46—48, 109—111). Нѣкоторые из них датированы XVI вѣком (1508 г.—14 л.; 1516 г.—48 л.; 1540 г.—21 л.; 1557 г.—22 л.; 1559 г.—23 об). Язык их, не смотря на разные руки, один и тот же — западно-русскій.

ФОНЕТИКА.

ГЛАСНЫЕ.

1. Мѣна *у* и *е* в предлогах часта: *у* островъ 1 об; *у* двину 12 об; *у* верхъ 12 об; *у* богосїсаемом граѣ полоцку 19 об; *у* виленьском месте 19; *у* новом городеку 110 об; *у* мѣсте полоцком 46 об; — в митка ленидовича и въ его жоны 107 об; в сына 110 об; в себе 111; *есть уо* вм. *у* и *е*: *ув* оснодарскихъ люди 16 об; *ув* онуфрея 16; *ув* олшаницу речку 15 (ср. в олшаницу 14 об).

2. Послѣ шипящих вмѣсто *е* встрѣчается *о* под удареніем и без ударенія: чорнаго 7; чорнобаева 30 об; ни-

¹⁾ Об ея изданіях, правописаніи и языкѣ см. статью проф. А. И. Соболевскаго: «Полоцко-Смоленскій говоръ», Р. Ф. В., 1886, № 1, стр. 16, 17.

чего 31 об; на жону 31 об; жоны 107 об, 110 об; жоне 108 об; жоною 109; для лѣпшое твѣрдости 108 об.

3. Кое-какіе слѣды аканья: кодыло 21 об; радиону 20; лопшина (?) двора 108;—торопченинъ 19, мешенин 1; пепезми 18 об; на памет 21 об, 23 об; в — памети 110;— на гребель грибломъ 14 об (но: гребломъ 15).

4. Отсутствие *и* в началѣ глагола имѣти, имати: мел 22; мают 31 об, и в предлогѣ *изъ*: здавна 48 об; — смѣшеніе предлога *съ* с *зъ*: звездою 20; зрѣками 17; на тая земля на сущинѣ была незруку 18 об и др.

5. В одной вкладной встрѣтилось 3 случая *и* вм. *ы*: записываю 30 об; отписываю 31 об; води 31 (в ней же: бѣжи 30 об).

СОГЛАСНЫЕ

1. Звук *м* произносится, как *мч*: мешѣчанки 110 (= мѣщанки).

2. Всегда: хто 14, 20, 32, 108 об и др., и што 30 об, 46 об, 107 об и др.

МОРФОЛОГІЯ.

1. Мѣстный над. ед. ч. м. р. на *-у*: в полоцку 21 об, 23, 108; у полоцку 20, 109 об, 111; у новом городку 110 об.

2. Твор. над. мн. ч. слов муж. и ср. рода только по старому: в бобровыми гоны 12; с огороды 107 об; со всеми вжитки и доходы 46 об; с озеры 17, 46 об.

3. Родит. над. ед. ч. ж. рода членных имен прилагат. только несокращенный: прѣтое бгѣотре 11 об; с правое руки 14 об; семое тысячи 48; для лѣпшое твѣрдости 108 об.

4. Уменьшительныя собственныя имена на *-ко* сохраняют в большинствѣ случаев окончаніе среднего рода: ивашко 1 об; мишко 2; вѣдейко 14; личко 20 об; гришко

47; гридко 47 об; род. пад.: в мишка 107 об, (но: есдка 3, мишка 3 об, наска 4, — всѣ случаи приходятся на один и тот же почерк).

5. Указательное мѣстоименіе тотъ обыкновенно в членной формѣ: таа земля 18 об; тоа дворище 108 об; тую землю 12 об, 18, 31 об, 109; тую мою борть 31; с тым 17; тымн несежи 18 об.

6. Формы мѣстоименія весь с и им. ъ: вси 111; со всим 6; всими 46 об (но совсѣмъ 17).

7. 1-е лицо ед. и мн. ч. глагола быть только есми 1 об, 7, 11 об, 14 об, 21 об, 30 об и есмо 16 об, 18, 107 об, 108 и др. (но: я даъ 13).

8. Сложное прошедшее в 1-м лицѣ ед. и мн. числа всегда со вспомогательным глаголом (см. отмѣченные в пунктъ 8 листы): даъ есми 14 об, окупили есмо 18 об.

9. Однажды встрѣтился правильно употребленный *plusquamperfectum*: землю, што есми былъ купиъ 30 об.

Леонид Васильев.

НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ

Жиздринскаго уѣзда Калужской губерніи.

(Продолженіе).

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

Въ отдѣлѣ о согласныхъ прежде всего коснемся случаевъ проявленія важнаго фонетическаго закона приспособленія звуковъ однихъ къ другимъ, обуславливающаго многія измѣненія въ области русскаго консонантизма. Дѣйствіе этого закона, сказывающагося во всѣхъ нарѣчіяхъ русскаго языка по памяти о старинѣ, обнаруживается всякій разъ, когда для этого представляется подходящія условія. Эти послѣднія стали возможны вслѣдствіе того, что, съ исчезновеніемъ въ извѣстныхъ случаяхъ глухихъ, явились новыя группы согласныхъ, нетерпимыя нашими органами рѣчи. Этотъ фонетическій законъ и подвергъ своему дѣйствію новыя группы согласныхъ: явились ассимиляція, диссимиляція, отвердѣніе звуковъ и т. п. явленія, которыя отъ старины происходятъ и въ жиздринскихъ говорахъ. Такъ, по фонетическому закону однородности звуковъ, согласные отзвучные, очутившись по исчезновеніи глухихъ передъ звучными, перешли въ звучные, напр.: збылся 45, аддал 12, издѣлали 107, з глас 110, з званьцѣми 111 и друг. Постоянно наблюдается и обратное явленіе, т.-е. ушодобленіе звучнаго слѣдующему

отзвучному, напр.: рассы́пала 1, шу́пку 10, чирис по́ля 11, гы́пка 11, нессу́ну 12, ны́скай 15, лё́хким 16, даро́ш-кай 19, мыхку 37, галу́пка 47 и др.

Переходъ звучныхъ въ отзвучные произошелъ и на концѣ словъ, утратившихъ глухіе я и ъ, въ изглашеніи, напр.: муш 3, дѣнах 8, урбсь 9, горат 10, друх 11, Бох 12, замуш 12, сут 23, сат 42, бан 36, по́грян 112 и др. Вообще система измѣненія звучныхъ въ отзвучные тако-ва: б—п, д—т, з—с, ж—ш, г(н)—х. Относительно же звука е слѣдуетъ замѣтить, что онъ въ нашихъ говорахъ не переходитъ въ отзвучный /j/, а обращается въ несло-говой ѱ.—Другихъ явленій уподобленія коснемся ниже, а теперь рассмотримъ отдѣльные согласные.

Задненебные звуки.

Прежде чѣмъ говорить о каждомъ звукѣ въ отдѣль-ности, сдѣлаемъ относительно задненебныхъ общее замѣ-чаніе.—Въ нашихъ говорахъ, какъ и вообще въ совре-менныхъ южно-великорусскихъ, въ остаткахъ живутъ др.-русскія сочетанія: *кы, ы, хы*, напр.: какыи на́шы зѣмли, зѣмли на́ны плахыи 97, глазушки яркыи 50, другии ра-батають 50, всегда въ словахъ: кы́ска, кы́тя-кы́ти (зовъ овецъ), кы́зи-кы́зи (тоже), гысь (окрикъ на свиней), гы́чки (такъ называется стволъ канусты въ с. Овсорокѣ и дру-гихъ мѣстахъ), накы́да, накы́ль, аты́да. Всѣ эти слова мыѣ приходилось слышать въ разныхъ мѣстностяхъ уѣзда, а главнымъ образомъ—въ с. Овсорокѣ. Подобные случаи имѣются и въ записяхъ г. Добровольскаго ¹⁾.—Въ упо-требленіи задненебныхъ наши говоры часто идутъ въ раз-рѣзъ съ литературною рѣчью. Во-первыхъ, отмѣтнимъ ха-рактерное сохраненіе названныхъ звуковъ передъ е вмѣ-сто ожидаемыхъ жс и ч, наприм., въ словахъ: тикѣть 36

¹⁾ «Рассказы изъ жизни Палѣхъ», Живая Старина за 1890 г.

(рѣже; тикѣть), сътирягѣм 131, пакѣть, лгеть, жгеть, ткеть и др. (изъ разныхъ мѣстъ уѣзда).

Подобное произношеніе существуетъ не только въ крестьянскихъ, но нерѣдко и въ мѣщанскихъ говорахъ, съ тою лишь разницей, что въ послѣднихъ эти слова употребляются со звукомъ *e*, расширеннымъ въ *o*, то-есть: тикѣть, жгѣть и т. д. Во-вторыхъ, наблюдается обратное явленіе — смягченіе заднеязычныхъ передъ твердыми гласными, гдѣ литературная рѣчь не знаетъ этого явленія, напр.: мажѹ (могу), смажѹ, ляжу, испужаѣся, пужаѣть и т. п. — Въ томъ и другомъ случаѣ явленія не фонетически: удержаніе *k* и *g* обусловлено аналогіей формъ съ несмягченными согласными (тику, жгу и т. д.), а во второмъ случаѣ наоборотъ — ж зашло изъ другихъ лицъ: пужать такое образованіе, какъ рожать: ср. бѣлор. пужаѣць и пѹдвизъ = пѹднѣти, польск. pędzić.

Изъ отдѣльныхъ звуковъ коснемся прежде всего *z*. Можно съ увѣренностью сказать, что въ разсматриваемыхъ говорахъ исключительно извѣстенъ звукъ фрикативный *z* = *h*. На всей территоріи извѣстнаго мнѣ уѣзда я не слышалъ ни одного слова съ мгновеннымъ *z* = *g*. Поэтому, въ виду совершеннаго отсутствія въ нашихъ говорахъ мгновеннаго *z* = *g*, намъ нѣтъ нужды прибѣгать къ обозначенію звука *z* въ нашей работѣ латинскимъ *h*. Какъ вообще въ южно-великор., знающихъ *z* = *h*, и въ жиандр. говорахъ наблюдается исчезновеніе звука *z*, рѣдко въ началѣ, а чаще въ срединѣ словъ, напр.: тада-када 13, тады 66, баславнѣ 23, бдари́м 96, нѣкада 103, на ёрбавам 107, баславлять, баславѣніа 6 Терѣб. и др.

То же самое можно сказать и относительно хорошо извѣстныхъ мнѣ мосальскихъ, отчасти и ковельскихъ говоровъ, то-есть, что и въ нихъ извѣстенъ только фрикативный звукъ *z*. — Какъ уже выше было указано, звукъ *z* въ изглашеніи всегда замѣняется въ соотвѣтств. ему *x*; замѣненія же *z* въ *x* намъ не приходилось наблюдать, опять вслѣдствіе фрикативности *z*. — Въ отличіе отъ воронежскихъ, въ жиандр. говорахъ не наблюдается появле-

ніе передъ фрикативнымъ : предыхательнаго *х*, напр. въ словѣ *хгдѣ*¹⁾.

Совершенно нѣтъ въ нашихъ говорахъ также и извинной мѣны : и *е* въ такихъ, напр., словахъ, какія приводитъ для рязанскихъ г. Будде: *h* Маскву вм. въ Москву, *h*мѣстѣ вм. мѣстѣ, *х* Касимонъ вм. въ Касимовъ и др.²⁾. На мѣстѣ фрикативн. : наблюдается появленіе звуковъ *j*, *o* и *л* въ словахъ: *Ягор* (*Jaгор* = греч. Γαγόρις), *янарал* (*инарал* и *винарал*), *анылал*, *Явлѣнтіи* (= Евгений). То же самое извѣстно мнѣ и изъ мосальскихъ говоровъ.

Въ окончаніи родит. над. ед. ч. именъ прилагательныхъ и мѣстоименій — *аю*, *ою*, *ею* въ произношеніи почти всегда удерживаютъ звукъ *у*. Звукъ *е* въ этихъ случаяхъ, обычный въ говорѣ мѣщанъ, въ говорѣ крестьянъ очень рѣдкое явленіе; онъ наблюдается въ выговорѣ тѣхъ крестьянъ, которые занимаются отхожими промыслами, напр. въ с. Берестнѣ (сообщеніе свѣщ. о. Доброва). Для характеристики мѣстныхъ говоровъ не лишне, намъ кажется, отмѣтить тотъ фактъ, что въ послѣднее время особенно усилились отхожіе промыслы живдринскихъ крестьянъ въ сторону Москвы, тогда какъ раньше они направлялись преимущественно къ Бѣлоруссіи. Иному направленію отхожихъ промысловъ способствовала Московско-Врянская желѣзная дорога, прорѣзавшая живдринскій уѣздъ и соединившая глухіе уголки его съ Москвою. А это, конечно, важный факторъ, несомнѣнно уже влияющій на мѣстные говоры вообще и въ частности въ интересующемъ насъ вопросѣ — на измѣненіе старинныхъ окончаній прилагательныхъ и мѣстоименій со звукомъ *и* на окончаніи со звукомъ *е*.

Звукъ *к* послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ повсемѣстно въ живдринскихъ говорахъ (исключая мѣщанскихъ) подвергается непереходному смягченію. Примѣровъ такого

¹⁾ «Очеркъ...» Филатова, 89.

²⁾ «Къ діалектологіи...» Будде, 54.

смягченія въ нашихъ матеріалахъ очень много; укажу нѣкоторые изъ нихъ: лихѣхунька 1, чижалѣхунька 6, ташнѣхунька 6, трѣйку 8, сямѣйка 16, казѣчинька 40, маладѣхунька 41, скамѣйку 51, толька 41, на мѣлинь-
кимъ 62, кинарѣйка 73, капѣйку 109 и др. При тѣхъ же условіяхъ звукъ *ж* часто является и несмягченнымъ. Это явленіе непереходнаго смягченія *ж* извѣстно мнѣ также въ мосальскихъ, менцовскихъ и козельскихъ говорахъ (Калужской губерніи). — На мѣстѣ литературнаго *ж* приходится слышать *ж* въ словахъ: хрѣст, хрѣснай, хрисѣйни, дѣхтарь, трахтір, трахт, карѣхтір, шлахі (шлакѣ), хватѣра, хвѣти, Вѣхтар (=Викторъ). Всѣ эти слова извѣстны мнѣ лично, главнымъ образомъ, въ говорахъ с. Овсрока, с. Анисова, д. Клѣтна и др., а также селъ, изъ которыхъ доставлены отвѣты на программы: с. Огори, с. Улемля, с. Берестны, с. Кцѣни и др.

Звукъ *ж* особыхъ замѣчаній не вызываетъ.

Губные и зивногубные звуки.

Въ началѣ рѣчи о губныхъ не безынтересно, какъ намъ кажется, будетъ сравнить судьбу губныхъ звуковъ въ живдринскихъ говорахъ съ судьбою ихъ, наприм., въ рязанскихъ и воронежскихъ. Какъ увидимъ ниже, между первыми и послѣдними въ однихъ случаяхъ найдемъ сходство, въ другихъ — большую разницу. Сходно съ воронежскими и отлично отъ рязанскихъ ¹⁾, наши говоры знаютъ въ большинствѣ случаевъ твердое произношеніе губныхъ, напр. въ словахъ: руи (= рубль), карѣи (= корабль), сем, восим, голуи, назим (на землю), щепки, кроу, люблю, журау, дѣуки и др.

Что касается смягченія губныхъ, то для воронежскихъ говоровъ Филатовъ («Очеркъ...», 94 стр.) отмѣчаетъ всего лишь два случая непосредственнаго смягченія губ-

¹⁾ «Къ діалектологіи...» Будде, стр. 61 стр. «Очеркъ...» Филатова, стр. 93 стр.

ныхъ въ словахъ: *итовою* и *стловою*; жиэдринскіе же говоры допускаютъ почти исключительно непосредственное смягченіе губныхъ. Въ нашихъ матеріалахъ отмѣчено: закуню 10, купню 78, истаню 12, никарьмѣны 13, карьмю 33, заграмяю 57, сыню 85 и др.; изъ отвѣтовъ на программы изъ разныхъ мѣстъ уѣзда: нагубю, наццабю, любю, прамоблю, гатоблю, лавю и друг. Но, вмѣсто покупать, въ с. Овсорокѣ и друг. крестьяне говорятъ куплять, какъ въ белорусскомъ (купляць); форма эта представляетъ особое образованіе отъ купить съ суффиксомъ *а*, какъ: укрѣпить—укрѣплять. Мѣщанскіе говоры уѣзда вообще знаютъ посредственное смягченіе губныхъ, хотя иногда мнѣ приходилось слышать такое произношеніе словъ мѣщанскими мальчиками с. Овсорока, какъ: наццабю, куню и друг. По сравненію съ жиэдринскими, рязанскимъ говорамъ свойственно непосредственное смягченіе губныхъ въ значительно меньшихъ размѣрахъ.

Наше вниманіе привлекаетъ опять интересный юго-восточный уголокъ уѣзда. Здѣсь мы наблюдаемъ характерное явленіе, которое рѣшася отнести на счетъ южно-белорусскаго или малорусскаго вліянія, — именно развитіе послѣ отвердѣвшихъ губныхъ *ј*-та. Особенность эту я наблюдаю уже нѣсколько лѣтъ. Последняя моя экскурсія въ эти мѣста лѣтомъ 1901 г. убѣдила меня, что развитіе послѣ отверд. губныхъ *ј*, а также неумягчительные гласные—изрѣдка начинаютъ попадаться верстахъ въ 15 отъ с. Овсорока (къ юго-востоку; на сѣв.-вост. границу продолжаетъ оставаться д. Высокая), въ с. Подбужѣ. Въ этомъ селѣ мнѣ пришлось переговорить, по крайней мѣрѣ, съ 10—15 крестьянами, бывать на волостномъ судѣ во время разбора дѣлъ, и изъ всего богатаго матеріала я могъ извлечь для рѣшенія интересующаго меня вопроса много много пяти случаевъ. На тщательный розыскъ нужнаго мнѣ матеріала натолкнулъ меня разговоръ около с. Подбужа съ настушкой (уроженкой того же села); рѣчь ея (см. матер. № 131) впервые дала мнѣ нѣсколько случаевъ вышеуказанныхъ особенностей. — Обращаюсь къ матеріа-

ламъ. Съ *j* послѣ губн. *n* я всегда слышалъ слово *пнѣть* съ производными отъ него: *пѣять* 90, *пѣядьдсѣтъ* 90, *пѣтъ* 131, *пѣтънацѣти* 131 и др. У Добровольскаго отмѣчено: *обѣдѣ* 8 Тереб., *пѣтый* 11 Тереб.

Изъ отдѣльныхъ губныхъ остановимся на *в*. Въ «Опытѣ рус. діалект.» ¹⁾ проф. Соболевскій говоритъ относительно жидринскихъ говоровъ, что въ нихъ „есть *мѣна y* и *в*“. То же самое о всей Калужской губ. говоритъ и Потебня ²⁾. Утвержденіе это цѣликомъ принято быть не можетъ. Дѣйствительно, жидринскіе говоры (то же утверждаю и относительно мосальскихъ) повсемѣстно измѣняютъ звукъ *в* въ извѣстныхъ положеніяхъ въ *y* (чаще неслоговое), но обратнаго явленія, то-есть употребленія *в* вмѣсто *y*, я не наблюдаю. Въ словахъ, приводимыхъ Чернышевымъ для мещовск. говоровъ, какъ напр.: *вычиль*, *одарилъ* и др. ³⁾ со звукомъ *в* на мѣстѣ *y*, въ жидринскихъ я наблюдаю *y* неслоговое. Итакъ наши говоры измѣняютъ звукъ *в* въ *y* (неслоговое и рѣдко въ слоговое), но преимуществу послѣ гласной или въ началѣ слова и въ предлогѣ *въ*; но и въ такомъ положеніи звукъ *в* не всегда переходитъ въ *y*; часто онъ сохраняется. Отмѣтимъ нѣсколько случаевъ мѣны *в* на *y* въ нашихъ говорахъ: *y* слаунамъ *y* горада 7, *y* цѣли 8, удахнѣла 48, усѣи 75, усѣ 92, усѣгдѣ (=вездѣ) 98, *y* дрихвѣ усадѣи 104, дрюу 107, дѣбука 108, дирѣуни 109 и др. На мѣстѣ *в* иногда появляется *yв*, напр., въ словахъ: *ува сынѣ* 50, *увѣсь* 129 и др. Мѣна *в* на *y* распространена по всей территоріи уѣзда; ее знаютъ и всѣ мѣщане, живущіе въ селахъ, деревняхъ, даже въ городѣ. Пронзношеніе *в* какъ *ф* и среди мѣщанъ—рѣдкое явленіе. Указанная мѣна распространена въ жидринскихъ говорахъ нисколько не меньше, чѣмъ въ воронежскихъ, а можетъ быть и въ большихъ разнѣрахъ, чѣмъ въ рязанскихъ. Поэтому, намъ кажется,

¹⁾ «Опытъ...» Соболевскаго, 15.

²⁾ «Два изслѣдованія» Потебни, 69.

³⁾ «Матеріалы для изученія великор. гов.», 74.

нѣтъ основанія въ распространенности мѣны *е* на *у* въ по-
ронскіхъ говорахъ видѣть исключительно малорусское
вліяніе (см. «Очеркъ...» Филатова, 97).

Извѣстна жиздринскимъ говорамъ и общевеликорус-
ская черта — появленіе звука *л* на мѣстѣ *е* въ дѣпри-
частномъ суффиксѣ *-иши*¹⁾, напр.: пиривѣиши 11, наба-
рѣиши 35, дражѣиши 75; изъ отвѣтовъ на программы:
пакасѣиши, пагулѣиши, узнѣиши, распутѣиши, падыѣ-
иши, сѣкѣиши, спрасѣиши, пусьтѣиши, памалѣиши,
схарапѣиши и др. По объясненію А. И. Соболевскаго¹⁾,
появленіе *-иши* на мѣстѣ *-иши* — морфологическое ново-
образованіе, обзванное своимъ происхожденіемъ вліянію
формъ изъ родѣ *вземъ*, *вземше*.

Отмѣтимъ еще появленіе *л* на мѣстѣ *е* въ нѣсколь-
кихъ отдѣльныхъ случаяхъ: дамнѣ 100, срамнѣлась 92,
рамнѣиши 108.

Нефонетическаго происхожденія *б* на мѣстѣ *е* въ сло-
вѣ: Абрамъ изъ греч. Ἀβραάμης; со звукомъ *б* слово это
употреблялось еще въ древнемъ русскомъ языкѣ (см. со-
ображенія относительно этого слова у Дурново, «Р. Ф.
Вѣсти.», т. XLV, стр. 242—3).

Со звукомъ *н* на мѣстѣ *е* отмѣчу: Каикѣс; въ та-
комъ видѣ слово это слышится во многихъ южно-великор.
и бѣлорусскихъ говорахъ.

Вѣроятно, удержаніе старинны, а не замѣну звука *е*
звукомъ *р* представляетъ слово: скрось (= сквовь), упо-
требляемое въ ю.-в.-р. говорахъ и бѣлорус. нарѣчій; въ
древнемъ ц.-славянскомъ есть *скикоу* и *скроу* (см. «Об-
зоръ...» Е. О. Карскаго, 60).

Звукъ *л* на мѣстѣ *е* встрѣчается въ словахъ: Алда-
кѣи, Алдѣха, Алдѣтъ, слабѣи (= свобода) 84.

Звукъ *ф*. Въ «Обзорѣ звуковъ и формъ бѣлор. рѣ-
чи» Е. О. Карскій говоритъ относительно звука *ф*, что
«обыкновенно этотъ непримычный для бѣлорусскаго уха

¹⁾ «Лекціи...», 234.

звукъ замѣняется черезъ *и*, *хе* (стр. 69). Звукъ *ф* въ такой же степени непривыченъ и для живдринскихъ говоровъ; они отличаются нелюбовью къ этому звуку и всегда замѣняютъ его другими звуками. Замѣнителями его являются *х*, *хе* и *и* (последнее рѣже). Примеры: ахицѣрики 67, сахяны 70, штох 77, Сътихнѣн 99, Хиванѣсь 95, Мѣрхва, Мархутка 85, кахтан 77, хвѣбрика 97, грах 100, грахаўскай 101; изъ отвѣтовъ на программы: Хванѣс, Хвѣдар, цѣхвра, Митрахнѣн, Сѣхты, Сѣха (=Софѣя), хунт, хвунт, картѣха, хрухт, Осип, Прасѣнья, Прѣска (=Евфросинѣя), хвѣртка, хвѣртук, Аграхвѣна, Грѣнка, Сътанѣн (рѣже, чѣмъ Сътихнѣн), Хвѣлька, Хвилѣн, Пилѣн. Остановимся на последнемъ словѣ. Имя „Пилѣн“ въ живдринскихъ говорахъ можно слышать по сосѣдству съ мосальскимъ уѣздомъ, напр., въ с. Анисовѣ, с. Мокромъ и др. Ближе къ г. Живдрѣ этого слова не встрѣтишь. Особенно имя „Пилѣн“ распространено въ мосальскихъ говорахъ, напр. въ округѣ около с. Сильковичъ; въ двухъ верстахъ отъ этого села находится деревня, которая у окружающихъ крестьянъ носитъ названіе „Пилипкова“ (=Филипково). Ср. то же имя въ бѣлор. нарѣч. въ «Обзорѣ» Е. О. Карскаго, стр. 69.

Звукъ *ж*. Звукъ *ж* передъ слѣдующимъ губнымъ переходитъ въ *и* въ словахъ: ланпѣтка 28, лѣнна, анбѣр, бѣнба. Другихъ замѣчаній этотъ звукъ въ нашихъ говорахъ не вызываетъ.

Плавающие звуки *л* и *р*.

Отмѣтимъ прежде всего интересную, хотя мало распространенную, особенность юго-восточныхъ живдринскихъ говоровъ, сближающую ихъ съ малорусскими и бѣлорусскими, — именно переходъ *л* въ *ѣ*. Особенность эту я услышалъ по дорогѣ къ д. Долинѣ Теребенской волости. Разговаривавшіе со мной крестьяне нѣсколько разъ употребляли слово ишѣѣ вм. обычнаго ишѣл. Ту же особенность подмѣтилъ и Добровольскій; въ его за-

писяхъ мы написли два слова съ ѱ вм. .: ниураніѱ 11 Тер. и пришоѱ 2 Тер.

Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе систематическое употребленіе въ нашихъ говорахъ, особенно въ округѣ около с. Овсорока, мягкаго *р*, главнымъ образомъ передъ *ц*. Примеры: сѣръцю 6, сѣръца 8, съ нѣръцаи 8¹⁾, дварьці 85, дварьцю 107 и др. Мягкое *р* находимъ не передъ однимъ только *ц*, но и передъ другими звуками, напр.: сарьнокъ 36, гарьскимъ 100, вѣрьхъ, сьвѣрьху, горьница, карьзіина, тятѣрька, но цѣрква, вѣр'ла и др. Причина мягкости *р* во всѣхъ этихъ случаяхъ не одна и та же. Промѣношеніе въ родѣ нѣрьхъ, объясняется такъ же, какъ и общерусское въ словахъ на мѣстѣ основного славянскаго сочетанія -*ръ*- передъ задненебными; въ другихъ случаяхъ мягкость *р* слѣдуетъ объяснять вліяніемъ слѣдующаго мягкаго согласнаго, путемъ ассимиляціи. — Съ другой стороны, въ живдринскихъ говорахъ встрѣчаемъ и случаи употребленія *р* твердаго тамъ, гдѣ въ литературномъ языкѣ онъ мягкій. Объ этомъ было говорено раньше въ отдѣлѣ о гласныхъ.

Отмѣтимъ случаи диссимиляціи главныхъ въ нашихъ говорахъ: калѣёр (карьёръ), калидѣр, сиклятѣр, ливляѣр (и дивляѣр), пралѣнка, сталавѣр, сталабрідицъ, алхирѣй, паликиахтар, дилѣхтар, ласѣры. Всѣ случаи выаты изъ отѣтовъ на программы.

На мѣстѣ звука *р* является и въ словахъ: йрманка 112 и някрѣдкай 30. Въ первомъ случаѣ, вѣроятно, дѣйствуетъ диссимиляція съ *р* слѣдующаго слова (ср. Я. Грота: «Русское правописаніе», 75; Дурново, «Р. Ф. В.», XLV, 260), второе слово, вслѣдъ за Е. О. Карскимъ, будемъ объяснять народной этимологіей этого слова (см. «Обзоръ», 61).

¹⁾ Мягкое *ц* въ моихъ записяхъ отмѣчено во всѣхъ случаяхъ, когда я слышала несомнѣнно мягкій звукъ.

ЗУБНЫЕ ЗВУКИ.

Изъ всѣхъ русскихъ говоровъ Потебня приписываетъ непосредственное смягченіе зубныхъ только восточно-малорусскимъ, украинскимъ говорамъ ¹⁾. Филатовъ, найдя ту же черту въ воронежскихъ говорахъ, заявляетъ, что этою чертою изслѣдованные имъ говоры „рѣзко выдѣляются изъ семьи великорусскихъ говоровъ“ ²⁾. Но въ настоящее время, послѣ ознакомленія съ другими южно-великорусскими говорами, такое утвержденіе Филатова должно подвергнуться существенной поправкѣ. Оказывается, что непереходное смягченіе зубныхъ является, напр., въ жигдринскихъ, извѣстныхъ мнѣ мосальскихъ, ковельскихъ и меншовск. говорахъ (относительно послѣднихъ см. и у Чернышева). Примеры изъ жигдр. говоровъ: усадю 4, палатю 12, нанасю 33, стыдсю 68, пуссю 73; изъ отвѣтовъ на программы: пуссю, прасынсю, касю, брісю, садсю, пригразю, хадю, атьватю (=отвѣчу), слбразюсь, прасю, скатюся, съвистю и др. Непереходное смягченіе зубныхъ въ этихъ случаяхъ находитъ себѣ, конечно, такое же объясненіе, какъ и непереходное смягченіе губныхъ,—именно, оно развилось подъ вліяніемъ формъ, гдѣ по фонетическимъ законамъ не могло быть посредственнаго смягченія, напр.: пусьтинъ, пусьтить, ходишъ, ходить и т. п. Такъ же, конечно, это явленіе должно объясняться и для воронежскихъ говоровъ. Съ другой стороны, наши говоры допускаютъ посредственное смягченіе зубныхъ тамъ, гдѣ его нѣтъ въ литературной рѣчи, напр.: брашѣй (=бросай; с. Овсоровъ), брашѣй (=сильно бросилъ; с. Огорь). То же отвѣчу и для мосальскихъ говоровъ (с. Сильковичъ, с. Сажинъ, с. Шемелинъ и др.).

¹⁾ «Два изслѣдованія...» Потебни, 125.

²⁾ «Очеркъ...» Филатова, 103.

Изъ явленій въ области отдѣльныхъ зубныхъ звуковъ отмѣтимъ слѣдующія:

Зубно-носовой звукъ *м* повсемѣстно замѣняется губно-носовымъ *м* въ словахъ: Микита, Микалай, Микихвар, замѣдывать. *М* въ собственныхъ именахъ явленіе общерусское народное и отчасти общеславянское. Для послѣдняго слова можемъ указать параллель въ бѣлорусскомъ (Карскій: «Обзоръ», 69 стр.). Объяснять его, вѣроатно, слѣдуетъ народной этимологіей.

На мѣстѣ *н* является *л* въ словахъ: сумлѣнье; сумляница, съвицѣльни.

Ассимиляцію звука *о* звуку *л* представляетъ слово: аннѹ (с. Огорь) 106.

На мѣстѣ *т* — *ч* въ словахъ: чижало, чижалай (повсемѣстно), чичвѣртай, чѣчвирьтѣ (слышалъ въ с. Колодязцахъ отъ крестьянина Тимошина).

На мѣстѣ *т* — *л* въ словѣ: нимиласялина 1.

На мѣстѣ *с* — *ш*: шалхвѣтка, шашиаццать, шаша и саша (= шоссе), Шашка (уменьшит. отъ Александръ), страшиаи надѣля, штрахавать, шпиды.

На мѣстѣ *с* — *ц* въ словѣ цапагѣ 84.

На мѣстѣ *с* — *ч*: чичас 100.

На мѣстѣ *з* — *ж* въ словахъ: жибата, дражнить, дружѣ, ѣжжа (=изъ-за) Жыздра 88.

Звуки *ц* и *ч* чередуются въ словахъ: чайла, чаючка, чиримонія.

Въ словахъ: рыгать, рыганти, рыгала (изъ «Разсказовъ» Добровольскаго) г. Карауловъ («Говоръ Палѣхъ», Р. Ф. В., 1900 г., 1 и 2 №№, 225) видитъ переходъ зубного *о* въ *г*, тогда какъ рыгать и рыдать два параллельныя слова, образованныя отъ различныхъ корней.

Сказанное раньше относительно мягкости *р* передъ *ц* исполнѣ примѣняется и къ *н*; мягкое *н* передъ *ц* можно слышать въ словахъ: палѣница 94, сѣнцы 85, канѣца, соныца и др. Въ с. Овсорокѣ и округѣ обращать на себя вниманіе особенно мягкое произношеніе въ нѣкото-

рыхъ случаяхъ звука *ц*, вѣроятно, подъ вліяніемъ мягкости предшествующаго слога, а быть можетъ это остатки др.-русскаго произношенія, живущіе до сихъ поръ въ малорусскомъ нарѣчіи. Случаи эти я старался отмѣчать въ своихъ записяхъ; примѣры: сѣрѣцю 6, ѳлицю 13, канѣць 28, дварѣцю 107, палѣнѣця 94 и др.

Отмѣчу съ твердымъ звукомъ с слово: писмѣ; такое произношеніе повсемѣстно въ жидринскихъ говорахъ.

Въ жидринск. говорахъ, какъ и въ другихъ южно-великор. (воронежск., московск., мосальскихъ) на мѣстѣ основного *ој* при общерусскомъ *жс* извѣстно небольшое количество словъ съ *жѣ*. Мнѣ лично пришлось слышать такіа слова: ураждѣи 97, абиждѣаца 108, прижаждѣа 88. Древность этихъ словъ съ дифтонгомъ *жѣ*, по мнѣнію А. И. Соболевскаго («Лекціи...», 21), „подлежитъ сомнѣнію“. Вѣроятно, дифтонгъ *жѣ* на мѣстѣ основного *ој* въ этихъ словахъ вторичнаго происхожденія; именно — первоначально на мѣстѣ основного *ој* явилось русское *жс*, а затѣмъ изъ большинства образованій, гдѣ было одно *о* (напр., обидѣть, обида), было перенесено это *о*, и вмѣстѣ съ *жс* (въ видѣ дифтонга *жѣ*) явилось въ такихъ формахъ, гдѣ русская фонетика допускала только одно *жс* (ср. «Очеркъ» Филатова, 106; литература предмета у Н. Коробки: «Звукъ *дж* въ малорусскомъ нарѣчіи», Рус. Ф. Вѣст., XXXIV).

Звукъ *т* повсемѣстно смягчается въ 3 л. ед. ч. наст. врем.: идеть, насеть и т. д., о чемъ въ морфологіи.

СРЕДНЕПЕВНЫЕ ЗВУКИ (ШИПЯЩИЕ).

Небезынтересны явленія въ области шипящихъ въ жидринскихъ говорахъ. Выше (въ отдѣлѣ о зубныхъ) мы обратили вниманіе на мягкое произношеніе звука *ц*. Такою же мягкостью въ нѣкоторыхъ случаяхъ отличается и произношеніе шипящихъ въ нѣслѣдуемыхъ нами говорахъ, чѣмъ они въ значительной степени отличаются,

напр., отъ воронежскихъ, рязанскихъ (см. въ работахъ Будде и Филатова) и сосѣднихъ мосальскихъ, знающихъ мягкіе шипяціе, какъ исключеніе. Обратимся къ отдѣльнымъ шипящимъ звукамъ.

Звукъ ш. Въ жидринскихъ говорахъ ш произносится по большей части какъ ш (т.-е. шч). Произношеніе же ш какъ шш мнѣ пришлось слышать только въ сѣверной и восточной частяхъ уѣзда, по сосѣдству съ мосальскимъ (въ селахъ: Анисовѣ, Воскресенскомъ, Мокромъ, Питницкомъ); въ другихъ частяхъ уѣзда такое произношеніе встрѣчается спорадически и очень рѣдко (въ с. Кцны — по сообщенію сниц. Лебедева).

Произношеніе ш настолько распространено, что его можно слышать даже на мѣстѣ ш и жд. Такъ, вмѣсто: Луш (уменьш. отъ сл. Лукерья) слышится: Луш (см. матеріалы № 85), слова: зѣдѣшній, грѣшникъ произносятся почти какъ зѣдѣшній, грѣшникъ; наряду съ обычнымъ: дош (= дождь) говорятъ: дош (ср. въ бѣлорус. нарѣчій, «Обзоръ» Е. О. Карскаго, 77). Такое произношеніе я лично слышалъ въ с. Овсорокѣ и округѣ (напр., дер. Козы, Кѣтно, Минино и др.). — Съ другой стороны, и на мѣстѣ ш можно слышать ш и ч въ словахъ: ашнство и ачнство, ващѣ, ашнѣсьтьвинный, шарбѣтай (и: шарбѣтай), шарбѣйна, шарбѣтя (бранное слово) и др.

Отмѣтимъ ш, вм. см: пушантъ 3 (ср. ц.-сл. поуштати).

Звукъ ж: въ нѣкоторыхъ случаяхъ произносится очень мягко, напр.: дружѣу 2, мужѣу 1, надаждѣ 15, важнѣ 36, жнѣва 36, ружѣ, даждѣ, виждѣть, жри и др. По сосѣдству съ мосальскимъ уѣздомъ (въ указанныхъ выше мѣстностяхъ) чаще слышится твердое ж и ожж: жнѣва, ружѣ, даждѣ, дрѣжж.

Часто наблюдается произношеніе нѣкоторыхъ словъ съ з вм. ж: змчюжѣчи 46, залѣва (и: жалѣва), зарзати, рзати (= ржати), жудѣти (= жудѣти); въ: рзати з арханымъ: ржети—ржати (ср. въ бѣлорус. нарѣчій, «Обзоръ» Е. О. Карскаго, 75). Также и залѣва находитъ для себя

параллели въ малор. велізо, бѣлор. залѣзо рядомъ съ жалѣзо. То же отчасти и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Звукъ ч, какъ и во всѣхъ другихъ говорахъ, является преимущественно мягкимъ. Въ слѣдующихъ случаяхъ звукъ ч переходитъ въ ш: што (часто слышится: што, въ «Разсказахъ» Добровольскаго отмѣтимъ: што 9 Тер.), пошта, нашта, разлѣинай, канѣшна, съвишнѣй, привѣшнай, пашанѣшна, кумѣшна, нашлахъ и др. Наоборотъ, и вмѣсто ш употребляется въ словѣ: раскѣйнай 45.

Ч не на мѣстѣ ш въ словѣ — трипѣчть 45: это чисто русская огласовка вмѣсто литературной, взятой изъ ц.-слав. языка (трещеть).

Ассимиляція согласныхъ и послѣдующаго йота.

Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ произошло уподобленіе йота предшествующему согласному звуку изъ группъ = старосл. мягк. согл. + j ¹⁾. Въ значительно меньшихъ размѣрахъ подобная ассимиляція наблюдается и въ живдринскихъ говорахъ. Въ различныхъ мѣстахъ уѣзда я лично слышалъ такіа слова: лялю 41, калы Лылі (= около Ильи = праздника), судья (но часто и: судья), братья, валосья, нападьи, вражжа (сила). Въ «Разсказахъ» Добровольскаго я замѣтилъ два случая: братья 1 Тер. и нападьи 1 Тер. Но вообще я долженъ сказать, что указанное явленіе въ живдринскихъ говорахъ понадается спорадически и значительно рѣже, чѣмъ въ соседнихъ мосальскихъ, напр., въ округѣ около с. Сильковичъ. Явленіе ассимиляціи j предшествующимъ согласнымъ, повидимому, имѣетъ небольшое распространеніе и въ рязанскихъ говорахъ. По крайней мѣрѣ, Е. Ф. Будде

¹⁾ См. «Лекціи...»² Соболевскаго, 101; «Обзоръ...» Карскаго, 60 и въ др. м.

отмѣчаетъ («Къ исторіи...», 194) два встрѣтившіеся ему случая: налѣуть и се'лёйна, „напоминающіе блр. и млр. произношенія“.

Мелкія явленія въ области согласныхъ звуковъ.

Отмѣтимъ случаи удвоенія согласныхъ, подъ вліяніемъ ассимиляціи, въ группахъ шипящихъ, свистящихъ и др.: прамесь сибѣ 92, лѹччи 1, падыжьжяить 40, мѣца 47, утирѣца 47, сыжьжяить 49, ницѣт 56, забрѣжжила 74, чатырнаццатай 85, распарижанься 106, ражжѣлся 107, пѣятнаццати 131 и др. Иногда въ этихъ случаяхъ слышится только усиленный согласный звукъ. Согласная группа *жжѣств* упрощается въ *штѣ*: раштѣ 98.

При разсмотрѣніи отдѣльныхъ согласныхъ мы обращали вниманіе на твердое или мягкое произношеніе того или другого звука и представляли примѣры. Теперь же ограничимся лишь приведеніемъ нѣсколькихъ случаевъ смягченія согласныхъ, объясняемаго положеніемъ ихъ передъ слѣдующими мягкими согласными: дагѣдльван 1, сыникрѣвѣа 1, нимѣлѣсьлива 1, съ лица 2, смутьливан 2, цѣвѣтѣу 2, бизьлѣдѣа 3, дасьтѣ 4, сывинѣа 5, съперѣцам 8, сылѣсьсѣа 10, сылѣсьмѣ 12, чѣтьвѣртаю 16, сылѣдѣткам 19, раськинули 25, расьсѣкли 25, тарьчѣтъ 26, сылѣгѣ 29, пирьсьнѣ 46, зѣдѣсь 42, съвѣрьху 48, нѣським ѿ8, съмѣрѣти 72 и друг.; но — гвѣдѣѣ 28, кѣдри 32, калѣнки 45, гѣрки 72, к лѣтѣм 37, атѣиль 38, к нѣй 62, атлѣтнаа 76 и др.

На мѣстѣ согласной группы *чѣт* въ словѣ поштывал 106 имѣемъ *шт*, какъ и въ *што*; иногда здѣсь *ч*: запѣчивал 96.

Приведемъ встрѣтившіеся намъ въ жидзринскихъ говорахъ случаи приставки, вставки, выпаденія и отпаденія согласныхъ.

Приставки звуковъ: вѣчи 5, вѣмница 39, вѣмных 95, вѣлица (вездѣ слыш.), вѣтъча (мол. Отче нашъ, слыш. въ Овсор.), Вѣсарак (= с. Опсорокъ; вѣроятно, въ этомъ словѣ звукъ *в* изъ середины перенесенъ къ началу), вѣстрай, вѣксус; спакидаты въ послѣднемъ словѣ *с* можетъ быть равно предлогу *съ*.

Вставка согласныхъ: караулить 94, убійци 84, Лясонъ, прасулак, ёнтат, иструп, страм, страминой, стражёнъ, ндрау, ндравница.

Отпаденіе согласныхъ въ началѣ и концѣ словъ и выпаденіе въ серединѣ: Аршана 96, Зьдвѣжнѣя (= Водвиженіе), адорнай, колька (= сколько), трацать (ви. страцать), хлибанасам 97, крисьни 100, шар 56 (= шарфъ), лис 24 (= листъ), омарак 107 (= обморокъ), грусна 3, позна 59; сѣмай (сѣдой; выпаденіе *о* въ этомъ словѣ старинное явленіе. Ср. «Обзоръ» Е. О. Карскаго, 67), часто: несъ (везти и вести), несъ, ѣсъ, дасъ, страсъ, жысъ и жысътъ (въ подраж. страсть) 49, ёсъ ви. естъ (на границѣ съ мосальскимъ у., гдѣ: ёсъ очень распространено); въ *во* ви. вот — не отпаденіе *т*, а другой видъ этого слова, такъ какъ вот = во + ть (см. «Обзоръ» Е. О. Карскаго, 67).

Перестановка звуковъ наблюдается въ словахъ: карьвѣга, гамазѣн (= магазинъ), видьмѣтъ, баркаваты.

Въ словѣ: паслухался 95, съ *х* вмѣсто ожидаемаго *ш*, такое же образованіе, какъ и въ бѣлорусскомъ (паслухаўся); ўхи — имѣтъ *х* не на мѣстѣ *ш*, такъ какъ это новообразованіе къ слову ухо.

Къ ви. *х* въ словахъ: пѣска и клѣпаты. Впрочемъ, вѣроятно второе слово, находящее себѣ параллель и въ бѣлорусскомъ, не сродни великорусскому хлопоты. Слово клѣпотъ (ц.-сл. клопотъ шумъ) Миклошичъ («Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen». Wien. 1886, 118) ставитъ въ связь съ корнемъ клѣп- (ср. ц.-сл. клѣпати); интересно обратить вниманіе и на то, что этому слову въ литовскомъ и латышскомъ соответствуютъ

klapata (не заимствованіе ли?). Слово же хлопота (др.-р. хлопотъ Житіе Θεодосіа) Миклошичъ (Ib., 87) произво-
дитъ отъ корня хлоп- въ словѣ хлопать.

С на мѣстѣ ѣ въ словѣ: спѣры 58.

С на мѣстѣ ч въ словѣ: изъини́стожи́лся 131, что ча-
сто наблюдается и въ бѣлорусскихъ говорахъ (указаніе
проф. Е. Θ. Карскаго).

(Продолженіе будетъ).

А. Никольскій.

Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанныя на вѣрѣ въ силу слова.

(Изъ исторіи мысли).

(Продолженіе).

ГЛАВА 3-я.

Формальная сторона заговора.

Главный рычагъ, которымъ совершаются труднѣйшіе повороты и подъемы въ мысли человѣческой, какъ извѣстно, — сравненіе; на немъ всецѣло опирается и схема всякаго заговора, если поближе къ нему присмотрѣться. Но сравненіе — это орудіе далеко не первичной мысли, а прошедшей долгій искусь, мысли выработанной, снабженной значительной дозой анализа. Чтобы выяснить, какъ простѣйше складывался заговоръ, нужно пойти назадъ, въ глубь исторіи мысли, и тамъ подсмотрѣть, какъ и чѣмъ орудуешь мысль, въ своихъ повседневныхъ работахъ; здѣсь и будетъ ключъ загадки.

Человѣкъ познаетъ міръ непременно сквозь призму своего „я“ въ различныхъ степеняхъ удаленія этого „я“ отъ наблюдаемаго или изучаемаго предмета (явленія, силы), въ зависимости отъ уровня развитія. Въ предыдущей главѣ указывались различные стадіи близости человѣка съ природой, въ предѣлахъ нижнемъ доходящія до сліянія съ ней. Въ такомъ состояніи, разумѣется, о заговорѣ рѣчь нѣтъ: со стихійной силой человѣкъ вступаетъ въ ру-

копашную. А вотъ ужъ въ томъ пониманіи міра, которое принято называть анимизмомъ, найдемъ корни интересующаго насъ пріема мысли.

А. Н. Веселовскій въ своемъ любопытномъ изслѣдованіи „Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля“ ¹⁾ предлагаетъ называть этотъ процессъ *параллелизмомъ* и тонко раскрываетъ его сущность.

„Дѣло идетъ не объ отождествленіи человѣческой жизни съ природою и не о сравненіи, предполагающемъ сознаніе раздѣльности сравниваемыхъ предметовъ, а о сопоставленіи по признаку дѣйствія, движенія: дерево хилится, дѣвушка кланяется, — такъ въ малорусской пѣснѣ. Представленіе движенія, дѣйствія лежитъ въ основѣ одностороннихъ опредѣленій нашего слова: одни и тѣ же корни отвѣчаютъ идеѣ напряженнаго движенія, проникновенія стрѣлы, звука и свѣта; понятія борьбы, терзанія, уничтоженія выразились въ такихъ словахъ, какъ *тога, таге, дѣрухца, нѣм. mahlen*“ ²⁾.

„Параллелизмъ поконится на сопоставленіи субъекта и объекта по категоріи движенія, дѣйствія, какъ признака волевой дѣятельности. Объектами, естественно, являлись животныя; они всего болѣе напоминали человѣка: здѣсь далокія психологическія основы животнаго аполлога; но и растенія указывали на такое же сходство: и они рождались и отцвѣтали, велеѣли и клонились отъ силъ вѣтра. Солнце, казалось, двигалось, восходило, садилось; вѣтеръ гналъ тучи, молнія мчалась, огонь охватывалъ, пожиралъ сучья и т. п. Неорганический, недвижущійся міръ невольна отягивался въ эту вереницу параллелизма: онъ также жилъ“ ³⁾.

„Дальнѣйшій шагъ въ развитіи состоялъ изъ ряда перенесеній, пристроившихся къ основному признаку —

¹⁾ См. „Ж. М. Н. П.“ за 1898 г., III, с. 1—80.

²⁾ Веселовскій, *Op. cit.*, с. 1.

³⁾ *ib.*, 2.

движенію. Солнце движется и глядитъ на землю: у индусовъ солнце, луна—*манъ*; Soph. Ant. 860: *ἰερὸν ἔμψυχον*; земля прорастаетъ травою, лѣсомъ — *волосомъ*; у Гомера говорится о хбѣтѣ деревьевъ... Когда гонимый вѣтромъ Агния (огонь) ширится въ лѣсу, онъ скашиваетъ волосы земли.— Въ основѣ такихъ опредѣленій, отразившихъ наивное, синкретическое представленіе природы, закрѣпленныхъ языкомъ и вѣрованіями, лежитъ перенесеніе признака, свойственнаго одному члену параллели, въ другой. Это *метафора языка*; нашъ словарь ими изобилуетъ, но мы орудуемъ многими изъ нихъ уже безсознательно, не ощущая ихъ когда-то свѣжей образности; когда „солнце садится“, мы не представляемъ себѣ раздѣльно самаго акта, несомнѣнно живого въ фантазіи древняго человѣка: намъ нужно подновить его, чтобы ощутить рельефно. Языкъ поэзіи достигаетъ этого опредѣленіями, либо частичною характеристикой общаго акта, тамъ и здѣсь въ примѣненіи къ человѣку и его психикѣ“ ¹⁾.

„Когда между объектомъ, вызывавшимъ игру, и живымъ субъектомъ аналогія сказывалась особенно рельефно, или устанавливалось ихъ нѣсколько, обуславливая цѣлый рядъ перенесеній, параллелизмъ склонялся къ идее уравниенія, если не тождества“ ²⁾. — *Отъ параллелизма*: птица движется, мчится по небу, стремглавъ спускается на землю; молнія падаетъ, движется — народныя повѣрья о похищеніи съ неба огня склоняются къ *отождествленію*: птица переноситъ на землю огонь — молнію, молнія = птица“ (ib.).

Такого рода уравниенія лежатъ въ основѣ древнихъ вѣрованій, о происхожденіи людскаго рода: человѣкъ считалъ себя огнемъ юнымъ на землѣ, п. ч. былъ безпомощенъ. Откуда взялся онъ? Этотъ вопросъ ставился вполне естественно, и отвѣты на него получались на почвѣ тѣхъ сопоставленій, основнымъ мотивомъ которыхъ было

¹⁾ Ib., с. 2.

²⁾ Ib., с. 5.

перенесеніе на вѣдшій міръ принципа жизненности. Міръ животныхъ окружалъ человѣка, загадочный и страшный; манила трепещущая тайна лѣса, сѣдые камни точно вырастали изъ земли. Все это казалось старо, давно жило и правилось, долѣя самому себѣ, тогда какъ человѣкъ только что начиналъ устраниваться, распознавая и борясь; за нимъ лежали болѣе древнія, сложившіяся культуры, но онъ самъ пошелъ отъ нихъ, и ч. вездѣ онъ видѣлъ или подозрѣвалъ. И онъ представлялъ себѣ, что его праотцы выросли изъ камней (греч. *мнѳ*), пошли отъ вѣтрѣй (*новѣрье*, распространенное въ Средней Азіи, среди сѣверо-американскихъ племенъ, въ Австраліи), зародились отъ деревьевъ и растений¹⁾.

Эта идея отличается удивительной живучестью: пройдя рядъ видоизмѣненій, она дожила донинѣ и бытуетъ въ устахъ народа, въ его повѣіи. — Прослѣдимъ хотя одинъ примѣръ въ различныхъ фазахъ его жизни. *Сначала — тождество*: Дафна = лавръ; Клитія, покинутая Сол'емъ, томится въ образѣ цвѣтка (Ovid., Met., V, 97, XXI, 99); „въ египетской легендѣ герой помѣщаетъ свое сердце въ цвѣтахъ акаціи, когда же, по наущенію жены, дерево срублено, оно умираетъ“ (ib. 7).

Дальнѣйшій ступень: умираютъ два человѣка, на ихъ могилахъ вырастаютъ два дерева, два цвѣтка, которые срастаются, переплетаются, производятъ плоды — дѣтей.

Новая стадія: садятъ на могилахъ любимыхъ цвѣты, деревья.

Отсюда возникаетъ въ пѣснѣ параллелизмъ, а потомъ сравненіе.

„Чѣмъ больше человѣкъ познавалъ себя, тѣмъ болѣе выяснялась грань между нимъ и окружающей природой, и идея тождества уступала идеѣ личности. Древній синкретизмъ удался передъ расчленяющими подвигами зна-

¹⁾ Ib., а. 5—6.

нія: уравни́е молні́я—пти́ца, чело́вѣкъ—дере́во смѣни́лось сравне́ніями: молні́я, какъ пти́ца, чело́вѣкъ, что дере́во и т. п.¹⁾.

Дальнѣйшее развитіе образности совершалось на другихъ путяхъ. Обособленіе личности, сознаніе ея духовной сущности (въ связи съ культомъ предковъ) должно было повести къ тому, что и жизненные силы природы обособились въ фантазіи какъ нѣчто отдѣльное, жизнеподобное, личное; это онѣ дѣйствуютъ, желаютъ, вліяютъ въ водахъ, лѣсахъ и явленіяхъ неба; при каждомъ деревѣ явилась своя гамадриада, ея жизнь съ нимъ связана, она ощущаетъ боль, когда дерево рубятъ, она съ нимъ и умираетъ²⁾.

„Требованія (суггестивности) присущи нашему сознанію, оно живетъ въ сферѣ сближеній и параллелей, образно усваивая себѣ явленія окружающаго міра, вливая въ нихъ свое содержаніе и снова воспринимая ихъ очеловѣченными. Языкъ поэзии продолжаетъ психическій процессъ, начавшійся на донисторическихъ путяхъ: онъ уже пользуется образами языка и мѣта, ихъ метафорами и символами, но создаетъ по ихъ подобію и новое. Связь мѣта, языка и поэзии не столько въ единствѣ преданія, сколько въ единствѣ психологическаго приѣма, въ *arte renovata dicendi* (Quint., IX, 1, 14): переходъ лат. *extinguere* отъ понятія ломанія (острія) къ понятію тушенія — и сравненіе тембра голоса съ кристалломъ, который надломленъ (Huyssmans), древнее сопоставленіе солнце — глазъ и женихъ — соколъ народной пѣсни — все это появилось на разныхъ стадіяхъ того же параллелизма“³⁾.

Общій типъ простѣйшаго, двуучелннаго, параллелизма таковъ: „картинка природы, рядомъ съ нею таковая же изъ человѣческой жизни; онѣ вторятъ другъ другу при различіи объективнаго содержанія, между ними происхо-

¹⁾ Гб., с. 8.

²⁾ Гб., с. 8—9.

³⁾ Гб., с. 9.

дать созвучія, выясняющія то, что въ нихъ есть общаго. Это рѣзко выделяетъ психологическую параллель отъ повтореній, объясняемыхъ механизмомъ иѣсеннаго исполненія (хорического или амбейнаго) и тѣхъ тавтологическихъ формулъ, гдѣ стихъ повторяетъ въ другихъ словахъ содержаніе предыдущаго или предыдущихъ¹⁾: это — *ритмическій параллелизмъ* („солнце не знало, гдѣ его покой | Мѣсяцъ не зналъ, гдѣ его сила“), тавтологія, дѣлавшая образъ путемъ ритмичности, музыкальности, какъ бы яснѣе. Къ такому исключительно музыкальному, ритмическому впечатлѣнію на извѣстной степени разложенія спускался и психологическій параллелизмъ.

Основа послѣдняго — сопоставленіе двухъ мотивовъ, при чемъ одинъ подсказываетъ другой: они выясняютъ другъ друга, а перевѣсъ остается на сторонѣ того, который наполненъ человѣческимъ содержаніемъ. Это — парность представленій, связанныхъ по частямъ, по категоріямъ дѣйствій (предпочтительно), парность предметовъ и качествъ.

Когда подобная параллель вошла въ обиходъ обычая или культа, опредѣлилась и окрѣпла, она становится *символомъ*, являясь самостоятельно „и въ другихъ сочетаніяхъ, какъ показатель нарицательнаго“²⁾.

Отсюда — переходъ къ параллелизму формальному черезъ посредство: а) „умолчанія въ одномъ изъ членовъ параллели черты, логически вытекающей изъ его содержанія съ какой нибудь чертой 2-го члена;... умолчанное подсказывалось на первыхъ порахъ само собою, пока не забывалось“³⁾.

При формально-логическомъ развитіи выраженнаго въ одномъ изъ членовъ параллели образа или понятія, другой отстаетъ, и связь затемняется: молодъ = зеленъ = вѣршокъ = веселъ = плашетъ; отсюда: „Въ лѣсу дерево

¹⁾ Ib., с. 9—10.

²⁾ См. ib., с. 21, с. 24.

³⁾ Ib., с. 27.

безъ листьевъ, у матери дочь безъ пласки“. Чередованіе связанныхъ по смыслу образовъ замѣняется созвучіемъ словъ въ двухъ членахъ параллели. „Лѣзкъ народной поэзіи наполнился іероглифами, понятными не столько образно, сколько музыкально, не столько представляющими, сколько настраивающими; ихъ надо помнить, чтобы разобратъся въ смыслѣ... За смѣшеніями явились созвучія, довлѣющія сами по себѣ, какъ: коса = роса — краса“ ¹⁾).

Въ дальнѣйшей жизни члены параллели могутъ развѣртываться въ цѣлую пѣсню: порой одна половина разливается въ ущербъ другой, начиная бытовать особо, въ видѣ напѣва, какъ особой самостоятельной части пѣсни, сначала связанной узами напѣва и содержанія съ извѣстной пѣсней, потомъ съ рядомъ пѣсенъ одного напѣва, а потомъ прикрѣпляемой случайно, механически къ любой пѣснѣ.

„Параллелизмъ не только сопоставляетъ два дѣйствія, анализируя ихъ взаимно, но и подсказываетъ однимъ изъ нихъ чанія, опасенія, желанія, которыя простираются и на другое. Липа всю ночь шумѣла, съ листкомъ говорила; будетъ намъ разлука — будетъ разлука и дочери съ маткой“ ²⁾).

— Въ приведенныхъ выше выдержкахъ кратко и мѣтко начертанъ общій путь формальнаго развитія всѣхъ видовъ пѣсеннаго творчества, всей народной поэзіи, а въ частности, конечно, и заговора, какъ особаго вида ея.

„Основная формула заговора была такая же двучленная, стихотворная или смѣшанная съ прозаическими частіями, а психологическіе поводы были тѣ же: призывалось божество, демоническая сила, на помощь человѣку; когда-то это божество или демонъ совершили чудесное исцѣленіе, спасли или оградили; какое-нибудь ихъ

¹⁾ Ib., с. 32.

²⁾ Ib., с. 51.

дѣйствіе напоминалось типически (такъ уже въ сумерійскихъ заклинаніяхъ), — а во второмъ членѣ параллели являлся человѣкъ, жаждущій такого же чуда, спасенія, повторенія того же сверхъестественнаго акта. Разумѣется, эта двучленность подвергалась измѣненіямъ, во второмъ членѣ эпическая канва уступала мѣсто лирическому моменту моленія, по образность восполнялась обрядомъ, который сопровождалъ реальнымъ дѣйствиємъ произнесеніе заклинательной формулы. Извѣстный мерзбургскій заговоръ съ его многочисленными параллелями можетъ служить представителемъ другихъ подобныхъ: ѣхали когда-то три бога, у одного изъ нихъ конь поранилъ ногу, но богъ исцѣлилъ его; такого исцѣленія ожидаетъ и молящій объ унятіи крови. Въмѣсто боговъ являлись святые, лица евангельской исторіи, каковыя событія которой, расцвѣченныя фантазіей апокрифовъ, давали порой схему заговоровъ. Сотникъ Лонгинъ вынулъ гвозди изъ рукъ и ногъ Спасителя; пусть бы и у меня вышло изъ тѣла желѣзное остріе... Иначе: картина распятія дала образы для заговоровъ отъ кровотеченія, искажаясь до неузнаваемости въ латышскомъ заговорѣ. Иисусъ Христосъ идетъ по морскому берегу, три креста у Него въ правой рукѣ: первый — вѣры, второй — повелѣнія, третій — исцѣленія. Кровь я тебѣ повелѣваю, — остановись!¹⁾

Если эпическая часть получала особое развитіе, она какъ бы заглушала вторую часть параллели, приближая двучленный заговоръ къ одночленному параллелизму: „три сестрицы придутъ шелкъ; выпрадайте его, на землю не роняйте, съ земли не поднимайте; — у р. Б. Н. крови не бывать“. Въ такихъ случаяхъ заговоръ можетъ смѣшиваться, сливаться и перерождаться въ близкія по строю, родственныя формы народнаго творчества, — пословицу, загадку и проч., сжиматься до эпитета, бытовать въ качествѣ поэтической метафоры и т. д.

¹⁾ Ib., с. 51—52.

„Простѣйшій видъ одночленности представляетъ тотъ случай, когда одинъ изъ членовъ параллели умалчивается, а другой является его показателемъ; это — *modus pro toto*; такъ какъ въ параллели существенный интересъ отданъ дѣйствию изъ человѣческой жизни, которая иллюстрируется сближеніемъ съ какимъ-нибудь природнымъ актомъ, то послѣдній членъ параллели и стоитъ за цѣлое“ ¹⁾.

Въ дальнѣйшей жизни своей эти короткія одночленные формулы служатъ источниками символовъ, растяжимыми для новыхъ сближеній мысли, возвращаясь иной разъ къ первичной яркости и живости, „когда параллельная формула проникается не только личнымъ содержаніемъ опущенной, но и ея бытовыми, реальными отношеніями... Обращаются къ цвѣтку, розѣ, ручью, но развитіе идетъ далѣе въ коленяхъ человѣческаго чувства: роза распускается для васъ, она намъ отвѣчаетъ, или вы ждете, что она отвѣтаетъ“ ²⁾. Этотъ послѣдній видъ, такъ наз. метафора, является, какъ результатъ продолжительнаго стилистическаго развитія при содѣйствіи многочленного параллелизма, роль коего, — въ противоположность одночленному, — разрушеніе образности, подготовленіе къ особенности нѣкоторыхъ стилистическихъ формацій.

Многочленный параллелизмъ развивается „изъ двухчленного одностороннимъ накопленіемъ параллелей, добытыхъ при томъ не изъ одного объекта, а изъ нѣсколькихъ сходныхъ;... сводитъ параллели подъ радъ, умножаетъ объясненія и, вмѣстѣ, матеріалы анализа, какъ бы открывая возможность выбора: «Не свивайся трава съ былинкой, Не счастлиа голубь съ голубкой. Не свикайся молодецъ съ дѣвицей» ³⁾.

„Такое одностороннее умноженіе объектовъ въ одной части параллели, указываетъ на большую свободу

¹⁾ Ib., с. 56.

²⁾ Ib., с. 60.

³⁾ Ib., с. 54.

движенія въ сеі составѣ: параллелизмъ сталъ стилистико-аналитическимъ приѣмомъ, а это должно было повести къ уменьшенію его образности, къ сѣшеніямъ и перенесеніямъ всякаго рода... Такъ анализируетъ себя лишь успокоившееся чувство; но здѣсь же источникъ пѣсенныхъ и художественныхъ *loci communes*“¹⁾.

Для разрѣшенія этой двойственности или множественности является отрицательный параллелизмъ, гдѣ въ двучленной или многочленной формулѣ постепенно устраняются одно или нѣсколько утвержденій, и вниманіе сосредоточивается на одномъ утвержденіи. „Формула начинается съ отрицанія либо съ положенія, которое вводится нѣбѣдко со знакомъ вопроса. «Не бѣлая березка нагибается,

Не шапучая осина расшумѣлася,

Добрый молодець кручиной убивается.“²⁾

„Бѣлѣють цвѣты на горѣ;

Черемуха ли это цвѣтеть, или яблоня?

Не цвѣтеть ни черемуха, ни яблоня,

А бѣлѣется сама братнина сестра“³⁾.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ двойственность, колебаніе, сомнѣніе разрѣшаются въ утвержденіе. Отрицательный параллелизмъ — это значительный шагъ мысли впередъ, это своего рода „подвигъ“ сознанія, выходящаго изъ смутности слияющихся впечатлѣній къ утвержденію единичнаго; то, что прежде принималось въ него какъ соразмѣрное, смежное, выдѣлено, и если притягивается снова, то какъ напоминаніе, не предполагающее единства; какъ сравненіе. Процессъ совершился въ такой послѣдовательности формулъ: человекъ—дерево; не дерево, а человекъ; человекъ, какъ дерево. На почвѣ отрицательнаго параллелизма послѣднее выдѣленіе еще не состоялось вполне: смежный образъ еще витаетъ гдѣ-то вблизи,

¹⁾ Ib., с. 55.

²⁾ Ib., с. 64.

³⁾ Ib., с. 67.

видимо устраненный, но еще вызывая созвучія. Понятно, что элегическое чувство нашло въ отрицательной формулѣ отиѣчающее ему средство выраженія: въ чѣмъ-нибудь поражены, неожиданно, печально, въ глазамъ не вѣрите: это не то, что вамъ кажется, а другое, вы готовы успокоить себя иллюзіей сходства, но дѣйствительность бьетъ въ глаза, самообольщеніе только усилило ударъ, и вы устраняете его съ болью: то не березынька свинается, то свинается, кручинится твоя молодая жена¹⁾.

„Чередованіе положительнаго параллелизма, съ его прозрачною двойственностью, и отрицательнаго, съ его колеблющимся, устранивающимъ утвержденіемъ дать народному лиризму особую расплывчатую окраску. Сравненіе не такъ суггестивно, но оно положительно“²⁾.

„Сравненіе не только окладѣло запасомъ сближеній и символовъ, выработанныхъ предыдущей исторіей параллелизма, но и развивается по указаннымъ имъ стезямъ; старый матеріалъ влился въ новую форму, нѣмны параллели укладываются въ сравненіе и наоборотъ, есть и переходные типы“³⁾.

„Многочленному параллелизму отиѣчаетъ такая же форма развитога сравненія... съ тою разницею, что, при сознательности самаго акта, развитіе является болѣе синтаксически сложеннымъ, а личное сознаніе выходитъ изъ границъ традиціоннаго матеріала параллелей къ новымъ сближеніямъ, къ новому пониманію образовъ и виртуозности описаній, довлѣющихъ сами себѣ... Бытовыя впечатлѣнія, окружавшія пѣвца, вторгались въ его сравненія, и параллелизмъ обогащался сценами, всегда реальными, если не всегда поэтическими“⁴⁾.

Со временемъ матеріалъ сравненій „сѣзвился, ограничился выборомъ, подсказаннымъ намѣненіями быта, от-

¹⁾ Ib., с. 68.

²⁾ Ib.

³⁾ Ib., с. 69.

⁴⁾ Ib., с. 71.

дѣленіємъ художественной поэзіи отъ народной, увлеченіями моды, случайностью культурныхъ скрещиваній.... Съ сравненіями произошло то же, что съ тѣми параллельными формулами, которыя нарождались въ народной пѣснѣ и забывались, тогда какъ немногія пережили, отложившись въ прочныя очертанія символа, опредѣленнаго и вмѣстѣ широко суггестивнаго¹⁾).

„Не все, когда-то живое, юное сохранилось въ прежней яркости, нашъ поэтический языкъ нерѣдко производитъ впечатлѣніе детритонъ, обороты и эпитеты полипали, какъ линіяетъ слово, образность котораго утрачивается съ отвлеченнымъ пониманіемъ его объективнаго содержанія. Пока обновленіе образности, колоритности остается въ числѣ *ria desideria*, старыя формы все еще служатъ поэту, ищущему самоопредѣленія въ созвучіяхъ или противорѣчіяхъ природы: и чѣмъ полнѣе его внутренній міръ, тѣмъ тоньше отзвукъ, тѣмъ большею жизнью трепещутъ старыя формы“²⁾).

„Въ такомъ исканіи созвучій, исканіи челоѣка въ природѣ есть нѣчто страстное, патетическое, что характеризуетъ поэта, характеризовало, при разныхъ формахъ выраженія, и цѣлыя полосы общественнаго и поэтическаго развитія. Элегическое увлеченіе красотаи природы, интимность *Naturgefühl*'а, жаждущаго отголосковъ, наступало въ исторіи не разъ: на рубежѣ древняго и новаго вѣковъ, у средневѣковыхъ мистиковъ, у Петрарки, Руссо и романтиковъ, Франциску Ассизскому чудилась въ природѣ разлитая повсюду божественная любовь; средневѣковый аллегоризмъ, члѣвшій во всемъ твореніи соотвѣтствія и совпаденія съ міромъ челоѣка, далъ схоластическій оборотъ тому же строю мыслей; Петрарка искалъ тѣхъ же созвучій, но набрелъ на противорѣчія: онѣ лежали въ немъ самомъ. Такое настроеніе понятно въ эпохи колебаній и сомнѣній, когда назрѣлъ разладъ меж-

¹⁾ Ib., с. 74.

²⁾ Ib.,

ду существующимъ и желаемымъ, когда ослабѣла вѣра
прочность общественнаго и религіознаго уклада и силь-
нѣе ощущается жажда чего-то другого, лучшаго. Тогда
научная мысль выходитъ на новые пути, пытается водво-
рить равновѣсіе между вѣрой и знаніемъ, но сказывает-
ся и старый параллелизмъ, ищущій въ природѣ, въ ея
образахъ отвѣта на недочеты духовной жизни, созвучія
съ нею. Въ поэзіи это приводитъ къ обновленію образ-
ности, пейзажъ-декорація наполняется человѣческимъ со-
держаніемъ. Это тотъ же психическій процессъ, который
отвѣтилъ когда-то на первые робкіе запросы мысли; та
же попытка сродниться съ природой, проэктировать себя
въ ея тайникѣ, переселить ее въ свое сознаніе; и часто
тотъ же результатъ: не знаніе, а поэзія¹⁾.

Этой исторіей жизни параллелизма въ значительной
мѣрѣ раскрывается и жизнь, хронологическій, послѣдова-
тельный ростъ заговора, во многихъ случаяхъ — разно-
видности параллелизма. Такимъ образомъ, здѣсь уже на-
мѣчаются нѣкоторыя основы для внутренней классифика-
ціи заговоровъ, самаго труднаго вопроса въ дѣлѣ фор-
мальной разработки этого вида народнаго творчества, —
къ которому и переходу въ дальнѣйшемъ наложеніи.

¹⁾ Ib., с. 79—80.

ГЛАВА 4-я.

Способы классификаціи заговоровъ.

Такъ какъ изслѣдованія о заговорахъ являлись обыкновенно въ видѣ приложений къ другому, замѣчаній между прочимъ, — вполне понятно, что вопросъ о классификаціи ихъ почти не тронуть.

Наши крупные собиратели и записыватели заговоровъ (Афанасьевъ, Майковъ, Ефименко, Романовъ, Шейнъ и др.) руководились обыкновенно при обозначеніи заговора названіемъ, заголовкомъ его въ устахъ знахаря или шентухи, а потомъ группировали свой матеріалъ сообразно этимъ названіямъ; нѣкоторые, встрѣтившись въ той же народной средѣ съ различными названіями этого вида народнаго творчества (заклятія, проклятія, заклинанія, заговоры и проч.), на этомъ основаніи выдѣляли крупными группами, или отдѣлы въ своихъ работахъ, не обращая иногда вниманія даже на то, что происходитъ при этомъ смѣшеніе родовыхъ и видовыхъ понятій (какъ у Помяловскаго — изъ заговоровъ и наговоровъ выдѣляются „привороты“, какъ особая, самостоятельная группа).

Конечно, для исторіи развитія методовъ и пріемовъ изслѣдованія всѣ эти попытки классификаціи представляютъ большой интересъ, какъ исканія истиннаго пути впотѣмахъ, въ области, почти нетронутой научнымъ анализомъ, — а потому я постараюсь истерпеть скудный матеріалъ этого рода, ннѣющійся въ моемъ распоряженіи.

Помяловскій въ своихъ „Эниграфическихъ этюдахъ“ пытается прежде всего положить рѣзкую грань между наговоромъ и заговоромъ.

„Заговоръ отличается отъ наговора своею сущностью, основнымъ понятіемъ: тогда какъ въ послѣднемъ навлекается какое-нибудь зло или бѣда на человѣка, въ первомъ они отвращаются; это есть не *impresatio*, а *depressatio*. Очень можетъ быть, что первоначально это была простая молитва, въ которой человѣкъ просилъ божество пріостановить или прекратить извѣстное его или другого божества вліяніе на себя или на другого; слѣды этого могутъ быть видимы въ выраженіяхъ: *ne habeas Eutychiam Soterichii uxorem; ipse dē ōmī xai ēlēōtheri*. Но уже въ очень раннее время молитва и просьба перешли въ приказаніе“, а потомъ заговоръ и наговоръ слились воедино подъ видомъ тарабарскихъ формулъ. „Выйдя такимъ образомъ изъ двухъ противоположныхъ понятій, заговоръ и наговоръ сошлись къ одному пункту, представляемому магическими реченіями“ ¹⁾. — „Въ христіанскихъ заговорахъ заклинаніе употребляется единственно съ цѣлью остановить вліяніе злого духа, другія заклинанія у христіанъ не употреблялись“ ²⁾. — „Существуетъ еще рядъ памятниковъ христіанскихъ, которые, сходясь съ языческими наговорами по формѣ, тѣмъ не менѣе діаметрально противоположны по содержанію“ ³⁾. Это — заклинанія противъ болѣзней ⁴⁾. Кроме того, и у христіанъ встрѣчается, правда единственный, родъ чистаго наговора — „на нарушителей тишины и святости могилъ“ ⁵⁾.

Такимъ образомъ устойчивости, строгихъ граней здѣсь нѣтъ. До тѣхъ поръ, пока наговоръ есть формула

¹⁾ „Энигр. этюды“, с. 51.

²⁾ *Ib.*, 56.

³⁾ *Ib.*, 67.

⁴⁾ См. напр. образецъ такого наговора—заклинанія у Помяловскаго на с. 67—8.

⁵⁾ Помяловскій, *ib.*, 155.

накликавія зла, она, конечно, рѣзко отличается отъ заговора, и въ кругъ моего изслѣдованія не захватывается; но когда наговоръ является призывомъ гибели на засѣвшую въ человѣкѣ болѣзнь, это есть уже врачеваніе недуга, а значитъ — нѣчто, трудно отдѣлимое отъ заговора.

Ивашенко ¹⁾ объединяетъ разнообразныя формулы народнаго врачеванія при помощи силы слова въ одномъ терминѣ — *шентаніи* (очевидно по способу произношенія большинства таковыхъ формулъ).

„Шентаніе... является словесно-обряднымъ врачующимъ орудіемъ въ устахъ избранныхъ лицъ, властвующихъ имъ... Глаголъ *шентати* употребляется въ значеніи дѣйствительнаго, въ смыслѣ *врачевать*“ ²⁾.

„Всѣ шентаніи распадаются на два большихъ отдѣла. Въ первый изъ нихъ входятъ шентаніи замовлянья, или заклинанія, какъ словесно-обрядныя мѣры противъ постигшихъ человѣка болѣзней и неблагопріятныхъ случаевъ въ жизни“ ³⁾. Отдѣлъ этотъ можно разбить на три группы: а) противъ болѣзней отъ неизвѣстной причины или предполагаемой, б) противъ болѣзней, причина коихъ извѣстна и в) противъ неблагопріятныхъ случаевъ жизни. Второй отдѣлъ составляютъ „шентанья-примовлянья или наговоры“, призывающіе добро или зло на человѣка ⁴⁾.

„Мы видимъ въ заговорахъ, вообще, невѣжественное смѣшеніе духовныхъ и мірскихъ, святыхъ и суетныхъ понятій. Невѣжеству народа, простотѣ его, а не аномальности, должно приписать такое суетенство и кощунство. Таковы заговоры любовные, заговоры отъ укушенія змѣи и собаки, отъ поруба или кровотечения, отъ ружья или пули, отъ огня или пожара и проч. — Есть еще особый родъ заговоровъ, соединяющихъ въ себѣ мо-

¹⁾ „Слѣды язич. вѣров.“.

²⁾ *Ивашенко*, *оп. cit.*, с. 314, 315.

³⁾ *Иб.*, 317.

⁴⁾ *Иб.*, 318.

литву и заклітіє; сюда, напр., принадлежит заговоръ идучи на судъ, гдѣ заговорщикъ испрашиваетъ себѣ всѣхъ благъ, а на противниковъ своихъ и неправедныхъ судей навлекаетъ всѣ возможныя бѣдствія“ ¹⁾.

Вопреки мнѣнію Порфирьева о тѣсной близости между собою языческихъ (а также и апокрифическихъ) молитвъ и заговоровъ въ народныхъ взглядахъ по этому вопросу сохранилось кое гдѣ совсѣмъ иное пониманіе. Такъ въ пудожскомъ уѣздѣ строго различаются заговоръ (= слово) и молитва. Заговоръ „имѣетъ обязательную силу;... произнесенный безъ ошибокъ, обязываетъ къ совершенію извѣстныхъ дѣйствій духа, къ которому заговоръ относится. Молитва имѣетъ лишь просительное значеніе“ ²⁾.

„Въ записанныхъ мною заговорахъ, кромѣ обращенія къ болѣзни... заключается еще краткая характеристика болѣзни и причинъ возникновенія послѣдней; напр. перенелохи выхрови, блискви, громви, уроки насміяни, наснивани, жидивськи, цыганьски, — почему полезнѣе излагать заговоры вмѣстѣ съ болѣзнями, а не отдѣльно отъ нихъ“ ³⁾.

Значить, возможна еще классификація по причинамъ заболѣваній, каковую я находилъ у г. Аршинова ⁴⁾.

Болѣзни могутъ происходить: 1) отъ Бога (врожденныя, наслѣдственныя и неподходящія подъ прочія категоріи), 2) съ глазу (лихорадочное состояніе, общее недомоганіе), 3) съ притки (по несчастной случайности — ушибъ, ожогъ и проч.), 4) отъ порчи (кликушество, меланхолія), 5) отъ думы (нѣкоторыя душевныя болѣзни, головныя боли), 6) съ натуги (боли въ животѣ, въ пояс-

¹⁾ В. Даль, „О повѣр., суев....“, с. 33—4.

²⁾ Харузинъ, „Сборникъ свѣдѣн.“, с. 345.

³⁾ Милорадовичъ, „Народн. медицина...“, I, с. 56.

⁴⁾ „О народномъ лѣченіи въ Казавск. у.“ (въ „Сборникъ свѣдѣн.“ — Харузинъ), с. 246.

ницѣ), 7) съ вѣтру (простуда, спиная заушица), 8) присталиа (чесотка и др.).

Antan дѣлитъ обследуемый имъ матеріалъ на 3 группы: 1) Heilsprüche, 2) Beschwörungen — oder Zauberformeln и 3) Kirchliche Segen und Gebete. — Heilsprüche — это заговоры отъ внутреннихъ и наружныхъ болѣзней у людей и животныхъ, уже заболѣвшихъ; это по большей части заклинаніи стариннаго характера, нерѣдко близкія къ церковнымъ молитвословіямъ. — Во вторую группу входитъ по преимуществу заговоры, имѣющіе въ виду силою волшебною или силою молитвы ослабить или уничтожить скрытую или явную власть злого челоуѣка, звѣря или силы природы, наконецъ — бѣдствія, насланныя другимъ изъ званіи. — Послѣдній отдѣлъ самый многочисленный; сюда относятся самыя разнообразныя формулы, имѣющія въ виду предотвратить всякое бѣдствіе, всякое зло; нерѣдко такіе заговоры носятъ при себѣ въ видѣ записокъ — талисмановъ ¹⁾.

Первый крупный изслѣдователь заговоровъ — Крушевскій въ вопросѣ о классификаціи пошелъ вслѣдъ за записывателями, группируя заговоры по болѣзнямъ, или шире — по тѣмъ предметамъ, явленіямъ, противъ которыхъ они направляются.

A. Bräun ²⁾ предлагаетъ такую группировку: 1) первоначальныя тексты молитвъ, обращенныхъ въ заклинанія; 2) заговоры книжнаго происхожденія: а) изреченія изъ священнаго писанія, б) наборъ словъ или точнѣе — членораздѣльныхъ звуковъ безъ значенія; 3) заговоры народныя. — Искусственность и несмысленность такого дѣленія признана самимъ авторомъ, который признаетъ эту классификацію не научной, а необходимой лишь для удобства распредѣленія матеріала.

Новѣйшій изслѣдователь вопроса — Зелинскій гово-

¹⁾ „Volksegen“, с. 199.

²⁾ См. „Записки Нео-этнологическаго Общества“ 1891 г., в. 2-й, № 1, с. 10.

рить слѣдующее: „Если мы обратимся къ самымъ заговорамъ, если мы рассмотримъ ихъ форму, то, какъ мы раньше уже это видѣли, всѣ заговоры восходятъ къ той основной формѣ, которая установлена Потебней, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи всѣ они одинаково ее имѣли, такъ что едва-ли мы ошибемся, если позволимъ себѣ сдѣлать заключеніе, что дѣлать заговоры по формѣ нѣтъ никакого основанія. Съ другой стороны, содержаніе заговоровъ такъ однообразно, что прилагивается легко къ какому угодно случаю жизни, и между двумя заговорами часто то лишь различіе, что у нихъ различныя явленія желанныя. Поэтому мы думаемъ, что всякая группировка заговоровъ должна быть болѣе или менѣе искусственной и можетъ быть допущена лишь для удобства расположенія матеріала и его изложенія. — Изъ такихъ группировокъ, по нашему мнѣнію, въ настоящее время самая лучшая та, по которой распределены заговоры въ сборникѣ Майкова“¹⁾.

Мнѣ думается, что для удобства обслѣдованія матеріала можно распределить его по наименѣе встрѣчающимся, и притомъ у различныхъ народностей, названіямъ болѣзней, (каковы — лихорадка, слезъ, кровотеченіе), а въ этихъ крупныхъ отдѣлахъ попытаться установить группировку по степени древности заговора, руководствуясь его формальной стороной (— см. предыдущую главу —) и тѣми психологическими основаніями возникновенія и эволюціи заговора, которыя высказывались Крушевскимъ, Потебней и Веселовскимъ. Это, полагаю, болѣе естественное дѣленіе; правда, могутъ быть и новообразованія по древнимъ образцамъ, но вѣдь главная, по-моему, задача изслѣдованія — установить не хронологическую дату даннаго, единичнаго заговора (— да это врядъ-ли и возможно, за рѣдкими исключеніями —), а прослѣдить типы ихъ

¹⁾ „О заговорахъ“, с. 52—53.

развитія, по которымъ можно судить о приёмахъ человѣческой мысли на данномъ пути; подмѣтить, уловить, возможности, законы развитія человѣческой мысли вообще.

Конечно, было бы крайне желательно расположить весь матеріалъ по такому внутреннему признаку, разставляя вѣхи по пути роста мыслей и духа человѣческаго; но при современномъ подборѣ матеріала и состояніи его разработки, я не признаю себѣ въ силахъ выполнить эту чрезчуръ сложную задачу и указываю лишь на нее, какъ на одно изъ *ria desideria* для будущихъ изслѣдователей вопроса.

(Продолженіе будетъ).

А. Ветуховъ.

Этимологическія замѣтки.

1. Если я не ошибаюсь, литовско-латышское названіе *мѣди* до сихъ поръ этимологически не выяснено. Въ «Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde» О. Шрадера (1901 г. стр. 591) оно стоитъ одиноко. Это литовск. *wāgias*, латыш. *waļā* (варьш), др.-прусс. *wargien* (*g* — признакъ мягкости *r*), откуда др.-прусс. *warene* (котель). Съ этимъ словомъ я считаю возможнымъ сопоставить эпитетъ одного изъ геніевъ, съ которыми Заратуштра имѣлъ разговоръ при выступленіи на свою проповѣдь. Именно, пророкъ Ирана получилъ въ свое завѣдованіе металлы отъ генія *Kāthra Vairya*, который владѣлъ рудными копями (см. о немъ *W. Jackson. Zoroaster. The prophet of ancient Iran. New-York. 1899, стр. 47—48* или его-же статью въ *Grundriss der iranischen Philologie. II т. 4 вып. стр. 638*). Имя этого генія (*царь Ваирья*) какъ Юсти (*Handbuch der Zendsprache. 1864, стр. 258*), такъ и Джексонъ связываютъ съ корнемъ *vağ-* и съ существительнымъ *vağa* (желанный), такъ что, по мнѣнію послѣдняго, мы имѣемъ здѣсь отвлеченное названіе „царство желанія“. Однако, если мы обратимъ вниманіе на специальную функцію названнаго генія, его покровительство металламъ, то едва-ли мы не будемъ правы, переводя *Kāthra Vairya* черезъ „царь металловъ“ и видя въ послѣднемъ словѣ производное отъ корня *vağ* въ значеніи *металла* вообще и, можетъ быть, въ частности *мѣди*, какъ это мы наблюдаемъ и въ развитіи значенія слова *ауав*, *нес* и т. д.

2. Частица *ан*, употребительная въ болгарскомъ и сербскомъ языкъ въ формахъ *онан*, *такози* и т. д., послужила предметомъ обстоятельнаго изслѣдованія г. Ильинскаго, который предполагаетъ, что она происходитъ отъ частицы *си*. Къ сожалѣнію, ученый авторъ этой статьи не обратилъ вниманіе на родственные индогерманскіе языки, которые говорятъ за то, что огромное большинство энклитическихъ частицъ нашихъ языковъ уже индогерманскаго происхожденія. Думаю, что въ древне-иранскомъ языкѣ мы имѣемъ частицу, вполне тождественную по значенію и употребленію съ слав. *ан*. Это энклитика *зи* или *зі*, особенно употребительная при мѣстоименіяхъ, напр.: *уѡі зі* (которые. Ясн. 44, 7), *kat зі асі* (что такое?), *kō mān зі* (кто меня), *уā зі* (что) и тѣсно сливающаяся съ условной частицей *уѣ* въ одно цѣлое: *уѣзі* или *уѣзі* (Ясн. 43, 6 и др.). Иран. *зи* такъ же хорошо соотвѣтствуетъ слав. *и*, какъ иран. *zesh* слав. *зем-ъ*, *зем-л*.

3. Обще-слав. *комора* (комната. Miklonich. Etym. Wörterb. 125) восходитъ къ дослав. основѣ **кашага*. Миклошичъ указываетъ на подобныя формы: греч. *κασάριον*, алб. *канниге*, турецк. *кашага*. Для сравненія надо бы привлечь еще очень древнюю форму, авест. *камаг* (сводчатый, отсюда *кашаги* въ смыслѣ *поиса* и *комнаты со сводчатыми потолками* ¹⁾) и новоперс. *kamrā* (Gewölbe, Stall). Родственная форма *камаг* (Gewölbe, Bogen, Kuppel, Halle) существуетъ и въ армянскомъ языкѣ (Hübischman. Persische Studien. 1895, стр. 88).

4. Веcke («Славянофинскія культурныя отношенія по даннымъ языка» 1890, стр. 131) считаетъ рус. *ковырять* заимствованіемъ изъ фин. *кавертаа* (*kavertaa* или *kovertaa*, праевон. *kaverran*, *koverran* „выскабливать“ и т. п. Нельзя-ли видѣть заимствованіе и въ другомъ

¹⁾ Justi. 78 датать на послѣднее значеніе слова *кашага* не приводить.

одинокѣ русскомѣ словѣ *ковылѣтъ*, которое стоитъ въ связи съ сущ. *ковыль* (хромой. Куликовскій. Слов. Олонецк. нар., 38), а не сущ. *ковыль* (растеніе), какъ думаетъ Миклошичъ. Невольно приходитъ въ голову фин. глаголъ *kävellä* (бродить, ковылять — о медвѣдѣ), который представляетъ образованіе отъ глагола *käydä* (идти)? Такъ ли это, могутъ рѣшить финнологи. Во всякомъ случаѣ, удареніе не ставитъ препятствія моему предположенію: изъ *ковырятъ*, *ковылѣтъ* легко могли возникнуть при хореническомъ складѣ трехсложныхъ словъ *ковырятъ*, *ковылѣтъ* (*молодецъ*—*молодѣцъ*). Что касается звуковой окраски словъ *ковылять* и *ковырять*, то я не думаю, чтобы этимъ формамъ предшествовали болѣе близкія къ финскимъ: *кнверять*, *кнвелятъ*; думается мнѣ, что здѣсь передъ нами явленіе ослышки или народной этимологіи. Во всякомъ случаѣ, сходство значеній особенно между *ковылѣтъ* и *kävellä* (говорится именно о медвѣдѣ) слыхомъ велико.

А. Погудинъ.

ПАМЯТИ
Виктора Ивановича Григоровича

(30 апр. 1815 г. — 19 дек. 1876 г.) ¹⁾.

Лучшее чувство собралось насъ сегодня здѣсь. Чувство теплой памяти ровно 25 лѣтъ тому назадъ внезапно и неожиданно для всѣхъ на вѣки почившаго провозвѣстника научной правды, В. И. Григоровича, привлекло насъ сюда.

Есть дѣятели жизни, память о которыхъ не должна умирать въ потомствѣ, и воспоминанія о нихъ, какъ бы часто они ни повторялись, надолго еще составляютъ предметъ живого интереса, освѣженія, ободренія и глубокаго назиданія.

Къ нимъ-то принадлежитъ и Викторъ Ивановичъ Григоровичъ.

Онъ былъ профессоромъ славянскихъ нарѣчій Казанскаго, недолгое время Московскаго и затѣмъ Одесскаго университета.

19 декабря 1876 года замерло слово этого учителя, смолкъ голосъ его высокаго разума. Но его свѣтлый образъ будетъ всегда однимъ изъ тѣхъ путеводныхъ свѣточей, которые даютъ намъ урокъ жизни, всецѣло посвященной труду и исполненію долга, полной любви и добра.

¹⁾ Читано въ засѣданіи „Общества любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“, посвященномъ памяти 25-лѣтія со дня кончины В. И. Григоровича.

Викторъ Ивановичъ родился въ г. Балтѣ (Подольской губерніи) 30 апрѣля 1815 года.

Вся жизнь его протекла въ наукѣ, въ школѣ и для науки, и всецѣло была посвящена съ одной стороны заботамъ о собственномъ духовномъ образованіи и развитіи, съ другой же возвышенноблагородному дѣлу служенія цѣлымъ умственного развитія и просвѣщенія другихъ.

Въ воспоминаніяхъ ¹⁾ учениковъ, товарищей и всѣхъ близко знавшихъ В. И., а также и въ документахъ архива Императорскаго Казанскаго университета, живы свѣдѣтельства того, какъ совершалось дѣло собственного духовнаго развитія В. И. Григоровича.

Оно началось дома, въ семьѣ родителей — отца чиновника южнорусса и матери польки. Здѣсь В. И. ознакомился съ языкомъ польскимъ, какъ съ роднымъ. Здѣсь же были заложены основы не только славянскаго языкознанія, но и мысли о славянской взаимности, вносѣдствіи такъ широко проводимыя въ сознаніе и доказываемыя В. И. въ его трудахъ. Школу проходитъ Григоровичъ въ училищѣ при униатскомъ монастырѣ базиліанъ въ г. Уманіи и тутъ въ полнотѣ изучаетъ языкъ латинскій. Затѣмъ, 4 сентября 1830 года, В. И. Григоровичъ поступаетъ въ Харьковскій университетъ — довершать свое образованіе на этико-филологическомъ отдѣленіи философскаго факультета и заканчиваетъ его въ іюлѣ 1833 г. съ дипломомъ дѣйствительнаго студента.

Готовый чиновникъ, В. И., 18 лѣтъ отъ роду, повѣхалъ было уже на службу въ Петербургъ, но любознательный юноша, съ сожалѣніемъ вспоминаетъ о своихъ занятіяхъ въ Харьковѣ, какъ онъ училъ лексиконъ Кронеберга и годами слушалъ съ каедръ чтеніе басенъ Крылова, съ приправой наипрѣдѣ окривѣвшей эстетики, свернулъ съ пути, и для завершенія своей высшей науки, съ

¹⁾ А. И. Соколова, И. Я. Порофирева, И. И. Срезневскаго, Ф. И. Успенскаго, М. П. Петровскаго, А. А. Кочубинскаго, А. И. Киричичкова, Е. Е. Асинасьева, М. Р. Завадскаго и др.

желаніемъ пройти настоящій университетъ и сохранить себя для чистой науки, является въ Дерптъ; тамъ, въ январь 1834 года, мы его видимъ въ спискѣ студентовъ, посвятившихъ себя классической филологіи.

Въ скромномъ Дерптѣ, въ то время гнѣздѣ настоящей науки, вполне обрисовался духовный обликъ ученаго. Помимо факультетскихъ предметовъ Виктора Ивановича занимаетъ здѣсь философія Гегеля, охватившая тогда всю Европу, и славяниство; онъ сблизился съ товарищами, молодыми людьми, приготовлявшимися въ Дерптѣ къ профессорскимъ кафедрамъ въ другихъ университетахъ, и отличается ими какъ человекъ большихъ дарований и рѣдкаго сердца.

Казанскій университетъ въ то время, въ заботахъ о преподаваніи только что основанной въ университетахъ съ уставомъ 1835 года славянской науки, по указанію проф. И. И. Горлова, читавшаго въ Казанскомъ университетѣ ¹⁾ политическую экономію и статистику, а прежде, во время приготовленія къ кафедрѣ, тоже изучавшаго науку въ Дерптѣ, обратилъ вниманіе на молодого Дерптскаго ученаго, В. И. Григоровича.

23 декабря 1838 года Министръ Народн. Просв. на одинъ годъ прикомандировалъ В. И., по просьбѣ университета, для приготовленія къ занятію кафедры славянской науки, въ Казанскій университетъ, съ обязательствомъ для ученаго въ теченіе года сдать кандидатскій экзаменъ и представить отчеты и труды и съ правомъ потомъ получить командировку съ ученою цѣлью за границу — въ славянскія земли.

Крупный талантъ, тщательно воздѣланный предварительнымъ неспѣшнымъ ученіемъ и правильнымъ образованіемъ, прибылъ въ Казань 27 апрѣля 1839 года и сразу принялся за выполненіе предложенныхъ ему условій. Онъ показалъ, что временемъ приготовленія своего ума,

¹⁾ Онъ опредѣленъ на должность профессора Казанскаго университета 30 'яня 1838 года.

временемъ собиранія плодовъ познанія и выработки трезваго самосознанія онъ воспользовался вполне. Навыкъ В. И. къ ученымъ занятіямъ, философія Гегеля, всецѣло обнавившая Григоровича въ Дерптѣ, и раціональныя классическія Дерптскія штудіи съ ихъ культомъ воспитывающей старины, сообщили ему готовность и способность къ научному труду въ области славянскаго языкованія, исторіи и литературы; что ясно видно изъ ряда его ученыхъ отчетовъ о занятіяхъ, представленныхъ Попечителю Казанскаго университета и округа, затѣмъ,—изъ выдержаннаго имъ въ іюнѣ и сентябрѣ 1839 года кандидатскаго экзамена и — въ мартѣ 1840 года представленной на степень кандидата диссертациі «Исслѣдованія о Церковно-Словянскомъ нарѣчій, основанныя на изученіи его въ древнѣйшихъ памятникахъ, на историческихъ свидѣтельствахъ и отношеніи его къ новѣйшимъ нарѣчіямъ». Утвержденіе В. И. Совѣтомъ университета въ степени кандидата послѣдовало 3 августа 1840 г., а первымъ (словеснымъ) отдѣленіемъ философскаго факультета онъ былъ признанъ кандидатомъ еще 30 марта 1840 г.

Готовясь къ испытанію на ученыя степени, Григоровичъ былъ въ то же время весьма полезенъ Казанскому университету и какъ знатокъ языковъ древнихъ: 2 декабря 1839 года на него возлагается временно, до начала 1841 г., факультетомъ, съ согласія Министра Нар. Просвѣщенія, преподаваніе студентамъ-филологамъ греческаго языка.

Въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ 1841 года В. И. заканчиваетъ свое магистерское испытаніе и 11 октября 1842 года публично защитилъ на степень магистра диссертацию, подъ заглавіемъ «Опытъ изложенія литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ»¹⁾; отвѣчая во время диспута на всѣ возраженія оппонентовъ съ такимъ знаніемъ дѣла, что вышелъ побѣдителемъ и сразу завоевалъ

¹⁾ Напечатана въ Учен. Зап. Казан. университета, 1842 г. Отд. отт.—Казань, 1843.

себѣ всеобщее уваженіе и симпатію. 25 февраля 1843 г. В. И. былъ утвержденъ въ степени магистра.

Григоровичъ былъ, дѣйствительно, далеко не заурядный человѣкъ, хотя и любилъ именовать себя „чернорабочимъ“ и „тяглымъ“. Пламенный южный характеръ и самоотверженіе, глубокій, острый умъ, упражненный рѣдкимъ образованіемъ, и необыкновенное трудолюбіе старого базиліанца, тонкое и отзывчивое чувство, беззащитная любовь къ наукѣ, обиліе идей — все это гармонически соединялось въ немъ, все это введено было имъ въ дѣло и создало ему затѣмъ славное имя въ наукѣ нашего отечества.

Постоянная сосредоточенность, скромность и замкнутость и холостое одиночество давали ему много досуга для самоуглубленія и анализа.

Это былъ ученый особаго порядка, воспитавшійся подъ вліяніемъ идей 30-хъ и 40-хъ годовъ, являясь показателемъ новой ступени развитія нашего общества, въ моментъ закрѣпленія серьезной науки въ русскихъ университетахъ, какъ сразу оцѣнили его современники. Жизнь его была радъ жертвъ, а дѣятельность — подвижничествомъ необыкновеннаго ученаго.

Въ своихъ занятіяхъ и трудахъ по спеціальности В. И. Григоровичъ воскрешаетъ глубоко сокрытый духъ въ литературной исторіи славянства: обнявъ частныя литературы славянъ, какъ откровеніе народнаго сознанія, онъ стремится обработать ихъ въ совокупности, показать ихъ взаимодѣйствіе. Такой обобщающій характеръ носили оба его первые официальные казанскіе труда — сочиненіе на степень кандидата, гдѣ онъ выступаетъ съ защитой, хотя и не безусловной, такъ называемой панновской теоріи, Панноніи, какъ мѣста происхожденія церковно-славянскаго языка, а затѣмъ и магистерская работа.

Вторая диссертация содержитъ въ себѣ благодарный матеріалъ для заключеній и выводовъ къ характеристикѣ ея автора. Здѣсь уже ясно выразились тѣ основныя черты воззрѣній Григоровича, которыя онъ проводилъ носѣ-

довательно, детально развивая и въ дальнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ. Существенной особенностью „Опыта“ нужно признать то, что въ основаніи его было положено философское направленіе. Мысль, что въ исторіи нѣтъ ничего случайнаго, что всѣ отдѣльные моменты развитія находятъ себѣ причину и объясненіе въ предъидущихъ стадіяхъ, — мысль эта, поставленная эниграфомъ на выходномъ листѣ сочиненія, едва-ли не служитъ вообще объясненіемъ литературныхъ и историческихъ воззрѣній Григоровича. Онъ первый дѣлаетъ попытку осмыслить отдѣльные факты славянской исторіи и литературы и показать необходимость ихъ и логическую послѣдовательность. Руководящимъ мотивомъ служить для него живая идея національности или народности, которая придавала интересъ его изслѣдованіямъ и одухотворяла его мелочныя разсужденія.

Слѣдующей, не менѣе любопытной для того времени особенностью является въ диссертаціи то, что исторія и литература разсматриваются здѣсь въ связи съ политическими судьбами народа, и славянская исторія и литература выдвигается какъ стадія общевропейскаго умственнаго и политическаго развитія.

Народность, по взглядамъ Григоровича, опредѣляется съ одной стороны индивидуальныя черты типа, съ другой — общія особенности цѣлаго рода. Индивидуальныя черты славянъ познаются по фактамъ духовной дѣятельности каждаго племени. Достоинство индивидуальности опредѣляется тѣмъ, на сколько она выражаетъ общую идею, или, по выраженію Григоровича, на сколько она стремится къ приобрѣтенію вѣса въ человѣчествѣ.

Установивъ въ славянской исторіи обособляющія начала, давшія выраженіе противоположностямъ и типическимъ разлічіямъ, авторъ приводитъ затѣмъ эти начала къ общимъ идеямъ и идеаламъ человѣчества, съ цѣлію показать участіе славянъ въ разработкѣ этихъ послѣднихъ.

Идея народности и общечеловѣческаго призванія славянъ въ первый разъ была высказана Григоровичемъ.

Въ такомъ всеоружіи знанія, по порученію факультета, 1 ноября 1842 года Викторъ Ивановичъ выступилъ съ курсомъ въ нашемъ Казанскомъ университетѣ, преподавая своимъ слушателямъ предметъ своей специальности — славянскую науку. Онъ озаглавилъ чтенія такъ: «Теорія словенскихъ языковъ и литература словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ». Здѣсь В. И. излагалъ этнографію, весьма краткую исторію славянскихъ племенъ и знакомилъ въ главныхъ чертахъ съ особенностями языковъ сербскаго, хорутанскаго, чешскаго, верхне-лужицкаго, польскаго и церковно-славянскаго, какъ это значится въ его программѣ преподаванія. Для переводовъ онъ выбиралъ статьи и отрывки преимущественно изъ народной поэзіи. Студентамъ, желавшимъ ближе ознакомиться съ языкомъ, онъ охотно предлагалъ въ пользованіе и книги изъ своей собственной бібліотеки.

Съ выступленіемъ на образовательное поприще предъ В. И. открылось обширное поле сѣянія на нивѣ научной. Область предлагаемаго В. И. знанія, казалось, была Григоровичу прирожденной. Она и сдѣлалась предметомъ его специальныхъ занятій и преподаванія. Въ чтеніяхъ Викторомъ Ивановичемъ, при полнотѣ и ясности изложенія, имѣлась на первомъ планѣ въ виду польза студентовъ. Главная цѣль, которую В. И. преслѣдовалъ въ своихъ лекціяхъ и о которой не разъ откровенно заявлялъ студентамъ, состояла въ томъ, чтобы возбудить въ слушателяхъ охоту самымъ подробнѣе ознакомиться съ тѣми красотами науки, которыя обстоятельно излагались на лекціяхъ, и о которыхъ В. И. говорилъ съ величайшимъ увлеченіемъ.

Съ 12 декабря 1842 г. по 12 января 1843 г. В. И. былъ командированъ въ Москву для осмотра разныхъ замѣчательныхъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ— Синодальной и др., а также и для того, чтобы войти въ личныя ученые сношенія съ проф. славянскихъ нарѣчій при Московскомъ университетѣ О. М. Бодянскимъ и совѣщанія о планѣ ученаго путешествія въ славянскія земли, какъ съ нимъ, такъ и съ другими учеными и болга-

рами, находящимися въ Москвѣ. Все это обстоятельно изложено В. И. въ отчетѣ, представленномъ Попечителю округа 2 іюня 1843 г.

Съ 1 іюня 1844 г. открывается новый періодъ дѣятельности Григоровича, самый крупный, научный и въѣсть съ тѣмъ общественный его подвигъ. Это, по представленію Попечителя округа, командировка его въ цѣляхъ усовершенствованія въ наукахъ за границу, его въ теченіе 2½ лѣтъ путешествіе по славянскимъ землямъ, выхода изъ Одессы и Константинополя, въ Солунь, на Святую Гору; затѣмъ въ Македонію и Болгарію, черезъ Валахію и Банатъ, въ Венгрію и Вѣну; послѣ этого—къ южнымъ славянамъ западной половины, въ Крайну, Далмацію, Черногоріе, Хорватію и Славонію и потомъ уже въ Моравію и Чехію, совершивъ обратный путь въ отечество черезъ Дрезденъ, Лейпцигъ, Берлинъ, Кёнигсбергъ...

Уже въ самомъ планѣ путешествія, предварительно представленномъ въ университетъ, рассмотрѣнномъ и одобренномъ первымъ отдѣленіемъ философскаго факультета, В. И. Григоровичъ ясно показалъ, какъ серьезно относился онъ къ задачамъ изученія славянства и какъ широко понималъ онъ эти задачи. Срезневскій, занимавшій въ это время славянскую кафедру въ Харьковѣ, такъ говоритъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Прѣбавомъ черезъ Харьковъ Григоровичъ остановился въ немъ, и мы сошлись, какъ товарищи, уже подвизавшіеся на новооткрытой кафедрѣ. Тогда мы лучше поняли другъ друга и я не могъ не оцѣнить его, какъ увлеченнаго труженика науки, очень начитаннаго и много думавшаго. Теперь являлся онъ мнѣ еще въ новомъ свѣтѣ, какъ ученый, предпринимавшій путешествіе со строго обдуманной цѣлью, повсюду имъ совершенно самостоятельно, совершенно отличною отъ тѣхъ цѣлей, какія имѣли въ виду всѣ мы другіе, прежде его ѣздившіе въ славянскія земли“.

Въ своемъ путешествіи Григоровичъ пытался раскрыть и обосновать индивидуальныя и общечеловѣческія черты у славянъ. Высшее проявленіе послѣднихъ онъ

усматриваетъ въ христіанскомъ просвѣщеніи. Христіанскіе народы, говорить онъ, во всѣхъ направленіяхъ своей нравственной дѣятельности, христіанствомъ приводятъ въ движеніе всѣ свои нравственные силы. Христіанство, какъ источникъ индивидуальнаго и народнаго просвѣщенія, поставило славянскія племена въ ряду народовъ, трудящихся для человѣчества, связало ихъ жизнь съ жизнью древнихъ и новыхъ цивилизованныхъ народовъ и спасло ихъ для человѣчества. Этими основными воззрѣніями Григоровича объясняется то, что онъ съ особенной любовью и пытливостью разыскивалъ слѣды памяти о жизни и дѣяніяхъ святыхъ славянскихъ просвѣтителей. Его главное вниманіе было обращено на христіанскую древность, для чего онъ обоживалъ монастыри и церкви и доискивался остатковъ старинной славянской письменности.

Онъ, вѣрный своей умственной привычкѣ, открывалъ и здѣсь, въ новой области дѣйствія, новыя пути и это при обстановкѣ почти нефроитной для нашего времени. И возвратился онъ не только могучимъ славистомъ, съ массой свѣдѣній, но и съ массой документовъ, съ запасомъ науки, который далъ содержаніе дѣятельности и для него самого, и для цѣлаго ряда ученыхъ, дасть и теперь, сдѣлавъ имя казанскаго путешественника безсмертнымъ.

Памѣтивъ главнымъ предметомъ своихъ запитій въ путешествіи не изученіе нарѣчій, не этнографію, не исторію политическую, а интересы славянской мысли въ словѣ, литературную старину, въ связи съ культурными условіями эпохи, Григоровичъ въ этой суженной сферѣ своихъ научныхъ интересовъ избралъ главнымъ образомъ, какъ мы видимъ, одну, но самую координальную и темную область — начало славянской литературы, ея древнѣйшія памятники, ея письмо и ея орудіе — языкъ.

Вотъ почему Григоровичъ двинулся въ славянскій путь съ нетронутаго Востока.

Но что давало ему право на такую оригинальность? Одного желанія было мало. Помимо его натуры, талантности и характера, заставлявшего его жертвовать всѣмъ

ради науки, было одно важное условіе—это классическое образованіе, знаніе языковъ древности и Византии. Оно окрылило мысль В. И. къ достиженію этой цѣли.

Съ горячими напутствіями московскихъ славянофиловъ, въ августѣ 1844 года В. И. Григоровичъ покинулъ Россію, чтобы изъ Одессы, черезъ Константинополь, вступить первымъ на священную почву родины славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія, а оттуда на Аѳонъ и въ глухую Македонію.

Это отважное движеніе въ глубь дикой Турціи одинокаго русскаго ученаго 40-хъ годовъ — чуть ли не цѣлая эпопея; оно талантливо представлено имъ въ цѣломъ рядѣ отчетовъ и писемъ къ Казанскому попечителю.

И дѣйствительно чудно-отважнымъ было его шестіе. Массу лишеній и неурядицъ испыталъ онъ при этомъ.

На пути, у Охридскаго озера, напр., гдѣ путешественникъ открылъ слѣды культа св. Климента и др. учениковъ славянскихъ апостоловъ, изъ-за дикихъ камней на него дѣлается нападеніе даже болгарскій священникъ и нашъ путникъ едва только спасся отъ грозившей, можно сказать, его жизни опасности.

Еще большую неожиданность приготовилъ ему г. Велесъ. Здѣсь турецкій жандармъ хватаетъ его за воротъ и среди бушующей толпы влечетъ къ намъ, какъ страшнаго „москова“. Съ большимъ трудомъ успокоивъ нашу, что онъ простой книжникъ (китабчи), нашъ ученый, послѣ безпокойно проведенной ночи, на зарѣ спасаетъ свою жизнь бѣгствомъ въ другое мѣсто.

На Аѳонѣ, этомъ главномъ центрѣ ученыхъ интересовъ В. И., гнѣздѣ его литературной добычи, хотя и не было уже сердитыхъ поповъ и фанатизованныхъ турокъ, но встрѣча была тоже не теплая: на каждомъ шагѣ преніятствія и никакого доступа ни къ чему, не смотря даже на бывшія рекомендаціи отъ русскаго посланника въ Константинополь. Но Григоровичъ съ девизомъ жертвы всѣмъ для науки не постѣснился ни чѣмъ. Его пламенная любовь къ предмету и самоотверженіе преодолѣли

все. Чтобы сколько нибудь расположить къ себѣ иноковъ, открыть ихъ сердца, а съ тѣмъ вмѣстѣ и доступъ себѣ къ ихъ книжному, малоцѣнному ими хламу въ чуланахъ, чердакахъ, сырыхъ подвалахъ и въ заваленныхъ всякимъ старьемъ погребахъ старыхъ башенъ, а наконецъ и въ бібліотеки, В. И. отставалъ съ ними ихъ продолжительныя церковныя службы, выполняя все, на долго ему памятные строгія искусства и послушанія, читается чуть ли не акридами, пишетъ для монаховъ жалостныя прошенія и письма въ Россію о пожертвованіяхъ и сборахъ, и тогда ему позволено лазить вездѣ и копаться во всехъ книжныхъ складахъ.

Въ пиргѣ хиландарскаго монастыря, напр., онъ спускается въ сырое подземелье. Тамъ разбирается среди гнѹщей груды рукописныхъ листовъ и весь въ наивѣсти вытѣзаетъ онъ изъ башни съ листками древнѣйшаго кирилловскаго письма въ рукахъ; тутъ же на берегу моря начинается очистка тысячелѣтняго пергамента и чтеніе.

Но случалось и то, что ему только показывали рукопись, пригвожденную въ книгохранилищѣ къ полу, или давали возможность рассмотреть и рѣдко списать написанное въ какомъ нибудь сокрытомъ фоліантѣ.

Испытанія отъ чужихъ однако едва-ли превышали тѣ оскорбленія, которыя Григоровичъ выносилъ отъ своихъ. Уже въ Константинополѣ, при вступленіи на турецкую землю, его встрѣтили плохо. „Какой шутъ надумалъ тебѣ путешествовать въ такое опасное время“, привѣтствовалъ его одинъ изъ среднихъ чиновниковъ русскаго посольства. Когда же В. И. представлялся другому, то онъ принималъ его лежа на диванѣ.

Никакія физическія и душевныя испытанія не въ силахъ были остановить самоотверженнаго Григоровича передъ научнымъ долгомъ, долгомъ совѣсти. Наука, какъ неослабный стимулъ, гнала его неустанно впередъ и привела къ результатамъ и открытіямъ, которые превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Имя славнаго слависта стало не-

различно въ исторіи славянской науки съ эпохой ея крупнаго подъема.

Таинственный Аѳонъ, о которомъ, какъ о вѣковой сокровищницѣ наукъ, только еще мечтали западные старцы славянской науки, Добровскій, Конитаръ и др., сталъ теперь открытой книгой, важной для историка литературы, культуры и былого славянства вообще.

Григоровичъ объявилъ тысячи памятниковъ греческихъ и славянскихъ. Изъ громаднаго количества грамотъ, хранящихся въ монастыряхъ, время и обстоятельства позволили ему многія скопировать. Цѣлые кодексы глаголицы онъ разсматривалъ, кое-что приобрьлъ для себя, иное описалъ и тѣмъ спасъ отъ гибели вѣковую святыню. Онъ изучилъ важнѣйшій памятникъ болгарской глаголицы — Евангеліе Зографское, разсмотрѣнное ранѣе Михановичемъ. Всѣмъ извѣстенъ старѣйшій евангелійскій текстъ — открытое Григоровичемъ глаголическое Четвероевангеліе, его листки, Царемейникъ, Тріодъ и много много рукописей церковнаго и свѣтско-литературнаго характера вѣковъ XII, XIII и т. д.

Открытъ Григоровичемъ ученому міру и «Номоканонъ» XIII в. Съ сербскимъ законникомъ Душана въ рукахъ Григоровичъ сталъ желаннымъ и для юриста.

Глухая Македонія съ ея сосѣдкой Албаніей открыла Григоровичу свои сокровища, уступающія правду аѳонскимъ, но иногда и единственнымъ, какъ налимисесты, писанные кириллицей съ рѣшающимъ словомъ въ вопросѣ о времени спроса на глаголицу у славянъ, а затѣмъ въ предѣлахъ Охриды и битольскихъ отиѣчены живые слѣды почитанія памяти св. Климента и друг. учениковъ и преемниковъ просвѣтительной дѣятельности св. славянскихъ апостоловъ.

Коллекція рукописей на болгарскомъ языкѣ, собранная Григоровичемъ по дорогѣ, въ областяхъ Болгаріи, изъ старыхъ церквей и монастырей, драгоценна для историка языка и литературы. Эти рукописи, изученными по обыкновенію еще на пути, дозволили В. И. высказать

блестящую гипотезу, вполне оправданную новейшей наукой (Игичъ, Калина), объ органическомъ развитіи современного болгарскаго языка, исключаящемъ мысль о вѣдѣніи на него однихъ механическихъ факторовъ.

Параллельно съ историко-литературнымъ разысканіемъ на мѣстѣ или у неутомимаго изслѣдователя и работы побочныя, этнографическія. Записанныя имъ изъ устъ народа въ дебряхъ Македоніи, въ горахъ Родона и на побережьяхъ Дуная пѣсни по времени и по достоинству являются собой первый компактный сборникъ для этнографіи болгаръ ¹⁾.

Но что особенно дорого для науки, такъ это наблюденія Григоровича надъ языкомъ болгаръ македонскихъ. Открытіе носовыхъ звуковъ въ ихъ живой рѣчи дало твердую почву и обоснованіе для только что явившейся тогда теоріи о болгарскомъ происхожденіи самого церковнославянскаго языка. Дальнѣйшія изслѣдованія въ этомъ ученыхъ только повторили и подтвердили наблюденія В. Н. Григоровича.

Этимъ все же не окончились труды и открытія беззавѣтно преданнаго наукѣ путешественника.

Въ Румыніи, помимо грамотъ и памятниконъ славянскихъ средней эпохи, онъ открываетъ старѣйшій текстъ румынскаго языка и литературы свѣтскаго содержанія.

А въ Вѣнѣ онъ описываетъ громадной исторической важности фоліанты протоколовъ Константинопольскаго патріархата XIV в. ²⁾ и т. д. и т. д.

Масса новыхъ для науки коллекцій языковыхъ, историко-литературныхъ и этнографическихъ сопровождала путешественника при обратномъ его шествіи въ Россію. Безъ преувеличенія можно сказать, что ни одна экспедиція не приносила для науки такихъ крупныхъ результа-

¹⁾ Пѣсни насчитаны въ 1847 году, въ журналѣ «Kolo» хорватскаго литератора Станка Врзаа, Загребъ, книга IV и V.

²⁾ Журналъ М. Н. Пр., 1847 г.

товъ, какъ одипочное, добровольное путешествіе В. Н. Григоровича, или, по собственному выраженію В. И., его „солдатскій походъ“. Каждый шагъ Григоровича въ каждаго новомъ краѣ его историческаго объѣзда ознаменовывался открытіемъ. Но мы не должны забывать, что все это давалось ему не легко, множество трудовъ и лишений предшествовало всегда каждому изъ этихъ открытій.

Наконецъ, нашъ путешественникъ у тихой пристани, въ Прагѣ, у свѣтила славянской науки, великаго чехъ Шафарика, дѣлится съ нимъ своими впечатлѣніями, свѣдѣніями и знакомить его съ своими литературными сокровищами старины, дѣлая при этомъ сообщенія и для всего свѣта, въ чешскихъ ученыхъ обществахъ.

Съ 1 апрѣля 1847 года заграничное путешествіе В. Н. Григоровича было уже у конца, но В. Н. испросилъ себѣ позволеніе посѣтить еще Императорскую Публичную бібліотеку въ С.-Петербургѣ, Софійскую въ Новгородѣ и Синодальную въ Москвѣ, съ тѣмъ, чтобы прибыть въ Казань не позже 1 іюля 1847 года.

10 мая 1847 г. В. И. утвержденъ и. д. экстраординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій.

Разобраться въ своихъ богатыхъ наблюденіяхъ и матеріалахъ и познакомить съ ними ученый міръ возможно полно и быстро — вотъ та естественная задача, которая ожидала Григоровича дома, въ Казани. Выполненіе этого съ нетерпѣніемъ ждалъ отъ него ученый свѣтъ, не исключая и родного университета, публично объявившаго на годичномъ своемъ торжественномъ актѣ 1847 года, что онъ ждетъ отъ Григоровича изысканій важныхъ и любопытныхъ.

Но всеобщія страстные ожиданія не могли быть удовлетворены въ той мѣрѣ, какъ ждала этого наука и какъ этого, безъ сомнѣнія, желалъ и самъ Григоровичъ. Кратко В. Н. сообщилъ о результатахъ своихъ путешествій въ «Очерки путешествія по Европейской Турціи, отчетъ В. И. Григоровича», напечатанномъ въ Ученыхъ Запис-

кахъ Казанскаго Университета за 1848 годъ ¹⁾. А для детальной публикаціи своихъ собраній, въ своемъ казанскомъ уединеніи, Григоровичъ сразу натолкнулся на непреодолимые трудности и препятствія — прежде всего въ примитивныхъ средствахъ печати ²⁾. Академія еще не открывала своихъ славянскихъ изданій, а единственный тогда органъ изданія, знаменитыя «Чтенія» Бодянскаго, закрыты. Еще другое препятствіе — чрезвычайная, слѣдовавшая послѣ 1848 года строгость духовной цензуры, сокровища же Григоровича, ожидавшія прежде всего выхода въ свѣтъ, были все тексты языка церковнаго.

Затѣмъ и — новая помѣха — вынужденный переѣздъ В. И. Григоровича въ Москву: 28 октября 1848 года онъ былъ перемѣщенъ въ Московскій университетъ профессоромъ на смѣну подвергнувшагося опалѣ О. М. Бодянскаго, переведеннаго въ Казань, но по просьбѣ Попечителя округа, съ разрѣшенія Министра Нар. Пр., остался до конца учебнаго года въ Казанскомъ университетѣ для завершения преподаванія и испытаній студентовъ. Переѣздъ въ Москву стоилъ Григоровичу, не желавшему разставаться съ Казанью, многихъ лѣтъ покоя и тяжелыхъ волненій. Въ Москвѣ В. И. Григоровичъ хотя и чувствовалъ себя наняваннымъ, но его громадные знанія и драгоценныя коллекціи рукописей, вывезенныя имъ изъ славянскихъ земель и Афона, сослужили ему службу и тамъ, сдѣлавъ ихъ обладателя желаннымъ и возбудивъ интересъ къ палеографіи въ О. И. Буслаевѣ и проч. московскихъ ученыхъ.

Не надѣясь, чтобы Викторъ Ивановичъ могъ быть въ скоромъ времени замѣненъ другимъ достойнымъ ученымъ и не желая, чтобы изученіе славянскихъ нарѣчій

¹⁾ Второе изданіе было въ Москвѣ, въ 1877 году.

²⁾ Только въ 1848 г., по ходатайству В. И., для выраженія въ печати разнообразныхъ звуковъ славянскихъ языковъ, были заказаны въ типографіи Академіи наукъ, въ С.-Петербургѣ, для типографіи Казанскаго университета типографскіе знаки.

въ университетѣ было совершенно прекращено, Попечитель казанскаго округа 24 сентября 1849 года предложилъ первому отдѣленію философскаго факультета войти въ соображеніе о порученіи временно преподаванія, впредь до назначенія особаго профессора, кому либо изъ лицъ, знакомыхъ съ этими нарѣчіями. При этомъ Попечитель обратилъ вниманіе факультета на старшаго учителя Казанской I-й гимназіи А. И. Соколова ¹⁾, который, по засвидѣтельствованію самого В. И. Григоровича, съ усѣхомъ и любовью занимается славянскими нарѣчіями, съ отличнымъ усѣхомъ и со степенью кандидата кончилъ курсъ наукъ по разряду общей словесности и съ выгодной стороны извѣстенъ ученому свѣту изданіемъ Краледворской рукописи и Суда Любуши. Съ 17 ноября 1849 года Авдію Ивановичу и было поручено приступить къ исправленію должности преподавателя славянскихъ нарѣчій; что онъ и исполнялъ до 20 февраля 1850 года.

Въ 1849 году В. И. Григоровичъ опять въ Казани: въ виду отказа О. М. Боданскаго отъ переезда въ Казань, послѣдовавшаго за симъ его увольненія и возвращенія потомъ опять въ Москву, В. И. 12 декабря 1849 г. перемѣщенъ обратно въ Казанскій университетъ и уже и. д. ординарнаго профессора и преподаетъ свой люби-

¹⁾ А. И. Соколовъ родился 19 ноября 1824 г., въ 1841 г. поступилъ въ Казанскій университетъ, въ 1845 году кончилъ курсъ со степенью кандидата; затѣмъ проходилъ должности: преподавателя, инспектора и Саратовской гимназіи директора. Въ 1873 году вышелъ въ отставку и послѣднее время жилъ въ Казани, гдѣ и скончался 18 ноября 1893 года. Онъ былъ большой любитель, цѣнитель и знатокъ всякаго рода научной старины и древней письменности, самъ имѣлъ значительную коллекцію старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ, всюду разыскивалъ и прибрѣталъ ихъ. Не покидая своего научнаго труда, А. И. въ тиши своего кабинета до конца своихъ дней много и усердно работалъ, посвящая свой досугъ любимой славистикѣ и исторіи русскаго языка и литературы.

мый предметъ, продолжая также обработку и обнародованіе собранныхъ имъ матеріаловъ.

Въ теченіе двухъ учебныхъ лѣтъ — 1854—55 и 1855—56 годовъ — В. И. читаетъ славянскую науку и въ Казанской Духовной Академіи, предлагая студентамъ миссіонерскаго отдѣленія эту науку подъ именемъ «Обозрѣнія палеографіи древне-славянскаго языка въ связи съ славянскими нарѣчіями». Онъ старался научить студентовъ не только — пользоваться славянскими рукописями и книгами, важными для миссіонеровъ въ полемиическомъ отношеніи, какъ это считалось по уставу академіи необходимымъ въ цѣляхъ миссіонерскихъ, но и — готовить ихъ вообще къ разбору, изученію и изданію памятниковъ письменности по рукописямъ поступившей тогда въ академію бібліотеки рукописей и старопечатныхъ книгъ Соловецкаго монастыря. Для этого онъ читалъ предметъ, излагая его подробно и въ связи съ славянскими нарѣчіями вообще, и особенное вниманіе обращалъ на древне-славянскій языкъ. В. И. былъ весьма доволенъ своей аудиторіей академическихъ слушателей, избранныхъ, привычныхъ къ труду и научно развитыхъ, и много лѣтъ делился съ ними своими громадными знаніями. Преподаваніе это сильно заинтересовало студентовъ, образовавъ даже почтенную группу учениковъ (Н. М. Добротворскій, А. И. Лилонъ, А. И. Щановъ, А. С. Павловъ, Н. Я. Аристовъ, А. С. Троянскій и др.), спеціально занявшихъ этимъ предметомъ и даже предпочтительно предъ многими другими, возбудило интересъ къ славянской наукѣ вообще и развило въ молодомъ поколѣніи вкусъ къ памятникамъ древне-славянской письменности.

По лекціи и занятія со студентами — это одна сторона дѣятельности В. И. Григоровича.

Въ то время, когда вниманіе образованнаго славянскаго міра было обращено на Казань, въ ожиданіи отъ В. И. Григоровича большихъ откровеній и большихъ филологическихъ работъ, обстоятельства мѣста и времени, какъ мы видѣли, создали для него тяжелое положеніе, и

его крупные труды не могли сформироваться. Даже громада собранных имъ драгоценныхъ коллекцій и рукописные кодексы не сдѣлались всё вполне извѣстными ученому свѣту при жизни самого В. Н. Григоровича. В. Н. не успѣлъ ихъ приготовить окончательно къ печати, давъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ только предварительныя свѣдѣнія въ Журналъ М. Н. Пр., Извѣстіяхъ Имп. Ак. Наукъ, Временникъ и др.

Григоровичъ остался всеже Григоровичемъ, не коснымъ, а живымъ, и неблагоприятныя условія для дѣла не воспрепятствовали ему по прежнему оставаться передъ наукой глашатаемъ крупныхъ мыслей, освѣщая факты особымъ живительнымъ свѣтомъ.

Это дѣло В. Н. проявлялось въ живомъ участіи его въ трудахъ состоявшаго при Казанскомъ университетѣ „Общества любителей отечественной словесности“¹⁾, въ члены котораго онъ былъ избранъ 12 августа 1847 г.

Григоровичъ не желалъ скрывать своего таланта и не думалъ ограничивать пользованіе результатами научно-подвижническихъ трудовъ своимъ тѣснымъ кругомъ своихъ слушателей-учениковъ. Поэтому онъ дѣластъ ихъ общимъ достояніемъ всѣхъ — въ Обществѣ любителей словесности, на его публичныхъ собраніяхъ, въ видѣ сообщеній, докладовъ и рефератовъ по разнымъ вопросамъ своей науки.

30 марта 1848 года В. Н. сообщилъ «О среднемъ и новомъ болгарскомъ языкѣ, разсматриваемомъ сравнительно по древнимъ рукописямъ и народнымъ пѣснямъ».

4 мая В. Н. прочиталъ «Нѣкоторые дополнителныя извѣстія о Св. Кириллѣ и Меѳодіи, первопроевѣтителехъ славянскихъ и изобрѣтателяхъ славянской грамоты».

¹⁾ Оно основалось при университетѣ частно еще 23-го апрѣля 1806 г., а 8 іюля 1814 г. было утверждено правительствомъ, прекратило же свое существованіе въ 1853 году, являясь такимъ образомъ давнымъ предшественникомъ нашего „Общества любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина“, существующаго съ 9 октября 1899 года.

20 октября — «Замѣчанія объ изученіи славянской филологіи, основанномъ на общихъ началахъ сравнительной филологіи».

28 декабря — «О глаголитѣ».

18 января 1849 г. В. Н. продолжалъ чтеніе «разысканій о глаголитѣ».

6 марта 1851 года — «О нѣкоторыхъ сербскихъ стихотвореніяхъ XVIII ст., имѣющихъ отношеніе къ событіямъ царствованій Петра I и Екатерины II».

Свидѣтелемъ глубокаго ума и пониманія Григоровича, помимо указаннаго ряда докладовъ, сообщеній и другихъ небольшихъ работъ по разнымъ вопросамъ славяновѣдѣнія въ „Обществѣ любителей отечественной словесности“, являются также и рѣчи Виктора Ивановича. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ рѣчь «О значеніи церковно-славянскаго языка». Она была произнесена В. Н. сначала въ Москвѣ, въ 1848 году, а потомъ, 20 октября 1851 года, повторена въ Казани, въ торжественномъ собраніи Общества любителей отечественной словесности ¹⁾.

По внутреннему своему содержанію, въ особенности же по философскимъ обобщеніямъ и выводамъ, эта рѣчь должна быть разсматриваема въ связи съ его магистерской диссертацией. Тамъ мыслитель ставитъ идею національности въ основаніе изученія литературы и исторіи славянъ и излагаетъ теорію способовъ, какими познается участіе славянъ въ общечеловѣческомъ развитіи, а здѣсь

¹⁾ Помѣщена въ Учен. Записк. Казанскаго университета, 1851 г. Отд. отд. находится въ сборникѣ, посвященъ заглавію: «Статьи, касающіеся древняго славянскаго языка». Казань, 1852. Въ немъ заключается: О значеніи церковно-славянскаго языка, рѣчь, стр. 1—25; О трудахъ, касающихся древняго славянскаго языка до М. Смотрицкаго, стр. 26—52; Предварительныя свѣдѣнія касающіеся литературы церковно-славянской. О древней письменности славянъ, стр. 53—70; О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской литературы, стр. 71—94; Замѣчаніе о лексикальномъ изученіи рукописей, писанныхъ на древне-славянскомъ языкѣ, стр. 95—108.

на мѣсто теоріи поставлены уже конкретные факты, отвлеченныя представленія облечены въ образы. Теперь Григоровичъ уже нашелъ и достаточно оцѣнилъ значеніе того начала, которымъ славяне стремятся пріобрѣсти въсь въ человѣчествѣ. Это есть родовой, типическій славянский признакъ и въ то же время всемірно историческій, въ немъ выражается особенность и противоположность славянская и въ то же время универсальность. Это начало онъ усматриваетъ въ церковно-славянскомъ языкѣ. Путемъ тяжелыхъ мелочныхъ поисковъ, говоритъ Григоровичъ, умъ человѣческій приводитъ къ сознанію законы духовной природы нашей и въ языкѣ открываетъ начала мышленія. Проникая въ организмъ слова, языкознаніе показываетъ связь его съ процессомъ мышленія и изображаетъ намъ языкъ не простымъ только отголоскомъ чувственнаго человѣка, но и опредѣлительнымъ указателемъ законовъ духа. Каждый языкъ тѣсно связанъ съ назначеніемъ народа и есть слѣдствіе дѣйствія лежащихъ въ немъ нравственныхъ силъ. Языкъ есть мѣрило нравственнаго призванія народовъ на поприщѣ исторіи.

Оцѣнивая съ этой точки зрѣнія церковно-славянский языкъ, Григоровичъ высказываетъ замѣчательныя мысли, не потерявшія и понынѣ своей силы и свѣжести. Въ церковно-славянскомъ языкѣ онъ усматриваетъ начала духовнаго единства, скрѣпившаго разрозненныя племена. При скудномъ содержаніи народности, при всеобщей религіозной потребности, этотъ языкъ представляетъ общность направленія всѣхъ племенъ. Предоставляя выраженіе частныхъ потребностей каждому нарѣчію, онъ общилъ племена, разрозненныя въ пространствѣ. Заключая въ себѣ главныя условія разнообразія нарѣчій въ звукахъ и формахъ и потому сближаясь съ каждымъ, онъ то оправдываетъ ихъ отличительные признаки, то даже способствуетъ раскрытію въ нихъ первообразнаго.

Еще любознательнѣе значеніе церковно-славянскаго языка общественное и политическое, которое раскрыто Григоровичемъ съ особенной энергіей, замѣчательной для то-

го времени. Охраняя преданіе, церковно-славянскій языкъ даруетъ намъ общеніе съ предками, сближаетъ насъ въ обширномъ отечествѣ нашемъ; находясь во взаимности съ родными нарѣчіями, онъ приводитъ насъ къ общенію съ соплеменниками. Въ церковно-славянскомъ языкѣ Григоровичъ усматриваетъ залогъ непоколебимости и твердости нашихъ общественныхъ началъ, условіе славянской взаимности и стимулъ къ просвѣщенію и общечеловѣческому развитію. Григоровичъ первый пустилъ въ обращеніе это, очень распространенное теперь выраженіе „славянская взаимность“, которое у него имѣетъ столько же научный, сколько и политическій смыслъ.

Открытые во время путешествій В. И. Григоровичемъ въ Вѣнѣ «Протоколы Константинопольскаго патріархата» дали ему опять новый просторъ дѣятельности. Григоровичъ тогда же замѣтилъ, что византійскіе источники исторіи славянъ еще не вполне исчерпаны. Продолженное имъ теперь въ Казани изученіе византійцевъ и своихъ греческихъ памятниковъ вполне оправдало это замѣчаніе и стало отправной точкой для новаго направленія въ работахъ Григоровича надъ исторіей славянъ.

Результатъ этихъ славяно-византійскихъ студій и вмѣстѣ съ тѣмъ образецъ работъ въ этомъ направленіи для своихъ послѣдователей Григоровичъ предложилъ въ рѣчи «О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ»¹⁾, произнесенной имъ 10 іюня 1858 года на университетскомъ актѣ.

Целью не остановиться хотя бы на томъ обстоятельстве, что здѣсь казанскій славистъ выдвигаетъ вопросъ о значеніи византійскихъ занятій для успѣховъ славистики. Этотъ вопросъ былъ тогда совершенно чуждъ его товарищамъ по профессіи, которые стали цѣнить его лишь потому, что имъ увлекался Григоровичъ, показавъ въ немъ огромный запасъ знаній и смѣлость соображеній. Этой

¹⁾ Казань, 1859.

рѣчью было брошено новое слово о необходимой связи между изученіемъ Византіи и славянъ. Этимъ словомъ опредѣляется цѣлое направленіе съ широкими научными перспективами; слѣдовало только точнѣе опредѣлить эту связь, которая въ настоящее время, по словамъ византинистовъ, можетъ быть выражена въ слѣдующей формулѣ: изученіе славянства въ Византіи и византизма въ славянствѣ. Григоровичъ былъ такъ близокъ къ выраженію этой формулы, что его сибѣ можно назвать, послѣ изданій Востокова и другихъ, первымъ въ Россіи византинистомъ - изслѣдователемъ. Въ этой рѣчи Григоровичъ трактуетъ о славянской исторіи въ концѣ XIV и началѣ XV в., когда османскіе турки утвердились на Балканскомъ полуостровѣ, и пытается разгадать причины паденія Сербіи. Три начала, говоритъ онъ, управляли жизнію народовъ, находившихся въ непосредственныхъ отношеніяхъ между собой. Славяне основывали свою самостоятельность на непреодолимой, хотя и не ясно сознаваемой, потребности охранить свою народность, Византія на политикѣ, вытекающей изъ отвлеченной теоріи о римскомъ владычествѣ, феодализмъ торжествовалъ тамъ, гдѣ нарушалась связь народнаго общенія. Указывая основной элементъ славянской государственности въ народномъ самосознаніи, Григоровичъ характеризуетъ далѣе чуждыя начала, враждебно дѣйствовавшія на сербовъ. Нѣкоторые черты византизма опредѣлены весьма тонко и свидѣтельствуютъ о глубокомъ изученіи предмета; такова мысль, что въ византизмѣ недостасть идеи народности, ибо эллинизмъ, которымъ иногда покрывается понятіе византизма, далеко на самомъ дѣлѣ ему не отвѣчаетъ. Обезсиливъ коренной греческій народъ, Византія отвлеченному понятію о римлянинѣ придавала значеніе преимущества, служившаго къ разобщенію, не къ соединенію ея обитателей. Византійцы не жили общею жизнью, не волновались общимъ чувствомъ, но, образовавъ какъ софисты, копировали съ древнихъ участіе къ гражданскимъ доблестямъ, а въ сущности исполнены были отвлеченной пре-

мудрости, доведишей до обольстительной способности скрывать корыстолюбивые виды подъ личиною заботливости объ общемъ благѣ. Среди опасностей, угрожавшихъ цѣлости отечества, византійцы не разъ измѣняли его пользамъ, ввѣряя чужимъ защиту его и забывалъ, что сила государства лежитъ въ сочувствіи собственнаго народа.

Не менѣе богата историческимъ пониманіемъ и другая мысль, проводимая въ этой рѣчи — о политическихъ партіяхъ въ Византіи; временнымъ торжествомъ той или другой изъ нихъ объясняются колебанія византійской политики то на сторону союза съ латинянами, то съ славянами, то, наконецъ, съ турками. Цивилизованные греки космополитическаго направленія стояли на сторонѣ союза съ западными народами. Какъ показали послѣдствія, это направленіе было самое близорукое и не національное. Удары, испытанные Сербіей при Марицѣ и на Косовомъ полѣ, были слѣдствіемъ политической измѣны со стороны Византіи и корыстныхъ расчетовъ отдѣльныхъ лицъ.

Точно также весьма остроумно и то соображеніе, что изгнаніе турокъ изъ Европы еще возможно было при дружномъ содѣйствіи заинтересованныхъ въ этомъ государствъ, но близорукая политика и корыстолюбивые расчеты сдѣлали то, что вопросъ о туркахъ обратился въ тему для риторическихъ возгласовъ, за которыми скрывались виды на политическое и религіозное господство среди славянъ Балканскаго полуострова.

Вотъ главное содержаніе жизни и дѣятельности В. И. Григоровича въ Казани.

Почти 25 лѣтъ проработалъ онъ здѣсь и здѣсь же вполнѣ, какъ видимъ, выяснилось его научное направленіе.

Періодъ этотъ отличается весьма опредѣленнымъ поступательнымъ движеніемъ въ его развитіи. Съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ новымъ произведеніемъ кругозоръ его замѣтно расширяется, научныя задачи углубляются, онъ обнаруживаетъ признаки роста.

Византійскія занятія, захватившія Виктора Ивановича за послѣдніе годы въ Казани, къ началу 60-хъ годовъ всецѣло овладѣлъ имъ. И такъ какъ Казанскій университетъ по своей отдаленности и недостатку пособій представлялъ мало удобствъ для занятій Византіей, то Григоровичъ сталъ подумывать о перемѣнѣ мѣста дѣятельности.

Въ 1860 году В. И. Григоровичъ уже намѣтилъ себѣ Одессу. Въ особой запискѣ онъ развиваетъ планъ основанія на югѣ кафедръ славянской филологіи и свои соображенія о томъ, что преподаванію славянской филологіи на югѣ необходимо соединить византійскія и румынскія занятія согласно потребностямъ мѣстной русской науки. Выставляя научное знамя, онъ хотѣлъ собрать къ нему дружину охотниковъ, съ которыми надѣялся распутать международную тяжбу. Онъ поощряетъ довѣріе къ безпристрастію науки слѣдующими золотыми словами: въ дѣлѣ просвѣщенія, особенно въ щекотливомъ вопросѣ о народностяхъ, нужно давать мѣсто частнымъ направленіямъ и, не подавляя ихъ, возвышаться надъ ними, пробуждая высшія потребности. Признаніе народностей, познаніе ихъ существенныхъ нуждъ съ цѣлію найти способы ихъ примиренія и останавливать неразумное соперничество становится отличительной чертой русскаго просвѣщенія. Поставивъ науку посредницей въ явномъ или скрытомъ спорѣ народностей, русское просвѣщеніе, знаменуясь терпимостью, придастъ русскому языку ту необходимость, какую приобрѣли европейскіе языки, выражая собой высшія духовныя потребности. Кафедра славянской филологіи, имѣя цѣлію усиливать безпристрастное изученіе языка и быта народовъ, будетъ не проповѣдницей распрей, но мирнымъ органомъ науки, ведущей къ соглашенію...

6 іюня 1862 года В. И. Григоровичъ, несмотря на просьбу высокочтишаго его факультета и совѣта Казанскаго университета—остаться на службѣ Казанскому университету пока позволяютъ ему обстоятельства, подаетъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности профессора,

по причинѣ разстроенаго вліяніемъ климата здоровья, съ цѣлью возвращенія на родину, гдѣ онъ надѣялся найти возможность продолжать свои труды.

24 сентября 1863 года В. И. былъ уволенъ отъ должности, по по распоряженію Министра Н. Пр., согласно просьбѣ университета, оставленъ при отиравленіи обязанностей профессора въ Казанскомъ университетѣ по 1 января 1864 года.

11 февраля 1864 г. Викторъ Ивановичъ совѣтомъ Казанскаго университета единогласно былъ избранъ въ почетные члены университета.

Наконецъ, лѣтомъ 1864 г. В. И. Григоровичъ уже и въ Одессѣ; въ 1865 г. онъ назначенъ профессоромъ въ только что открытый Новороссійскій университетъ. А Казанскій университетъ предъ разставаніемъ, по единогласному представленію факультета и опредѣленію Совѣта, 11 сентября 1863 г., поновію савиа подноситъ Григоровичу дипломъ на степень доктора славяно-русской филологіи, полагая, что общая извѣстность, пріобрѣтенная учеными трудами В. И. въ области славянской филологіи, возлагаетъ на университетъ обязанность примѣненія къ В. И. силы примѣчанія къ § 113 Общаго устава Императорскихъ російскихъ университетовъ и возведенія на основаніи этого В. И. Григоровича въ высшую ученую степень безъ всякихъ испытаній.

Какъ человекъ глубокаго образованія, В. И. стремился на югъ, какъ мы видимъ, съ сладкими мыслями о томъ, какъ онъ наукою урегулюетъ отношенія сосѣдей, своихъ старыхъ, любимыхъ знакомцевъ: славянъ, грековъ и румынъ, сгладивъ ихъ взаимныя шероховатости,—о томъ, какъ пробудитъ онъ въ обществѣ широкія симпатіи къ мѣстнымъ наученіямъ, среди которыхъ ему грезилась возможность даже отыскать „лапидарные памятники“ изъ эпохи до Кирилла, и новый свѣтъ озарить темные вѣка нашего юга, исконнаго культурнаго питомца Византии.

Но первыя впечатлѣнія въ Одессѣ были такого свойства, что заставили В. И. пожалѣть о Казани и лишили надеждъ на осуществленіе тѣхъ плановъ, которые онъ составилъ ранѣе.

Прежде всего, столкновенія съ коммерческими практическими людьми Одессы охладили его идеальность и разсѣяли его завѣтныя мечты о славянской взаимности. Онъ не нашелъ въ мѣстномъ греческомъ и славянскомъ обществѣ сочувствія къ своимъ научнымъ идеямъ.

Потерѣвъ пораженіе въ томъ, что онъ считалъ настоятельной потребностью русскаго просвѣщенія, Григоровичъ не нашелъ болѣе достаточныхъ поощреній и во внутреннемъ неугасающемъ огонькѣ, который согрѣвалъ его казанскія произведенія. Подъ этими неудачами развилась у него выдающаяся черта — смиреніе начетъ гордости, которая ставила его собесѣдниковъ въ большое недоумѣніе. Онъ началъ малодушествовать, жаловаться на обстоятельства. Въ разочарованіи онъ горько сѣтовалъ на „поганое равнодушіе, приправленное ироніей“, на „испытанное жестокое отчужденіе“, на разныхъ „благообразныхъ преемниковъ“ печенѣговъ, полонцевъ, но тѣмъ не менѣе не презрѣлъ завѣта науки, обѣта своей жизни и работалъ, работалъ... На новой землѣ онъ и самъ дѣлается новымъ человѣкомъ: проживъ въ Одессѣ болѣе десяти лѣтъ, онъ не могъ остаться не затронутымъ мѣстными научными потребностями и интересами и измѣняетъ направленіе своихъ занятій — изъ филолога становится географомъ, этнографомъ и археологомъ, изслѣдуя географію края, его древности, его этнографію, языкъ и побуждая къ той же работѣ всѣхъ интересующихся, „тяглыхъ“ людей.

В. И. Григоровичъ не былъ чуждъ и интереса къ педагогикѣ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить его работу «Линъ Амось Коменскій, славянскій педагогъ-реалистъ XVIII в.», явившуюся въ Одессѣ въ 1871 году.

Нельзя не пожалѣть, что Григоровичъ уже только на склонѣ лѣтъ, а не въ творческой періодъ своей дѣя-

тельности обратился къ тѣмъ вопросамъ, которые занимали его умъ въ послѣдніе годы жизни въ южномъ краѣ. По свойству своего ума и предъидущаго опыта онъ и здѣсь, однако, отличался особеннымъ умѣніемъ предлагать такіе задачи, которыя разрѣшаются на основаніи познаний и изслѣдованій на мѣстѣ. Въ развѣдкахъ и разговорахъ съ мѣстными старожилами онъ на лету хваталъ намеки и указанія, служившія ему путеводной нитью въ дальнѣйшихъ поискахъ, приводя къ интереснымъ выводамъ и построеніямъ.

Григоровичъ первый обратилъ вниманіе на старовѣровъ, какъ на главныхъ двигателей промышленности на югѣ Россіи и вѣрныхъ хранителей старины, рекомендуя обратиться къ нимъ съ открытымъ посланіемъ о томъ, чтобы они заявили, какія рукописи не церковнаго содержанія могли замѣщаться среди ихъ сокровищъ.

Онъ же высказываетъ большія надежды на соревнованіе, пробуждающееся среди приходскаго духовенства и народныхъ учителей, рекомендуя поддерживать и дать руководство этимъ силамъ, отзывчивымъ на вопросы мѣстнаго изученія.

Необходимость коллективныхъ усилій, чтобы справиться съ трудной задачей мѣстнаго изученія, живо сознана была Григоровичемъ, занимала его и передъ самой смертью, и, такъ сказать, оставлена имъ въ наслѣдіе тѣмъ, кому дороги научныя традиціи.

Прослуживъ, согласно завѣтному своему желанію родному югу и въ частности Одессѣ нѣсколько болѣе десяти лѣтъ, Григоровичъ рѣшился разстаться со студентами... Разстался онъ и съ значительной частью своихъ рукописей, пожертвовавъ ихъ Одесскому университету, и поселился, выйдя въ отставку въ 1876 году, въ Елисаветградѣ, въ этомъ центральномъ пунктѣ Новороссіи, истинно-русскомъ городѣ, свободномъ отъ коммерческаго духа Одессы. Здѣсь, свободный отъ службы и мелочныхъ жизненныхъ заботъ, онъ полагалъ подводить ито-

ги своимъ работамъ и изслѣдованіямъ, собирався создать большой трудъ и готовилъ такимъ образомъ матеріалъ для новаго научнаго изданія. Но, неожиданно для всѣхъ, въ работахъ о несовершенныхъ научныхъ предпріятіяхъ, сразила его смерть.

Онъ скончался 19 декабря 1876 года въ Елисаветградѣ.

На его могилѣ, въ оградѣ Елисаветградскаго Петропавловскаго кладбища, учениками, бывшими слушателями и почитателями 18 октября 1892 года поставленъ памятникъ. Этотъ памятникъ представляетъ собой ¹⁾ художественно исполненный бюстъ Виктора Ивановича изъ бѣлаго карарскаго мрамора, помещающійся на нѣсколькихъ фоліантахъ рукописей, вверху обелиска изъ такого же мрамора. На лицевой сторонѣ обелиска представленъ прибитый гвоздями развернутый листъ пергамента съ слѣдующими славянскимъ шрифтомъ начертаніями:

Искыи пражьды
мьутьмьего скьта сего
и русскимъ шрифтомъ:

Македонія
Византія
Южная Русь
Во имя
Славянства.

Внизу пергамента автографъ В. И. Григоровича и печать.

На лицевой сторонѣ цоколя высѣчено: „Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Отъ Учениковъ и Почитателей“, на лѣвой: „Родился въ 1815 году“ и на правой: „Скончался въ 1876 году“.

¹⁾ См. «Славянское Обозрѣніе» 1892 г., т. III: Открытіе въ Елисаветградѣ памятника В. И. Григоровичу, стр. 345.

Открытіе памятника было виѣстъ съ тѣмъ и чествованіемъ памяти незабвеннаго ученаго, отиѣтнвъ еще разъ потомству, какъ громадное значеніе В. И. въ исторіи славяновѣдѣнія и его выдающіеся ученые заслуги, такъ и то мѣсто, гдѣ нашелъ себѣ вѣчный покой этотъ великій, неутомимый и благородный дѣятель, глашатай научной правды и истины.

Да будетъ такъ.

Но не ему нуженъ этотъ памятникъ. Для насъ онъ важенъ и великъ, для насъ онъ имѣетъ громадное нравственное значеніе. Онъ вѣщаетъ намъ живое поученіе, являясь нагляднымъ напоминаніемъ о славномъ сѣятелѣ знанія, искателѣ истины, безкорыстномъ печальникѣ и проповѣдникѣ славянской взаимности и научномъ трудникѣ страны родной, въ назиданіе намъ и въ образецъ для подражанія вѣкамъ и поколѣніямъ грядущимъ. Онъ немолчно будетъ знать чреду смѣняющихся поколѣній къ труду и самоотверженію, образцомъ которыхъ былъ самъ В. И. Григоровичъ.

Не многочисленны и не обширны научные труды В. И. Многія изъ его работъ и статей даже забыты, или извѣстны только тѣсному кругу спеціалистовъ. Но всѣ его труды безусловно самостоятельны, глубоко проникнуты единствомъ оригинальнаго научнаго міровоззрѣнія и стремленіемъ внушить каждому народу его силу — идею народности.

Оставшіеся послѣ Григоровича собранія памятниковъ и матеріалы — громадны. Они сдѣлались доступными изученію и получали всеобщую извѣстность уже въ изданіяхъ послѣ Виктора Ивановича, въ трудахъ ученыхъ болѣе поздняго времени, Срезневскаго, Ягича и другихъ. И теперь всякій, занимающійся славяновѣдѣмъ, съ первыхъ же шаговъ студій, во всемъ и постоянно слышитъ имя В. И. Григоровича. Изъ его „очерковъ“ онъ знакомится со старинами Балканскаго полуострова; о трудахъ Григоровича ему говорятъ при изученіи и изслѣдованіи

говорювъ болгарскихъ и ихъ отношенія къ старославянскому языку; въ работахъ по памятникамъ всегда передъ глазами слависта Григоровичево Четвероевангеліе, Григоровичевы листки, Царемейникъ и т. п. Съ Григоровичемъ въ рукахъ историкъ приступаетъ также и къ изученію прошлаго и этнографіи народовъ Балканскаго полуострова и т. д.

Некрологи и воспоминанія, написанныя вскоре послѣ смерти В. И., въ особенно трогательныхъ чертахъ изображаютъ и самую личность гуманнаго профессора, въ его учебной дѣятельности, въ отношеніяхъ къ слушателямъ, ученикамъ и всѣмъ, искавшимъ его помощи, совѣта и ученаго общенія.

Обстоятельная предварительная подготовка В. И. и усердное занятіе все время любимой наукой, въ связи съ ученымъ путешествіемъ его по Европейской Турціи, въ предѣлахъ юго-западныхъ и западныхъ славянъ, дали В. И. возможность не только самому изучить предметъ преподаванія въ совершенствѣ, но и сдѣлать свое изложеніе науки о славянистѣ серьезнымъ и увлекательнымъ для слушателей.

Кто знаетъ В. И., для котораго не было въ жизни ничего дороже и важнѣе его науки и который въ преподаваніе ея вносилъ всю силу своей страстной любви къ ней, тотъ можетъ представить, какое сильное, по словамъ воспоминаній, впечатлѣніе на студентовъ производили его лекціи. Живая и простая рѣчь, чуждая всякой сухости и мертвой отвлеченности, проникнутая въ то же время серьезной важностью науки и растворенная теплотой души, невольно располагала умы къ искреннему и усердному занятію ея наукой. Если къ этому присоединить тѣ симпатичныя свойства души В. И., которыя проявлялись въ его отношеніяхъ къ молодымъ людямъ — просто обращенія, мягкость, любовь, деликатность и снисходительность, то понятно, почему В. И. въ теченіе всей своей учебной дѣятельности пользовался всеобщей любовью

и уваженіемъ со стороны своихъ учениковъ и всѣхъ знавшихъ его. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ личностей, одно присутствіе которыхъ въ извѣстномъ кружкѣ, помимо всякаго ихъ официального положенія и занятія, было въ высшей степени благотворно. Будучи всю жизнь одинокимъ человекомъ, страстный ученый распространялъ свою страсть къ наукѣ и вокругъ себя, на другихъ. Въ опредѣленные дни слушатели собирались у него дома, запросто. Онъ съ удовольствіемъ показывалъ всѣмъ свое собраніе рѣдкихъ, дорогихъ рукописей. Въ его богатой библіотекѣ было множество такихъ книгъ, которыя трудно было достать въ другомъ мѣстѣ. Онъ принималъ радушно всякаго приходившаго къ нему, давалъ совѣты въ занятіяхъ, снабжалъ книгами изъ своей библіотеки и съ полной готовностью дѣлалъ для просящихъ все, что могъ, пробуждалъ въ молодежи добрые порывы и стремленія къ идеаламъ и развивалъ интересъ къ славянской наукѣ вообще и вкусъ къ памятникамъ древне-славянской письменности. Онъ и самъ былъ богатою библіотекою, которую также можно было пользоваться всѣмъ и каждому. Съ обширными и разнообразными свѣдѣніями по многимъ наукамъ въ немъ соединялась всегдашняя неутомимая, несохлаждаемая никакими неудачами и разочарованіями готовность дѣлиться этими свѣдѣніями со всякимъ человекомъ, искавшимъ общенія съ нимъ. Даже на бѣглый вопросъ о какомъ нибудь предметѣ, предложенный ему иногда мимоходомъ, онъ не ограничивался простымъ и краткимъ отвѣтомъ, а излагалъ часто всю литературу этого вопроса. А въ комъ В. И. замѣчалъ настоящее расположеніе къ славянской наукѣ, тому не нужно было и спрашивать его ни о чемъ: онъ самъ указывалъ ему, на что нужно обратить вниманіе въ извѣстномъ вопросѣ, какія прочитать книги, какія существуютъ мнѣнія по тому или другому предмету и т. п., онъ смотрѣлъ на такого человека, какъ на своего близкаго, родного, заботился и ухаживалъ за нимъ, какъ за любимымъ дѣтищемъ.

За время служенія В. И. университетской и академической наукъ передъ его взоромъ прошла не одна смѣна поколѣній юности, и мы знаемъ, что доселѣ еще живъ его образъ, черты котораго мы, на основаніи повѣствованій и сказаній людей близкихъ, своимъ слабымъ словомъ пытаемся возстановить теперь, въ день 25-лѣтія со дня кончины незабвеннаго Виктора Ивановича.

Доселѣ еще ученики его вспоминаютъ о немъ съ глубокой благодарностью, любовью и даже какимъ-то особымъ благоговѣніемъ къ этой почтенной личности, личности, могучимъ, глубоко проникавшимъ въ душу поученіемъ вдохновлявшей всѣхъ къ научному труду и проливавшей обильный свѣтъ во всѣ отдѣлы науки. Они передали этотъ заветъ въ наслѣдіе и намъ, ученикамъ этихъ учениковъ покойнаго Виктора Ивановича.

Вся жизнь В. И. была жизнью въ собственномъ смыслѣ, она являлась непрерывнымъ и неустаннымъ дѣланіемъ, — подвигомъ. Это была не жизнь плоти, хотя и оживленной, но жизнь духа, лишь какъ бы по нуждѣ облеченнаго въ плоть, того духа, который, конечно, вложилъ въ каждого изъ насъ, но который особенно яркимъ огнемъ горѣлъ и свѣтилъ въ незабвенномъ Викторѣ Ивановичѣ Григоровичѣ до послѣднихъ дней его старости.

25 лѣтъ прошло теперь вѣчнаго покоя того, о комъ съ глубочайшимъ уваженіемъ, симпатіей и благоговѣніемъ воспоминаютъ и воспоминали всѣ, а особенно также и всѣмъ извѣстные, теперь тоже уже почившіе великіе русскіе старцы науки, Ѳ. И. Буслаевъ и Н. С. Тихонравовъ. Они говорили о В. И. Григоровичѣ не только какъ о знаменитомъ славистѣ, но и какъ объ одномъ изъ первыхъ знатоковъ древне-русской письменности.

Мы же скажемъ В. И. Григоровичу въ день 25-ти лѣтія со дня его кончины:

„Вѣчная память“ тебѣ, незабвенный Викторъ Ивановичъ, своимъ сильнымъ и самобытнымъ умомъ умѣвшимъ горячимъ чувствомъ народного самосознанія одухотворить

самые сухіе вопросы филологіи и въ разнообразѣйшихъ
областяхъ науки находятъ живыя и увлекательныя сторо-
ны! Твой славный образъ пусть всегда будетъ и для насъ
однимъ изъ тѣхъ путеводныхъ свѣточей, которые такъ
необходимы въ жизни!

А. Александровъ.

Казань, 19 декабря 1901 года.

КЪ ИСПРАВЛЕНІЮ
ПЕЧАТНАГО ТЕКСТА
СБОРНИКА 1076 ГОДА.

Одинъ изъ самыхъ древнихъ напечатанныхъ русскаго письма — Сборникъ Святослава 1076 г. сталъ извѣстнымъ въ ученой литературѣ съ 1770 г., благодаря упоминанію владѣльца его, кн. М. М. Щербатова въ I т. его «Исторіи Россійской», но дождался печатнаго изданія только черезъ 100 слишкомъ лѣтъ ¹⁾. Въ 1887 г. вышло въ свѣтъ изслѣдованіе г. Шимановскаго «Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ»; въ качествѣ приложенія къ нему былъ напечатанъ текстъ Сборника. Рядъ рецензій обнаружилъ несостоятельность изданія г. Шимановскаго. Проф. А. Н. Соболевскій доказалъ въ своей статьѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1888 г., ч. 255, февраль, стр. 524—527), что г. Шимановскій не отличилъ новыхъ и позднѣйшихъ поправокъ въ рукописи отъ стараго, подлиннаго текста XI в. и даже кое-гдѣ искажилъ текстъ отъ себя. Такимъ образомъ, по мнѣнію А. Н. Соболевскаго, изданіе г. Шимановскаго не можетъ имѣть значенія: необходимо перепечатать Сборникъ 1076 г. съ болѣею точностью и осмотрительностію.

¹⁾ Ср. мою книжку «Исторія изученія Святославова Сборника 1076 г.». Казань, 1902.

Гораздо подробнѣе и несравненно суровѣе разобралъ изданіе проф. А. И. Смирновъ («Русскій Филологическій Вѣстникъ» за 1888 г., т. 19, № 1, стр. 74—117). Не прибѣгая даже къ сличенію текста г. Шимановскаго съ самою рукописью, ограничиваясь лишь сравненіемъ съ отрывками, раѣе напечатанными Н. Н. Срезневскимъ и Ѳ. И. Буслаевымъ, проф. А. И. Смирновъ оказался въ состояніи дать цѣлый рядъ поправокъ. Мало того, авторъ разбора неопровержимо доказываетъ издателю, что онъ не всегда понимаетъ текстъ Сборника и что онъ могъ бы избѣжать многихъ ошибокъ, если бы, по примѣру издателя (Остромирова Евангелія, А. Х. Востокова, обратился къ пособію греческихъ текстовъ, напр. въ библейскихъ выдержкахъ, а также, если бы онъ сравнилъ тексты Сборника 1076 г. съ параллельными мѣстами въ другихъ русскихъ памятникахъ, какъ то въ Сборникѣ 1073 г. и въ Златоструѣ. Въ разборѣ приводится перечень сомнительныхъ и непонятныхъ мѣстъ. Общее заключеніе проф. А. И. Смирнова было то, что книга г. Шимановскаго есть книга *средняя*, искажающая даже и тѣ немногія, но вѣрныя свѣдѣнія о языкѣ Сборника, которыя даны Срезневскимъ, Буслаевымъ, Колосовымъ и Соболевскимъ.

Подъ впечатлѣніемъ „рѣзкаго тона“ рецензій г. Шимановскій еще разъ самъ сличилъ свой текстъ съ рукописью, а потомъ издалъ «Отвѣтъ критику. Дополненіе къ книгѣ: Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ», Варшава, 1888. Г. Шимановскій пытается, съ одной стороны, отстоять свои чтенія, а съ другой хочетъ устранить погрѣшности приложеніемъ особаго списка опечатокъ и поправокъ, которыя составили 4 страницы (11—14). Но и сюда далеко не вошла всѣ нужныя поправки. Рѣзкая антикритика г. Шимановскаго вызвала отвѣтъ проф. А. И. Смирнова («Русскій Филологическій Вѣстникъ» за 1888 г., т. 20, книжка 3 и 4, стр. 303—310), гдѣ указывается, что поправки г. Шимановскаго въ его «Отвѣтъ» требуютъ новыхъ поправокъ, новыхъ добавленій къ добавленію.

За это время появилась еще одна рецензія на изданіе г. Шимановскаго, составленная академикомъ И. В. Ягичемъ, преимущественно по матеріаламъ П. К. Симони, и помѣщенная въ *Archiv für slavische Philologie*, В. XI, Heft 2, p. 233—241 и Heft 3, p. 368—383. Несмотря на то, что И. В. Ягичъ воспользовался не всѣми поправками Симони, и даже приводитъ поправки не ко всѣмъ листамъ подлинника, дополненія и корректуры заполнили 14 страницъ. И академикъ Ягичъ пришелъ къ заключенію, что изданіе г. Шимановскаго ни въ какомъ случаѣ негодно для употребленія — даже послѣ данныхъ многочисленныхъ поправокъ.

Въ 1894 году г. Шимановскій выпустилъ Сборникъ 1076 г. вторымъ изданіемъ — самостоятельно — безъ изслѣдованія. Проф. Некрасовъ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1897 годъ, ч. 313, октябрь, критика и библіографія, стр. 393—419) посвятилъ этому II изданію довольно подробную рецензію, причемъ на стр. 397—418 — на 22 страницахъ приводитъ разночтенія обоихъ изданій. Въ виду столь большихъ исправленій, проф. Некрасовъ выразилъ надежду, что II изданіе дѣлаетъ возможнымъ изученіе языка памятника.

Однако эта надежда оказалась неосновательною. И второе изданіе г. Шимановскаго не свободно отъ большого числа неправильныхъ чтеній, опечатокъ и невѣрностей.

Впервые заявилъ объ этомъ г. С. Кульбакинъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1898 г., ч. 315, февраль, стр. 203—209). Сличивъ новое изданіе Сборника 1076 г. съ подлинникомъ, г. Кульбакинъ далъ рядъ исправленій, главнымъ образомъ, къ тѣмъ листамъ, которыхъ не коснулись поправки Симони—Ягича. Г. Кульбакинъ обнаружилъ, что г. Шимановскій упорно оставляетъ свои прежнія невѣрные чтенія, указанныя уже Симони, и призналъ даже второе, исправленное изданіе г. Шимановскаго негоднымъ;—необходимо снова переиздать Сборникъ 1076 г.

Къ такому убѣжденію пришелъ и нишуцій эти строки, занимаеіъ Сборникомъ 1076 года уже пять лѣтъ, и

неоднократно свѣрилъ печатный изданіи г. Шимановскаго съ подлинною рукописью; мнѣ удалось собрать очень большое число поправокъ, совокупность которыхъ доказываетъ, что новое палеографическое изданіе является наукою потребностью; между тѣмъ въслѣдствіе очень быстрого разрушенія рукописи каждый годъ промедленія дѣлаетъ задачу будущаго издателя Сборника 1076 г. все болѣе и болѣе затруднительною. Уже и теперь нельзя разбирать всего, что читали прежніе изслѣдователи.

Къ сожалѣнію, пока еще неизвѣстно, когда можетъ явиться новое изданіе. Въ виду того, что таковое, быть можетъ, еще не появится въ скоромъ времени, я считаю небезполезнымъ опубликовать списокъ тѣхъ поправокъ ко II изданію Сборника 1076 года г. Шимановскаго, какія были мною отмѣчены при самой внимательной и неоднократной свѣркѣ этого текста съ подлинною рукописью, и какія необходимо внести въ печатное изданіе, чтобы получить текстъ, болѣе или менѣе соответствующій оригиналу.

1а 2 малоутра, у довольно
исно видно; это слово
находится во второй
строчкѣ, а не въ пер-
вой.

6-7 испытаніи
8 касты—вѣрно
10 испытаніи

16 2 книги
3 доути
4 гланиути
5 книги
6 триниути
9 скрѣти
11 оути
13 скрѣти

2а 7 книги
26 5 ирландиноу
7 крѣи
10 рѣиути
ib. сѣиути
11 скрѣи
3а 1 скрѣи
3 иоууакинтам са
11 тисанта
36 6 стѣ
9 мѣ
11 доуиути
13 стѣи

4а 1 послѣиути тѣ
5 стѣиути
12 доуиути
13 стѣи

46 4 выпустить одно ихъ
5 иижиути
8 кѣиути
10 кѣи

5а 5-6 рѣиути
6-7 кѣиути—вѣрно
7 гѣи
13 сѣиути

56 5 утѣи
8 кѣиути
11 кѣи

6а 2 кѣиути
4 и 5 кѣиути
9-10 скорѣе иижи (ср. 6а
12). чѣиути иижи

11 кѣиути
66 3 кѣи
7 кѣиути
12 иорѣи
7а 1 кѣиути
13 кѣиути

76 1 кѣиути
2 лѣиути
3 кѣиути
4 кѣиути
9 рѣиути
10 ирѣиути
11 ирѣи
ib. кѣиути
13 иорѣи
ib. тѣи

8а 6 кѣи
7 тѣиути
8 ...иѣиути
11 кѣиути

86 6 кѣиути иѣиути
7 кѣиути
9 кѣиути
ib. кѣиути
11 и 12 кѣиути

9а 5 ...иѣиути
8 кѣиути
13 кѣиути

10а 5 ...иѣиути
7 кѣиути
106 3 кѣиути
6 кѣиути
7 кѣиути
12 кѣиути

11а 1 кѣиути
2 кѣиути
3 кѣиути
7 кѣиути—вѣрно
116 2 кѣиути

116	4	уасты	16а	7	кы жыныи
	5	примлади кы кы		8	кымынало
	7	нокрыи		9	ты нигинис
	11	кынолюбаа	16б	9	кы
12а	2	кымынало		10	кымыи
	3	агглы		11	рыкы
	4	ады	17а	4	принимать
	8	кымыи		5	изкыткы
	9	сатыла		11	сый кыноуны
	10	кы кы—вѣрно		12	кы
	11	кроткый	17б	5	разуминаан
	11	нѣкы		8	принисано сверху по
	13	скорѣо сятрэм. чѣмъ			подскобленному: диво
		скорен			краса жыкыта
	13	кыды	18а	2	кы
12б	10	красныи. Это слово по-		5	нолаты... кыткы
		мѣщено г. Шиманов-		6	оуунисыи
		скимъ въ 9-ю строку.		8	кы
	11	Кыды сатылаа—вѣр-		10	ота—вѣрно
		но		11	кымынаа
	13	нѣкыи	18б	1	кыты
13а	1	хымыкыи		5	достыи
	3	малыи		11	мылосты
	4	кымыи	19а	1	моуадыи
ib.		мылостыи		3	нѣном
	7	тѣкыкыи		4	мылостыи и ты
	9	хылы		6	кыи кыс
	12	мыи сны		8	Вм. кы кы, какъ у Ши-
13б	5	ты			иновск., надо адыс,
	7	кыкы			кажется, читать: кыкы,
	12	кыдыи			потому что ы еще до-
	13	нѣкыи			вольно исно видно изъ
14а	3	шорьскыи—вѣрно			подъ новыхъ чернилъ.
	7	мылостыи		10	стыи... кы
ib.		домы сѣи		13	соуиротныи
	8	кы тѣи—вѣрно	19б	10	мылостыи
	10	кы мыи—вѣрно	20а	4	кысоу
15а	4	нѣкыи—вѣрно		5	кытыи
	7	оуи уи	20б	1	ты оукоуи
	8	кытыи		3	кысаи—трудно чита-
15б	1	Праздныи			отся
ib.		стыи		7	мылостыи
	3	аууи		9	кыды
	4	кыи кытыи	21а	4	те и ты
	5	Хымыи		10	кыкы:
	8	кыи	21б	8	кысхыи—вѣрно
	12	нѣкыи		12	Въ словъ: также на-
16а	4	кыи			до перенести нѣс на
	5	разданы—вѣрно			другую строку (18)
	6	кыкыи	22а	2	мылостыи

22а 3 скын
7 мнлмстырскым
9 отроки... сѣз
11-12 мѣсло мѣ—вѣрно
13 Проклжм—вѣрно
22б 2 мнлмстырскым
7 нѣм
23а 4 нлѣтѣмнмѣ
9-10 нѣмл дѣ
13 грѣхы
23б 3 нлсксты
13 стѣм са
24а 1 тлмнмнмѣ
ib. глмн
6 рсх — вѣрно, безъ з
на концѣ.
8 лѣт
24б 1 козѣмѣ
2 нлмнмнмѣ
4 нлмнмѣ
9 тѣ
11 нлмнмѣ
25а 3 лѣтѣмнмѣ
25б 1 Тлѣт
ib. дроуѣ
2 сѣкѣтѣмнмѣ
5 дѣмнмѣ
10 нлм
12 гонмѣ:
26а 9 нолмн — вѣрно
10 нлмнмн
11 нлмнмн
13 дѣм добрымн
26б 3 трѣкоу глѣт
8 нлмнмѣ
10 нлмнмн
12 нлмнмн вѣ, нлмн
27а 6 нлм
9 нлм
27б 3 нлмнмн
6 нлмнмн — вѣрно
8 глѣтѣмн
10 нлмн
28а 1 нолм
2 нлмнмн — вѣрно
8 нлмнмнмѣ
10 нлмн
28б 6 нолмнмн
8 добрымн
9 нлм
10 нлмнмѣ са

29а 1 нлм
29б 3 нлмнмн
4 нлм
30а 3 нлмнмн
4 стѣм
11 лѣт
30б 1 лѣт
4 нлм
6 нлмнмн
9 стѣм са
13 стѣм
31а 7 глмн
12 оуѣтѣм
13 нлм
31б 6 нлмнмн
8 нлмн
11 нлмн
12 нлмнмн
13 нлмнмн
32а 1 нлмнмнмн
3 нлмн
4 нлмнмн
10 рснмн
32б 1 лѣт
8 оуѣтѣм
11-12 нлмнмн — вѣрно
33а 4 нлмн
11 рлмн
33б 1 нлмнмнмн
8 нлмнмн
12 нлмн
34а 4 нлмнмнмн
7 нлмн
10 лѣт
11 нлмнмн
34б 5 нлмнмн
7 нлмн
8 нлмнмн
13 глмн (?)
35а 3 нлмнмнмн
9 нлмнмн
13 нлмнмнмн
35б 1 нлмн
2 тѣм
3 тлмнмн
36а 1 нлмнмн
5 глмн
36б 13 нлмнмн
36б 1 оуѣт

506	3	мысль ѿ него	57a	8	ны
	4	лазыныць		11	сын
	7	ны	576	11	Тыкыш—вѣрно
	8	кыш		13	кысзаны
	9	акы мытарь	58a	6	покрык
	10	акы клоуцаны		13	иснаць
	11	акы	586	1	докрынць
	12	акы	59a	1	слокссыныць
	13	акы хамлаыны		7	Прозуктсрм... хы
51a	2 и 3	акы		13	днцмны
	5	калгыш			инодымы
	6	акы	596	1	амлгносты. и акы
	9	соуднѣ		3	пошымылан
516	6	гэрдыныць		5	усы. и не усы
	10	галы... кѣхсдсѣ		7	хсымынынь
52a	3	оубогыш		13	мнжстыра... сѣ
	8	акы	60a	4	рскыкныне
526	2	кы тело		9	лнты
	5	Болафтылго		11	телссыны
	6	кыкоуснѣ		12	кы-донсн
	8	акы	606	4	хнжкытынь
	9	кѣдыш... ты		11	рсусынынь
	12	ты		13	прскык
	13	цлостыны... сѣхы	61a	3	протык. и не протонъ
53a	4	ты	62a	1	услокекк:
	11	оны (?)		2	бжкдынынь
54a	3	тѣ-дѣ кыкыныть		11	нына
546	4	акы	626	10	кысн са
	6	сѣш	63a	2	статъуны
	7	помысан		5	ржкытай
	10	кыныш		11	лнны... докрынць
	11	нзтн:	636	3	тракытай
55a	1	Сѣкртыкысть... тыныш		9	ныш
	7	прккѣ	64a	1	кынь
	8	ныц-помысан		2	Хѣлѣкы кыноу...
	10	тзыныш		4	кысн
	12	кыкѣ		6	кыкысть
	13	кымынь	ib.		оушкытынь
556	1	сѣныны		12	кѣхынь
	2	ныны		13	шѣды
	3	хсымыны, и не хсы...	646	2	докрыты
	4	мыслнѣ		3	хы... шыногы
	9	помысантн		12	жнтннсн
	10	сн	65a	6	кыкысть
	12	уѣкытѣкы		8	сѣнынь
56a	1	Разхышыла		12	акы
	2	уасы	656	1	пошымылан
	9	амханы		8	калгыныць
566	5	ты	66a	1	мѣры
57a	3	сѣтн		3	кѣхыць
	4	ржкы			

78я	4	испытаси	87я	1	срамныи
	9	ны		4	изыны
78б	8	кыи	11	ауи	
	13	хы си	87б	7	гърдыи
79я	1	кылоу аны	88я	1	моуи
	5	ауи		2	уныи
	7	окыати:		7	кауи
79б	6	кѹ дѣт (?)	88б	8	промыс
80я	2	милостыи		9	кыи
	3	гъи	13	кыи	
80б	10	смыи	89я	6	кыи—вѣрно
	13	кыи, а не кыи...		9	кыи—вѣрно
81я		кыи	89б	1	кыи
81б	1	кыи		4	кыи
	6	кыи		5	кыи
	8	кыи	10	кыи	
	11	кыи	89я	2	кыи
	12	кыи		3	кыи
82я	1	кыи		7	кыи
	4	кыи		8	кыи—вѣрно
	5	кыи		13	кыи
	10	кыи	90б	1	кыи, а не кыи
	11	кыи		3	кыи
82б	4	кыи		5	кыи
	13	кыи—вѣрно	10	кыи	
83я	9	кыи	12	кыи	
	13	кыи	13	кыи	
83б	7	кыи	91я	1	кыи
	10	кыи... кыи		3	кыи
	13	кыи		4	кыи
84я	2	кыи		5	кыи
	3	кыи		6	кыи
	9	кыи, а не кыи		9	кыи
	10	кыи		11	кыи
	11	кыи, а не кыи		13	кыи
84б	1	кыи	91б	3-4	кыи
85я	5	кыи		10	кыи
	9	кыи	92я	8	кыи
85б	7	кыи		9	кыи
	8	кыи	92б	1	кыи
86я	2	кыи		13	кыи
	3	кыи	93я	2	кыи
	9	кыи		5	кыи
	10	кыи	93б	5	кыи
86б	3	кыи		10	кыи
	5	кыи		11	кыи
	6	кыи		12	кыи
	9	кыи	94я	8	кыи
	11	кыи		6	кыи

946	8	ризы хоуды и малы	101а	13	нына
	9	тегы алымотыны	101б	1	подокл, а по фодо...
	10	могын		2	кыти
95а	2	кыти		13	моудрыныи
	3	гжжлю	102а	1	тууыныи
	7	селсныи		5	илхыскыиыи
95б	1	скыи оуеогыи хыиыи		6	салстыиыиыи
	5	оуесныи		8	оуоуыиыи
	7	хыиыиыи		9	кыти
	9	не йлю, а только одно не		13	кыти
	13	ноыиыи	102б	4	кыти
96а	5	изыи		9	ныи
	10	ныиыи		12	хыиыи
	11	ауыи		13	одно х, а по хы
	13	лыи	103а	1	кыти
96б	2	ны		3	кыти
	4	ирыиыиыи		4	ноыи
	5	иотрыиыиыи		5	хыиыиыиыиыи
	8	хыиыи		7	ауеи
	11	ныиыи		10	кыиыиыи
97а	2	иыиыиыиыи		11	ноыиыиыи
	3	ны		13	ауыиыи
	4	доыи	103б	2	ауиыиыиыи
	5	кыиыи		3	стыи
	7	стыиыи		11	кыти
	8	глы	104а	4-5	кыиыи—иыиыи
	9	подокыиыи—иыиыи		5	уыиыи
	10	кыиыиыиыи		6	иыиыиыиыиыи
97б	2	кыиыиыи		7	иыиыиыиыи
	3	стыиыи		8	кыиыиыи
	5	соыиыиыиыи		9	ноыи кыиыиыиыиыи
	7	кыиыиыи		11	Стрыиыиыиыи
	8	тыи		13	иотрыиыиыи
	12	кыи	104б	3	иыиыиыиыиыи
98а	3	кыиыиыиыи		5	кыиыи
	6	кыти		8	иыиыи
	9	гжжыи	105а	13	иыиыиыиыиыи
98б	2	кыиыиыи		2	кыиыи
	10	тыи	105б	3	иыиыи
99а	7	иыиыиыи		11	иыиыиыи
	8	иыиыи		13	кыти
99б	11	иыиыиыиыи	106а	2	кыти
100а	3	кыиыиыи		7	иыиыиыиыи
	5	кыиыиыи		8	кыиыиыиыи
	11	иыиыиыиыи		9	иыиыи
	12	иыиыиыи		10	стыиыиыиыи
100б	1	иыиыиыи		12	иыиыи
	11	иыиыиыиыи		13	иыиыи
101а	3	иыиыи	106б	1	иыиыиыи
	4	иыиыиыиыи		7	ауеи
	9	иыиыиыиыи		11	кыиыиыи

1196	9	жарты	128а	5	наты
	11	.га со слоушем		8	таны
120а	5	исжс. а не нже		9	емкыаыть
	7	стыны		11	кысты
1206	5	ны ендыгым		12	дроутым
	7	ныше	1286	2	наты
	9	нхытыным		5	мхногашады
	12	слына ны		6	сымартъ, а не смартъ
121а	8	наты		11	длем
	9	нхытрасы	129а	5	ем
	10	наты		6	дроутым
1216	8	дроутыныть		8	уддссы
	5	жизныныть		10	настыны
	11	Прхыоудростыны		11	кысты
	12	неланы	1296	1	хытын
122а	3	хыккъ съ (а не съ)		2	нытын
	10	нхыта		5	схынта вм. охынта
	13	кына- то не кына		10	ноуцы
1226	4	ногыкы	130а	3	хыты
	6	Наты		7	схыкытын стын
	7	слѣ	1306	2	сы
	8	ты		5	ногрѣкысы—вѣрно
	10	слоуты		12	сы
	11	ны кыты	131а	10	кыкысты
	13	дохрын... нже (а не нже)		13	нроуцын
123а	6	ныны	1316	4	хыкхыдыны
1246	5	стыны		7	кыдс—вѣрно
	9	стыныслъ рождстыны		8	нына
	10	кысты	132а	6	стыны
125а	3	кыстын		7	грѣшыны
	5	стынысланы		13	сымрѣ
	12	ны	1326	6	ны кыуныны
1256	2	соуѣ	133а	2	нрѣкхыдыны
	3	дохры		8	стыны
	8	когыты... оуслына-		10	грѣшыны
	12	дохрын		11	кыкхынытых (?)
126а	11	стыны		12	кыкхынытых
	13	кыкхынытых	1236	4	кына
1266	3	нхытыны		5	кына
	12	улыны (?)		6	нхыныныны
	13	нхыныныны		12	грѣшыныны
127а	2	грѣшыныны		13а	2
	3	мхногашады		3	грѣты
	6	даны		11	кысты
	9	нрѣкхыдыны	1846	1	грѣты на грѣты
	10	ды- нъ		8	ауныны
	11	кыкхынытыны	135а	1	нрѣсты
1276	8	стыны	1356	2	гыкхыны
	11	нослѣ нрѣкхы видно		4	даныны
		еще а		9	ауныныныны
	12	не нъ, а нж			

136a	9	изынтъ	146a	12	ды
	13	зынтъ	146b	2	тоуъ
136b	2	ноазымынтъ		5	днъ съзета
	3	ис разоу		6	продлѣннѣхъ
136b	7-8	гратъ нын и дѣло		12	Открыкъ
		изымынтъ	147b	3	слынннн
137a	1	дроуъ и изынтъ		5-6	беса ды—вѣрно
	7	тысоуштъ		7	нынтъ
137b	3	кыкъ		10	кыкъ
	3	отъры		13	уады
	10	ты... рабы	148a	5	сдъ—вѣрно
138a	1	стырытъ		6	кыкъ
	6	обраты		10	кы
138b	1	сѣдны	148b	3	кыкъ
	5	камынтъ		5	злосъ—вѣрно
	12	ислнхъзымынтъ	149a	10	скѣтоуе
139a	9	кы		12	сконнъ нм. сконнъ
	12	оуъ	149b	1	нхъ
139b	10	граты		8	номыкъ
	11	сѣкъ	150a	8	богаты
	13	оуъ		10	оукоуы
140a	2	сѣкъ	150b	5	ис лн нт уаъ
	8	лнте нм. лнте		13	номыкъ
	9	слыннн	151a	7	мъноу
140b	4	сѣыннн		12	оуауа
	11	Разымынтъ	151b	7	бесады
141a	6 и 9	исправды		10	кѣды
141b	6	исправды	152a	2	оуауы
142a	4	кѣры		10	стыры
	9	постыдъ	152b	1	съ коуноуоушннн
142b	3	кѣды		4	ислнхъзымынтъ
	13	оукоуынтъ		12	чѣте—вѣрно
143a	5	пролнхъ	153a	5	сѣтысѣнтъ
	6	оуауауынтъ	153b	4	сѣкъ
143b	2	кымынтъ		7	стыры
	11	кымынтъ	154b	3	кымынтъ
144a	7	оуслыннн		9	кытъ
	9	мѣкъ		10	уаукоу нм. уаукоу
	10	нѣкъ		13	но уада, а только ада
	11	сѣкъ			гратымынтъ
144b	3	Мноуа нс оукоуы	155a	4	гратымынтъ
	8	нм. проидѣтъ		5	съ сѣкъ нм.
	13	оуауа дѣтъ		11	гратымынтъ
145a	1	нхъ	155b	4	уауъ н... граты
	4	кытъ		7	уауы
	7	богаты		9	лѣкъ
145b	1	нм. нм		11	дѣкъ
	4	Кѣтъ нм	156a	4	слонъ—вѣрно
	9	лѣтъ		7	слѣсъ... нм. слѣсъ...
	10	оуы		9	домъ
146a	1	нм		10	оуауа—вѣрно

1566	1	ѣ	7	хъ... 7
	12	иѣ	162а	7 дрънхъ
157а	1	ѣмостыни	1626	3 ты
	2	кыжастъ	163а	4 снланыицъ
158а	9	мылостыни	12	рланыином
1586	2	исираидамъ	1636	8 Богатыи ко
159а	4	благы	9	дрюты
	7	планыи... ым. планы...	10	оукогыи
	10	мокиѣ	164а	2 глы исидреусныи
1596	2	кыж	4	оукогыи—вѣрно
	5	и нмъ—вѣрно	8	дързость—вѣрно
160а	11	къллюи сѣтора	11	оукогыи
1606	1	гѣ ым. гѣа	12	Богатыи
	2	ѣ	Слово:	кълуссина находится на
	4	сыграшени		1645 стр.: го кълуссина
	5	сѣина		до оклнѣ
161а	8	ныи (?)... кыж	165а	2 спокы—вѣрно
	11	сѣа—вѣрно	4	хълениз ым. хъл...
1616	3	гы (?) ко оуке	1656	4 сѣдъныи

(Окончание будетъ).

В. А. Боброев.

Библіографическія замѣтки и указатель новыхъ книгъ и статей.

Е. О. Карскій: Образцы славянскаго кирилловскаго письма съ X по XVIII вѣкъ. Изданіе второе. Варшава. 1902. 8°. VI+82. Цѣна 1 р.

Въ этой книгѣ даны снимки съ почерка 4-хъ греческихъ рукописей уніальнаго литургическаго письма IX—X в. и съ письма 84 славянскихъ кирилловскихъ рукописей X—XVIII в. Кромѣ того, имѣется отдѣльныхъ 5 заставокъ и 2 инициала. Изданіе исполнено посредствомъ автотипій и цинкографій — все на вѣленовой бумагѣ. — Выпуская въ свѣтъ настоящій альбомъ, авторъ имѣлъ въ виду дать лицамъ, изучающимъ палеографію, дешовое пособіе, знакомящее съ разными видами письма. Не безинтересно и учителю гимназій, при объясненіи происхожденія церковнославянскаго азбуки, а также при указаніи древнѣйшихъ памятниковъ письма, показать учащимся образцы древняго письма (Остромирово Ев. 1057 г., Святославовы сборники XI в. и др.).

Марковъ А.: Вѣломорскія былины (стр. XIII + 618). Москва. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Въ эту большую книгу вошли записи народной поэзіи, сдѣланныя г. Марковымъ въ 1899 и 1900 гг. на Зимнемъ берегу Вѣлаго моря въ Архангельской губерніи. Сюда вошли 116 №№, болѣею частью записанныхъ отъ Аграфены Крюковой (60 №№, 10,000 стиховъ), Гаврилы Крюкова (21 №№) и другихъ девяти лицъ. Былины въ Вѣломорѣ называются старинами, а пѣвцы и пѣвицы — сказателями и сказательницами. Былины болѣею частью состоятъ изъ 150—200 стиховъ и рѣдко доходятъ до 400. Въ настоящій сборникъ вошло нѣсколько старинъ совершенно новыхъ, прежде неизвѣстныхъ, какъ, напр., Идолито святается жъ племяннику кн. Владымира Марѣу Митреву (№№ 49 и 72); о Новгородскомъ князѣ Габѣѣ Володѣ-

ничъ (50 и 80); Камское побоище (81); Женидба Добрыни (72) и другія старинны: Истрича двухъ купцовъ въ кабакъ (№ 55); Купецъ, дочь и царь (№ 56); Иванъ Дородоровичъ и Софья царица (32); Жданъ царевичъ (34) и Бой Добрыни съ Дунаемъ (№ 99). Кроме этого въ Сборникъ вошло много старинъ, представляющихъ прекрасные варианты къ прежнимъ записямъ, варианты съ новыми мотивами, деталями и второстепенными лицами. Историческія пѣсни про Ивана Грознаго отличаются особенной полнотою, а въ обширной пѣснѣ (316 стиховъ) про Петра Великаго подробно передается семейная его жизнь. Въ концѣ приложенъ Словарь мѣстныхъ и старинныхъ словъ. Изъ нихъ отбитыя слова, сближающія языкъ старинъ со Словомъ о полку Игоревѣ: кикать, гранть, животь (жизнь), лада (мужъ и жена), облобѣить (разлиться вокругъ чего), оттитъ, шутны (узы), шолома (холмы), поють славу (стр. 156), струги (199, 471), стрѣлы каленыя и др. эпитеты. Ноты приложены только къ одной былинѣ: Дунай Ивановичъ.

Лѣтомъ 1901 года г. Марковъ совершилъ новое путешествие въ Ефлорморье для записыванія былинъ и историческихъ пѣсень, какъ это видно изъ Отчета о дѣятельности Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н. за 1901 годъ. Текстовъ различныхъ произведеній народной поэзіи записано имъ 132 №№, изъ нихъ 48 былинъ, 6 историческихъ пѣсень и 27 духовныхъ стиховъ. Изъ былинъ есть нѣсколько съ новыми сюжетами, какъ, напр., Алесна Попоничъ убиваетъ подъ Кіевомъ татарина, Оксенькишко, Женидба Дюка Степановича, Женидба Пересмيينна племянника, Гинда. Выѣстъ съ Марковымъ былъ въ путешествіи г. Масловъ, который записалъ напѣвы 67 старинъ, 22 духовныхъ стиха и 24 пѣсень и причитаній.

Въ томъ же Отчетѣ Имп. Ак. Н. начато и о собирателѣ старинъ въ Архангельской губ. г. Григорьевѣ, который записывалъ ихъ въ деревняхъ и селеніяхъ по рѣкамъ Пинежѣ, Кѣлою, Мезени и въ Поморьѣ. Онъ совершилъ трилѣтніе поѣздки въ 1899, 1900 и 1901 гг. и записалъ около 412 старинъ (тамъ говорить: старина и старина), состоящихъ изъ 59,211 стиховъ (у Гильердинга въ Сборникѣ 58,313 стиховъ въ 322-хъ старинахъ). Нѣкоторыя старинны заключаютъ до 558 стиховъ.

Во время послѣдней поѣздки въ 1901 г., Г. Григорьевъ записалъ сонографомъ и напѣвы отъ 174 номеровъ. Въ Запискѣхъ 1901 г. у Г. Григорьева находится восемь былинъ, доселѣ неизвѣстныхъ: 1) Побѣда богатырей кн. Олега Черниговскаго со Святогоромъ во главѣ надъ войсками князя Додова; купанье Святогора съ Ильей Муромцемъ, Добрыней и Алешей Попоничемъ; смерть въ гробу и погребеніе Святогора; 2) Молодость Добрыни, жалоба на него князю, оправданіе Добрыни, Добрыня и Маринка; 3) Женидба Владимира на указанной и при-

исезненной Добрыней греческой княжнѣ, Илья и Удольице; 4) Мамасво побониче (Добрыня Окольникъ и Алеша Поповичъ, по приказу княгини, освобождаютъ Кіевъ отъ Скурлавица); 5) Женидьба молодца; 6) Васька цыпница отвозить дани Ординному царю; 7) Продѣлки Васьки Шышки; 8) Старина о лядинѣ и бѣхъ женщинѣ.

Собранныя г. Григорьевымъ старины будутъ изданы Академіей Наукъ. Съ историческимъ ждемъ появленія ихъ въ печати.

Лѣтомъ 1900 года г. П. Ончуковъ въ селѣ Усть-Цыльмѣ на Низовой Печорѣ случайно записалъ семь былины. Въ № 9311 «Новаго Времени» онъ сообщаетъ, что Печорскіе былины не только прекрасно сохранились качественно и удержали свой, можетъ быть, очень древній напѣвъ, но и уцѣлѣли въ большомъ количествѣ. Крестьянинъ-записала Дмитрій Дуркинъ (40 лѣтъ) знаетъ ихъ до семидесяти, другой крестьянинъ — старикъ съ серебрястой бородой — до пятидесяти; знаютъ ихъ и другіе. Старины поются хоромъ (квартетъ). Сразу записать можно только двѣ былины, такъ онѣ длинны и такъ отнимаютъ много времени. Усть-Цыльмскіе крестьяне говорили г. Ончукову съ грустью: «Все было не такъ въ старину то, эхъ ма! Старинники хороше вымирають, старины забываются. Пѣсни новыя начинаютъ появляться какія то смѣшныя, куцныя, точно топоромъ ихъ рубить, отбѣгаютъ концы. А по старинному заводешь старину, когда изъ двора выдешь, дорога двадцать верстъ, а на дорогу хватить. Идешь и поешь и выводишь, и самому жалостно, да хорошо и товарищу, если съ тобой онъ, не скучно. Поешь, другой разъ и надорвешь сердце и поплачешь даже, а дорога прошла незамѣтно. Такъ то!»

Въ своей статьѣ г. Ончуковъ приводитъ двѣ выдержки изъ записанныхъ имъ былинь: а) начало былины о Мамасвомъ побоничѣ и б) изъ былины про Женидьбу Владимира описаніе достоинствъ новѣсты его Апросины Семеновны, третьей дочери Сомена царя Ляховитскаго.

Г. Ончуковъ заявляетъ, что собирается побывать въ Усть-Цыльмѣ съ спеціальною цѣлю записывать старины. Несомнѣнно, и въ другихъ селеніяхъ и деревняхъ около Усть-Цыльмы есть и свои сказатели старинъ. Пожелаемъ г. Ончукову такъ же хорошо записать всѣ тексты Печорскихъ старинъ (выговоръ словъ и ударенія), какъ это сдѣлано г. Марковымъ, а также записать и напѣвы этихъ старинъ.

Синовскій В. Пушкинскія юбилейная литература (1899—1900 гг.). С.-Пб. 1901 г. Ц. 2 р. — Это отдѣльные оттиски изъ Ж. М. Нар. Пр. Здѣсь на стр. 61—63 говорится о біографіи Пушкина, напечатанной въ Рус. Фил. Вѣст. 1899 г. Г. Синовскій перечисляетъ разные промахи, будто бы допущенные въ біографіи. Пока отвѣтимъ на одно замѣчаніе рецензента:

На 62 стр. онъ говоритъ: „Общее мѣсто о вліяніи въ 1820 г. на Пушкина «величественныхъ красотъ Кавказа и патриархальнаго суроваго быта горцевъ» пора бы сдать въ архивъ, такъ какъ извѣстно, что первое путешествіе Пушкина на Кавказъ ограничилось побѣдкой на Минеральныя воды, гдѣ нѣтъ величественныхъ красотъ Кавказа, и патриархальныхъ горцевъ тогда уже не было“.

Не знаемъ, свое ли мнѣніе г. Сиповскій высказываетъ, или повторяетъ чужое. Помнится, что то подобное приходилось гдѣ то читать. Какъ бы то ни было, но кто бывалъ на всѣхъ грушахъ минеральныхъ водъ, тотъ не согласится съ мнѣніемъ г. Сиповскаго на счетъ того, что здѣсь будто бы нѣтъ величественныхъ красотъ. Всѣ горы передняго Кавказа—и Машука, и Желѣзная и особенно Бештау насъ, напр., поразили своею величественною красотой, не смотря на то, что увидѣли ихъ послѣ побѣдки въ Крымъ (П. Крымскія горы увидѣлъ послѣ). Но особенно величественно-красивымъ показался Эльбурсъ изъ Питигорска въ семь часовъ утра при ясной походѣ. Впечатлѣніе отъ этого вида было сильнѣе, чѣмъ послѣ, когда пришлось видѣть Эльбурсъ ближе, съ Бермакута при восходѣ солнца.

Мнѣнietь согласился съ г. Сиповскимъ и то, что намъ извѣстно изъ переписки и сочиненій Пушкина. 24 сентября 1820 года Пушкинъ пишетъ брату своему Льву: „Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ (въ Питигорскѣ, Желѣзноводскѣ и Кисловодскѣ). Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видѣлъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ (т. е. главнаго хребта вмѣстѣ съ Эльбурсомъ и Казбекомъ, особенно изъ Желѣзноводска), ледяныя ихъ вершины, которыя мадали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мной на острый връхъ тихомиднаго Бенгту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной“. Въ Путешествіи въ Азрумъ Пушкинъ говоритъ: „Въ Ставрополѣ я увидѣлъ на краю небѣ облака, *норланшія* мнѣ взоры ровно за десяти лѣтъ“. Въ Путешествіи Олѣгина Пушкинъ говоритъ о Кавказскихъ громадахъ, которыя въ его воображеніи рисуются ему *едали*, говоритъ о зеленѣицѣ Машукѣ, и объ остроконачномъ Бенгту, вѣчномъ сторожѣ пустыни. Въ Посвященіи къ Кавказскому пѣвнику Пушкинъ пишетъ:

Гдѣ пасмурный Бенгту, пустынникъ *величательный*,
Аулопъ и полѣй властитель пятиглавый...

О патриархальности жизни Черкесовъ П. говоритъ въ Кавказскомъ пѣвникѣ, въ первой части:

Люблю ихъ жизни простоту,
Гостепрѣимство, жажду брани и т. д. до конца части.

Въ письмѣ 1821 г. къ Горчакову Пушк. пишетъ о Кавказскомъ Пѣвникѣ: „Черкесы, ихъ обычай и нравы занимаютъ большую и лучшую часть моей повѣсти“. Если бы П. о патриархальности жизни черкесовъ написалъ не по собственному наблюденію того, что было тогда въ дѣйствительности, а по воображенію, то онъ не придавалъ бы такой высокой цѣны своему описанію

жизни черкесовъ. Жизнь черкесовъ отъ могъ видѣть въ аулахъ по дорогѣ отъ Желѣзноводска къ г. Развалкѣ и по р. Подкумку.

Соболевскій А. И. Великорусскія народныя пѣсни. Т. VII. С.-Пб. 1902. Ц. 3 р. Въ этотъ томъ вошли пѣсни — юмористическія, сатирическія, часть игровыхъ, смѣсь и нѣсколько дополненій къ прежнимъ шести томамъ. Этимъ томомъ заканчивается образцовое по собранію и расположенію матеріала и великолѣпное по напечатанію издание нашихъ народныхъ лирическихъ пѣсень, предпринятое на средства Великаго Кнѣзя Георгія Михайловича, подъ редакціей профессора и академика А. И. Соболевскаго.

Розановъ. Легенда о великомъ инквизиторѣ О. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія съ присоединеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1902. Ц. 1 р. Дополненіемъ къ этому этюду можетъ служить прекрасная замѣтка В. Пуцковича (Литературный Вѣстникъ 1902 г., кн. II, стр. 225—226), который со словъ Достоевскаго передаетъ слѣдующее: „Съ легендой о великомъ инквизиторѣ (въ романѣ «Братья Карамазовскіе») Д. достигъ кульминаціоннаго пункта въ своей литературной дѣятельности, или въ своемъ творчествѣ. Тему этой легенды Д. вносилъ въ своей душѣ въ теченіи всей жизни. Легенда направлена противъ католицизма и шпѣства, и именно самого ужаснаго періода католицизма, т. е. инквизиціоннаго его періода (XVI в.), имѣннаго столь ужасное дѣйствіе на христіанство и все человѣчество“. Далѣе Пуцковичъ говоритъ уже отъ себя: „Легенда не заимствована у Гете и Вольтера, а результатъ труда жизни, страданій мысли—многолѣтнихъ, тяжелыхъ, и мстительнаго протестантскаго характера источника въ ней видѣть и предполагать не слѣдуетъ“.

Соболевскій А. Славяно-русская палеографія. Курсъ 2-й. С.-Пб. 1902 г.

Соболевскій А. Списокъ трудовъ академика И. П. Ждинова. С.-Пб. 1901 г.

Каталогъ изданій Императорской Академіи Наукъ. 1) Изданія на русскомъ языкѣ. С.-Пб. 1902.

Черняевъ П. Необходимость Самодержавія для Россіи, природа и значеніе монархическихъ началъ (Гл. 1. Почему Россія можетъ существовать только подъ властью монарховъ-автократовъ?; 2. Монархическія убѣжденія русскаго народа; 3. Сужденія трехъ умныхъ иностранцевъ о русскомъ Самодержавіи; 4. Шекспиръ, какъ монархистъ и политическій мыслитель; 5. Монархія и монархизмъ древняго Востока; 6. Византійскій имперіализмъ (власть византійскихъ императоровъ въ идеѣ и на практикѣ); 7. Замѣтки о монархическихъ началахъ; 8. Идея

Миля о неограниченной монархii; 9. Въ день священнаго коронованiя 14 мая 1896 г.; 10. О мнимомъ универсализмѣ парламентскаго правленiя; 11. О нѣкоторыхъ ложныхъ взглядахъ на русскiй государственнiй строй; 12. Теоретики русскаго Самодержавiя: Погодинъ, Татищевъ, Болтинъ, Екатерина II, Державинъ, Жуковскiй, Гоголь, Бѣлинскiй, Лермонтовъ; 13. Графъ Л. Н. Толстой, какъ художникъ-психологъ русскаго монархизма; 14. Народный гимнъ и авторъ его музыки А. О. Львовъ]. Харьковъ 1901 г. На воленовой бумагѣ. Ц. 3 р.

Сыромятниковъ С. Опыты русской мысли [Предисловіе; 1. Россія и Европа; 2. Самодержавіе; 3. Божественность и природность Самодержавiя; 4. О чиновничествѣ и земствѣ; 5. О деревенскомъ и городскомъ строѣ; 6. О деревенскомъ самоуправленіи; 7. Объ истинномъ консерватизмѣ; 8. О русской вѣрѣ; 9. О русскомъ классицизмѣ; 10. Объ обрусѣніи школы; 11. О броженіяхъ учащейся молодежи; 12. О недостаткахъ высшаго образованiя; 13. Объ анархизмѣ; 14. О свободѣ; 15. О равенствѣ; 16. О братствѣ; 17. О русской словесности; 17. О русскомъ искусствѣ; 19. Объ антигосударственномъ консерватизмѣ; 20. О ложной и истинной культурѣ. Послѣсловіе]. С.-Пб. 1901. Цѣна 1 руб.

Изданiя Палестинскаго Общества за 1901 годъ:

Успенскiй Порфирій.—Книга бытія моего. Ч. VII.

Аничковъ П.—Учебнымъ и рабочимъ заведенiямъ Имп. Пр.

Пал. Общ. въ Сиріи и Палестинѣ.

Вып. 54. Просквинитарій по Іерусалиму, начала XVII в.

Вып. 55. Безобразовъ П.—Матеріалы для исторiи Іерусалимской патриархіи XVI—XIX в.

Вып. 50-й 1897 г. Мѣдниковъ — Палестина отъ завоеванiя ея арабами до крестовыхъ походовъ по арабскимъ источникамъ, вып. 2, 3 и 4.

Сборникъ Отдѣленiя русскаго языка и словесности Имп. Ак. Н., т. 67-й: Лавровъ—Апокрифическіе тексты; Шахматовъ—Къ исторiи ударенiй въ славянскихъ языкахъ; Коршъ—О русскомъ народномъ стихосложенiи; Щепкинъ—Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги.

Памятники древней письменности и искусства за 1901 г.:

CXII. Туниковъ — Страсти Христовы въ западно-русскомъ спискѣ XV в.

CXLI. Отчеты о засѣданiяхъ Имп. Общ. Люб. древ. пис. въ 1899—1900 г. и Лонаровъ—Повѣсть о смерти князя Даниила Александровича и о началѣ Москвы.

CXLII. Чечулинъ — Памяти Л. Н. Майкова.

CXLIII. Титовъ — Финиетянинъ въ городѣ Ростовѣ Ярославской губерніи.

CXLIV. Брайловскiй С. — Письма Сильвестра Медвѣдова.

CXLV. Смоленскiй Ст.—О древне-русскихъ пѣвческихъ нотацияхъ.

Литературный Вестник 1902 г. Вся первая книжка этого издания посвящена Гоголю. Кроме 13-ти статей о немъ, данъ также отчетъ о изданіи сочиненій и писемъ Гоголя и о статьяхъ, напечатанныхъ къ пятидесятилѣтію кончины его.

Въ «Ежегодникъ Коллегіи П. Галагана» за 1901 г., между прочимъ, напечатано: Степовича: а) П. П. Нѣгонъ, 8. І. Юзеновичъ и новѣйшіе сербскіе поэты; б) Къ вопросу о рускомъ правописаніи; Александровскаго: а) Нѣкоторыя черты жизни, личности и міровоззрѣніи гр. А. Толстого и б) Валеріанъ Майковъ.

Въ «Извѣстіяхъ русскаго археологическаго Института въ Константинополѣ» (вып. VII, 1901 г.), между прочимъ, напечатана статья О. Успенскаго — О древностяхъ города Тырнова.

Въ «Научно-литературномъ сборникѣ» (Львовъ 1901 г., кн. 4), между прочимъ, помѣщены статьи: Пальинскаго — Страницка изъ исторіи праславянскаго языка; Филевича — По поводу теоріи двухъ русскіхъ народностей и Харламповича — Къ вопросу о просвѣщеніи на Руси въ домонгольскій періодъ.

Въ IX кн. «Извѣстій Историко-филологическаго общества при Имп. Новороссійскомъ университетѣ», между прочимъ, помѣщены статьи: Алмазова: а) Чинъ надъ бѣсноватымъ и б) Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры; Вилинскаго — Сказаніе Черноризца Храбра о письменахъ славянскихъ; Истрина — Къ вопросу о гадательныхъ исцѣлителяхъ.

Погодинъ А. Къ вопросу о варварскихъ именахъ на южно-русскихъ греческихъ надписяхъ. С.-Пб. 1901 г.

Лосъ И. Сложныя слова въ польскомъ языкѣ. С.-Пб. 1901.

Карскій Е. Огнны о книгахъ и статьяхъ акад. Ягича, д-ра Вондрака, проф. Милетича, маг. Перетца, объ изданіи Сборника Кирии Данилова. Варшава 1901.

Карскій Е. Замѣтки по бѣлорусскимъ говорамъ. Варшава 1901 г.

Карауловъ М. Говоръ Гребенскихъ князковъ. С.-Пб. 1902 г.

Богородицкій В. Говоръ с. Сушки Золот. у. Полт. г.

Гротъ П. Къ біографіи Н. И. Дмитріева, неслыханнымъ письма и замѣтки. С.-Пб. 1902 г.

Соболенскій А. Неизвѣстная драма Козачинскаго. Кіовъ 1901 г.

Погодинъ А. Вольтеръ—Литовская христоматія. С.-Пб. 1901 г.

Щеголовъ И. Новое о Пушкинѣ. С.-Пб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Васнецовъ. Пѣсни сѣверо-восточной Россіи. Москва 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Добровольскій. Смоленскій этнографическій сборникъ. С.-Пб. 1891—1894. Ч. I—III. Ц. 6 р.

Зиболотскій П. Н. В. Гоголь въ русской литературѣ. Библиографическій обзоръ. Кіовъ 1902.

Зидолецкій. О Гюявѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Варшава 1901.

Бороздинъ. Сто лѣтъ литературнаго развитія. Характеристика рус. литературы XIX столѣтія. С.-Пб. 1900. Ц. 50 к.

Ивановъ П. О русской словесности, какъ учебномъ предметѣ въ гимназіяхъ. Варшава. 1901 г.

Миловидовъ А. Первые годы «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Murko. Vatroslav Oblak. Wien 1902.

Рачинскій. Absit omen. С.-Пб. 1901.

Kaluźniacki. Aus der panegyrischen Litteratur. der Süd-slaven. Wien 1901.

Kolař. O přízvuku sloves ruských. Praha 1900.

Дуриново. Къ исторіи сказаній о животныхъ въ древнорусской литературѣ. Москва 1901 г.

Сборникъ на народни умотворенія, наука и книжнина. Книга XVIII. София 1901 г.

Энгельгардтъ П. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ первый 1800—1850 (Критика, романъ, поэзія и драма). С.-Пб. 1902 г. Ц. 2 р.

Кимовъ. Содержаніе и характеръ поэзіи И. С. Пикитина. Варшава 1901 г.

Гротъ Я. Труды. Изъ русской исторіи. IV. С.-Пб. 1901. Ц. 3 руб.

Нестоминъ и Липуновъ. Пѣсни русскаго народа. С.-Пб. 1899. Ц. 2 р.

Малининъ В. Старецъ Елеазарова монастыря Философ и его посланія. Историко-литературное изслѣдованіе. Кіевъ 1901. Ц. 6 руб.

Пѣтуховъ Е. Провѣды Гавріила Вужинскаго. Юрьевъ. 1901 г. Ц. 5 р.

Хрущовъ И. Сборникъ литературныхъ, историческихъ, этнографическихъ статей и замѣтокъ. С.-Пб. 1901. Ц. 2 р. 25 к.

Бороздинъ. Протопопъ Аввакумъ. Изд. 2. С.-Пб. 1900. Ц. 2 р. 50 к.

Венгеровъ. Полное собраніе сочиненій Вѣлинскаго. Т. V. С.-Пб. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Петровскій Н. О сочиненіяхъ Петра Гекторовича. Казань 1901 г.

Францовъ. Къ ѡрденскѣмъ Шлеарика съ Кениономъ. С.-Пб. 1901 г.

Каплуновскій А. Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ. 1—5. Варшава 1902.

Владиміровъ П. Древняя русская литература Кіевского періода XI—XIII в. Кіевъ 1901 г. Ц. 3 р.

Соловьевъ. Очерки по исторіи русской литературы XIX в. С.-Пб. 1902 г. Ц. 2 р.

Шенрокъ В. Письма Н. В. Гоголя въ четырехъ томахъ. С.-Пб. 1902 г. Ц. 6 р.

Пыпинъ А. П. Сочиненія Императрицы Екатерины II. Т. VII—X. С.-Пб. 1901 г. Ц. 7 р. 50 к.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Имп. Ак. II., второго тома выпускъ 5-й. С.-Пб. 1901 г. II. 75 к.

Gebauer. Slovník Staročeský. Svět 3—4. Praha, 1901.

Флоринскій Т. Критико-библиографическій обзоръ новейшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію. VI—VII. Кіевъ. 1901 г.

Веселовскій А. Н. Отчетъ о 14-мъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина.

Соболевскій А. Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ за 1901 г.

Симони П. Хронологическій списокъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ и изданій М. Ив. Сухомлинова.

Веселовскій А. Н. Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій за 1901 г.

Поппруженко. Матеріалы для исторіи славянскихъ колоній въ Россіи. Одесса 1902 г.

Поппруженко. Осенний — Болгарія и Болгары.

Начовъ. Врѣме и животь за Св. Ёорієъ — Михаила. Варна 1901 г.

Александровъ А. Викторъ Ивановичъ Григороничъ, профессоръ славянскихъ нарѣчій. Казань 1901 г.

Александровъ А. Памяти Виктора Ивановича Григорювича. Варшава 1902 г.

Халаанскій М. Экскурсы въ область древнихъ рукописей. II—XIII. Харьковъ 1901 г.

Петровъ П. Краткое обзорѣніе Кієво-Софійской бібліотеки. Кіевъ 1901 г.

Бычковъ И. Каталогъ собранія рукописей Саввантова. С.-Пб. 1900 г.

Францевъ В. Изъ переписки В. А. Мацѣвскаго съ русскими учеными. Москва 1901 г.

Францевъ В. Къ исторіи изданій Реймскаго Евангелія.

Францевъ В. Остатки языка славянъ полабскихъ, собранные и объясненные Ф. Л. Челаковскимъ. С.-Пб. 1901 г.

Соболевскій А. Михачевъ — Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. С.-Пб. 1901 г.

Карскій Е. Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени. Минскъ. 1902 г.

Погодинъ А. О происхожденіи русскаго слова — глазъ. С.-Пб. 1901 г.

П. П. Вилинскій — Сказаніе черноризца Храбра о писемнахъ славянскихъ. С.-Пб. 1901 г.

Чернышевъ В. Говоры деревни Калужкина и села Шалова и письмо акад. О. Корна объ удареніяхъ въ русскихъ пѣсняхъ и стихахъ. С.-Пб. 1901 г.

Чернышевъ В. Свидѣніи о говорахъ юрьевскаго, суздальскаго и владимірскаго уѣздовъ. С.-Пб. 1901 г.

Михайловъ А. Книга Бытія пророка Моисея въ древнеславянскомъ переводѣ. Вып. II, гл. XIII—XXV. Варшава 1901.

Халаанскій. О членѣ въ русскомъ языкѣ. С.-Пб. 1901.

Чернышовъ В. Замѣтки о языкѣ басенъ и сказокъ В. И. Майкова. С.-Пб. 1901 г.

Будде Е. Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина. Вып. I. С.-Пб. 1901.

Бѣлоруссовъ Н. Синтаксисъ русскаго языка въ изслѣдованіяхъ Потебни. Орелъ 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Boguslawski Eduard. Methode und Hilfsmittel der Erforschung der vorhistorischen Zeit in der Vergangenheit der Slaven. Berlin, 1902. (Hermann Costenoble, Verlagsbuchhandlung). Цѣна 3 маркъ.

Kalužniacki Emil. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375—1393) nach den besten Handschriften herausgegeben von Emil Kalužniacki. Wien. In commission bei Carl Gerold's Sohn. 1901.

Продается въ Вѣнѣ у книгопродавца Carl Gerold's Sohn. I. Barbaragasse 2. Цѣна 14 марокъ.

Это изданіе—плодъ многолѣтнихъ трудовъ профессора Черновицкаго Университета г. Эм. Калужницкаго. Въ немъ впервые собраны всѣ до нынѣ извѣстныя сочиненія Евхимія Терновскаго или приписываемыя ему и изданы критически по многимъ рукописямъ, съ указаніемъ разночтеній. Текстамъ предпослано обстоятельное введеніе о жизни патріарха Евхимія, объ его литературной дѣятельности и ея значеніи, о редакціи и рукописяхъ его трудовъ и ихъ изданіяхъ.

Z. Niederle, F. Pastrnek, J. Polivka, J. Zubaty. Вѣстникъ языковѣднія, словосмыслности, людознѣвства и древности словѣнскихъ.

Věstník slovauské filologie a starožitnosti a podpora Cárské Akademie věd u Petrohradu, Akademie české pro vědy a umění, C. K. Ministerstva kultu a vyučování ve Vídni. Ročník I. Praha, 1901. Цѣна 7 коронъ.

Это полная библіографія всего, что вышло въ 1900 году и имѣетъ отношеніе къ языковѣднію, литературѣ, этнографіи и древностямъ Славянскимъ. Отмѣчены статьи и даже замѣтки въ различныхъ изданіяхъ. Во многихъ случаяхъ сообщено вкратцѣ ихъ содержаніе, и о болѣе важныхъ или цѣнныхъ изслѣдованіяхъ сдѣланы критическія замѣчанія на различныхъ славянскихъ а по мѣстамъ на иностранныхъ языкахъ (нѣмецкомъ, англійскомъ etc.).

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА.

Прибавленіе къ XLVII тому 1902 года.

Н. Д. УШИНСКІЙ.

*„Вноситъ жизнь всюду, гдѣ онъ
прилагалъ свой трудъ, — вотъ свой-
ство его личности“.*

(Стожанинъ).

*„Блаженъ мертвецъ, умирающій
о Господѣ отмыка. Ей, плачутъ
душа, да почіють отъ трудовъ сво-
ихъ, да, да бо нѣтъ людить славы за
нимъ“.* (Написъ на надгробномъ
памятникѣ Ушинскому).

Считается общепризнаннымъ фактомъ, что за послѣд-
ніе 30—40 лѣтъ русское семейное и общественное вос-
питаніе и образованіе замѣтно измѣнились къ лучшему.
Въ этомъ наглядно убѣждаетъ сравнительное изученіе на-
шего воспитанія и образованія въ первой половинѣ и во
второй минувшаго столѣтія. Рутинные способы, преоблада-
вшіе въ нашемъ воспитаніи до 60-хъ годовъ, замѣни-
лись въ послѣднее сорокалѣтіе способами болѣе раціо-
нальными.

Главными виновниками такого улучшенія русскаго
воспитанія были немногія лица, настойчиво и энергично

СОДЕРЖАНИЕ 1 и 2-го № Р. Ф. В. 1902 г.

Стр

Портретъ В. И. Григоровича.	
Очерки по исторіи древне-русской литературы житій свя- тыхъ. <i>А. Гидубовскаго</i>	1
О некоторыхъ географическихъ названіяхъ въ русскомъ и южно-славянскомъ эпосѣ. <i>М. Халанскаго</i>	103
Какъ произонима мѣна ѣ и ч въ русскихъ говорахъ? (Во- просъ лингвистамъ). <i>В. Чернышева</i>	117
Описаніе говора деревни Нарѣвокъ, Рузскаго у. Москов- ской губ. <i>Н. Дурново</i>	119
Новгородское Евангеліе Имп. Публ. Библ. и его западно- русскіи вѣданины. <i>А. Васильева</i>	152
Народные говоры Жиздринскаго уѣзда Калужской губерніи. <i>А. Никольскаго</i>	169
Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанныя на вѣрѣ въ силу слова. (Изъ исторіи мысли). <i>А. Ветухова</i>	187
Этимологическія замѣтки. <i>А. Поюдина</i>	207
Памяти Витора Ивановича Григоровича. <i>А. Александрова</i> .	210
Къ исправленію печатнаго текста Сборника 1076 г. <i>В. А. Боброва</i>	243
Библиографическія замѣтки и указатель новыхъ книгъ и статей	259

Педагогическій отдѣлъ.

К. Д. Ушинскій. <i>С. Старосенина</i>	1
Библиографическія замѣтки. <i>В. Истомина</i>	30
Опечатки въ 46 т. Р. Ф. В.	268

РУССКІЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ПРОФЕССОРА

А. И. СМІРНОВА.

1902 года.

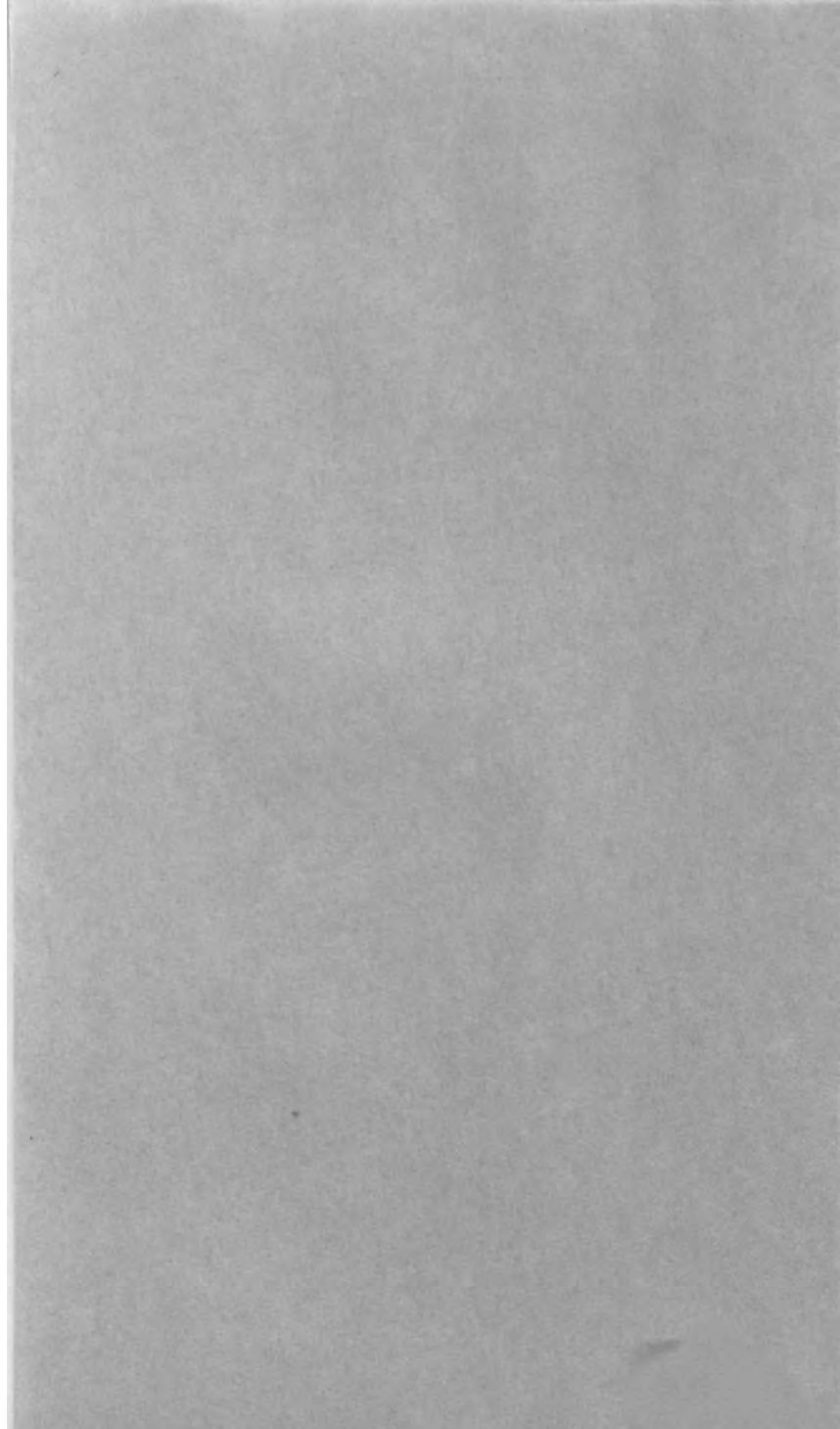
№ 3 и 4-ый.

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Красное-Гирдытэ № 3.

1902.

PR

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

Los Angeles

This book is DUE on the last date stamped below.

RENTED
AUG 6 1980

Form L9-Series 4939

3 1158 00612 7335

[Handwritten signature]

PG
2003
R92
v.47

